

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 18, № 1, 2025

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некиселов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 18, no. 1, 2025

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. 25 лет президентских сроков В. Путина: «Воин», «Правитель», «Творец»	9
--	---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Балацкий Е.В. Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования	46
---	----

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Рычихина Н.С. Профессиональный стандарт «Демограф»: от квалификации специалистов к эффективным решениям в области демографии	66
--	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Лаженцев В.Н. Социально-экономические проблемы Европейского Севера России и географический аспект их решения в современных условиях	80
Патракова С.С. Влияние автотранспортной связности на экономический рост регионов: эконометрическое моделирование	89
Бухвальд Е.М., Бессонов И.С. Пространственные аспекты развития сектора малых предприятий в регионе	106
Дружинин П.В., Морошкина М.В., Седова К.Е. Влияние агломерационного фактора на развитие муниципальных образований Новосибирской области	121

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Ма Хуэй, Ли Чжимэн, Чэн Сюминь, Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Развитие литиевой промышленности России и Китая в контексте энергетического перехода и достижения углеродной нейтральности	135
Глухих П.Л., Шкурин Д.В., Шевченко Н.Г. Административные барьеры роста микропредприятий: типология и эмпирическая оценка	152
Файзуллин Р.В., Отоцкий П.Л., Горлачева Е.Н., Поспелова Е.А., Харитонова Е.С. Сценарии развития рынка труда России с учетом оценки влияния искусственного интеллекта: отраслевой разрез	170

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Буданов И.А., Устинов В.С. Эффективность накопления основного капитала в России: тенденции и сценарии	190
Макарова М.Н. К оценке влияния социальных рисков на продолжительность жизни экономически активного населения	206
Кулаков М.П., Мишук С.Н. Динамика и возрастная структура миграционных потоков регионов Дальнего Востока	220

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Калачикова О.Н., Шматова Ю.Е., Разварина И.Н. Опыт поддержки многодетных семей: обзор успешных практик	243
--	-----

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	273
Правила приёма статей	285
Информация о подписке	286

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. Vladimir Putin's 25 Years of Presidential Terms:
"Warrior", "Ruler", "Creator" 9

PUBLIC ADMINISTRATION

- Balatsky E.V. Evolution of Colonial and Neocolonial Models in Geopolitical Dominance 46

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

- Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Rychikhina N.S. Professional Standard "Demographer":
From the Qualifications of Specialists to Effective Decisions in Demography 66

REGIONAL ECONOMICS

- Lazhentsev V.N. Socio-Economic Issues of the European North of Russia
and the Geographical Aspect of Their Solution in Modern Conditions 80
- Patrakova S.S. The Impact of Road Transport Connectivity on Economic Growth
of Regions: Econometric Modeling 89
- Buchwald E.M., Bessonov I.S. Spatial Aspects in the Development of
the Small Business Sector in the Region 106
- Druzhinin P.V., Moroshkina M.V., Sedova K.E. The Impact of the Agglomeration Factor
on the Development of Municipal Entities in the Novosibirsk Region 121

BRANCH-WISE ECONOMICS

- Ma Hui, Li Zhimeng, Cheng Xiumin, Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K.
Development of the Lithium Industry in Russia and China in the Context of
Energy Transition and Achieving Carbon Neutrality 135
- Glukhikh P.L., Shkurin D.V., Shevchenko N.G. Administrative Barriers to the Growth of
Microenterprises: Typology and Empirical Assessment 152
- Faizullin R.V., Ototsky P.L., Gorlacheva E.N., Pospelova E.A., Kharitonova E.S.
Assessing the Impact of Artificial Intelligence on Russian Labor Market
Development Scenarios: Industry Analysis 170

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Budanov I.A., Ustinov V.S. Fixed Capital Formation Effectiveness in Russia: Trends and Scenarios	190
Makarova M.N. On Assessing the Impact of Social Risks on the Life Expectancy of Economically Active Population	206
Kulakov M.P., Mishchuk S.N. Dynamics and Age Structure of Migration Flows of Far Eastern Regions	220

SCIENTIFIC REVIEWS

Kalachikova O.N., Shmatova Yu.E., Razvarina I.N. Experience in Supporting Large Families: An Overview of Successful Practices.....	243
---	-----

MONITORING STUDIES

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	273
Manuscript Submission Guidelines	285
Subscription Information	286

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

25 лет президентских сроков В. Путина: «Воин», «Правитель», «Творец»

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. 7 октября 2024 г. холдинг «Минченко консалтинг» опубликовал доклад «Динамика образа Владимира Путина: от Воина к Правителю-Творцу», посвященный анализу деятельности главы государства на протяжении последних 25 лет. Эксперты выделяют три образа («Воин», «Правитель», «Творец»), которые на разных этапах российской истории были характерны для публичной фигуры В. Путина. Причем последовательная трансформация этих образов определялась преимущественно двумя факторами – характером вызовов, встающих перед страной и лично перед Президентом, а также потребностями и ожиданиями широких слоев российского общества. В контексте общей идеи, предложенной специалистами «Минченко консалтинг», авторы статьи высказывают свою точку зрения на процессы, происходящие в стране и в динамике образа В. Путина на протяжении всех его президентских сроков. Показана ключевая роль цивилизационного противостояния между Россией и Западом в трансформации образа Президента

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2025). 25 лет президентских сроков В. Путина: «Воин», «Правитель», «Творец» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 9–45. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2025). Vladimir Putin's 25 years of presidential terms: "Warrior", "Ruler", "Creator". *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 9–45. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.1

как выразителя общественных ожиданий. Значительное внимание уделено анализу внутренних изменений, происходящих в стране, по итогам трех лет проведения специальной военной операции. Приведены экспертные оценки, характеризующие исторические причины специальной военной операции, а также перспективы России в формирующемся многополярном мире. Также в статье представлены данные очередной «волны» мониторинга управленческих решений, принимаемых Президентом и Правительством РФ, который проводится авторами уже более двух с половиной лет. Авторский капитал состоит в глубоком анализе событий и процессов, происходящих в стране, который представлен в историческом контексте, с опорой на экспертные оценки широкого круга специалистов из разных областей знания (экономистов, политологов, социологов, историков и т. д.), а также на данные авторских социологических исследований, проводимых в мониторинговом режиме, актуальные сообщения в средствах массовой информации, собственный многолетний опыт работ по изучению вопросов эффективности государственного управления.

Ключевые слова: Президент, элиты, специальная военная операция, общественное мнение, цивилизационный конфликт.

7 октября 2024 г. коммуникационный холдинг «Минченко консалтинг» опубликовал доклад, посвященный трансформации образа Президента РФ В. Путина за весь период его политической деятельности¹. Как отмечают эксперты, «изменение публичного образа политика — это не только изменение его собственных представлений о себе самом. Это смена доминирующих в публичной коммуникации установок относительно конкретного политического деятеля»². Или, другими словами, отражение в образе политика ожиданий и надежд большинства населения, где под образом понимается «целостное и устойчиво воспроизводимое впечатление о нем, его мотивах, способах действия и возможных результатах деятельности»³.

Образ В. Путина за 25 лет, прошедших с момента его первой инаугурации (7 мая 2000 г.), во многом изменился. Начав свою деятельность в образе «Воина», защищающего российскую государственность от полного разрушения в результате действий «команды» Б. Ельцина, чеченского конфликта, террористических атак, экономического и демографического кризиса и т. д., сегодня В. Путин представляет собой совершенно иной образ — человека, который «формирует новый миропорядок с новыми правилами и новым местом страны в нем»⁴.

«Публичный образ политика, который находится у власти больше, чем один срок, неизбежно трансформируется за время работы на посту: под влиянием внешних обстоятельств или в результате личного выбора, ради достижения политических целей или это просто выражает смену эмоционального фона...

Свое президентство Путин начал в архетипическом образе «Воина», с годами став полноправным «Правителем», который в реальном времени вносит правки в мироустройство, создавая новый мировой порядок в роли «Творца».

«Воин» — это целеустремленный и деятельный боец, стремящийся, с одной стороны, побеждать врагов, с другой — защищать друзей/народ/избирателей (с. 5).

«Правитель» — создает порядок из хаоса и поддерживает его, организует процессы, выстраивает иерархию (с. 22).

«Творец» — человек, который творит новое мироустройство, в котором у России будет совершенно новая роль, и создает новые правила игры внутри страны и новую элиту» (с. 18).

¹ Динамика образа Владимира Путина: от Воина к Правителю-Творцу: доклад / Минченко консалтинг. Октябрь 2024. 23 с. / Официальный сайт «Минченко консалтинг». 07.10.2024. URL: https://minchenko.ru/news/news_235.html

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же. С. 18.

И эта трансформация являет собой результат сложного переплетения внешних и внутренних факторов, анализировать которые можно только в едином историческом контексте.

Разумеется, одним из важнейших факторов, оказавших влияние и на образ В. Путина, и на отражаемые в нем ожидания и потребности населения, стала специальная военная операция. Напомним, что вынужденное решение о начале проведения СВО было принято Президентом РФ 24 февраля 2022 г., после того как в январе 2022 г. страны НАТО проигнорировали официальные требования России по обеспечению гарантий национальной безопасности⁵. СВО, таким образом, идет уже три года, и за этот период (как отметил сам В. Путин), он «почти перестал смеяться и стал совершенствовать свои навыки в поиске ключевых вопросов и в возможностях сосредоточить внимание и силы на их решении»⁶.

Однако СВО – лишь часть «большого пути» трансформации образа Президента и образа России. Начало этого пути следует искать даже не с того момента, когда состоялась первая инаугурация В. Путина (7 мая 2000 г.), а гораздо раньше – начиная с 1980-х гг., когда создавались первые предпосылки для распада СССР, и даже с середины 1950-х гг., когда правящие элиты страны, пользуясь периодом правления троцкиста Н. Хрущева и отсутствием «железной

руки» И. Сталина, впервые по-настоящему, не боясь последствий, стали обзаводиться «связями» на Западе: профессиональными, финансовыми, личными, родственными...

«Однажды Сталин сказал, что после его смерти на его могилу нанесут много мусора, однако ветер истории его развеет. **Всё так и вышло, как предвидел вождь. Не прошло и несколько лет, как один из главных „стахановцев террора” 1930-х годов Н. Хрущёв** (именно на его запросе увеличить квоты на расстрел Сталин написал: „Уймись, дурак”) **начал поливать вождя грязью.** Хрущёв не был первым в этом плане: систематический полив Сталина (правда, вперемежку с реальной критикой) начал Троцкий, ну а не вышедший умом бывший троцкист Хрущёв оставил только полив. Затем к Хрущёву в качестве „мусорщиков” присоединились наиболее рьяные из „шестидесятников”, ну а о диссидентах, „певших” под чужие „голоса” и „плывших” на чужих „волнах”, и говорить нечего – они были частью западной антисоветской пропаганды»⁷.

«От Хрущёва – прямая линия к Горбачёву и Ельцину, то есть к предательству национальных и классовых интересов»⁸.

⁵ 17 декабря 2021 г. российской стороной были официально представлены требования к США и странам НАТО по обеспечению правовых гарантий национальной безопасности (они опубликованы на официальном сайте МИД РФ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/), включающие в себя требования исключить дальнейшее расширение НАТО на восток и присоединение к альянсу Украины; отказаться от любой военной деятельности НАТО на Украине, в Восточной Европе, Закавказье, Центральной Азии; не создавать военные базы в постсоветских странах и т. д. Однако 26 января 2022 г. госсекретарь США Э. Блинкен заявил о том, что «США не откажутся от принципа „открытых дверей” в НАТО», а генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг отметил: «Мы не можем пойти на компромисс по принципам, на которых основана наша безопасность в течение десятков лет». И только после того, как дипломатические шаги, предпринятые Россией во избежание конфликта, были проигнорированы, В. Путин был вынужден объявить о начале СВО (24 февраля 2022 г.).

⁶ «Итоги года» с В. Путиным. 19.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75909>

⁷ Фурсов А. Сталин и ветер истории // Завтра. 06.02.2013. URL: <https://zavtra.ru/blogs/stalin-i-veter-istorii-2013-02-06-000000?ysclid=m7a2od2u1w372301822>

⁸ Фурсов А. XX Съезд КПСС – веха на пути национального предательства // Изборский клуб 18.02.2026. URL: <https://izborsk-club.ru/8447>

Именно во времена Хрущева, как пишет руководитель ВЦИОМ В. Федоров, «отыскиваются корни распада СССР.. **Прежде всего это сама номенклатура**, которой просто хочется жить без страха перед диктатором. Желание резонное, однако, **решая свои малые бытовые задачи, чиновничество помимо своей воли заклинивает систему управления**»⁹.

Нарышкин С.: «Нам нужно до конца пробудиться от либерального „дурмана“ 1990-х годов и вернуться к истокам. У нас свой путь. Россия – самобытная страна-цивилизация с тысячелетней историей, которую нельзя забывать и уж тем более предавать»¹⁰.

Кургинян С.: «**Либеральный туман вбил людям в голову мысль о том, что можно расплываться с целым историческим периодом, создать «черную дыру» на месте 70-летней советской истории**»¹¹.

Иванов Е.: «Порочен тот, кто не уважает свою историю... Советская власть воспитала в людях труда аристократов духа. Оказывается, все это если нельзя вычеркнуть, то можно замолчать, замылить. Поэтому противники постоянно в канву положительного вплетают антисоветскую, а значит антипатриотическую основу. **Причем шельмование усиливается... Либеральный туман еще не развеялся**»¹².

Процесс «внутреннего брожения» советских элит (как мы отмечали в одной из предыдущих статей¹³), совпавший с никогда не скрываемыми амбициями «коллективного Запада» на мировое господство, привел в конечном итоге к разрушению Советского Союза. **Но что еще более важно – распад СССР почти на 35 лет погрузил Россию в состояние (как называют эксперты) «либерального тумана».** И есть конкретные люди, которые несут персональную ответственность за эту «крупнейшую геополитическую катастрофу XX века»¹⁴ (вкладка 1). Как отмечает член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко, у предательства, совершенного ими в конце 80-х – начале 90-х гг., «нет срока давности»¹⁵; «у каждого, кто поучаствовал в уничтожении Советского Союза, **своя мера ответственности за эту трагедию вселенского масштаба**»¹⁶.

«Рукотворный характер нашей трагедии и её последствий сегодня уже должен быть ясен для всех. Ведь если вдуматься, и **нынешняя военная операция на Украине – вынужденный результат предательских действий той самой «пятой колонны», направленных на ликвидацию Советской державы. Вот почему нет срока давности у преступления, которое учинили Горбачёв, Ельцин, А.Н. Яковлев и иже с ними**»¹⁷.

⁹ Федоров В.В. Рецензия на книгу Г. Дерлугьяна «Как устроен этот мир». Наброски на макросоциологические темы (2013 г.) // Федоров В.В. Ума палата. ВЦИОМ, 2023. С. 24.

¹⁰ Нарышкин призвал окончательно очнуться от либерального дурмана девяностых // РИА-новости. 07.12.2023. URL: <https://ria.ru/20231207/rossiya-1914337076.html?ysclid=m6kh5av27e263110085>

¹¹ Кургинян С. Русский котел закипел, какие взрывы планируются в России? // Суть времени. 12.12.2023. URL: <https://eot.su/node/24020>

¹² Иванов Е. Не теряйте бдительность! // Ярославское отделение КППФ. 17.01.2025. URL: <https://yarkprf.ru/%D0%BD%D0%B5-%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%8F%D0%B9%D1%82%D0%B5-%D0%B1%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C/>

¹³ Ильин В.А., Морев М.В. (2023). Система олигархического капитализма в России противоречит достижению целей специальной военной операции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 9–37.

¹⁴ Послание Президента Федеральному Собранию РФ. 25.04.2005 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36354>

¹⁵ Тощенко Ж.Т. (2022). Бездна предательства – Александр Яковлев // Правда. № 91 (31294). 19–22 августа.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Некоторые личностные характеристики представителей властвующих элит, виновных в разрушении СССР (источник: серия интервью политического обозревателя «Правды» В. Кожемяко с членом-корр. РАН Ж.Т. Тощенко):

1. «Всем им свойственна крайняя моральная, нравственная нечистоплотность или точнее – абсолютная безнравственность... чувство патриотизма большинству этих лиц неведомо»¹⁸.
2. «Неуёмное, неограниченное и даже патологическое стремление к обладанию властью для них становилось смыслом жизни... фантастических масштабов своего капитала они достигали, не вложив ни одного рубля в производство, в созидание материальных и духовных ценностей! Просто обворовывали народ, присвоив себе созданные им в советское время огромные богатства»¹⁹.
3. «Важнее сути дела для них быть на виду и производить благоприятное впечатление. И сами себе, как правило, они очень нравятся, нередко даже любят себя... Однако зацикленность на форме в ущерб содержанию, а тем более повышенное самодовольство, не подкрепляемое весомыми делами, явно ущербны... Вопиющая некомпетентность и абсолютное неумение делать порученное дело – вот что это такое»²⁰.
4. «... масса случайных и абсолютно к тому непригодных людей возносились на вершины власти. Такова была, с позволения сказать, кадровая политика Ельцина, эта помесь произвольных фантазий и абсурдных решений»²¹.

«Позднесоветская элита, – как пишет Ж.Т. Тощенко, – не считала суверенитет абсолютной ценностью... объективно говоря, она служила интересам не родной страны, а совсем другого государства – «града на холме», как именуют себя США...»²² Это наглядно демонстрируют личностные характеристики (вкладка 1) и публичные высказывания ее представителей – например, первого Президента РФ Б. Ельцина.

Выдержки из речи Президента РФ Б. Ельцина перед Сенатом США 17 июня 1992 года²³:

1. «Граждане России защитили свою свободу и не допустили, чтобы 75-летний кошмар повторился вновь. С этой высокой трибуны я хотел бы выразить искреннюю благодарность и признательность президенту Соединённых Штатов Америки г-ну Джорджу Бушу, американскому народу за неоценимую моральную поддержку правого дела российского народа в тот период».
2. «Мы чувствуем колоссальную ответственность за успех наших преобразований не только перед российским народом, но и перед гражданами Соединённых Штатов Америки, перед всем человечеством. Сегодня свобода Америки защищается в России».
3. «Уважаемые члены конгресса! Каждый человек несёт печать своего времени. Ни для кого не делается исключения – ни для рядового гражданина, ни для президента. Много пережито, многое переосмыслено. И вот сейчас хотел бы закончить своё выступление словами из песни американского композитора российского происхождения Ирвина Берлина: «Господи, благослови Америку!»

¹⁸ Тощенко Ж.Т. (2022). Коварный нож в спину госбезопасности // Правда. № 106 (31309). 23–26 сентября.

¹⁹ Тощенко Ж.Т. (2021). Личины оборотней // Правда. № 93 (31153). 27–30 августа.

²⁰ Там же.

²¹ Тощенко Ж.Т. (2022). Немцы перешеголяли самого Хлестакова // Правда. № 132 (31335). 25–28 ноября.

²² Тощенко Ж.Т. (2022). Коварный нож в спину госбезопасности // Правда. № 106 (31309). 23–26 сентября.

²³ Полная речь Ельцина в конгрессе США 17.06.1992 г. URL: <https://proza.ru/2024/03/19/1226?ysclid=m6khsq q2m355394926>

Персональные характеристики представителей властвующих элит, виновных в разрушении СССР

(источник: серия статей-интервью политического обозревателя «Правды» В. Кожемяко с членом-корр. РАН Ж.Т. Тощенко)

М. Горбачев²⁴:

1. «В результате деятельности Горби произошло превращение СССР из активного субъекта внешней политики в её жалкий объект, которым вовсю стали манипулировать иные.
2. В горбачёвском варианте была абсолютно упущена идея ответственности человека перед обществом и необходимости соблюдения им гражданских и личных обязанностей. В результате стала формироваться атмосфера нравственного нигилизма, торжества крайних форм индивидуализма, на которых и выросла впоследствии волна произвола в постсоветской России.
3. Перед нами человек, волею случайных обстоятельств вознесённый на вершину власти, но обнаруживший крайнюю нищету мышления при немощных амбициях и с убеждённой непогрешимостью... низкий культурный уровень, беспринципность, примитивизм мышления привели к тому, что он предал те идеалы, которым вроде бы служил».

Н. Яковлев²⁵:

1. «Перерождение, мутация, цинизм, лицемерие, приспособленчество — далеко не полный перечень характеристик по отношению к нему...»
2. Были и остаются серьёзнейшие основания считать его «кротом», то есть вражеским агентом...
3. Двойственность его несомненна, и со временем она лишь нарастала.
4. Замаскированным в респектабельный костюм интеллектуала. Он же именно таким хотел выглядеть в глазах либеральной, прозападной части отечественной интеллигенции. А черпал между тем свою «мудрость» из отстоя концепций, накрученных всем сонмом антисоветчиков и антикоммунистов разных стран против СССР...
5. Оформлялись ли каким-то образом его отношения с вражескими спецслужбами или нет, абсолютно ясно основное: всё канадское десятилетие стало для него временем активной подготовки к уничтожению ненавистного СССР...
6. Яковлев позднее выскажется: «Я говорил про «обновление социализма», а сам знал, к чему дело идёт». Не просто знал — он направлял!».

Б. Березовский²⁶:

1. «Наглость его не знала пределов, и вряд ли кто мог в этом его превзойти...»
2. Он воровал в гигантских масштабах. И не просто воровал, а зачастую ещё и демонстрировал свою безнаказанность, что дало повод назвать это специфическое явление «березовициной»...! Де-факто этот авантюрист оказался у руля принятия многих важнейших решений, созревших на самом властном вершине. Поначалу, правда, влияние его было закулисным, как и свойственно «серому кардиналу». Но довольно скоро он уже официально занимает видные должности во власти — сперва в Совете безопасности, а затем в руководстве СНГ...
3. Он каждого человека рассматривал с точки зрения выгодности или невыгодности для капитала, который создавал. Сегодня, скажем, ему особенно необходимы Каданников с Ваза плюс Коржаков, главный охранник Ельцина, и он с ними сближается до личной дружбы. А завтра они станут не нужны, даже в чём-то обременительны, и Березовский отбрасывает их как отработанный материал. Если же кто-то становится препятствием в его делах, то может лишиться и жизни».

²⁴ Тощенко Ж.Т. (2021). Политическое ничтожество // Правда. № 69 (31129). 2–5 июля.

²⁵ Тощенко Ж.Т. (2022). Бездна предательства – Александр Яковлев // Правда. № 91 (31294). 19–22 августа.

²⁶ Тощенко Ж.Т. (2022). Дьяволиада Березовского // Правда. № 64 (31267). 17–20 июня.

Продолжение вкладки 1

<p>А. Козырев²⁷:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Козырев — «самый позорный в истории страны министр иностранных дел»²⁸. 2. «С первых шагов на высоком посту проявил себя безукоризненным последователем и проводником американской политики. Главная ориентация во всё время была на Соединённые Штаты. Они для российского министра — основной светоч и кумир. Бросалось в глаза не просто подобострастие, а самое настоящее угодничество перед американцами. Если при общении с другими западными коллегами Козырев говорил слово «Да», то с американскими — «Да-с». Очень ему хотелось не только подружиться, но и породниться с США... 3. Человек определённых взглядов всем даёт понять, что он не идентифицирует себя ни с историей, ни с будущим, ни с проблемами и достижениями России, то есть ни с чем, что волнует и интересует истинных её граждан. Вот вам коллаборационист Козырев, которому вверили внешнюю политику «этой страны». 4. У него крупномасштабная подлость всё время чередуется с мелкотравчатой, икурничество по самому большому счёту — с крохоборством карманного жулика. Как говорится, ничем не гнушается, ради выгоды готов на всё». 	<p>А. Собчак²⁹:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. «В реальное управление он принёс лишь свой опыт эмоциональной демагогии... Позорно вёл себя. Но это позволило ему занять видное место в растущей псевдодемократической волне... Собчаку органически было присуще стремление к пиару, желание подать себя как можно более эффектно в любых случаях и ситуациях, чтобы не упустить шанс произвести благоприятное впечатление. Он постоянно искал возможность «обозначить себя» в связи с любыми поводами, которые были на слуху... 2. У меня нет подробных сведений о том, насколько Анатолий Александрович обогатился, команду Питером, да и вряд ли кто другой, кроме его семьи, в полном объёме такими сведениями располагает. Но даже из информации, проливаемой в СМИ, явствует: этим он был озабочен постоянно... 3. Высокомерие и зазнайство, умение искажать или врать, не краснея, неуважение к собеседнику и его мнению, если оно отличается от собственного, уверенность в своём мессианском предназначении и безусловной правдивости проводимой политики, наконец, полная убеждённость в том, что нет таких средств, которые бы не оправдали их цель, — вот истинная характеристика позёров, коих и представляет достойно Собчак».
<p>Б. Ельцин³⁰:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. «Как и Горбачёв, Борис Ельцин предал дело, которому служил, поднявшись до высоких партийных и государственных постов. Предал и перешёл на сторону тех, для кого наша Родина была «империей зла». 2. Я излюбленные методы его руководства называю показной расправой под ширмой «принципиальности». На самом деле это была никакая не принципиальность, а разнузданная капризность упоённого властью начальника. Он нещадно и «красочно», именно напоказ, расправлялся с руководителями городов и районов, которые почему-то пришлись ему не по нраву. 3. Маховый карьерист Ельцин лез из кожи вон, чтобы угодить оказавшемуся его начальником Горбачёву. 4. Путь к своей вершине Борис Николаевич начинал прокладывать именно с помощью расчётливого лицемерия, изображая настоящего демократа и патриота. 5. Вся его, с позволения сказать, оппозиционная деятельность свелась по существу к подстёгиванию процесса развала страны, который развёл Горбачёв. 6. Ложью пронизано всё его восхождение наверх и всё последовавшее правление. Ведь Ельцин и его окружение не говорили, что они намерены поставить страну на рельсы капитализма, полностью отринув социалистические достижения, опыт и перспективы. Происходил невероятный по изустителству и масштабу обман народа». 	

²⁷ Тощенко Ж.Т. (2022). Этот Козырев играл чужими козырями // Правда. № 40 (31243). 15–18 апреля.

²⁸ Тощенко Ж.Т. (2022). Многие ли помнят, кто такой Бурбулис? // Правда. № 28 (31231). 18–21 марта.

²⁹ Тощенко Ж.Т. (2021). Собчак — самовлюблённый краснобай и позёр // Правда. № 114 (31174). 15–18 октября.

³⁰ Тощенко Ж.Т. (2021). Стал убийцей своей страны // Правда. № 108 (31168). 1–4 октября.

<p>Г. Бурбулис³¹:</p> <p>1. «Что касается лично Геннадия Бурбулиса, судя по всему, у него задолго до беловежского соглашения идея ликвидации СССР... он был среди тех, кто настойчиво советовал Ельцину избавиться от СССР, не рассматривая вопросы о его сохранении, совершенствовании или преобразовании...»</p> <p>2. Его карьерный путь весьма наглядно показывает, как в смутный период ломки советской жизни всплывали наверх всякого рода авантюристы, искатели славы и денег, некая отстойная пена, не имевшая ни копейки реальной, деловой цены. Но все они всплывали, нахватавшись на что-то претендовали, и многие дорывались до желанных должностей...»</p> <p>3. Упивается собой! Свою деятельность, особенно осенью 1991 г., называет героической. Мол, страна стояла на грани голода, а он, Бурбулис, её спасал... Впрочем, как бы героически он сам себя ни изображал, достаточно скоро почти всем в его окружении, в том числе и Ельцину, стало ясно, что суета — это не признак умелого управления».</p>	<p>Е. Гайдар³²:</p> <p>1. «Главное направление экономических реформ определила предложенная Гайдаром и Чубайсом «шоковая терапия». Её суть — молниеносное проведение коренных преобразований в экономике по принципам рыночного фундаментализма, уничтожение в короткий срок всех элементов прежних социалистических производственных отношений, отвержение советских трудовых ценностей и нравственных установок. Их установка — действовать в своих целях быстро, решительно и абсолютно беспощадно... При этом народ рассматривался только как объект идеологического и политического воздействия, превращения его в послушную «серую массу»».</p> <p>2. Прямое ограбление народа в виде «отпуска цен» было дополнено обесцениванием накопленной населением в пыль вкладов в Сбербанке, где хранились многолетние денежные сбережения людей... произошло то, что не могло не произойти. Главная беда для народа от этой «реформы» состояла в том, что российские либералы «сдали» отечественный рынок западным конкурентам.</p> <p>3. При Гайдаре наша страна постоянно находилась в позе просителя, с протянутой рукой... Удар так называемых рыночных реформ по своей гибельности значительно превзошёл наши потери во время Великой Отечественной войны. И последствия не преодолены до сих пор».</p>	<p>Б. Немцов³³:</p> <p>1. «Он на занимаемых должностях за разное брался, но у него ничего не получалось, ничто не довёл до конца. Однако шума умел наделать много — фактически своими претензиями на значимость. Остался же, если подвести итог его жизни, пустоцветом, нарциссом, который находит удовольствие в любовании собой...»</p> <p>2. Обилие начинаний, которые на все лады пиарились в бесчисленных интервью и статьях, защищало все возможные границы... А с «плодами» было гораздо хуже. Суть такая: во главе всех этих «инициатив» и попыток их реализовать преобладали соратники по борьбе с прежним режимом. Они хлестко умели его критиковать, но делать что-либо полезное не могли. И потому провозглашённые начинания одно за другим проваливались, не достигнув хоть каких-то полезных результатов.</p> <p>3. Немцову очень нравились разговоры о нём как о любимце Бориса Николаевича: дескать, именно его определил Ельцин первейшим кандидатом на главное место в руководстве страны».</p>	<p>О. Калугин³⁴:</p> <p>1. «Хитрость, ловкость, искусство мимикрии были у него незаурядные. В самых щекотливых ситуациях умел выстроиться себе алиби, не считаясь с тем, что топил подчас других, ни в чём не повинных людей. Не останавливался даже тогда, когда кого-то жизни надо было лишить ради собственного благополучия...»</p> <p>2. Есть основания считать, что именно тогда [1958–1959 гг.] возникла их связь с американскими спецслужбами. И хотя документально не всё пока можно подтвердить, анализ тех обстоятельств, а также последующего поведения Яковлева и Калугина высвечивает подлинную подоплёку их действий...»</p> <p>3. Он высказывался всегда с учётом того, что сейчас выгодно ему или невыгодно. Крепко держал в голове главный интерес — меркантильный, что при- суще всем этим оборотням. Они же фактически продавались, а денежки при этом тщательно подсчитывали».</p>
--	---	---	---

³¹ Тощенко Ж.Т. (2022). Многие ли помнят, кто такой Бурбулис? // Правда. № 28 (31231). 18–21 марта.

³² Тощенко Ж.Т. (2022). «Шоковый терапент» Гайдар действовал безоглядно и беспощадно // Правда. № 20 (31223). 25–28 февраля.

³³ Тощенко Ж.Т. (2022). Немцовы перешагивали самого Хлестакова // Правда. № 132 (31335). 25–28 ноября.

³⁴ Тощенко Ж.Т. (2022). Коварный нож в спину госбезопасности // Правда. № 106 (31309). 23–26 сентября.

1. «...мы же всё предложили, мы считали, что мы свои, буржуинские, мы хотим быть в этой семье так называемых цивилизованных народов. И в НАТО я удочки забросил: давайте рассмотрим эту возможность, – нас щёлк оттуда, даже рассматривать не стали»³⁵.

2. «Я уже говорил об этом публично – и нашим союзникам, нашим партнёрам. Ведь был момент, когда ваш покорный слуга просто высказал предположение: **а может быть, нам и в НАТО вступить? Но нет, в НАТО такая страна не нужна**»³⁶.

3. «...Я публично говорил об этом, могу повторить, на встрече здесь, в Кремле, с уходящим от власти Биллом Клинтон – вот здесь рядышком, в соседнем помещении – я ему сказал, задал вопрос: слушай, Билл, а как ты думаешь, если бы Россия поставила вопрос о вступлении в НАТО, как ты думаешь, это возможно? Вдруг он сказал: ты знаешь, это интересно, я думаю, что да. А вечером, когда мы с ним встретились уже на ужине, он говорит: ты знаешь, я разговаривал со своими, со своей командой – нет, сейчас это невозможно... я задал вопрос: **возможно это или нет? И получил ответ: нет... Если бы он сказал «да», начался бы процесс сближения, и в конечном итоге это могло бы состояться, если бы мы увидели искреннее желание партнёров сделать это. Но этим не закончилось**»³⁷.

Следует отметить, что и В. Путин в начале своей президентской деятельности неоднократно предпринимал попытки «встроить» Россию «в семью так называемых цивилизационных народов». Об этом он не раз говорил публично. Об этом же свидетельствует и тот факт, что он в принципе смог возглавить страну в условиях насквозь либерального государства и тотального превосходства прозападно ориентированных элит в системе государственного управления.

Как отмечают эксперты, **«если в нашей новейшей истории искать период по-настоящему серьезных и настойчивых усилий, чтобы встроить Россию в западноцентричную модель, то это именно первые годы Путина»**³⁸.

«Российская Федерация на конец 1999 года представляла собой слабое, находящееся в кризисе государство, которое, как казалось тогда многим, стоит перед второй и уже окончательной фазой своего распада. Первая состоялась в 1991 году, когда вместо большой исторической России возникло 15 государств, включая РФ... **Никакой внятной внешней политики у этого государства, управлявшегося коалицией из олигархата и растерянного, слабого чиновничества, не было – и быть не могло... Борис Ельцин оставил Путину Россию слабую, потерявшую не только практически все свои позиции в мире, но и, что еще более страшно, уважение**»³⁹.

³⁵ Встреча В. Путина с военными корреспондентами 13 июня 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71391/videos>

³⁶ Выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444>

³⁷ Интервью В. Путина Т. Карлсону 9 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411>

³⁸ Лукьянов Ф. Почему Путин разочаровался в западном пути для РФ: интервью газете «Аргументы и факты». 23.02.2023. URL: https://dzen.ru/a/Y_d-SiCGcVQwnb5p?ysclid=m702szll2q812452364

³⁹ Акопов В. (2017). Миропорядок Владимира Путина // Российское федеральное издание «Валовой внутренний продукт (ВВП)». № 102. С. 36. URL: <https://xn--b1aa3b.xn--p1ai/magazine/vvp102.html?EID=28911>

При этом необходимо также понимать общую ситуацию (в стране, в государстве), в которой В. Путин начинал свою президентскую деятельность. Это было время активной борьбы с «семибанкирщиной»⁴⁰ и продолжающейся Чеченской войны, прекращение которой было

В. Путин: «В 2000 году, после избрания Президентом, с чем столкнулся, всегда буду об этом помнить – помнить, какую цену мы заплатили за то, чтобы уничтожить террористическое гнездо на Северном Кавказе, которое Запад тогда практически открыто поддерживал... после стабилизации ситуации, когда основные банды террористов были разгромлены, в том числе и благодаря мужеству чеченского народа, нами было принято решение не оборачиваться назад, не строить из себя обиженных, идти вперед, строить отношения даже с теми, кто фактически работал против нас, налаживать и развивать отношения со всеми, кто этого хочет, на базе взаимной выгоды и уважения друг к другу. Думалось, это в общих интересах...»⁴¹

первоочередным условием сохранения российской государственности и главным, что заботило Президента.

Однако, «начиная как ориентированный на Запад политик, Президент постепенно разочаровался в этом пути для России»⁴². Скорее даже не просто «разочаровался», а осознал тот факт, что **Россия нужна Западу только в виде колонии** (об этом, в частности, совершенно открыто заявлял Президент США Б. Клинтон, озвучивая стратегию внешней политики США по отношению к России).

Путин В.В. (2022 г.): «До богатств России Запад сумел дорваться, все-таки сумел дорваться в конце 20 века, когда государство было разрушено. Тогда нас называли друзьями и партнерами, а на самом деле относились как к колонии»⁴³.

«Так называемый Запад с его колониальными повадками, привычкой разжигать по всему миру национальные конфликты стремится не просто сдержать наше развитие – **вместо России им нужно зависимое, угасающее, вымирающее пространство, где можно творить всё что угодно»⁴⁴.**

⁴⁰ «Семибанкирщина» – семь олигархов, на которых «опиралась» команда бывшего Президента Б. Ельцина:

1. Владимир Потанин (ОНЭКСИМ Банк),
2. Владимир Гусинский (Мост-банк),
3. Михаил Ходорковский* (МЕНАТЕП),
4. Петр Авен (Альфа-банк),
5. Михаил Фридман (Альфа-банк),
6. Александр Смоленский (Столичный банк сбережений, с 1997 года – СБС-Агро),
7. Борис Березовский (Объединенный банк).

Ряд СМИ в состав «семибанкирщины» включал также Владимира Виноградова (Инкомбанк) и Виталия Малкина (Российский кредит) (источник: <https://ria.ru/20111108/483944714.html>).

По словам Б. Березовского (что следует из его интервью 1 ноября 1996 г. газете Financial Times), эти семь человек «контролировали более 50% российской экономики и совместно влияли на принятие важнейших внутривнутриполитических решений в России».

28 февраля 2000 г. на встрече с доверенными лицами объявил о том, что «все участники игры и на политической сцене страны, и в экономике должны быть поставлены в абсолютно равные условия, чтобы никто не мог, подобравшись к власти слева или справа, получать какие-то преимущества». После этого наиболее одиозные представители «семибанкирщины» были либо арестованы, либо вынуждены покинуть страну.

* Внесен в реестр иностранных агентов.

⁴¹ Путин. Валдай 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69695>

⁴² Лукьянов Ф. Почему Путин разочаровался в западном пути для РФ: интервью газете «Аргументы и факты». 23.02.2023. URL: https://dzen.ru/a/Y_d-SiCGcVQwnb5p?ysclid=m702szll2q812452364

⁴³ Выступление В. Путина на церемонии подписания договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Официальный сайт Президента РФ. 30.09.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69465>

⁴⁴ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 29.02.2024 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

**Выдержка из выступления Президента США Б. Клинтона на секретном совещании
объединенного комитета начальников штабов 24 октября 1995 г.⁴⁵:**

- «Последние десять лет наша политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. **Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Труман с Советами посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием – мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство».**

- «Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, и уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. **За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на пятнадцать миллиардов, сотни тонн серебра, золота, драгоценных камней и т. п. Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше двадцати тысяч тонн алюминия, две тысячи тонн цезия, бериллия, стронция и т. д.** Многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно. **Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке...»**

- «В ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем: **расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии; установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам».**

Сильную, суверенную Россию Запад не примет, а значит, сделает всё для того, чтобы сохранить ее «вассальное» положение. И, по сути, все этапы президентской деятельности В. Путина представляли собой **единый процесс укрепления национального суверенитета страны именно после осознания им этого факта.**

«На Западе упустили из виду главное – российский президент **в силу собственных идей** решил отвернуться от Запада, развернуть Россию от Запада **концептуально, идеологически**»⁴⁶.

⁴⁵ Караулов А.* Доклад Билла Клинтона о том, как США разворовывали ресурсы России в 90-х // Русская линия. 20.04.2019. URL: https://ruskline.ru/video/2019/aprel/20/doklad_billa_klintono_o_tom_kak_ssha_razvorovyvali_resursy_rossii_v_90h/

* Внесен в реестр иностранных агентов.

⁴⁶ Ремчуков К. Что мы будем иметь после переговоров Трампа и Путина // Независимая газета. 02.02.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-02-02/1_9183_negotiation.html

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД В. ПУТИНЫМ НА ВСЕХ ЭТАПАХ ЕГО ПРЕЗИДЕНТСКИХ СРОКОВ⁴⁷:

«В период первого премьерства и первого президентства В. Путина (1999–2004 гг.) **главным вызовом для него было само сохранение российского государства и формирование дееспособного централизованного управленческого аппарата в противостоянии сторонникам олигархической модели и террористическим атакам.** При этом во внешней политике российские элиты пытались реализовать стратегию вхождения в признанный клуб мировых держав **на своих условиях».**

«**Второй президентский срок Путина (2004–2008 гг.)** был периодом внутриэлитной консолидации, наибольших экономических успехов и в то же время **нарастающего напряжения в отношениях с Западом** на фоне серии «цветных революций» по периметру страны, расширения НАТО на Восток, что привело **сначала к публичному кризису в отношениях (Мюнхенская речь 2007 года), а затем и к российско-грузинской войне (2008 г.)».**

«**Период тандема Владимира Путина и Дмитрия Медведева (2008–2012 гг.)** стал временем поиска новой модели развития страны и ее роли в глобальном мировом порядке. В том числе прощупывались варианты «перезагрузки» отношений с коллективным Западом, включая США, в сочетании с модернизацией, ориентированной на дальнейшее встраивание в глобальный рынок, либо суверенизации политической и экономической системы. К выбору второго варианта и возвращению на пост президента Владимира Путина как его автора, подтолкнула совокупность факторов. **Это и мировой финансовый кризис, и серия государственных переворотов на Востоке под общим брендом «арабская весна», силовое свержение режима в Ливии и последовавший за ним в этой стране хаос.** В правильности принятого решения команду Путина убедили массовые волнения в России 2011–2012 года, которые вызвали у нее **глубочайшее недоверие к ориентированной на сотрудничество с Западом части российской элиты».**

«Тем не менее, **третий президентский срок (2012–2018 гг.)** Путин начал отнюдь не с внешнеполитической активности, а с масштабного социального разворота, выразившегося в так называемых майских указах. **Однако «Евромайдан» 2014 года вынудил сосредоточиться на реагировании на полномасштабный внешний вызов».**

«К началу **четвертого срока Путина (2018–2024 гг.)**, когда казалось, что неблагоприятная внешнеполитическая конъюнктура стабилизировалась, ключевым стал вызов обновления системы и определенной усталости избирателей. А кампания 2024 года проходила в условиях **горячей фазы конфликта с Западом и его прокси».**

Пятый президентский срок В. Путина (2024 г. по наст. вр.): «В публичных выступлениях на внешнюю публику, на элиты, Владимир Путин придерживается органичного для себя невербального образа «**Правителя-Воина**», показывая, что он **не столько намерен разрушить существующую систему международных отношений, сколько модернизировать ее и сделать более справедливой...**

Во внутренней политике Владимир Путин с каждым годом приобретает совершенно новые черты архетипического образа «**Творца**» – человека, который творит новое мироустройство, в котором у России будет совершенно новая роль, и создает новые правила игры внутри страны и новую элиту... **Именно действия России и ее лидера обнажили копившиеся годами противоречия в старом мироустройстве».**

⁴⁷ Динамика образа Владимира Путина: от Воина к Правителю-Творцу / доклад «Минченко-консалтинг». Октябрь 2024. С. 3.

Приведенные выдержки из доклада экспертов «Минченко консалтинг» позволяют говорить о том, что вызовов и угроз национальной безопасности, с которыми пришлось столкнуться В. Путину на протяжении всех своих президентских сроков, было много. Они возникали **последовательно, системно и носили комплексный характер**, проявляя себя не только на внешней политической арене, но и внутри страны через деятельность тесно связанных с Западом (организационно, финансово, идеологически) «пятой» и «шестой» колонн⁴⁸. Причем многие (если не большинство) из этих вызовов были созданы «руками» самого Запада, вполне логично следующего своей официально зафиксированной стратегической цели во внешней политике – сдерживания развития России⁴⁹.

Нежелание Запада выстраивать отношения с Россией как с полноправным суверенным партнером, а способность видеть в ней только колонию, смирившуюся с этим своим геополитическим статусом, предопределило характер взаимоотношений между двумя странами на протяжении последних 25 лет. В данном историческом контексте становится вполне понятно, почему СВО, изначально начинавшаяся как способ

«защиты людей, прежде всего защиты самой России от тех угроз, которые пытаются создать на прилегающих к нам наших же исторических территориях»⁵⁰, в итоге стала еще и механизмом, инструментом для комплексного преобразования страны: без внутренних изменений невозможно выйти из «либерального тумана». Поэтому во внутренней жизни нашей страны на фоне СВО происходят изменения по очень важным, ключевым направлениям: законодательство, ценностные основы общества, воспитание подрастающих поколений и т. д.

«За что же мы сражаемся? Только ли за отторгнутые от Русского мира земли и унижаемых братьев? Конечно, не только за это. **Фронт СВО, пока он действует, порождает второй фронт внутри России, фронт самоочистки.** И эта не менее важная для нашей судьбы битва идет в глубине России, в ее столицах...

Главным результатом СВО, главной задачей внутри России становится обновление элит, уход от клановости к служилому ее типу»⁵¹.

⁴⁸ «Пятая» колонна – «радикальные антигосударственные фигуры; ряд СМИ и отдельных деятелей, за которыми закреплен статус иноагента». «Шестая» колонна – «это либералы и западники, которые занимают в государстве высокое положение – в иерархии, правительстве, экономике. Они ничем не лучше пятой колонны. Они также считают Россию периферией западной цивилизации, также презирают народ и государство, столь же цинично относятся к русской истории и ждут не дождутся возврата в благословенные 90-е» (Источник: Дугин А. Шестая колонна во власти не сопоставима с русским будущим // Изборский клуб. 29.09.2021. URL: <https://izborsk-club.ru/21721?ysclid=m7068c70fp389721203>).

⁴⁹ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA, «О противодействии противникам Америки посредством санкций») – федеральный закон США, налагающий дополнительные санкции на Иран, Северную Корею и Россию. Закон был одобрен 115-м Конгрессом США, 98 голосами против 2 в Сенате США, и подписан 2 августа 2017 года президентом США Д. Трампом.

⁵⁰ В. Путин. Встреча со студентами в рамках посещения кластера «Ломоносов» Инновационного научно-технологического центра МГУ «Воробьевы горы». 25.01.2023. URL: <https://iz.ru/1460034/2023-01-25/putin-nazval-tceliu-svo-zashchitu-rossii-i-grazhdan-strany>

⁵¹ Аверьянов А. За что сражаемся. К 10-летию русской весны // Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/25702?ysclid=lx4fa2xie1532116915>

Меняется размер территории и численность населения страны. Площадь России с новыми территориями⁵² в их границах от февраля 2022 года прирастает на 108 тыс. кв. км⁵³; «прогнозная численность населения в новых субъектах России на 1 января 2024 года была определена в количестве 3 227 429 человек»⁵⁴. Эти данные были опубликованы в проекте бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов⁵⁵.

Меняется российское законодательство. Причем эти изменения затрагивают самую основу российского государства и общества: язык, культуру, систему ценностей, качество подрастающих поколений, основы позиционирования России на международной арене и так далее⁵⁶.

Добавим к этому, что формат статьи не позволяет нам привести сведения о всех регулярных, фактически в ежедневном режиме принимающихся управленческих решениях, направленных на поддержку участников специальной военной операции и членов их семей; социально-экономическую поддержку широких слоев населения (прежде всего семей с детьми); на борьбу с иноагентами; укрепление российской экономики в условиях санкций и по многим другим важнейшим направлениям (их мониторинг мы ведем с июня 2022 г., то есть уже больше двух лет⁵⁷; на *вкладке 2* представлены данные очередной «волны» за период с 18 декабря 2024 г. по 13 февраля 2025 г.).

⁵² Федеральные конституционные законы о принятии в Российскую Федерацию и образовании в составе РФ новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области – были подписаны Президентом РФ 5 октября 2022 г.

⁵³ Шаипова М. Одна для всех: Россия приняла новые территории // Известия. 30.09.2022. URL: <https://iz.ru/1403643/mariia-shaipova/odna-dlia-vsekh-rossiia-priniala-novye-territorii>

⁵⁴ Власти впервые назвали численность россиян в новых регионах // РБК 29.09.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/09/2023/6516e5449a79477c35e5f12d?ysclid=m6qh805sid422551338>

⁵⁵ Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект №448556-8 «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/448556-8>

⁵⁶ См., например:

- ✓ ФЗ № 255 от 14 июля 2022 г. «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»,
- ✓ Указ Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»,
- ✓ Указ Президента РФ № 229 от 31 марта 2023 г. «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»,
- ✓ Указ Президента РФ № 314 от 8 мая 2024 г. «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» и т. д.

⁵⁷ Первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубежа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41.

Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ в период с 18 декабря 2024 г. по 13 февраля 2025 г.⁵⁸

МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ ЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ, ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЮ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ

26 декабря – Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». В Трудовой кодекс внесены изменения, предусматривающие распространение трудовых гарантий, установленных для участников СВО, на работников, направленных на службу в Росгвардию по мобилизации.

28 декабря – ФЗ «О изменении в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Предусматривается уголовная ответственность за совершение преступлений против военной службы гражданами, пребывающими в добровольческих формированиях.

28 декабря – ФЗ № 510 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Устанавливается уголовная ответственность за оказание помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации, определяются подследственность и подсудность уголовного дела о таком преступлении, а также предусматривается конфискация имущества, полученного в результате совершения этого преступления. Уточняются понятия «противник» и «переход на сторону противника», а также основания освобождения от уголовной ответственности за совершение ряда преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

28 декабря – ФЗ № 514 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». В УК РФ внесены изменения, касающиеся увеличения санкций в виде лишения свободы за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий. Предусматривается повышенная ответственность за такие деяния в случаях, если они совершены с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в отношении двух или более несовершеннолетних либо в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста.

13 февраля – ФЗ № 8 «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона „О приостановлении действия части второй статьи 43 Закона Российской Федерации „О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семей”». Устанавливается, что размер денежного довольствия, учитываемого при исчислении пенсии лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии России, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей, с 1 января 2025 года составляет 93,59 процента от размера указанного денежного довольствия. Данное изменение позволит повысить с 1 января 2025 года размер пенсии названным лицам на 9,5% (по отношению к размеру пенсии на 1 января 2024 г.).

⁵⁸ Данная вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который мы ведем с июня 2022 г. (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудовая дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

27 декабря – Указ № 1120 «**Вопросы межведомственной комиссии по историческому просвещению**». Утверждено новое Положение о Межведомственной комиссии по историческому просвещению. Комиссия по историческому просвещению является координационным и совещательным органом при Президенте, образованным в целях координации работы субъектов государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, направленной на реализацию этой политики. Скорректированы задачи межведомственной комиссии и ее полномочия. Утверждены состав Межведомственной комиссии по историческому просвещению и состав ее президиума.

28 декабря – ФЗ № 520 «**О внесении изменений в Федеральный закон „О контроле за деятельностью под иностранным влиянием“**». Вводится особый порядок получения иностранными агентами денежных средств от отчуждения и сдачи в аренду недвижимого имущества и транспортных средств, вознаграждений и иных платежей в связи с отчуждением или использованием исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, а также доходов в виде процентов по вкладам (остаткам на счетах) в банках, доходов от долевого участия в организациях. Иностранный агент вправе получать указанные доходы только посредством их зачисления на специальный рублёвый счёт, который открывается в уполномоченном банке и режим которого устанавливается решением Совета директоров Центрального банка Российской Федерации. Иностранный агент обязан сообщать о наличии этого статуса контрагентам по обязательствам, предусматривающим выплату указанных доходов. Сведения о реквизициях специального рублёвого счёта включаются в реестр иностранных агентов и размещаются на официальном сайте уполномоченного органа.

28 декабря – ФЗ № 501 «**О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации**». В УК РФ внесены поправки, усиливающие уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий (употребление алкоголя и одурманивающих веществ, бродяжничество и попрошайничество), совершенное: - с использованием Интернета; - в отношении двух или более несовершеннолетних; - в отношении лица, не достигшего 14 лет. Речь идет об уголовной ответственности совершеннолетних лиц.

28 декабря – ФЗ № 506 «**О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации**». Закрепляется роль попечительского совета в системе органов управления РАН. Попечительский совет РАН будет рассматривать вопросы, касающиеся продвижения важнейших научных достижений и использования результатов стратегически значимых научных исследований...к ведению попечительского совета РАН наук также отнесены организационные вопросы, связанные с деятельностью академии. Попечительский совет РАН возглавляет Президент РФ, который формирует состав указанного совета с учётом предложений президиума РАН.

28 декабря – ФЗ № 517 «**О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации**». Иностранцы больше не смогут получить статус носителя русского языка и связанные с ним преференции (ранее, подтвердив этот статус, можно было претендовать на получение вида на жительство (ВНЖ) и гражданства РФ).

Для лиц, имеющих родственников по прямой восходящей линии, родившихся или постоянно проживавших на территории, относившейся к Российской империи или СССР (в пределах границы РФ), предусмотрен упрощенный порядок выдачи ВНЖ. Скорректированы сроки получения ВНЖ квалифицированными специалистами. Они могут претендовать только на получение вида на жительство, упрощенное получение гражданства для них не предусмотрено.

Окончание вкладки 2

Лица, добровольно отказавшиеся от гражданства РФ, смогут находиться в России в течение 90 дней. Вид на жительство они могут получить в упрощенном порядке. Лишившиеся гражданства из-за представления поддельных, подложных или недействительных документов, а также из-за сообщения заведомо ложных сведений, на основании которых было получено гражданство, должны будут покинуть страну в течение 15 суток. Возможность получения такими людьми ВНЖ не предусмотрена. Кроме того, не смогут зарегистрироваться в качестве ИП иностранные граждане или лица без гражданства, сведения о которых включены в реестр контролируемых лиц.

28 декабря – ФЗ № 550 «О внесении изменений в Федеральный закон „О молодежной политике в Российской Федерации“». Перечень основных направлений молодежной политики дополнен такими направлениями, как «формирование у молодёжи на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей», «сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни в молодёжной среде», «патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодёжи» и т. д.

28 декабря – Указ № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». В новой стратегии учтены особенности складывающейся на современном этапе политической обстановки. Перечень основных понятий Стратегии дополнен «ксенофобией» и «русобобией». Включено определение «финансирования экстремистской деятельности», указанное и внутренней, и внешней экстремистской угрозой. Одним из основных источников угроз экстремизма для России является широкое распространение идеи неонацизма, которое исходит с территории Украины. Среди внутренних экстремистских угроз приведена и «неблагоприятная ситуация с противоправной деятельностью мигрантов. Предусмотрена возможность привлечения к противодействию экстремизму «институтов гражданского общества, в том числе социально ориентированных некоммерческих организаций и физических лиц».

16 января – Указ № 26 «О развитии инфраструктуры поддержки некоммерческих организаций». В целях развития инфраструктуры поддержки некоммерческих организаций создаются автономные некоммерческие организации «Школа управления некоммерческими организациями Фонда президентских грантов» и «Центр развития цифровых сервисов Фонда президентских грантов».

*МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ,
УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ*

26 декабря – ФЗ № 486 «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Федеральный закон направлен на совершенствование механизма комплексного развития территорий и правового регулирования иных градостроительных отношений. Предусматривается, что реализация проектов комплексного развития территорий должна осуществляться одновременно с развитием их социальной инфраструктуры. Уточняются требования к содержанию нормативов градостроительного проектирования, строительному контролю, комплексному развитию территорий.

26 декабря – ФЗ № 494 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Федеральным законом отдельные временные меры, направленные на обеспечение устойчивости российской экономики в условиях внешнего санкционного давления, переводятся в категорию постоянно действующих. В частности, бессрочной стала возможность менять частные земельные участки на государственные или муниципальные в целях реализации масштабных инвестиционных проектов или размещения объектов социальной инфраструктуры. Регионам разрешено устанавливать случаи подготовки проектов генеральных планов поселений, муниципальных и городских округов, проектов изменений в эти планы без проведения общественных обсуждений или публичных слушаний.

Кроме того, в период СВО начали создаваться новые формы (элементы) механизма обновления правящих элит на всех уровнях государственной власти. Речь идет о программе «Время героев», готовящей новые кадры для системы управления, а также об активной деятельности силовых структур (под руководством таких людей, как А.Р. Белоусов, А.В. Бортников, А.И. Бастрыкин, И.В. Краснов и др.), направленной на очищение «старой» элиты от коррупционеров, национализацию крупных экономических активов⁵⁹ и фактически правовую оценку криминальных действий элит «90-х»⁶⁰.

Как отметил Первый заместитель Руководителя Администрации Президента РФ С. Кириенко «программа [«Время героев»] реально работает», о чем свидетельствует рост регистраций заявок участников.

Кириенко С.: «Люди с опытом и наградами убедились в том, что программа **реально работает**, и стали активно подавать заявки на участие. Доля Героев России относительно подавших заявки в первой волне регистрации **выросла на 53,5%** и составила 51 человек, доля кавалеров четырех орденов Мужества выросла **в 18 раз**, трех орденов Мужества – **в 9 раз**, двух орденов Мужества – **в 47 раз...**»⁶¹

«Общее число заявок на отбор в программу составило **более 65,5 тысяч...** ранее состоялось **22 назначения** из числа участников первого потока обучения на программе. Среди них полномочный представитель Президента в Уральском федеральном округе А. Жога, глава Тамбовской области Е. Первышов, руководитель Движения Первых А. Орлов и сенатор Российской Федерации А. Кондратьев. Еще ряд участников программы готовится к переходу на новые места работы. Руководитель программы «Время героев» М. Костюк была назначена врио губернатора Еврейской автономной области»⁶².

⁵⁹ Некоторые примеры 2024–2025 гг. (источник: Какие частные компании прокуратура потребовала передать государству // РБК. 06.02.2025. URL: <https://www.rbc.ru/business/29/03/2024/64e3a6769a7947634c7c9f53?ysclid=m70bl305ji348791285>):

✓ 15 января – иск Генпрокуратуры об обращении в доход государства акций автодилера «Рольф» (15 января 2024 г.), 28 марта – иск Генпрокуратуры об обращении в доход государства акций производителя макаронных изделий АО «Макфа»;

✓ 3 июля 2024 г. – признание бизнеса экстремистским объединением и изъятие в пользу государства активов водочных брендов «Московская» и «Столичная»;

✓ 19 февраля 2024 г. – возвращение в собственность государства Ивановского завода тяжелого станкостроения;

✓ 7 февраля 2024 г. – иск Генпрокуратуры о передаче в собственность государства АО «Серовский завод ферросплавов», АО «Челябинский электрометаллургический комбинат» и АО «Кузнецкие ферросплавы»;

✓ 5 апреля 2024 г. – передача в собственность государства активов ГК «Ариант» (включая крупнейшего производителя вина в России «Кубань-Вино»);

✓ 12 ноября – национализация здания гостиницы «Москва», включая расположенный в здании пятизвездочный отель Four Seasons Hotel Moscow, торговую галерею «Модный сезон» и комплекс апартаментов;

✓ 25 ноября – национализация связанных с экс-банкиром Хотинным бизнес-центров и торговых комплексов (27 объектов недвижимости площадью свыше 1,5 млн кв. м, включая торговые центры «Горбушкин двор», «Филион» и др.);

✓ 29 января 2025 г. – Генеральная прокуратура обратилась в арбитражный суд Тамбовской области с иском в отношении зарегистрированной в Люксембурге компании MCD Technologies (суть претензий надзорного ведомства не раскрывается);

✓ 29 января 2025 года – иск Генпрокуратуры к компаниям группы «Домоделово» и юристам, связанным с аэропортом (иск подан после прокурорской проверки порядка приватизации ряда объектов в аэропорту).

⁶⁰ Речь идет о принятии 31 октября 2024 г. Конституционным судом РФ решения о снятии срока давности на недвижимость, приобретенную за счет коррупционных доходов, что, по мнению юристов, «дает право на узаконенную конфискацию крупных активов, полученных в 90-е годы».

⁶¹ Время героев. 04.02.2025. URL: <https://xn--b1aachba0csne6n.xn--p1ai/news/tpost/gxo1eps891-sredi-uchastnikov-otbora-na-programmu-vr?ysclid=m6t35woxp111493411> (С. Кириенко. 4 февраля 2025 г. Заседание Общественного совета программы «Время героев»).

⁶² Там же.

В. Путин: «на выборах разного рода по всей стране в этом [2024] году получили поддержку избирателей уже больше трёхсот наших боевых товарищей – ветеранов специальной военной операции. Таким кандидатам люди доверяют, рассчитывают на их принципиальность, честность, профессионализм... **смысл этого запроса общества – в повышении требований к качеству и результативности работы всех уровней власти**, чтобы в муниципалитеты, в региональные команды, в федеральные структуры приходили люди, **для которых на первом месте – чувство долга, служение обществу и стране...**»

Предлагаю и считаю необходимым расширять федеральный проект «Время героев»: запустить аналогичные программы в регионах – так, как это уже сделано в Ставропольском крае, Белгородской, Воронежской, Рязанской, Самарской, Тульской областях и в Ханты-Мансийском автономном округе»⁶³.

Кроме того, по инициативе Президента, озвученной 14 декабря 2024 г. на XXII съезде Всероссийской политической партии «Единая

Россия», аналоги программы «Время героев» активно создаются во всех регионах страны.

Как отмечают эксперты, «после публичного пожелания Путина массировать систему кадрового отбора „ребят-фронтовиков” в регионах началось буквально соревнование. В одном декабре 2024 г. появилось не менее двух десятков проектов, в январе соответствующая гонка продолжилась, а в феврале она, видимо, уже должна приблизиться к завершению... Более того, региональные власти уже начали создавать специальные должности под выпускников своих школ для „новой элиты”»⁶⁴.

Однако следует все-таки подчеркнуть, что пока действие этого механизма находится лишь в самом начале и до осязаемых результатов в виде реального обновления управленческих кадров в стране еще достаточно далеко. **Ведь, по сути, 22 назначения на управленческие должности первых выпускников программы «Время героев» – это, можно сказать, «капля в море» на фоне примерно 759 тысяч (по данным на 2022 г.) представителей управленческого звена на всех уровнях публичной власти (табл. 1). И сколько лет потребуется для того, чтобы можно было говорить о реальном процессе смены элит в стране, пока неизвестно...**

Таблица 1. Численность работников в органах государственной власти и органах местного самоуправления России (на конец года), тыс. чел.

Уровень органов власти	2000 г.	2022 г.	2022 г. к 2000 г., %
В федеральных государственных органах на федеральном уровне	38,8	54,2	139,7
В государственных органах субъектов Российской Федерации	192,8	251,5	130,4
В органах местного самоуправления и избирательных комиссиях муниципальных образований	448,0	453,3	101,2
Всего в органах государственной власти (без территориальных подразделений федеральных органов власти в субъектах РФ) и органах местного самоуправления	679,6	759,0	111,7
Источник: Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления по ветвям власти и уровням управления / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Chisl_vetv_vlasti.xls			

⁶³ Выступление В. Путина на XXII съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия» // Официальный сайт Президента РФ. 14.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75881>

⁶⁴ Гармоненко Д. «Время героев» наступило почти во всех регионах // Независимая газета. 17.02.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-02-17/3_9194_regions.html?ysclid=m7bg810c18450274323

Краткая справка о выходе России из Болонской системы образования

Болонская система высшего образования действовала в России с 2003 года. Однако, как отмечают эксперты, «за 20 лет работы «по-болонски» цели, которые ставил Болонский процесс, в России достигнуты не были: «в части автоматического безусловного признания российских дипломов и повышения конкурентоспособности вузов Россия к успеху не пришла. Выйти на международный рынок труда с российским дипломом все также сложно... Присущая ранее фундаментальность высшего образования в России в незначительной степени была утрачена...»⁶⁵.

В мае 2022 года Минобрнауки России объявило о намерении выйти из Болонского процесса и отдать приоритет созданию собственной системы образования. «К Болонской системе надо относиться как к пройтому этапу, — заявил Глава Минобрнауки В. Фальков. — Будущее за нашей собственной уникальной системой образования, в основе которой должны лежать интересы национальной экономики и максимальное просторство возможностей для каждого студента».

Конкретная политическая инициатива по отмене Болонской системы образования исходила от президента РФ. 21 февраля 2023 г. в Послании Федеральному собранию РФ он предложил вернуться к традиционной для нашей страны базовой подготовке специалистов с высшим образованием. 12 мая 2023 г. Указом Президента РФ №343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» были введены пилотные проекты по переходу на трехступенчатую систему высшего образования (участниками пилотного проекта стали Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, МАИ, МИСиС, МПГУ, Санкт-Петербургский горный университет и Томский государственный университет).

Согласно Указу Президента РФ в России будут введены новые уровни образования:

- ✓ базовое высшее со сроком обучения от 4 до 6 лет (замена бакалавриату и специалитета);
- ✓ специализированное высшее, включающее в себя магистратуру, ординатуру и программы аспирантура.
- ✓ профессиональное — новый уровень образования, к которому относится аспирантура.

7 января 2025 г. Минобрнауки сообщило о том, что «переход всех российских университетов на обновленную систему высшего образования планируется с 1 сентября 2026 года. К указанному сроку Минобрнауки России подготовит соответствующие нормативные правовые акты»⁶⁶.

Как отметил глава Минобрнауки РФ В. Фальков, «среди принципов работы, которые будут заложены в новую модель, — усиление фундаментальных начал и качественная практикоориентированность»⁶⁷. По мнению председателя Государственной Думы РФ В. Володина, отказ от бакалавриата и переход на новую систему высшего образования — «это правильный шаг для повышения качества образования»⁶⁸.

Мнение экспертов: «Суть Болонской системы была в унификации, то есть все страны, кто присоединился к ней, создавали единое учебное пространство с одинаковыми критериями. Простыми словами, студенты, получившие высшее образование в России, могли уехать в Европу, и диплом не терял своей ценности. Таким образом выпускники российских вузов могли трудоустроиться в западные компании... **Теперь сложнее будет учиться в вузах Западной Европы и США**, а российский диплом специалиста будет сложно верифицировать в западных странах... Из плюсов новой системы стоит отметить **ориентированность на формирование у студентов практических навыков** (особенно цифровых в свете развития систем искусственного интеллекта), более гибкая и в большей степени отвечающая потребностям современного рынка труда»⁶⁹.

⁶⁵ Ткач Н. Уход от Болонской системы: какой будет новая высшая школа / Российское агентство правовой и судебной информации. 14.06.2023. URL: https://rapsnews.ru/incident_publication/20230614/308997727.html

⁶⁶ Вузы перейдут на обновленную систему образования в 2026 году // РИА-новости. 07.01.2025. URL: <https://ria.ru/20250107/obrazovanie-1992703583.html>

⁶⁷ Гирлин А. «Базовое высшее» вместо бакалавриата: как изменится образование в России // Газета.ру.07.01.2025. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2025/01/07/20347658.shtml>

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Белобородов А. С 1 сентября 2026 года в России откажутся от Болонской системы высшего образования: чем это грозит. 13.01.2025. URL: <https://www.parents.ru/article/s-1-sentyabrya-2026-goda-v-rossii-otkazhutsya-ot-bolonskoi-sistemy-vysshego-obrazovaniya-chem-eto-grozit-obyasnyayet-ekspert/>

Некоторые из последних решений, принятых в сфере образования

- ✓ Согласно ФЗ от 8 августа 2024 г. № 328-ФЗ с 1 марта 2025 г. для работников образования вводятся дополнительный перечень документов, утверждаемый Минпросвещения. По словам зам. председателя правительства Д. Чернышенко? закон «нацелен на сокращение бумажной нагрузки». Количество документов снизится с 48 до 5»⁷⁰.
- ✓ 11 февраля 2025 г. в Гос. Думу поступил законопроект о запрете перепрофилирования учителей в коммерческих структурах. Преподавателям закроют возможность недорогого приобретения новых дипломов.
- ✓ 18 февраля 2025 г. в рамках обсуждения стратегии развития образования депутатами Государственной Думы РФ единогласно было принято постановление, содержащее следующие предложения⁷¹:
 - необходимость разработки комплекса мер по формированию сбалансированной учебной и воспитательной нагрузки на учеников;
 - закрепление ключевой роли учителя в образовательном процессе, цифровые и дистанционные форматы исключительно в качестве вспомогательных;
 - создание благоприятных условий для работы педагога, в том числе за счет соразмерной документационной и учебной нагрузки;
 - повышение престижа профессии учителя;
 - разработка механизмов защиты педагогов от физического и психологического воздействия, в том числе в интернете;
 - возможность передачи школ с муниципального уровня на региональный;
 - формирование новой системы подготовки кадров исходя из реального запроса рынка, особое внимание уделить обучению инженеров, медицинских и педагогических работников;
 - обеспечение нового формата начального профессионального образования, обеспечивающего подготовку квалифицированных рабочих кадров;
 - бесплатное обучение по всем рабочим специальностям;
 - создание гарантий трудоустройства выпускников по полученной рабочей профессии и специальности;
 - переподготовка педагогических работников, повышение их квалификации исключительно в государственных и муниципальных организациях.
- ✓ В марте 2025 г. должен появиться первый проект «Стратегии образования до 2030 г.», который разрабатывается с августа 2024 г.

⁷⁰ Володин призвал не скрывать реальность в сфере образования // Независимая газета. 11.02.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-02-11/3_9190_reality.html?ysclid=m7ee9719ez870294915; Единые стандарты, переподготовка учителей, обновленный ЕГЭ // Независимая газета. 12.02.2025. URL: https://www.ng.ru/education/2025-02-12/8_9191_school.html?ysclid=m7ee40uarw870086303

⁷¹ ГД приняла постановление по итогам «правительственного часа», посвященного разработке Стратегии развития образования в России // Официальный сайт Государственной Думы РФ. 18.02.2025. URL: <http://duma.gov.ru/news/60932/>

В период проведения СВО наконец-то начали происходить ощутимые изменения в системе образования и воспитания подрастающих поколений россиян. Появление Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых»⁷² (июль 2022 г.), введение в российских школах цикла внеурочных занятий «Разговоры о важном» (с 1 сентября 2022 г.), единый учебник истории (с 1 сентября 2023 г.), Указ Президента РФ № 314 от 8 мая 2024 г. «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»⁷³ (который, по словам А. Дугина, стал «радикальным прорывом в нашей исторической науке, в историческом образовании, в которых до последнего момента доминировало западничество»⁷⁴), отказ от Болонской системы образования в вузах (с 1 сентября 2026 г.; *вкладка 3*)⁷⁵ и многие другие решения, принимаемые Государственной Думой, Правительством РФ и главой государства (*вкладка 4*) – всё это было сделано в условиях СВО, и всё это, безусловно, будет менять российское общество в сторону укрепления национальной идентичности, причем основанной не на формальных, искусственно внедренных «правилах», а на глубоком знании отечественной истории и понимании реальных цивилизационных смыслов геополитических отношений.

Также в условиях СВО происходят важные изменения в общественном сознании большинства граждан. Об этом свидетельствуют результаты многолетних мониторинговых исследований, в том числе за последние 3 года:

1. В 2022–2024 гг. имела устойчивую позитивную динамику доля людей, считающих, что глава государства успешно справляется с ключевыми проблемами страны (*вкладка 5.1; табл. 2*), такими как:

- ✓ укрепление международных позиций (рост в 2022–2024 гг. на 5 п. п., с 47 до 52%);
- ✓ наведение порядка (на 9 п. п., с 41 до 50%);
- ✓ защита демократии (на 12 п. п., с 33 до 45%);
- ✓ подъем экономики, рост благосостояния граждан (на 13 п. п., с 26 до 39%).

В 2024 году их удельный вес достиг максимального значения за весь период измерений, начиная с 2000 года, что красноречиво говорит о росте поддержке большинством населения не только внешней, но и внутренней политики Президента. Как мы говорили в самом начале статьи (ссылаясь на данные экспертов «Минченко консалтинг») образ Путина – «Творца» – это не только «его собственные представления о себе самом», но и «отражение ожиданий и надежд большинства населения»⁷⁶.

Таблица 2. Доля людей, считающих успешными действия Президента РФ по решению ключевых проблем страны, % от числа опрошенных

Ключевые проблемы	2021 г.	2024 г.	Изменение (+/-)
Укрепление международных позиций России	46,6	52,4	+5
Наведение порядка в стране	40,7	49,7	+9
Защита демократии, укрепление свобод граждан	33,3	44,9	+12
Подъем экономики, рост благосостояния населения	26,0	39,0	+13
ИТОГО			
количество позитивных / негативных изменений			4 / 0
Формулировка вопроса: «Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?»; вопрос задается с 2000 г.			

⁷² Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи».

⁷³ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>

⁷⁴ Дугин А. Просвещение общества русской историей. URL: https://zavtra.ru/blogs/prosveshenie_obshestva_russkoj_istories?ysclid=ix2yh660gu546017827

⁷⁵ Вузы перейдут на обновленную систему образования в 2026 году // РИА-новости. 07.01.2025. URL: <https://ria.ru/20250107/obrazovanie-1992703583.html>

⁷⁶ Динамика образа Владимира Путина: от Воина к Правителю-Творцу: доклад / Минченко консалтинг. Октябрь 2024. 23 с. // Официальный сайт «Минченко консалтинг». 07.10.2024. URL: https://minchenko.ru/news/news_235.html

2. В период проведения СВО (2022–2024 гг.) впервые приобрел устойчивую тенденцию роста доли людей, считающих, что современное российское общество устроено справедливо (вклад-ка 5.2; табл. 3). В 2024 г. их удельный вес составил самое высокое значение за период с 2015 по 2024 г. (28%).

Конечно, нельзя не отметить, что доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, по-прежнему значительно больше (51%), но за три года проведения СВО она уменьшилась (на 9 п. п., с 60% в 2021 г. до 51% в 2024 г.), а удельный вес тех, кто считает совре-

менное российское общество скорее справедливым, возрос (на 11 п. п., с 17 до 28%).

3. С 2022 г. впервые за период измерений (с 2011 г.) приобрела устойчивую тенденцию динамика роста доли людей, отмечающих, что российское общество становится «более сплоченным», что в нем наблюдается больше «согласия», а не «разобщенности» (вкладка 5.3; табл. 4). За последние три года (2022–2024 гг.) удельный вес людей, разделяющих это мнение, возрос на 10 п. п. (с 27 до 37%), а доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, уменьшилась на 6 п. п. (с 43 до 37%).

Таблица 3. Доля людей, считающих, что современное российское общество устроено справедливо, % от числа опрошенных

Категория населения	2021 г.	2024 г.	Изменение (+/-)
Пол			
Мужской	16,1	27,5	+11
Женский	18,0	27,7	+10
Возраст			
До 30 лет	17,1	28,1	+11
30–55 лет	16,8	27,4	+11
Старше 55 лет	17,5	27,7	+10
Образование			
Н/среднее и среднее	12,6	22,6	+10
Среднее специальное	19,4	30,0	+11
Высшее	18,9	30,1	+11
Доходные группы			
20% наименее обеспеченных	20,2	23,1	+3
60% средне-обеспеченных	15,5	27,0	+12
20% наиболее обеспеченных	19,7	33,8	+14
Область	17,1	27,6	+11
ИТОГО количество позитивных / негативных изменений во всех группах			13 / 0
Формулировка вопроса: «Как бы вы оценили современное состояние российского общества: оно устроено скорее справедливо или несправедливо?»; вопрос задается с 2015 г.			

Таблица 4. Доля людей, считающих, что в современном российском обществе больше согласия, сплоченности, чем несогласия, разобщенности, % от числа опрошенных

Категория населения	2021 г.	2024 г.	Изменение (+/-)
Пол			
Мужской	26,7	34,7	+8
Женский	26,9	38,1	+11
Возраст			
До 30 лет	25,7	34,9	+9
30–55 лет	27,5	35,4	+8
Старше 55 лет	26,4	38,7	+12
Образование			
Н/среднее и среднее	20,5	32,9	+12
Среднее специальное	29,9	38,8	+9
Высшее	29,9	38,0	+8
Доходные группы			
20% наименее обеспеченных	19,9	33,3	+13
60% средне-обеспеченных	24,1	37,6	+14
20% наиболее обеспеченных	34,8	38,6	+4
Область	26,8	36,6	+10
ИТОГО количество позитивных / негативных изменений во всех группах			14 / 0
Формулировка вопроса: «Как Вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности в нашей стране?»; вопрос задается с 2015 г.			

4. В 2022–2024 гг. (также впервые за весь период измерений, которые проводит ВолНЦ РАН с 1998 г. по настоящее время) приобрела устойчивый характер тенденция снижения доли людей, отмечающих актуальность в российском обществе таких проблем, как расслоение населения на богатых и бедных и социальная незащищенность граждан (вкладка 5.4; табл. 5). Последняя, кстати, в 2024 г. составила ми-

нимальное значение за весь период с 1998 по 2024 г. (16%).

В целом за 2022–2024 гг. удельный вес людей, отмечающих актуальность в России проблемы расслоения населения на бедных и богатых, снизился на 6 п. п. (с 32% в 2021 г. до 26% в 2024 г.); отмечающих актуальность проблемы социальной незащищенности граждан – на 7 п. п. (с 22 до 15%).

Таблица 5. Доля людей, считающих наиболее актуальными для страны проблемы расслоения населения на бедных и богатых и социальной незащищенности граждан, % от числа опрошенных

Расслоение населения на «бедных» и «богатых»

Категория населения	2021 г.	2024 г.	Изменение (+/-)
Пол			
Мужской	31,4	24,7	-7
Женский	32,3	26,2	-6
Возраст			
До 30 лет	28,9	27,8	-1
30–55 лет	31,2	23,0	-8
Старше 55 лет	34,0	27,8	-6
Образование			
Н/среднее и среднее	33,9	25,6	-8
Среднее специальное	30,6	24,5	-6
Высшее	31,5	26,7	-5
Доходные группы			
20% наименее обеспеченных	31,3	23,3	-8
60% средне-обеспеченных	30,9	24,2	-7
20% наиболее обеспеченных	31,0	28,7	-2
Область	31,9	25,5	-6
ИТОГО			
количество позитивных / негативных изменений во всех группах			10 / 0

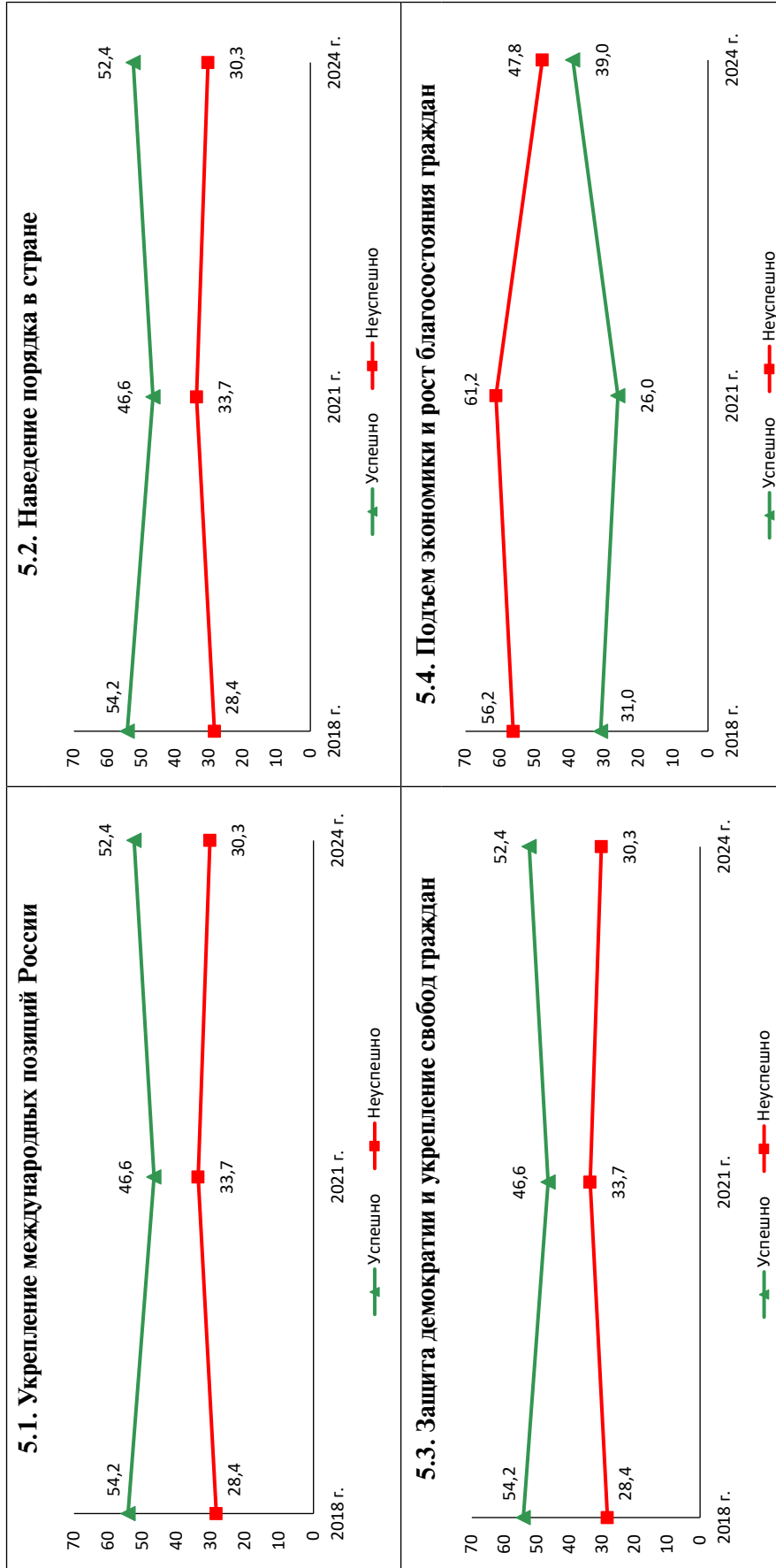
Социальная незащищенность граждан

Категория населения	2021 г.	2024 г.	Изменение (+/-)
Пол			
Мужской	21,5	15,2	-6
Женский	22,8	15,9	-7
Возраст			
До 30 лет	22,0	13,2	-9
30–55 лет	23,9	15,0	-9
Старше 55 лет	20,3	17,2	-3
Образование			
Н/среднее и среднее	21,7	15,9	-6
Среднее специальное	22,2	14,6	-8
Высшее	22,9	16,4	-7
Доходные группы			
20% наименее обеспеченных	17,5	13,4	-4
60% средне-обеспеченных	22,7	15,9	-7
20% наиболее обеспеченных	25,5	16,1	-9
Область	22,3	15,6	-7
ИТОГО			
количество позитивных / негативных изменений во всех группах			13 / 0

Формулировка вопроса: «Какие проблемы современной жизни вы считаете наиболее острыми для страны в целом?»; вопрос задается с 1999 г.

Вкладка 5.1

Динамика оценки успешности решения Президентом РФ ключевых проблем страны, % от числа опрошенных

Формулировка вопроса: «Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?»; вопрос задается с 2000 г.

По итогам трех лет проведения СВО наиболее высокого значения за весь период измерений (с 2000 г.) достигла доля людей, считающих успешными действия Президента по решению ключевых проблем России (52%);

- ✓ укрепление международных позиций России (52%);
- ✓ наведение порядка в стране (50%);
- ✓ защита демократии и укрепления свобод граждан (45%);
- ✓ подъем экономики и рост благосостояния граждан (39%).

Вкладка 5.2

Оценка степени справедливости общества в различных социально-демографических категориях населения, % от числа опрошенных

Категория населения	Справедливо			Несправедливо			Изменение (+/-), 2024 к 2021
	2018	2021	2024	2018	2021	2024	
	<i>Пол</i>						
Мужской	14,3	16,1	27,5	59,7	62,3	51,9	-10
Женский	14,0	18,0	27,7	61,6	58,5	50,3	-8
	<i>Возраст</i>						
До 30 лет	14,8	17,1	28,1	55,5	59,6	51,4	-8
30–55 лет	13,3	16,8	27,4	62,2	61,2	50,7	-11
Старше 55 лет	14,9	17,5	27,7	61,2	59,3	51,2	-8
	<i>Образование</i>						
Н/среднее и среднее	10,0	12,6	22,6	63,7	61,3	55,0	-6
Среднее специальное	15,7	19,4	30,0	58,5	58,1	48,9	-9
Высшее	16,5	18,9	30,1	60,5	62,1	49,4	-13
	<i>Доходные группы</i>						
20% наименее обеспеченных	10,3	20,2	23,1	56,5	51,0	52,7	+2
60% средне-обеспеченных	14,0	15,5	27,0	62,5	63,5	53,2	-10
20% наиболее обеспеченных	21,5	19,7	33,8	58,4	61,4	44,7	-17
Область	14,2	17,1	27,6	60,7	60,2	51,0	-9
	ИТОГО						
	количество позитивных / негативных изменений во всех группах						
	13 / 0						

Категория населения	Справедливо			Несправедливо			Изменение (+/-), 2024 к 2021
	2018	2021	2024	2018	2021	2024	
	<i>Пол</i>						
Мужской	14,3	16,1	27,5	59,7	62,3	51,9	+11
Женский	14,0	18,0	27,7	61,6	58,5	50,3	+10
	<i>Возраст</i>						
До 30 лет	14,8	17,1	28,1	55,5	59,6	51,4	+11
30–55 лет	13,3	16,8	27,4	62,2	61,2	50,7	+11
Старше 55 лет	14,9	17,5	27,7	61,2	59,3	51,2	+10
	<i>Образование</i>						
Н/среднее и среднее	10,0	12,6	22,6	63,7	61,3	55,0	+10
Среднее специальное	15,7	19,4	30,0	58,5	58,1	48,9	+11
Высшее	16,5	18,9	30,1	60,5	62,1	49,4	+11
	<i>Доходные группы</i>						
20% наименее обеспеченных	10,3	20,2	23,1	56,5	51,0	52,7	+3
60% средне-обеспеченных	14,0	15,5	27,0	62,5	63,5	53,2	+12
20% наиболее обеспеченных	21,5	19,7	33,8	58,4	61,4	44,7	+14
Область	14,2	17,1	27,6	60,7	60,2	51,0	+11
	ИТОГО						
	количество позитивных / негативных изменений во всех группах						
	13 / 0						

Формулировка вопроса: «Как бы вы оценили современное состояние российского общества: оно устроено скорее справедливо или несправедливо?»; вопрос задается с 2015 г.

Доля людей, отмечающих справедливость устройства современного российского общества, за период с 2021 по 2024 г. увеличилась на 10–14 п. п. **во всех основных социально-демографических категориях населения** (кроме самой «уязвимой» категории – 20% наименее обеспеченных, где, впрочем, также не отмечается негативных изменений: 20–25%).

Вкладка 5.3

Оценка степени согласия, сплоченности в современном российском обществе в различных социально-демографических категориях населения, % от числа опрошенных

Категория населения	Больше согласия, сплоченности			Изменение (+/-), 2024 к 2021
	2018	2021	2024	
<i>Пол</i>				
Мужской	26,6	26,7	34,7	+8
Женский	22,8	26,9	38,1	+11
<i>Возраст</i>				
До 30 лет	25,3	25,7	34,9	+9
30–55 лет	24,7	27,5	35,4	+8
Старше 55 лет	24,0	26,4	38,7	+12
<i>Образование</i>				
Н/среднее и среднее	15,7	20,5	32,9	+12
Среднее специальное	25,3	29,9	38,8	+9
Высшее	32,9	29,9	38,0	+8
<i>Доходные группы</i>				
20% наименее обеспеченных	18,4	19,9	33,3	+13
60% средне-обеспеченных	23,6	24,1	37,6	+14
20% наиболее обеспеченных	29,5	34,8	38,6	+4
Область	24,5	26,8	36,6	+10
ИТОГО				
количество позитивных / негативных изменений во всех группах			14 / 0	

Категория населения	Больше несогласия, разобщенности			Изменение (+/-), 2024 к 2021
	2018	2021	2024	
<i>Пол</i>				
Мужской	42,2	44,3	39,6	-5
Женский	45,2	41,6	35,1	-7
<i>Возраст</i>				
До 30 лет	41,5	39,4	33,0	-6
30–55 лет	43,9	43,6	39,6	-4
Старше 55 лет	45,0	43,2	35,6	-8
<i>Образование</i>				
Н/среднее и среднее	47,5	42,9	34,3	-9
Среднее специальное	42,9	39,9	39,0	-1
Высшее	41,3	46,4	38,0	-8
<i>Доходные группы</i>				
20% наименее обеспеченных	46,7	49,8	30,5	-19
60% средне-обеспеченных	44,2	44,1	37,3	-7
20% наиболее обеспеченных	39,5	46,8	42,1	-5
Область	43,9	42,8	37,1	-6
ИТОГО				
количество позитивных / негативных изменений во всех группах			13 / 0	

Формулировка вопроса: «Как Вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности в нашей стране?»; вопрос задается с 2011 г.

В 2021–2024 гг. доля тех, кто считает сплоченным российское общество, увеличилась во всех основных социально-демографических группах населения, особенно среди людей старше 55 лет (на 12 п. п., с 26 до 38%); низко- и среднедоходных категорий населения (на 13–14 п. п., с 20 до 33 и с 24 до 38% соответственно), а также среди людей со средним и неполным средним образованием (на 12 п. п., с 21 до 33%).

Вкладка 5.4

Оценка степени актуальности проблем неравенства и социальной незащищенности в различных социально-демографических категориях населения, % от числа опрошенных

Категория населения	Расслоение населения на «бедных» и «богатых»			Изменение (+/-), 2024 к 2021
	2018	2021	2024	
Мужской	36,5	31,4	24,7	-7
Женский	35,4	32,3	26,2	-6
<i>Пол</i>				
<i>Возраст</i>				
До 30 лет	34,7	28,9	27,8	-1
30–55 лет	34,3	31,2	23,0	-8
Старше 55 лет	38,6	34,0	27,8	-6
<i>Образование</i>				
Н/среднее и среднее	35,4	33,9	25,6	-8
Среднее специальное	36,2	30,6	24,5	-6
Высшее	35,8	31,5	26,7	-5
<i>Доходные группы</i>				
20% наименее обеспеченных	33,9	31,3	23,3	-8
60% средне-обеспеченных	37,1	30,9	24,2	-7
20% наиболее обеспеченных	34,4	31,0	28,7	-2
Область	35,9	31,9	25,5	-6
ИТОГО количество позитивных / негативных изменений во всех группах				10 / 0

Категория населения	Социальная незащищенность граждан			Изменение (+/-), 2024 к 2021
	2018	2021	2024	
Мужской	20,1	21,5	15,2	-6
Женский	19,6	22,8	15,9	-7
<i>Пол</i>				
<i>Возраст</i>				
До 30 лет	20,1	22,0	13,2	-9
30–55 лет	20,6	23,9	15,0	-9
Старше 55 лет	18,8	20,3	17,2	-3
<i>Образование</i>				
Н/среднее и среднее	18,6	21,7	15,9	-6
Среднее специальное	19,5	22,2	14,6	-8
Высшее	21,7	22,9	16,4	-7
<i>Доходные группы</i>				
20% наименее обеспеченных	16,3	17,5	13,4	-4
60% средне-обеспеченных	18,7	22,7	15,9	-7
20% наиболее обеспеченных	25,9	25,5	16,1	-9
Область	19,9	22,3	15,6	-7
ИТОГО количество позитивных / негативных изменений во всех группах				13 / 0

Формулировка вопроса: «Какие проблемы современной жизни вы считаете наиболее острыми для страны в целом?»; вопрос задается с 1999 г.

В разрезе основных социально-демографических категорий населения позитивные изменения также наблюдаются **во всех группах**. Доля отмечающих актуальность проблем неравенства и социальной незащищенности граждан за три года СВО снизилась примерно на 5–9 п. п.

Существенных изменений в отношении оценки проблемы неравенства не наблюдается только среди представителей младшей возрастной категории (до 30 лет; 28%) и 20% высокодоходных (по самооценкам) слоев (29–31%). Также стабильными остаются оценки людей старше 55 лет в отношении актуальности проблемы социальной незащищенности граждан (17–20%).

Воеводина Т.: «Началась ли новая жизнь? **Мне кажется, строительство новой жизни ведётся, но как-то очень уж осторожно и оглядливо.** Может, так и нужно, а может, в руководстве нет ясного понимания того, что надо делать и к чему могут привести те или иные действия»⁷⁷.

Михеев С.: «Очковтирательство, имитация, корыстный интерес, а также работа иностранных разведок, которые где-то подбрасывали дезинформацию, где-то имели внедренных агентов и формировали мнение, которое было удобно для них, где-то пытались объективную информацию прикрыть необъективной. Есть ли здесь проблемы системы? Безусловно. **Существуют ли изменения сейчас...? По некоторым признакам, подвижки существуют, но полного и глубокого изменения ситуации нет. Многие осознали, что-то поменяли, включая кадровый состав, стали лучше защищать свою информацию, но многие болезни все равно остаются.** Например, желание всегда доложить красивую картинку начальнику. Чего хочешь говори, а начальника не расстраивай. Довольно странно это... **Напоминает заболевание или чрезвычайно укоренившуюся неправильную традицию**»⁷⁸.

Таким образом, данные, представленные на вкладках 5.1–5.4, говорят о том, что специальная военная операция оказывает «серьезное влияние на очень многие сферы жизни внутри России»⁷⁹. В то же время справедливыми можно назвать оценки тех аналитиков, которые утверждают, что «**строительство новой жизни ведётся как-то очень уж осторожно и оглядливо**»; «**полного глубокого изменения ситуации нет**» (по крайней мере, пока).

Действительно, на внешнем контуре перспективы для нашей страны пока ещё остаются достаточно туманными, что (судя по оценкам многих экспертов) касается и мирного урегулирования самого конфликта между Россией и Западом, и дальнейшего «послевоенного» мироустройства. Даже после начала некоторого движения⁸⁰ в сторону организации личной встречи между Президентом РФ В. Путиным и Президентом США Д. Трампом эксперты отмечают, что это «вовсе не означает, что украинскую проблему скоро успешно решат. Тему санкций, признания Крыма и четырех новых российских территорий президенты не обсуждали. **Просто возникло ощущение движения**»⁸¹.

⁷⁷ Воеводина Т. «И всё сбылось и не сбылось...» // Завтра. 31.12.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/i_vsyo_sbilos_i_ne_sbilos_?ysclid=m71hdjlcud558094712

⁷⁸ Михеев С. Советский период сменился бледной немощью. 28.12.2024. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2024/12/28/sovetskii_period_smenilsya_blednoi_nemowyu

⁷⁹ Мостяев Ю.Н. (к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А.). Специальная военная операция: влияние на Россию и мир // Российское общество политологов. 01.03.2023. URL: <https://ruspolitics.site/wp-content/uploads/2023/02.03.2023-ACROP.pdf?ysclid=m706ncl0gz974799613>

⁸⁰ 12 и 15 февраля 2025 г. по инициативе американской стороны состоялись первые (со времен начала конфликта) официальные телефонные разговоры между главами государств России и США.

18 февраля в Саудовской Аравии впервые с 2021 г. прошли официальные переговоры между делегациями Москвы и Вашингтона. Делегацию из России представляли глава МИД С. Лавров, помощник президента Ю. Ушаков и глава Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) К. Дмитриев. Стороны обсудили восстановление всего комплекса двусторонних отношений, однако, как отмечают эксперты, «что касается непосредственно украинского урегулирования, то здесь пока рано говорить о каком-то прогрессе» (источник: Самуна Л., Костина А. Очное время: что обсудят на первой встрече делегаций РФ и США // Известия. 18.02.2025. URL: <https://iz.ru/1840645/leonid-samuna-anastasiia-kostina/ochnoe-vremya-chto-obsudyat-na-pervoj-vstreche-delegacij-rf-i-ssha>).

⁸¹ Означает ли разговор Путина и Трампа, что мир близок (редакционная статья) // Независимая газета. 13.02.2025. URL: https://www.ng.ru/editorial/2025-02-13/2_9192_red.html

1. Караганов С.: «У администрации Трампа сейчас нет никаких серьёзных резонов договариваться с нами на тех условиях, что мы поставили. Война экономически выгодна США...»⁸²

2. Ремчуков К.: «Оставаясь на почве реализма, невозможно рассчитывать на достижение долгосрочного прочного мира...»⁸³

3. Ищенко Р.: «До сих пор большая часть населения России наивно считает, что вот закончится СВО и наступит победный мир, как после Великой Отечественной войны. На самом деле с окончанием СВО Россия лишь избавится от необходимости вести боевые действия и, если получится, сможет вернуть **противостояние с Западом в политический, информационный и экономический формат**»⁸⁴.

4. Беляева С.: «Наша страна избавляется от излишней зависимости от Запада, но специалисты предупреждают, что **эта тенденция не должна превращаться в получение новой односторонней зависимости от другого серьезного игрока (КНР). Россия в нынешнем ее состоянии значительно уступает по общей мощи и США, и Китаю**»⁸⁵.

А. Светлов: «Создаётся впечатление, что подавляющее число лиц, принимающих решения на государственном и верхнем корпоративном уровнях управления... живут сегодня **в перманентном и нарастающем «кризисе сложности**», когда, пытаясь реагировать на перемены в привычной им старой логике, они постоянно сталкиваются с тем, что время, которое уходит у них на анализ и принятие решения, сопоставимо со временем, когда ситуация меняется настолько сильно, что **выработанное решение теряет актуальность**. Это ситуация **постепенно нарастающей для них катастрофы**. И по мере нарастания того, что воспринимается ими как катастрофа, **эти люди будут терять адекватность**»⁸⁶.

К. Шахназаров: «Русская культура оккупирована, они плотно заняли эстрадные и театральные позиции и будут паразитировать и дальше. **Три года СВО ничего не поменяли**»⁸⁷.

Но, что ещё более важно, пока рано говорить о каких-то кардинальных результатах в плане «рассеивания либерального тумана» внутри страны. Внутри нашей собственной системы государственного управления по-прежнему

много людей (причем занимающих самые высокие должности), которые так и не приспособились к происходящим трансформациям и мечтают о том, чтобы «вернуть все как было до 2022 года» (вкладка б).

⁸² Караганов С. Сломать хребет Европе: какой должна быть политика России в отношении Запада // Россия в глобальной политике. 22.01.2025. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/slomat-hrebet-evrope-karaganov/?ysclid=m7eei5152u371336419>

⁸³ Ремчуков К. Что мы будем иметь после переговоров Трампа и Путина // Независимая газета. 02.02.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-02-02/1_9183_negotiation.html

⁸⁴ Ищенко Р. Геополитические результаты СВО // Завтра. 18.10.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/geopoliticheskie_rezultati_svo

⁸⁵ Беляева С. Гонка за лидерством // Поиск. URL: <https://poisknews.ru/releases/gonka-za-liderstvom/>

⁸⁶ Светлов А. Историческая альтернатива // Завтра. 22.12.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/istoricheskaya_al_ternativa

⁸⁷ Шахназаров М. Три года СВО ничего не поменяли. Русская культура оккупирована // Аргументы недели. 14.01.2025. URL: <https://argumenti.ru/society/2025/01/934231>

Примеры несоответствия действий правящих элит целям укрепления национального суверенитета

«В начале осени, когда ЦБ поднял ставку, а проценты по депозитам существенно выросли вслед, умилился объяснения и разговоры о необходимости этого для стерилизации денежной массы... Текущее монетарное руководство без подсказки и чётких указаний делать это не умеет, неудивительно, что политика ЦБ оказалась предсказуемо неэффективной и нелогичной. Борьба со «статистической инфляцией», начатая летом 2024 г., когда всплеск конца 2023 — начала 2024 г. выдохся, не объяснима в рамках рациональной логики.

В прозвучавших от имени ЦБ заверениях, вроде бы даже анонимных, что заморозка вкладов абсурдна, пропущены «пока», «в настоящий момент» и т.д... В текущий момент шансы невелики 10%-15%, но по мере ухудшения положения, а ЦБ старается сильно, вероятность будет расти. Без изменения монетарной политики, ситуация будет выходить из-под контроля, все «допустимые» инструменты пробуют, но они не приносят результата»⁸⁸.

15 декабря 2024 г. в Керченском проливе произошла экологическая катастрофа из-за разлома корпусов двух нефтяных танкеров класса «Волгонефть».

В интервью газете «Поиск» академик РАН В. Бабешко, глава НИЦ прогнозирования и предупреждения геоэкологических и техногенных катастроф КубГУ, сообщил следующее:

«Убытки от аварии в Керченском проливе колоссальные, и весомая их часть - из-за пренебрежения к науке, нашим предложениям и идеям. Как стало очевидно, в этой аварийной ситуации во многом была заметна растерянность на различных уровнях руководства «Роснефти»... в свое время наше сотрудничество с «Приазовнефтью» было достаточно плодотворным. Мы разработали способ устанавливать, что явилось причиной загрязнения морской воды, дифференцировать такие его источники, как грязевые вулканы или шельфовая нефтедобыча...

Возможно, сложившаяся ситуация побудит руководство «Роснефти» вернуться к ранее отвергнутым предложениям Кубанского государственного университета по применению новейших математических методов, полученных только в России, для создания оперативных высокоточных моделей распространения и оседания загрязняющих веществ в водных акваториях. Причем не только Черного и Азовского морей, но и других зон, где могут находиться как трассы транспортировки нефти, так и источники нефтедобычи. Достоверная информация по ежедневному атласу оседания и продвижения нефтемассы от декабрьской аварии (с учетом трансформаций загрязнителей) была бы хорошим подспорьем для выработки оптимальной стратегии ликвидации аварии и оценки перспектив самоочищения моря»⁸⁹.

20 декабря 2024 г. — заседание Государственного Совета, посвященное вопросам поддержки семей. Выдержка из выступления депутата Государственной Думы РФ Я. Лантратовой:

«Игрушка — это образ, с которым растёт ребёнок... у нас популярный игрок, кто распространяет эти игрушки, — это компания Mattel, которая работает в Соединённых Штатах. Самый большой рынок продаж — это Россия. Так вот, компания Mattel создала первую в стране игрушку «кукла Барби-трансгендер». В 2022 году передала миллион долларов на поддержку ВСУ Украины, а в 2023 году 100 процентов от линейки продаж новых игрушек передала на поддержку ВСУ Украины. То есть они продают нам чуждые ценности, и потом за эти деньги воюют против нас. И такие угрозы идут к детям и через одежду, и через музыку, и через другие сферы»⁹⁰.

⁸⁸ Школьников А. Температура по Центральной Больнице... // Завтра. 17.01.2025. URL: https://zavtra.ru/blogs/temperatura_po_tcentral_noj_bo_nitce

⁸⁹ Громов Г. Предсказуемая беда // Поиск. 10.01.2025. URL: <https://poisknews.ru/releases/predskazuemaya-beda/>

⁹⁰ Заседание Госсовета 20.12.2024 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75918>

27 декабря 2024 г. — выдержки из интервью председателя Совета по детской книге Союза писателей России Н. Нилова газете «Завтра»:

«Мы хотели понять, как устроена современная детская книга, что с ней происходит и что она транслирует юным читателям. Нам удалось изучить 930 книг от 186 издателей. Начав с изучения оформления, тиража и авторов, мы перешли к содержанию — и пришли в ужас, потому что 62,8% из изученных нами детских книг оказались деструктивными. Нашей работой мы показали тот фронт, который до сих пор оставался незамеченным. Выяснилось, что на этом фронте нет никакой защиты, никакого заслона, никто не оказывает противодействие...

Благодаря исследованию, мы установили, что есть пять повторяющихся деструктивных тем. Важно понимать, что все они при этом могут переплетаться:

- ✓ первое направление — **предаительство**...;
- ✓ вторая тема, которая прослеживается в детских книгах сегодня: человек — **это животное, человекоподобный зверь**...;
- ✓ третья тема — изменение социальных ролей, в том числе отвержение «традиционных гендерных ролей» мужчины и женщины...;
- ✓ четвёртая тема — **отклонения от нормы**. У социума есть нормы, мы должны следовать за собой, выгядеть определённым образом, вести себя, общаться. Разве с этим нужно спорить? Но из книжек следует, что это неправильно, потому что не надо чему-то там соответствовать, надо просто быть таким, каким ты хочешь...;
- ✓ и, наконец, завершающая тема, пятая — **безразличие к будущему**... Жить, дружить, общаться, встречаться, решать какие-то задачи и проблемы, к чему-то стремиться, чего-либо достигать — всё это глупость, это не является важным...

Ведётся широкая и целенаправленная работа по реформированию детей. Очень важно понимать, что, в частности, детская книга — это чётко работающая система внедрения смыслов. И все эти деструктивные смыслы внедряются через детскую литературу безостановочно, они никак не изменяются. Никак! Эти смыслы спокойно тиражировались и до начала специальной военной операции, а с 2022 года всё только усилилось»⁹¹.

12 января 2025 г. в газете «Завтра» была опубликована статья о В. Якеменко⁹² (позже, 31 января, этот сюжет прозвучал в очередном выпуске авторской программы Н. Михалкова «Бесогон ТВ»⁹³).

В. Якеменко — бывший глава отдела по связям с общественными организациями Управления внутренней политики Администрации Президента РФ (2000 г.), основатель и лидер молодёжных движений «Идушие вместе» и «Наши» (2000—2013 гг.), координатор ежегодного всероссийского молодёжного форума «Селигер» (2005—2014 гг.), руководитель Государственного комитета РФ по делам молодёжи и Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодёжь; 2007—2012 гг.). Сегодня живёт в Баварии, где купил за 16 млн евро старинный дом с мельницей и прудом общей площадью 50 га.

⁹¹ Дубинская М. Будьте бдительны! // Завтра. URL: https://zavtra.ru/blogs/bud_te_bditel_ni51

⁹² Иванов А. Руководивший молодёжной политикой Якеменко заработал на этом «адское количество денег» // Завтра. 12.01.2025. URL: https://zavtra.ru/events/rukovodivshij_molodyozhnoj_politiko_jakemenko_zarabotal_na_etom_adskoe_kolichestvo_deneg

⁹³ Бесогон ТВ. Чем грозит диктатура профанов? / Выпуск от 31.01.2025. URL: <https://besogontv.ru/videos/chem-grozit-diktatura-profanov/>

Продолжение вкладки 6

Выдержки из интервью В. Якеменко:

- ✓ «Когда я строил движение «Наши», я был наивный лоборецкий парень, который ничего в своей жизни, кроме наркотиков и бандитов, не видел».
- ✓ «Мне казалось, что все люди — примерно как я. Ну в крайнем случае, они прикидываются. Жулики. Они такие же, как я. Просто жулики. Вот когда к нам приходили учёные и говорили: «А вы понимаете, что наука делается ради науки?», я, как представитель правительства, обладающий бюджетом и правом распределять, говорил: «Свистите давайте дальше. Вы нам сейчас будете это рассказывать, чтобы добывать из нас деньги и ни черта не делать». Потому что я считал их примерно такими же жуликами, каким был я сам».
- ✓ «Если бы я в своё время не осознал остро, что я абсолютный дегенерат, работающий в правительстве, работающий в Кремле, я бы никогда в жизни не смог понять того немногого, что я на сегодняшний день понял».
- ✓ «Для меня никакой России не существует. Для меня существует 140 миллионов человек, внутренне, на мой взгляд, чрезвычайно отчаявшихся, одиноких и полностью не представляющих за что им зацепиться в своей обыденной жизни».
- ✓ «Я чувствовал себя очень хорошо. Но меня всё время вот это вот — дадут сумку с деньгами, не дадут сумку с деньгами? — мне это отравляло существование. Мне вот эта мысль, что могут не дать, и что у меня есть начальство, оно может быть недовольно, — отравляла».
- ✓ [На что живёте с момента, когда ушли из политики?] «Я отложил адское количество денег. Золото. Не бриллианты, золото. Я продаю его время от времени. Отпиливаю кусок и живу».
- ✓ [То есть сегодня в то, что вы делали тогда, вы не верите, вы считаете это бессмыслицей] «Ну как это бессмыслицей?! Я заработал много денег. Вы со мной сейчас разговариваете во многом потому, что у меня была за плечами эта история. Я построил себе дом, и не один. Да нет, почему? Это было вполне осмысленное мероприятие».
- ✓ «Я ни в какую страну не верю»;
- ✓ «Человечество — это 100 умных людей, а остальные — „собаки Павлова“»;
- ✓ «Я никогда не читал книги, пока меня не выгнали из правительства»;
- ✓ «Главное — зарабатывать деньги».

Комментарии экспертов:

А. Дугин: «Как Кремль... мог полагаться так долго на подобных циничных глобалистских вороватых Вась? Кто, интересно, их вообще раздобыл, передел в дедморозов и вознёс на вершины власти...? Это прямое унижение Президента, народа и всех, кто отдал жизни за нашу Победу в СВО. Циничное и холодное. Не случайное. По сути, это голос российской элиты до 2022 года. Откровенно и чудовищно».

Ветеран СВО, преподаватель Омского государственного технического университета А. Двойнев: «...ужас, самый настоящий ужас у меня вызывает то, что работу с молодёжью осуществляют у нас до сих пор по тем „канонам“, которые в своё время предложили наш дорогой товарищ Василий Якеменко... до сих пор патристическую работу в вузах курирует Росмолодёжь, в котором это называется „Патристическим треком“».

4 февраля 2025 г. В Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП) состоялся круглый стол «Иностранная рабочая сила на рынке труда в РФ: баланс интересов бизнеса, общества и государства» с участием представителей руководства Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России». На мероприятии обсуждались «вопросы привлечения иностранной рабочей силы на российский рынок труда в условиях дефицита кадров»⁹⁴. В числе предложенных мер следующие:

- ✓ отмена региональных ограничений найма мигрантов;
- ✓ разрешение мигрантам работать по патенту в разных регионах страны;
- ✓ разрешение мигрантам изучать русский язык на территории России с созданием соответствующих условий для «эффективной адаптации»;
- ✓ отмена высылки нелегалов по ходатайству той или иной компании и т. д.

Как отметил председатель совета директоров группы компаний «Царьград» К. Малофеев, «*Российские бизнес-энтитузиасты в лице РСПП, «Деловой России» и «Опоры России» предложили либерализовать миграционное законодательство... бизнес-объединения хотят не просто завезти в Россию ещё больше гастарбайтеров, но и взять на себя часть государственных функций. Такое может привести только к бардаку и росту коррупции»*⁹⁵.

18 февраля 2025 г. пресс-служба Следственного комитета РФ сообщила о том, что «в 2024 году увеличилось в два раза число решений о возбуждении уголовных дел о преступлениях при реализации напругов. Почти половина – в сфере демографии. В суды передано 678 уголовных дел в отношении 842 фигурантов, что также практически вдвое больше, чем в 2023 году»⁹⁶. Отметим, что ранее (29 октября 2024 г.) на оперативном совещании по вопросам расследования преступлений в сфере реализации национальных проектов председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин озвучил информацию о том, что «следственными органами СК России за 5 лет в суды передано почти полторы тысячи уголовных дел в отношении 1800 обвиняемых»⁹⁷.

⁹⁴ Иностранная рабочая сила на рынке труда в РФ: баланс интересов бизнеса, общества и государства // Пресс-релиз РСПП. 04.02.2025. URL: <https://tspp.ru/events/news/inostrannaya-rabochaya-sila-na-rynke-truda-v-rf-balans-interesov-biznesa-obshchestva-i-gosudarstva-67a1ba6b2a11b/>

⁹⁵ Иванов А. Крупнейшие бизнес-лоббисты выдвинули предложения по либерализации миграционного законодательства // Загвра. 05.02.2025. URL: https://zavtra.ru/events/kрупнейshie_biznes-lobbisti_vidvinuli_predlozheniya_po_liberalizatsii_migratsionnogo_zakonodatelstva

⁹⁶ В РФ количество дел при реализации напругов в 2024 году увеличилось в 2 раза // ТАСС. 18.02.2025. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/23172575?ysclid=m7ai4f0c3j41569284>

⁹⁷ Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам расследования преступлений в сфере реализации национальных проектов // Официальный сайт генеральной прокуратуры РФ. 29.10.2024. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1925289/>

Таким образом, развитие ситуации на текущий момент времени пока что предрасполагает лишь к осторожному оптимизму как на внешнем политическом треке, так и во внутренней политической жизни.

Доминирование либеральных догм во властвующих элитах страны говорит о том, что Россия (как подчеркивает С. Караганов) пока еще «недосооопределилась»⁹⁸, а с одним лишь превосходством в области вооружения, без четкой идеи, идеологии, «уступая по общей мощи и США, и Китаю»⁹⁹, занять и (что особенно важно) удерживать достойное место в новом многополярном мире будет крайне сложно...

Тем не менее сам факт того, что в первые три года проведения СВО Россия выстояла под комплексным (экономическим, политическим, военным, информационным) давлением со стороны стран всего блока НАТО, не поддавшись на многочисленные провокации со стороны «киевского режима» и не допустила «скатывания» мира в хаос ядерного конфликта, — это безусловная заслуга главы государства и, пожалуй, главный итог, который можно подвести по истечению трех лет СВО.

В заключение отметим, что за 25 лет своих президентских сроков В. Путин прошел путь от образа «Воина», защищающего страну от чеченских сепаратистов и «скрытой, завуалированной интервенции, направленной на подчинение ее [России] интересам других стран»¹⁰⁰ до образа «Творца», без участия которого (а следовательно, и без участия России) сегодня сложно себе представить формирование новых правил миропорядка и практически совсем невозможно представить функционирование внутренней системы государственного управления.

Как отмечают эксперты, «Президент рассматривает свою деятельность именно в историческом контексте», и поэтому для него ближайшие 6 лет — очень «важный отрезок»...

«Внешняя политика Путина... менялась — как менялся и он сам, как менялась сама Россия. Не шаталась из стороны в сторону, не дергалась в поисках сиюминутной выгоды или навсегда утраченного, а эволюционировала от слабого к сильному, от неопытного к опытному, от обычного к мудрому»¹⁰¹.

«Президент РФ рассматривает свою государственную деятельность именно в историческом контексте, а это время достаточно большой длительности... Для него ближайшие шесть лет — важный отрезок»¹⁰².

Что принесет с собой текущий политический цикл (2024–2030 гг.)? Цели и задачи на перспективу определены Указом Президента «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹⁰³. У В. Путина есть богатейший опыт управления такой огромной и сложной страной, как Россия; есть сплоченная команда Правительства РФ под руководством М.В. Мишустина, «силового блока» под руководством А.Р. Белоусова, Государственной Думы под председательством В.В. Володина. Все они уже зарекомендовали себя на практике в период пандемии Covid-19 и за три года, прошедшие с момента начала специальной военной операции.

⁹⁸ Караганов С. Выступление в программе «Ялта 2.0. Большая история» // ОПТ. Выпуск от 09.02.2025. URL: <https://www.1tv.ru/shows/bolshaya-istoriya/vypuski/yalta-2-0-bolshaya-istoriya-vypusk-ot-09-02-2025?ysclid=m71ml57h8356457652>

⁹⁹ Беляева С. Гонка за лидерством // Поиск. URL: <https://poisknews.ru/releases/gonka-za-liderstvom/>

¹⁰⁰ Выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 19.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>

¹⁰¹ Динамика образа Владимира Путина: от Воина к Правителю-Творцу: доклад / Минченко консалтинг. Октябрь 2024. С. 4 // Официальный сайт «Минченко консалтинг». 07.10.2024. URL: https://minchenko.ru/news/news_235.html

¹⁰² Как обеспечить устойчивость системы в России // Независимая газета. 08.05.2024. URL: https://www.ng.ru/editorial/2024-05-08/100_08052024_red.html

¹⁰³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ № 309 от 07.05.2024 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>

Им вместе предстоит многое выстраивать в стране заново и одновременно с этим — исправлять ошибки, допущенные в предыдущие десятилетия «либерального тумана». А для этого предстоит, прежде всего, определиться с тем, «чего мы хотим? Кем мы хотим быть в будущем мире и, соответственно, каким будет мир для нас?»

«Нужно понять – чего мы хотим.
А для того, чтобы понять, чего мы хотим, мы должны самоопределимся.
До конца.
Мы еще пока недосамоопределились.
У нас нет государственной идеи, государственной идеологии...
Мы должны понять, кем мы хотим быть в будущем мире и, соответственно, каким будет мир для нас»¹⁰⁴.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Vladimir Putin's 25 Years of Presidential Terms: “Warrior”, “Ruler”, “Creator”

Abstract. October 7, 2024, Minchenko Consulting Communication Group published a report entitled “The dynamics of Vladimir Putin’s image: From a “Warrior” to a “Ruler-Creator”, dedicated to analyzing the activities of the head of state over the past 25 years. The experts identify three images (“Warrior”, “Ruler”, “Creator”), which at different stages of Russian history were typical for the public figure of Vladimir Putin. Moreover, the consistent transformation of these images was determined mainly by two factors – the nature of the challenges facing the country and those facing the President personally, as well as the needs and expectations of the broad strata of Russian society. In the context of the general idea proposed by the specialists of Minchenko Consulting, we express our own point of view on the processes taking place in the country and in the dynamics of Vladimir Putin’s image throughout his presidential terms. We show the key role of the civilizational confrontation between Russia and the West in the transformation of the image of the President as an exponent of public expectations. We pay considerable attention to the analysis of the internal changes taking place in the country, following the results of three years of the special military operation. We present expert assessments characterizing the historical reasons for the special military operation, as well as Russia’s prospects in the emerging multipolar world. The paper also presents data from the current round of the monitoring of managerial decisions adopted by the President and the Government of the Russian Federation; we have been conducting the monitoring for more than two and a half years. Our contribution consists in an in-depth analysis of events and processes taking place in the country, which is presented in a historical context, based on expert assessments from a wide range of specialists in different fields of knowledge (economists, political scientists, sociologists,

¹⁰⁴ Караганов С. Выступление в программе «Ялта 2.0. Большая история» // ОПТ. Выпуск от 09.02.2025. URL: <https://www.1tv.ru/shows/bolshaya-istoriya/vypuski/yalta-2-0-bolshaya-istoriya-vypusk-ot-09-02-2025?ysclid=m71mll57h8356457652>

historians, etc.), as well as on the data of our own sociological surveys conducted in the monitoring mode, current reports in the media, own long-term experience in studying the effectiveness of public administration.

Key words: President, elites, special military operation, public opinion, civilizational conflict.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования

Евгений Всеволодович

БАЛАЦКИЙ

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений (ИМЭМО) имени Е.М. Примакова РАН
Москва, Российская Федерация

e-mail: EVBalatsky@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. В статье раскрывается архитектура современного неоколониализма. Для этого предлагаются простые структурно-графические модели традиционной (колониальной) и современной (неоколониальной) систем, из сопоставления которых наглядно видны их различия. В развитие предложенных моделей систематизированы сравнительные характеристики двух систем доминирования – колониальной и неоколониальной. Вводится понятие колониального цикла, под которым подразумевается процесс властной рокировки метрополии и колонии, типичным примером чего служат отношения США и Великобритании. Предлагается структурно-графическая модель многополярного мира, которая выводит на первый план страновые альянсы и непрямые методы борьбы государств за влияние в своих региональных сегментах геополитической системы. Раскрываются объективные и субъективные движущие силы неоколониальных рокировок: эффект масштаба; эффект баланса сил, формализованный в виде структурного баланса; эффект насыщения глобализации, порождающий цикл «глобализация/местная культура»; эффект политического лидера; экономический патриотизм. Предлагается расширенная модель успеха государства в условиях неоколониализма, которая помимо внутренних социальных достижений учитывает внешний эффект в виде политического суверенитета. Показано, что в рамках этой модели многие международные сравнения теряют свою релевантность. Типичным примером ложного, но устоявшегося нарратива на базе зауженной модели успеха государства

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2025). Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 46–65. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.2

For citation: Balatsky E.V. (2025). Evolution of colonial and neocolonial models in geopolitical dominance. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), С. 46–65. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.2

является тезис о более динамичном развитии Южной Кореи по сравнению с Северной Кореей. Рассмотрена модификация расширенной модели успеха государства на примере милитаристской модели Н. Макиавелли. Обсуждается когнитивное значение концепции колониальных циклов в условиях геополитической турбулентности.

Ключевые слова: колониализм, неоколониализм, колониальный цикл, успех государства.

Благодарность

Автор выражает искреннюю благодарность анонимным рецензентам за ценные советы и замечания; особую признательность автор выражает Жаку Сапиру.

Введение

По выражению Дж. Арриги, «долгий двадцатый век» (Арриги, 2006) привел к радикальному переформатированию геополитического пространства планеты. Однако отчасти только сейчас становится понятно, до какой степени XX век был долгим. За минувшее столетие произошло много качественно нового, что сегодня продолжается и достигает зрелости. Среди таких явлений особо следует выделить неоколониализм со всеми его атрибутами. О его особенностях подробнее будет сказано ниже, здесь же достаточно указать следующее: праобразы этих явлений существовали и в древние времена, однако зрелости смогли достигнуть только на волне грандиозных научных достижений, технологических прорывов и военных катастроф XX века. Указанным обстоятельством обусловлен возврат к событиям предыдущего столетия, на которые мы будем опираться для раскрытия сущности поднимаемых вопросов.

Однако и XXI век внес свой вклад в кристаллизацию неоколониализма. Накопленные за 125 лет изменения подошли к критической черте, когда их невозможно завуалировать и они становятся буквально визуально наблюдаемыми. Цель исследования заключается в раскрытии основных черт колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования в исторической ретроспективе с выделением в них главных характеристик и особенностей. Новизна подхода состоит в авторском структурировании рассматриваемых эффектов, уточнении и пересмотре содержания основных элементов теоретической концепции, а также в раскрытии механизмов современной модели мироустройства.

Архитектура колониальных и неоколониальных режимов правления

Эпоха великих географических открытий породила эру колониализма, когда *метрополии* (страны-сюзерены) *формально* (de-jure) и *реально* (de-facto) осуществляли владение и управление своими *колониями* (странами-вассалами). В свою очередь после Второй мировой войны началась последняя фаза разрушения этой относительно простой системы правления, закончившаяся в 1960-х годах, когда практически все страны мира обрели статус политического суверенитета. Однако формальная ликвидация колониальной системы практически сразу привела к возникновению неоколониализма. Как справедливо отмечал первый президент Ганы Кваме Нкрума (Kwame Nkrumah), «конец империи» сопровождался расцветом в бывших колониях других средств порабощения: например, прибыль британских оловянных компаний в Гане достигала 400%, а дивиденды британских акционеров алмазной отрасли составляли около 350% (Nkrumah, 1965). Тем самым эксплуатация бывших колоний продолжалась в несколько ином формате. Эти факты позволяют говорить о наступлении примерно в 1960 г. *эры неоколониализма*, когда колонии, став формально (de-jure) суверенными государствами, реально (de-facto) продолжали оставаться под патронажем государств — лидеров мирохозяйственной системы. В этот период старая колониальная модель мира сменяется на неоколониальную, а процесс управления неоколониальными государствами со стороны новых империй становится по большей части *невидимым*. Следовательно, главной особенностью нового периода существования геополитической

системы становится *скрытое (неявное или косвенное) управление* со стороны государственных лидеров новыми государствами-вассалами, которые получили название «третьего мира». Иными словами, сущность отношений между странами мира осталась прежней, а форма изменилась, став менее явной и очевидной, зато более закамуфлированной и изощренной.

В настоящее время такое понимание феноменов колониализма и неоколониализма соответствует устоявшимся представлениям, спектр которых не так уж и широк. Так, помимо традиционного понимания колониализма как практики доминирования одного народа над другим, Г. Перри (Guillermo Perry) справедливо полагает, что колониализм связан с *физическим завоеванием* нации путем проникновения на ее территорию, а неоколониализм (империализм) означает взятие *под контроль* другого государства посредством политики и идеалов (Perry, 2015). История исследований новых механизмов и форм осуществления неоколониалистского «партнерства» насчитывает уже более полувека (Щетинин, 1972). Уже в научной литературе советского периода были подробно рассмотрены такие функциональные направления неоколониализма, как техническая и продовольственная помощь плюс активность международных организаций, постепенно ведущие к утрате политического суверенитета постколониальных держав (Бокерия и др., 2022).

В современных работах отмечается, что неоколониализм как модель неравноправных экономических взаимоотношений между различными странами, переплетаясь с процессом глобализации, мешает многим государствам приспособиться к требованиям Четвертой промышленной революции и современным технологическим вызовам (Морозенская, 2019). Решающая роль в политическом контроле над странами-сателлитами отводится *транснациональным корпорациям* (ТНК), которые проникают на рынки развивающихся стран, захватывают наиболее прибыльные отрасли их экономики и участвуют в выработке и проведении стратегических политических решений (Сироткина, 2020). В отличие от политики традиционного колониализма, опирающейся на назначаемых метрополией собственных представителей во власти колониального государства, неоколониализм опирается на *властную*

элиту из числа коренного населения зависимой страны, прошедшую образовательную и идеологическую подготовку в метрополии (Дубровин, 2019). В последнее время возникло даже такое новое направление исследования, как *технополитика специализации*, в фокусе внимания которой находится организация неравных отношений, основанных на контроле страной-гегемоном ведущих центров техно-эпистемологических сетей, ответственных за поставку достоверной информации; подобная монополия затушевывает сохранение неоколониализма, особенно на Глобальном Юге (Imbong, 2023).

В этом же русле лежат методы поддержания финансового неоколониализма, когда посредством транснациональных корпораций и валютных союзов европейские страны берут под контроль финансовое развитие многих стран Африки, не позволяя формировать финансовый суверенитет. К упомянутым валютным объединениям относятся прежде всего Западно-африканский экономический и валютный союз и Экономическое сообщество стран Центральной Африки. Так как развитие финансовых технологий может способствовать уходу стран от колониальной зависимости, то европейские страны проводят контратакующую стратегию, направленную на ограничение использования финансовых технологий и криптовалютных рынков (Ратников, 2024).

Исследователи отмечают также существующую идеологическую завесу в отношении неоколониализма, когда в качестве разнообразных причин неудач постколониальных государств и гражданских войн в Африке выдвигаются сугубо внутренние факторы – конфликты между местными общинами, патология региональных элит, синдром национальной «жадности и недовольства», анархические тенденции и «новое варварство» коренных народов; вопреки таким мнениям в литературе подробно рассматривается роль американского неоколониализма в углублении проблем стран третьего мира и, в частности, в развязывании первой гражданской войны в Либерии (Kieh, 2012). В ряде работ на примере использования китайских рабочих в британской Трансваальской колонии начала XX века прослеживаются исторические истоки современного западного неоколониализма, базирующегося на принципе двойных

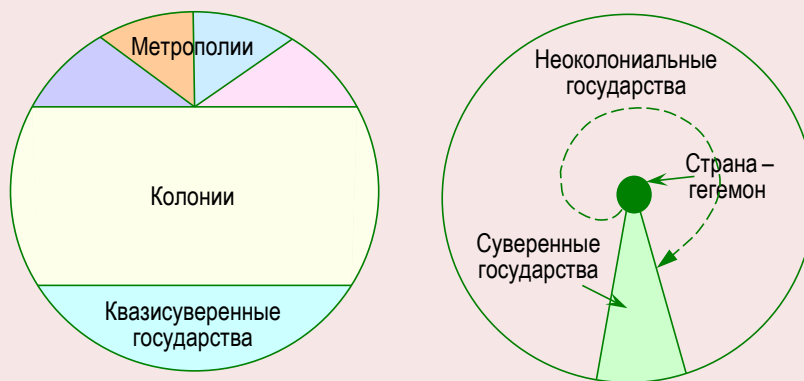
стандартов и постулирующего изначально неравноправие договаривающихся сторон (Фитуни, 2023).

Сказанного вполне достаточно для понимания специфики современного неокOLONИализма. Для схематичного пояснения двух этапов в развитии мирохозяйственной системы можно рассмотреть *рисунок 1*, на котором показаны множественность метрополий в колониальном периоде (левая схема) и геополитический круговорот в фазе неокOLONИализма (правая структурная модель). Действительно, на раннем этапе в качестве колониальных держав одновременно выступали Португалия, Испания, Нидерланды, Великобритания, Бельгия и другие государства; подавляющая часть остального мира представляла собой зону колониальных владений указанных метрополий. Одновременно с этим существовали страны, которые можно назвать *квазисуверенными*. К их числу можно отнести Китай, который формально колонией никогда не был, но 200 лет в значительной мере находился под ограниченным протекторатом Британии; Япония также избежала попадания в разряд колонии, тонко балансируя на грани между уступками европейским торговцам и сохранением своей государственности на фоне активной модернизации экономики. С переменным успехом боролась за свою независимость Российская империя, одновременно находясь в состоянии перманентной войны со странами Запада и в культурной орбите Европы. В связи с этим сама мирохозяйственная

система была похожа на слоеный пирог (левая схема рис. 1), на вершине которого находились метрополии, снизу их подпитывали ресурсами колонии, а на окраине системы находились второстепенные государства, которые были как бы самостоятельными, но сильно вовлеченными в общую логику развития метрополий.

С 1960-х годов колониальная модель сменилась неокOLONИальной, откристаллизовался единый и крайне сильный мировой лидер — США, который занял позицию ядра геополитической системы. Согласно концепции Дж. Арриги, каждый исторический центр мирового капитала осваивал новую (дополнительную) управленческую функцию (власти) (Арриги, 2009). США в XX веке, превратившись в мировое государство, овладели тремя важнейшими навыками — способностью *защищать* свои интересы в любой точке мира, *производить* огромную товарную массу внутри страны и *интегрировать* в орбиту своих интересов (т. е. интернализировать) все мировые рынки (Арриги, 2009, с. 39). За бортом их возможностей оказалась последняя функция — *воспроизводство* собственного режима накопления капитала в рамках установившейся географической юрисдикции. Однако и предыдущих трех функций Соединенным Штатам хватило для того, чтобы построить неокOLONИальную систему, где в качестве ядра мировой системы выступало всего лишь одно государство, затягивающее все остальные страны в орбиту своих интересов (это обстоятельство показано пунктирной спи-

Рис. 1. Сравнение двух моделей организации геополитической системы

Источник: составлено автором.

ралью на правой схеме рис. 1). Вторая мировая война ослабила все европейские страны, которые потеряли статус суверенных метрополий и постепенно оказались в зависимом положении от одного из государств-гигантов – США или СССР. Параллельно с 1960-х годов окончательно локализуются страны, приобретшие небывалый до этого политический суверенитет. Это СССР, претендующий на роль мирового лидера, и страны, входящие в созданную им альтернативную квазиколониальную империю – в мировую систему социализма, т. е. зону его влияния¹. Этот блок стран противостоял США, мешая им осуществлять свое равномерное спиралеобразное движение по накоплению капитала (этот факт показан на правой схеме рис. 1 в виде темного сегмента стран, оказавшихся в качестве помехи естественному движению капитала). В таких условиях логичным образом перед Америкой встала задача перейти к более изощренным методам поддержания своей гегемонии, направленной на расчистку геополитического пространства и ликвидацию чуждого сегмента суверенных стран; эти методы и явились организационным каркасом неоколониализма. Основные черты двух режимов доминирования приведены в *таблице 1*.

Особенностью периода неоколониализма является постепенная взаимная рекомбинация сегментов неоколониальных и суверенных государств. Так, в 1952 и 1960 гг. Великобритания и Франция вошли в Ядерный клуб, обозначив свой политический суверенитет; в 1964 и 1974 гг. в этот пул стран вступили Китай и Индия соответственно, а в 1979 г. к ним неофициально присоединился Израиль². Тем самым США были вынуждены считаться с указанными странами, однако в послевоенные годы происходило маятниковое движение по линии усиления/ослабления гегемонии США.

Так, после Первой мировой войны США «перехватили» у Великобритании позиции мирового экспортёра капитала и производителя товаров (включая продовольствие и вооружение), а во время Второй мировой – в рамках программы «эсминцы в обмен на базы» превратили сеть британских военных баз в собственную систему стратегического доминирования³. С этого времени Великобритания, лишившаяся своих заморских владений, начала снова превращаться в относительно небольшое островное государство с культурой, близкой к американской, что медленно, но верно вело

Таблица 1. Сравнительные характеристики двух систем доминирования

Характеристика	Тип доминирования	
	Колониализм	Неоколониализм
Время существования	1500–1960 гг.	1960 г. – н/в
Объект интересов	Территория + ресурсы	Ресурсы + население
Форма контроля	Открытая, официальная (de-jure)	Скрытая, неофициальная (de-facto)
Способ влияния на общество	Военное (физическое) давление	Организационный, финансовый и идеологический контроль
Происхождение властных элит	Делегируются из метрополии	Выращиваются из местного населения
Вектор давления на массы	Силовое подавление (жесткая власть)	Идеологическая перепрошивка (мягкая власть)
Каналы влияния	Прямое управление + ТНК	ТНК + косвенное управление (продовольственное, технологическое, международное)
Число мировых центров влияния	Несколько	Один
Масштаб влияния мировых центров	Значительный	Тотальный
Источник: составлено автором.		

¹ Строго говоря, зона влияния СССР была не до конца колониальной системой, в силу того что метрополия не ставила своей задачей выжать все ресурсы колоний, а наоборот, предоставляла им достаточно солидную помощь на безвозмездной основе. Тем не менее, эффект зоны влияния имел место и внешне был похож на колониальную систему.

² Израиль до сих пор не произвел ядерных испытаний, в связи с чем его официальный статус в качестве ядерной державы так и остается неподтвержденным.

³ Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность (2023). М.: Содружество культур. 588 с.

ее к добровольному присоединению к внешней политике США. Франция, оказавшись в окружении марионеточных европейских держав, также постепенно скатилась в зону влияния США. Как справедливо писал М. Уэльбек, «даже такие авторитарные и решительные лидеры, как генерал де Голль, оказались бессильны противостоять вектору истории, вся Европа целиком превратилась в отдаленную, стареющую, депрессивную и немного несуразную провинцию Соединенных Штатов Америки» (Уэльбек, 2023, с. 521–522). Подробную анатомию переформатирования французов в американцев дал в своей книге Р. Дебре (Régis Debray) (Debray, 2019). По его мнению, этот процесс связан с объективным процессом цивилизационного переустройства⁴. В противовес этому процессу Ядерный клуб пополнили в 1998 и 2006 гг. Пакистан и Северная Корея. Тем самым глобальное влияние США в период неокolonизма усилилось на фоне противоположной тенденции к расширению блока суверенных государств.

К сказанному можно добавить, что в 1990-х годах, как справедливо заметил Зб. Бжезинский, «третий мир» исчез в силу исчезновения «второго мира» (Бжезинский, 2007, с. 33): США и их сателлиты (первый мир), СССР и его сателлиты (второй мир) и неприсоединившиеся к ним страны (третий мир) после 1991 г. перестали быть осмысленной геополитической конструкцией, ибо присоединяться теперь можно было только к одному центру силы – к США; подобное неприсоединение означало уход страны в автономное политическое плавание с опорой на собственные силы. Все это лишний раз говорит о качественной несопоставимости двух исторических этапов – традиционного колониализма и современного неокolonизма, равно как и о произошедшем в XX столетии кардинальном переформатировании геополитического пространства планеты. К началу XXI века роль страны-гегемона возросла до поразительного абсолюта.

⁴ См.: Как мы все превратились в американцев (2019) // ИНОСМИ. 17 августа. URL: <https://inosmi.ru/20170817/240059228.html>

Неокolonизм и империализм: смежные вопросы

Обсуждение генезиса неокolonизма требует уточнения некоторых смежных и переплетающихся понятий и явлений.

Прежде всего нет никаких сомнений, что элементы неокolonизма господства возникли еще во время колониального периода, т. е. режимы колониализма и неокolonизма существовали одновременно на протяжении 1850–1960 гг. Наличие такой синхронности связано с уже возникшим к тому времени феноменом империализма, направленного на доминирование сил капитализма по всей территории планеты (Ленин, 2019). Например, европейские страны использовали долговые инструменты для финансового подчинения Османской империи во второй половине XIX века с учетом ее формального (имперского) суверенитета (Anderson, 1964). Уже в означенный период давление на страны периферии оказывалось не только ради изъятия их природных ресурсов, но и для контроля их рынков сбыта. В связи с этим можно говорить, что всегда имела место смешанная система управления миром, сочетающая методы колониального и неокolonизма диктата. При этом в колониальный период значение неокolonизма инструментов было вспомогательным, а в неокolonизмальный период – основным. Фактически разница двух режимов состоит в смене относительного значения каждого из них, однако это не отменяет принципиального различия в этапах обеспечения развития странами своего доминирования.

Следующий момент связан с тем обстоятельством, что в лексиконе международной политической экономики фигурируют две категории – «неокolonизмальные страны» (neocolonial countries) и «доминируемые страны» (dominated countries). В частности, понятие «доминируемые страны» было введено и подробно рассмотрено А. Гершенкроном (Alexander Gerschenkron) (Гершенкрон, 2015): оно предполагает задержку доступа некоторых стран к «экономической современности» (economic modernity) из-за позднего внедрения технологических достижений и из-за помех со стороны стран, которые вошли в эту современность первыми (Landes, 1969). К числу доминируемых

стран в конце XIX века относились Япония и Россия, которые, будучи независимыми государствами, вели борьбу за доступ к экономической современности. В связи с этим необходимо разграничить рассмотренные два понятия. На наш взгляд, неоколониальными странами являются те государства, которые де-факто не имеют политического суверенитета, а потому не могут активно включиться в борьбу за современные технологии и институты; к доминируемым странам относятся государства, которые уже получили политический суверенитет, но пока не смогли получить широкий доступ к современным технологиям и институтам в силу неблагоприятных исторических обстоятельств. Как было отмечено выше, в конце XIX века к доминируемым странам относились Япония и Россия, в XX веке их число дополнили Индия и Китай, а в XXI веке — Северная Корея и Иран. Как правило, доминируемые страны осуществляют полноценную мобилизацию по достижению модернизации. Например, Индия, утратив свой колониальный статус, превратилась в доминируемое государство, в котором выстраивалась собственная система экономического планирования (Bhagwati, Desai, 1970) на фоне объединения различных внутрииндийских националистических движений (Dube, 1988). Интересно, что возможны и возвратные преобразования — доминируемых стран в неоколониальные. Такое произошло с Россией после крушения СССР в 1991 году, когда страна попала в прямую, хотя и не полную, зависимость от США, став, по существу, неоколониальным государством и не имея возможности полноценно реализовывать свою линию развития. Нечто подобное произошло в XXI веке со странами Европы, которые, будучи технологически развитыми современными государствами, окончательно утратили свой политический суверенитет и оказались полностью в орбите влияния США без права на собственное волеизъявление по принципиальным вопросам внешней политики.

В контексте сказанного можно утверждать, что статус доминируемой страны представляет собой переходный случай — от неоколониального и неразвитого государства к суверенному и развитому. В этой трактовке доминируемая страна — это страна суверенная, но неразвитая, не достигшая современного уровня модерни-

зации (например, Северная Корея), или с точностью до наоборот, развитая, но не до конца суверенная (например, Южная Корея). Для нашего анализа доминируемые страны могут быть отнесены к разряду неоколониальных в том смысле, что они все являются зависимыми государствами, вынужденными преодолевать либо свою несuverенность, либо свою неразвитость.

Еще один аспект, требующий пояснения, заключается в соотношении предлагаемой выше схемы неоколониализма с имеющимися концепциями в рамках так называемой «теории зависимости». В данном случае неоколониальная модель на рисунке 1 является развитием модели И. Валлерстайна «центр — периферия» (Валлерстайн, 2006), в которой центр сжался до одной страны, а периферия и полупериферия слились в группу из зависимых и независимых государств. В (Balatsky, 2024) в дополнение к технологической модели Валлерстайна предложена политическая модель суверенитета, сопряжение которых дает модель на рисунке 1. Мы предполагаем, что в такой системе естественным образом выполняется гипотеза Пребиша — Зингера, согласно которой цены на первичные товары относительно цен на промышленные товары снижаются в долгосрочной перспективе, что приводит к ухудшению условий торговли в неоколониальных странах, специализирующихся на первичных продуктах. В настоящее время статистические тесты в целом подтверждают эту идею (Arezki et al., 2014). Можно исходить из того, что наша модель продолжает и развивает идеи теории зависимости. В любом случае, противопоставлять их никак нельзя. Вместе с тем нельзя не отметить и тот факт, что теория зависимости по умолчанию исходит из суверенитета каждой страны, включая государства периферии и полупериферии. Мы делаем акцент на том, что все эти страны, как правило, не являются самостоятельными игроками геополитической системы, а во многом идут в направлении навязанной им извне политики.

И, наконец, важный момент, касающийся диалектики процессов формирования и разрушения колониальных систем. Они тесно связаны с действиями национальных элит, которые сами являются крайне неоднородными и могут придерживаться диаметрально противополож-

ных взглядов на развитие своей страны. Борьба между внутриэлитными группировками, а также консолидированных элит с внешним давлением не может быть линейной и простой. Здесь возникают сложные процессы, развороты начавшихся тенденций и т. п. Все обсуждаемые схемы стилизованы и упрощены, тогда как в реальности все процессы сильно запутаны и их общую логику иногда трудно распознать. Тем не менее, если отбросить все конкретные наложения, то в сухом остатке останутся те самые схемы, которые нами предметно обсуждаются, что и служит оправданием некоторых вынужденных упрощений.

Колониальные циклы как новое явление XX века

Наступление эры неокOLONиализма совпало с возникновением нового явления — *колониальных циклов*, под которыми здесь и далее будем подразумевать *процесс властной рокировки метрополий и колоний, независимо от статуса доминирования (де-юре или де-факто)*. Подчеркнем, что речь идет не о простом чередовании стран-метрополий, что имело место уже в период традиционного колониализма, а именно о превращении управляющей подсистемы (метрополии) в управляемую (колонию), и наоборот, управляемой подсистемы (колонии) — в управляющую (метрополию). Рассмотрим этот процесс более подробно.

Как известно, США долгое время были колонией Великобритании и созданы совместными усилиями мигрантов из Европы. После завоевания независимости и расширения своих границ США начали самостоятельное и весьма динамичное развитие, постепенно опережая существовавшие в то время бывшие метрополии как по численности населения, так и по объему производства и его технологическому уровню. События Первой и Второй мировых войн сыграли роковую роль в истории Европы, когда относительно небольшие европейские государства утратили свое влияние, а на мировую сцену вышли государства-гиганты — США и СССР. Сама Европа была поделена между этими гигантами, а суверенитет даже ведущих европейских держав пошатнулся. Во время холодной войны политическую самостоятельность сохраняли только два европейских государства Ядерного клуба — Британия и Франция. Однако, как уже указывалось выше, к концу холод-

ной войны и их самостоятельность также была во многом утрачена. В 1990 г., когда поражение СССР в глобальном противостоянии стало очевидным, США выступили в качестве доминирующего политического архитектора Европы, пролоббировав объединение Западной и Восточной Германии. Как справедливо отмечал Зб. Бжезинский, на последнем этапе холодной войны имели место разногласия по поводу воссоединения Германии: в силу исторических причин ни Великобритания в лице Маргарет Тэтчер, ни Франция в лице Франсуа Миттерана не разделяли решимости Джорджа Буша-старшего и Гельмута Коля положить конец разделению страны (Бжезинский, 2007, с. 28). Буш не только убеждал британских и французских союзников, что новая Германия не создаст угрозы их интересам, но и брал на себя обеспечение гарантий этого (Бжезинский, 2007, с. 61).

Позже Объединенная Германия вступила в НАТО, а вслед за падением СССР перед США встала еще более амбициозная задача — объединить Западную и Восточную Европу. Но сделать это, когда две группы стран находятся в разных военных блоках, один из которых перестал существовать, невозможно. Логичным шагом стало военное объединение всей Европы под эгидой НАТО, что автоматически создало основы для ее экономической интеграции, снятия визовых барьеров, ослабления пограничного контроля и т. п. Тем самым США почти через пять веков после того, как были сами созданы европейскими переселенцами, выступили в качестве архитектора Европейского союза в форме своего податливого и культурно гомогенного стратегического партнера. С этого момента вся Европа, включая Францию и Великобританию, стала для США неокOLONиальной зоной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так произошла *глобальная американо-европейская рокировка*: до 1776 г. Соединенные Штаты были колонией Британии, после чего более двух столетий две страны находились в режиме политического сосуществования, закончившегося после 1990 г. тем, что Британия окончательно превратилась в неокOLONиальный сателлит США; колония и метрополия поменялись местами.

Сегодня подчиненное положение Европы по отношению к США особенно очевидно. Одним из инструментов, позволяющим обеспечи-

вать *гомогенность европейской политики*, служит наднациональный орган – Европейская комиссия, нынешняя глава которой Урсула фон дер Ляйен систематически выходит за рамки своих должностных полномочий, отстраняя национальные правительства стран ЕС от принятия решений и руководствуясь мнением небольшой группы советников⁵.

Еще более сложные процессы охватили Советский Союз, который, будучи после 1945 г. мощнейшей неоколониальной державой, после крушения лишился не только влияния за пределами своих границ, но и части собственных земель. Более того, на ранней стадии построения социализма в орбиту политики СССР входил Китай, но с конца 1950-х годов он нацелился на присоединение к альтернативному полюсу сил – США. Тем самым Китай из неоколониальной зоны СССР превратился в неоколониальное ответвление США, после чего, спустя более 60 лет, нарастил политический суверенитет и сам превратился в неометрополию с доминирующим влиянием во многих точках мира. Что же касается СССР, то его преемник в лице Российской Федерации после 1991 г. сам превратился в неоколониальную державу с марионеточным правительством, без собственной идеологии и стратегии развития. В этом состоит одна из драматичных особенностей истории России: когда Индия, Китай, Иран и другие страны с тяжелым колониальным прошлым обрели долгожданный политический суверенитет, Россия его лишилась.

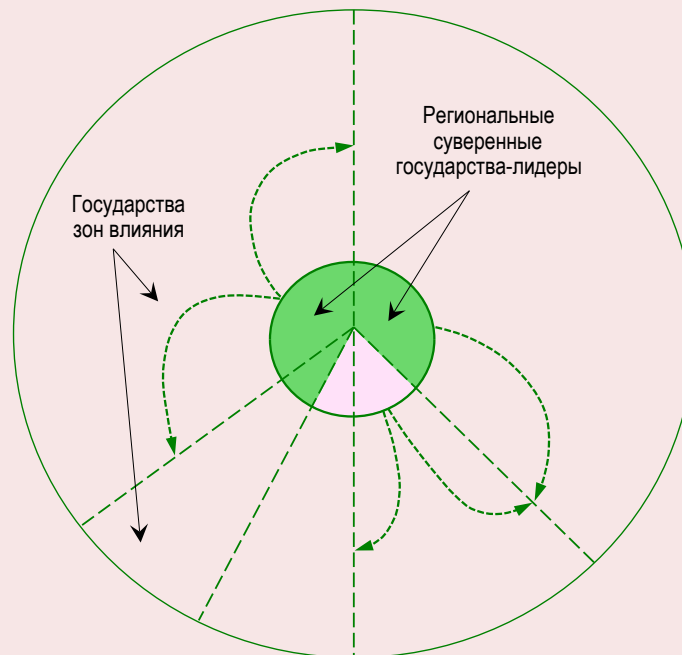
Таким образом, эпоха неоколониализма характеризуется высокой динамичностью, когда геополитические позиции стран радикально меняются в течение нескольких десятилетий, тогда как в период традиционного колониализма подчиненное положение страны могло длиться столетиями. Кроме того, масштаб нынешних геополитических рокировок воистину огромен. Например, позиции центра силы утратили не только отдельные европейские страны-метрополии (города-государства Генуя и Венеция, Нидерланды, Великобритания), но и весь европейский континент, который из регионального ядра геополитической системы постепенно превращается в его полупериферию.

Главный вывод из сказанного состоит в том, что неоколониальная система обладает свойством колоссальной динамичности, следовательно, у любой страны есть шансы изменить свое изначально неудачное политическое положение. Однако модель успеха по обретению суверенитета сформулировать довольно трудно. Фактически здесь работает трансцендентная формула Эволюция/Фатум/Фортуна (ЭФФ), в основе которой лежит *принцип одного шанса*: если некие благоприятные условия не были использованы вовремя, то больше шанса не будет; в альтернативной формулировке он звучит так: если один раз не получилось, то не получится никогда (Балацкий, 2024). Принцип одного шанса содержит в себе факторы Эволюции, Фатума и Фортуны одновременно. Это означает, что в реальности слишком много уникальных обстоятельств должно совпасть, чтобы стало возможным освобождение колонии от сетей гипергосударства. На примере Индии и Пакистана можно видеть, насколько нетривиальным и болезненным является процесс выхода из-под опеки метрополии. Достаточно напомнить, что эти страны, освободившись от диктата предыдущей колонии (Великобритании), тут же попали под патронаж нового гегемона (США). Тем не менее, глобальные рокировки между колониями и метрополиями происходят с завидной регулярностью.

В настоящее время в цивилизационной динамике имеет место столкновение противоположенных трендов – к глобализации и суверенизации. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. дал старт нисходящему тренду глобализации, усилившемуся ковид-пандемией и санкционными рестрикциями в отношении России (Кирдина-Чэндлер, 2022). По всей видимости, триггером к восходящему тренду суверенизации и постепенному разрушению современной системы неоколониализма послужили события 2022 года, когда США развязали прокси-войну с Россией на территории Украины. Возникшее противостояние инициировало создание геополитических альянсов стран, а также разграничило зоны влияния таких региональных центров силы, как США, Китай, Россия, Иран и т. п.

⁵ См.: «Как королева». В Европе разгорелся скандал из-за фон дер Ляйен // РИА Новости. 17.10.2023. URL: <https://news.mail.ru/politics/58246250/?frommail=1>

Рис. 2. Модель многополярного мира

Источник: составлено автором.

Эти процессы нарушили исходную неокOLONиальную модель (правая схема рис. 1) и запустили формирование модели многополярного мира (рис. 2). В центре этой модели находится уже не один-единственный гегемон, а несколько сильных суверенных государств (темное ядро в центре на рис. 2), каждое из которых имеет свою зону влияния в виде множества стран в разных регионах мира (страны, находящиеся на рис. 2 между окаймляющими радиусами регионального государства-лидера). Борьба же между региональными центрами силы осуществляется не столько напрямую между собой, сколько путем расширения своих границ влияния и сокращения границ влияния своих конкурентов (этот процесс показан пунктирными линиями со стрелками на рис. 2). Такая модель политической конкуренции создает организационный плацдарм для последующих неокOLONиальных циклов.

Сегодня уже развернулись дискуссии о том, какой будет модель нового мирового порядка — однополярной, многополярной или биполярной (Кирдина-Чэндлер, 2022). Уже очевидно, что возобладает некая биполярная модель с движением в сторону формирования дополни-

тельных центров силы. В этом смысле модель на рисунке 2 можно трактовать как естественное обобщение возможной геополитической конфигурации.

Следует отметить, что колониальные циклы имеют как глобальное, так и локальное измерение. Так, помимо рокировок между ведущими центрами силы, о которых шла речь выше, происходят менее значимые, фоновые, перестановки в приоритетах наций и народов мира. Для примера достаточно привести отношения Португалии со своими бывшими колониями — Бразилией и Анголой.

Так, еще в XIX веке наметились расхождения между португальским языком и бразильским диалектом португальского. В 2008 году португальский парламент проголосовал за внесение изменений в орфографию для приближения своего языка к бразильской норме. Соглашение о реформе языка, утвержденное парламентариями, стандартизировало правила написания и добавляло в алфавит три буквы: k, w, y. В португальской орфографии должны исчезнуть немые согласные: например, слово «optimo» должно писаться так же, как произносится — «otimo». Большинство депутатов под-

держали проект, представленный правительством, по которому изменения будут вводиться постепенно в течение следующих шести лет. Сторонники реформы считают, что благодаря ей португальский язык станет более универсальным, в результате чего будет легче пользоваться поисковыми системами в интернете. Кроме того, унификация правил позволит избежать потенциальных разночтений при трактовке некоторых юридических документов. Однако противники нововведений называют закон капитуляций перед бразильским влиянием. Под петицией против реформы подписалось 33 тыс. человек. Примечательно, что правила, принятые парламентом Португалии, были согласованы еще в 1991 г. с семью странами (Бразилией, Анголой, Мозамбиком, Гвинеей-Бисау, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипе, Восточным Тимором), где португальский является государственным языком⁶. Тем самым бывшие колонии успешно продавливают даже свои языковые нормы и инициативы в бывшей метрополии, что лишней раз показывает масштаб эффекта культурного перевертыша.

Дополнением к приведенному примеру может служить перемещение экономической активности из Португалии в Анголу в начале XXI века. Так, в 2003 году начался массовый возврат в Анголу тех, кто по разным причинам покинул страну в период гражданской войны⁷. Параллельно к этому процессу присоединялись и коренные португальцы, рассчитывающие найти в Анголе более подходящую работу или даже открыть собственное дело. Многие португальцы видели в бывшей колонии более интересное место для жизни и работы. Здесь уже мы сталкиваемся с эффектом экономического перевертыша.

Расцвет и упадок разных стран является общим местом истории человеческой цивилизации. В этом смысле колониальные циклы выступают естественным проявлением этого общего принципа. Вместе с тем причудливое перемещение во времени баланса сил между странами в связке метрополия/колония – крайне интересное и важное явление геополитической динамики.

⁶ См.: <https://www.rbc.ru/society/17/05/2008/5703c8d9a79470eaf76aa64>; <https://fishki.net/2781045-prowaja-portugalyskij-zdravstvuj-brazilyskij-interesnye-fakty-o-jazykah.html>

⁷ См.: <https://ria.ru/20030222/327739.html>

Детерминанты колониальных циклов

Выше было показано существование колониальных циклов, однако наличие таковых предъявляет требование к пониманию причин их возникновения и движущих сил, приводящих в действие геополитические процессы. Не вдаваясь в излишние подробности, отметим среди детерминант колониальных циклов объективные и субъективные. Рассмотрим их более предметно.

1. *Эффект масштаба*. Последние исследования истории человечества за 70 тыс. лет демонстрируют, что главным драйвером цивилизационной динамики служил так называемый *эффект масштаба*, в соответствии с которым рост производства (масштаба деятельности) ведет к росту его эффективности (Сакс, 2022). Наличие эффекта масштаба естественным образом привело к тому, что за него шла постоянная конкуренция – разные государства боролись за свое расширение и внешнюю экспансию, ибо это делало их еще более сильными и эффективными (Balatsky, 2024). Однако эффект масштаба является «живым», т. е. он имеет тенденцию к постепенному исчерпанию, когда дальнейшая географическая и производственная экспансия уже не ведет к росту эффективности, а наоборот, порождает провалы в ней.

Формально эффект масштаба применительно к внешней экспансии выглядит следующим образом:

$$dP/dC > 0, \quad (1)$$

где P – уровень производительности труда страны-лидера (или душевой ВВП);

C – издержки страны на осуществление внешней экспансии.

В соответствии с логикой (1) рост издержек на поддержание глобального доминирования должен приводить к росту эффективности национального производства и благосостояния нации.

Применительно к США действие этого эффекта можно проиллюстрировать следующим стилизованным, но вполне адекватным образом. После 1945 года страна начала бурную внешнюю экспансию, которая предполагала захват экономических рынков в различных точках мира с одновременной силовой поддержкой

этого процесса путем создания соответствующих военных баз. Военный контроль «покоренных» стран гарантировал американскому бизнесу отсутствие внезапных и недружественных экономических решений со стороны их правительств, что повышало рентабельность национального производства и торговли. В этом направлении США прошли длинный путь, создав в общей сложности около 750 военных баз по всему миру (Сакс, 2022). В ходе этой кампании остальные страны развивались и многие из них также активно эксплуатировали эффект масштаба, в результате чего США оказались в ситуации, когда дальнейший рост издержек на расширение сети военных баз уже не давал роста экономической эффективности национального бизнеса и, следовательно, не окупался. Возникающая дилемма проста: либо отказаться от дальнейшей внешней экспансии и сосредоточить внимание на оптимизации организации уже созданной властной конструкции, либо продолжить экспансию с падением эффективности национальной модели экономики с риском возникновения неожиданных провалов рынка со всеми вытекающими последствиями. В этот момент начинает формироваться тенденция к суверенизации наиболее сильных государств, которые впоследствии становятся альтернативными центрами силы и начинают свой путь к внешней экспансии и эксплуатации эффекта масштаба.

2. *Эффект баланса силы.* Вторым мощным объективным фактором подрыва моноцентричной модели мира и возникновения международных рокировок в геополитическом пространстве является так называемый *эффект баланса сил*. Можно согласиться с К. Уолтцем в отношении роли этого принципа: «Если и существует какая-то отдельная политическая теория международной политики, то это теория баланса сил. Однако сложно найти такую формулировку теории, которая принимается всеми» (Waltz, 1979, p. 117). Некоторые попытки верифицировать показатель силы упускают само правило исходного принципа (Баланс сил..., 2021), а варианты задания правил довольно сложно проверить на соответствие реальности (Дегтерев, Худайкулова, 2018). Хотя сегодня существует множество формулировок и интерпретаций принципа баланса сил, его консенсус-

ная форма так и не определена (Зобнин, 2014). В последнее время просматриваются интересные попытки сопоставить эффект баланса сил с различными социальными, экономическими и военными циклами (Фененко, 2022).

Учитывая сказанное, дадим свою трактовку эффекта баланса сил, встроенную в более общую схему мирового порядка. Для этого воспользуемся следующим структурным балансом:

$$\left(\frac{\text{Мировой}}{\text{Равновесие}} \right) = \left(\frac{\text{Доминирование}}{\text{Моноцентричность}} \right) - \left(\frac{\text{Эффект баланса}}{\text{Многополярность}} \right), \quad (2)$$

Правило баланса сил (ПБС) (2) предполагает, что избыточное давление государства-гегемона на участников мирохозяйственной системы вызывает с их стороны ответные действия путем формирования различных альянсов и союзов, способных ослабить власть центра. Разумеется, ПБС представляет собой не столько количественную, сколько качественную конструкцию для понимания общего хода событий. В соответствии с ней консенсус в отношении установленного мирового порядка позволяет системе находиться в состоянии равновесия или близком к нему положении (количественно это может быть выражено величиной, близкой к нулю). Однако различные события типа усиления некоторых стран могут вызывать избыточное давление на них со стороны государства-гегемона и тем самым порождать некое *положительное напряжение* в системе в форме недовольства стран ограничительной политикой центра. Если это недовольство охватывает несколько стран, то оно провоцирует их объединение и противостояние установленным правилам, формируя тем самым *отрицательное напряжение* в форме действий по разрушению прежнего порядка. Длительное сохранение значительного положительного напряжения в мирохозяйственной системе чревато глобальной стагнацией, а чрезмерная активность эффекта баланса сил способна приводить к военным столкновениям различного масштаба.

В условиях режима моноцентричности, когда власть государства-лидера в основном признается и оно относительно успешно выполняет регулирующую функцию, эффект баланса сил не проявляет себя; если же в системе нарастают новые центры силы, то давление государства-

гегемона вызывает в отношении них политику сдерживания, а с их стороны по системе «разбегаются» эффект баланса сил, провоцирующий режим многополярности. В реальности современный мир является, скорее, гибридным, сочетая в себе черты одно- и многополярности (Най, 2023, с. 70). В этом смысле можно говорить, что на одних исторических отрезках времени мир тяготеет к режиму моноцентричности, на других — к многополярности.

Так как мир не законсервирован в одном состоянии, то в нем постоянно возникают силы, ставящие под вопрос правомерность установленного мирового порядка. Например, «перелив» эффекта масштаба от страны-гегемона в пользу других государств меняет геополитическую диспозицию и автоматически активизирует ПБС в формуле (2). Именно совместные и отчасти скоординированные действия стран, недовольных старым порядком, провоцируют его разрушение и установление нового. И именно в рамках этого процесса происходят неоколониальные рокировки стран, когда одни приобретают независимость, а другие — теряют ее.

Нельзя обойти стороной тот факт, что ПБС часто подвергается критическим нападкам со стороны влиятельных специалистов. Одним из таковых выступает Дж. Най, который считал ПБС слишком механистичным (Най, 2023, с. 36). Однако его конкретные примеры являются неубедительными, если не сказать ошибочными. Во-первых, он считает, что зачастую происходит присоединение стран не к слабой, а к сильной стороне, как это произошло с присоединением Италии Б. Муссолини к Германии А. Гитлера во Второй мировой войне (Най, 2023, с. 37). Однако это событие уже имело место в период многополярности и геополитической турбулентности, когда гегемония Британии отрицалась обоими названными странами и их лидерами. Во-вторых, по его мнению, большое значение имеет географическая близость опасности, следствием чего является объединение после 1945 г. Европы и Японии с США, а не против них, хотя это была самая могущественная страна в мире. Однако это явное передергивание фактов — ни Западная Европа, ни Япония после ядерной бомбардировки

не принимали решения в условиях свободного выбора; история сделала этот выбор за них под непосредственным давлением со стороны США. Поэтому можно согласиться с Наем о том, что ПБС не является механически точной моделью международных отношений, однако и полностью отвергать его у нас нет достаточных оснований.

3. *Эффект насыщения глобализации.* Еще одним фактором колониальных рокировок выступает то, что можно назвать *эффектом насыщения глобализации*. Дело в том, что, как справедливо отмечал Дж. Най, следует учитывать сложное сопряжение глобализации и национальной культуры. Так, страна-гегемон, генерирующая глобализацию своей культуры и вызывающая тем самым модернизацию общества любой другой страны мира, имеет свой предел влияния: рано или поздно модернизация заканчивается и в сухом остатке остается культурная идентичность страны (Най, 2023, с. 148). Продолжая логику Наея, можно представить процесс глобализации в виде двух нелинейных трендов — глобализации культуры страны-гегемона с сопутствующей модернизацией общества государства-реципиента и культурной самоидентификацией местного народа (рис. 3). В определенный момент времени первый тренд (сплошная линия на рис. 3) ослабевает, а второй (пунктирная линия на рис. 3) — усиливается. В этот момент начинается культурный ренессанс нации, а предыдущая эпоха «гамбургеризации» заканчивается⁸. Такой эффект играет на руку антиколониальному движению.

⁸ Типичной и простейшей иллюстрацией ослабления глобализационных трендов может служить имевшая место в России двойная рокировка в общественном питании: после 1991 г. в стране колоссальную популярность получила американская сеть быстрого питания «McDonald's», но постепенно она была потеснена точками изготовления шаурмы, грузинскими ресторанами и иными заведениями с местной культурной основой; после ухода компании из России в 2022 г. ее место заняла новая российская сеть «Вкусно — и точка» без какого-либо ущерба для потребителей. Аналогичные процессы развернулись после 2022 г. при замене и дополнении таких популярных иностранных шоколадных брендов, как «Mars», «Snickers» и «Bounty» на широкую товарную линейку сладких батончиков отечественного производства. Это лишь иллюстрации общего тезиса.

4. *Эффект политического лидера.* Было бы неверным пытаться устранить из процесса суверенизации страны субъективный фактор. В государстве должен возникнуть свой лидер движения, способный придать нужный вектор всем преобразованиям. При этом никаких априорных свойств подобной личности назвать нельзя. Этот процесс во многом непредсказуем и трансцендентен. В связи с этим уместно вспомнить Мохандаса Карамчанда Ганди (Mohandas Karamchand Gandhi), который стал руководителем и идеологом движения за независимость Индии от Великобритании. И это при том, что этот человек всю жизнь был вегетарианцем и мучился с тем, что ему можно есть, а чего – нельзя; это человек, который в зрелом возрасте не только не мог публично выступать, но был даже не в состоянии прочитать написанный им же доклад; проповедуемая им идея ненасилия никак не соответствовала жесткости противостояния с метрополией; малый рост, хрупкое телосложение, очки на лысой голове также не способствовали убедительности его речей и т. д. (Ганди, 2021). Несмотря на это, его дело в конечном счете увенчалось успехом. Вместе с тем было бы ошибкой все успехи в освобождении Индии придавать ее национальному лидеру. Результаты Второй мировой войны,

роль СССР в поддержке антиколониального движения, задействование ПБС и прочие факторы в совокупности дали искомый результат. Фактически это типичный пример действия формулы ЭФФ. Однако из повышенной сложности конкретного процесса суверенизации не вытекает, что его общая модель не будет воспроизводиться снова и снова.

Эффект политического лидера таит в себе сюрпризы для страны-гегемона даже в относительно благоприятной для него ситуации. Примером тому может случить последний шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, являвшийся ставленником США. Несмотря на лояльность шаха политике Америки, он начал в 1970-е годы на волне роста цен на нефть масштабную модернизацию страны, которая в планы американского истеблишмента не входила. И хотя принятая шахом политика оказалась крайне непродуманной и неэффективной (Капушинский, 2007), США восприняли действия иранского руководителя как крайне нежелательные и отказали ему в помощи, когда в стране вспыхнули массовые антиправительственные протесты. В данном случае видно, как отдельный правитель, даже будучи ставленником страны-гегемона, может неожиданно выйти из-под контроля и начать нежелательные для

нее действия. Сегодня похожие геополитические маневры осуществляет турецкий лидер Реджеп Тайип Эрдоган, попеременно меняя вектор развития страны с проамериканского на антиамериканский.

Наиболее характерным примером эффекта политического лидера может служить случай с российским президентом Владимиром Путиным, который пришел к власти в 2000 году и долгое время поддерживал компрадорскую политику в отношении страны. Его попытки включить Россию в состав Евросоюза, а потом и в НАТО свидетельствовали о его полной лояльности западным установкам. Тем не менее уже после 2014 года действия В.В. Путина «спутали» планы американского истеблишмента (Екимова, 2024b); по признанию экс-президента США Джорджа Буша-младшего, американская администрация ожидала, что «Россия будет более сговорчивой. Но затем Путин резко изменился»⁹. Разумеется, такой масштабный разворот в национальной политике не сводится к одному человеку, однако роль верховного руководителя страны в такие моменты оказывается огромной. И именно такие действия, внешне кажущиеся спонтанными, являются необходимым условием выхода страны из неоколониальной ловушки.

5. *Экономический патриотизм.* В ряде случаев геополитическое противостояние стран, включая санкции и протекционизм, может вызывать пассионарные движения не только среди элит, но и среди населения. Сегодня уже распространено понятие *экономического патриотизма*, которое предполагает всплеск патриотических и квазипатриотических чувств у народов государств, испытывающих давление со стороны страны-гегемона, в том числе в форме экономических санкций. Подобные настроения формируют дополнительный потенциал межнационального согласия (Карнышев и др., 2017). Типичным примером такого рода процессов служит рост активности внутреннего туризма в России, который стал реакцией на закрытие для российских граждан многих западных государств. Аналогичные процессы могут распространяться на разные рынки и способствовать рокировке сил в пользу неоколониальных государств.

⁹ См.: <https://ren.tv/news/v-rossii/977084-vovan-i-leksus-pokazali-prank-s-bushem-na-forume-novye-gorizonty>

Последние исследования влияния таких мер экономического принуждения со стороны США, как торговые тарифы, финансовые штрафы, экспортный контроль и международные санкции, показывают, что они трансформируют глобальную политику и экономику в сторону уменьшения влияния американской гегемонии; государства и компании ищут способы обойти ограничения, правительства стран, попавших под ограничения, спланированы между собой, а Китай и Россия образуют альтернативный центр притяжения в мире (Демаре, 2024). Типичным примером такого рода консолидации внутренних сил страны, подвергшейся давлению со стороны США, является, согласно данным ВЦИОМ, рост доли россиян, считающих себя патриотами России, за период с 2016 по 2024 год с 80 до 94%; согласно данным ФОМ, доля россиян, одобряющих деятельность президента страны, только с 2021 по 2024 год возросла с 61 до 78% (Екимова, 2024a). Тем самым давление страны-гегемона приводит к усилению сопротивления со стороны зависимых государств.

Расширенная модель успеха государства в условиях неоколониализма

Как уже указывалось, в условиях неоколониализма для большинства государств характерно расхождение ситуации между статусами *de-jure* и *de-facto*. И это обстоятельство нельзя сбрасывать со счета, хотя традиционные экономические теории и доктрины Запада его старательно вуалируют. Например, сегодня следует рассматривать расширенную формулу успеха государства:

$$\left(\frac{\text{Успех страны}}{\text{Общий итог}} \right) = \left(\frac{\text{Благосостояние населения}}{\text{Внутренняя ситуация}} \right) + \left(\frac{\text{Суверенитет государства}}{\text{Внешняя ситуация}} \right) \cdot (3)$$

(синергетический эффект) (социальный эффект) (политический эффект)

На первый взгляд, эта формула является тривиальной и самоочевидной, однако это не совсем так. Дело в том, что в обычных экономических концепциях используется усеченная формула, когда второе слагаемое в правой части (3) отсутствует (по определению у всех равное, а потому игнорируемое), а такая логика дает совершенно иные ментальные и идеологические установки. Для иллюстрации аналитических манипуляций с этой формулой рассмотрим пример Южной Кореи и Северной Кореи.

Если взять однофакторную формулу (3), где эффект суверенитета государства отсутствует, то показатель душевого ВВП, который выступает вполне адекватным измерителем уровня благосостояния населения страны, для Южной Кореи гораздо выше, чем для Северной Кореи; в общем случае внутренняя ситуация может оцениваться вектором разных показателей с их последующим агрегированием, что не меняет самой логики формулы (3). Отсюда вытекает вывод о более значительных успехах Южной Кореи в социальном и экономическом развитии. При необходимости данный вывод иногда подкрепляют своеобразным геополитическим троллингом – публикуют снимок ночной карты Корейского полуострова, полученный из космоса; на фотографии контрастно запечатлены залитая светом южная часть и погруженная во мрак северная (Аджемоглу, Робинсон, 2015, с. 101). Такие аналитические и фактологические пассажи призваны обосновать простой вывод: страна с демократическим режимом правления (Южная Корея) способна добиться впечатляющих результатов развития, а страна с авторитарным режимом (Северная Корея) не может претендовать на достойное место в современной цивилизации. Отсюда почти автоматически вытекают остальные следствия: правительство Северной Кореи «гробит» свое население, ведет агрессивную внешнюю политику и выступает одним из представителей мировой «оси зла».

Однако стоит перейти к рассмотрению расширенной формулы успеха (3), как ситуация становится радикально иной. Да, Южная Корея имеет более высокий уровень жизни и потребления населения, чем Северная Корея, но она является марионеточным режимом США, которые разместили на ее территории свои военные базы и используют страну как разменную монету в своих стратегических интересах против Северной Кореи. И никакие протесты против сложившейся ситуации со стороны Южной Кореи не могут ничего изменить, хотя борьба южнокорейских элит за освобождение от американского диктата идет постоянно. На этом фоне Северная Корея разработала свои собственные ядерные технологии, создала впечатляющий военно-промышленный комплекс, вошла в состав стран Ядерного клуба, отстояла свой политический суверенитет и наводит от-

кровенный страх как на соседнюю Японию, так и на сами США. При такой трактовке событий баланс (3) уже не позволяет говорить о тотальном преимуществе Южной Кореи; скорее, все наоборот – преимущества оказываются на стороне Северной Кореи.

Несколько раньше ядерный инженерный подвиг Северной Кореи осуществил Пакистан, а в настоящее время к этому результату близок Иран. И все эти страны принесли большие жертвы на алтарь своей суверенности – Северная Корея и Иран подверглись масштабным международным экономическим санкциям, а население Пакистана и без этого сполна «расплатилось» за успех своего государства. Для понимания драматизма политического выбора, который пришлось сделать указанным странам, достаточно напомнить слова премьер-министра Пакистана Зульф리카ра Али Бхутто: «Пакистан будет есть траву или листья, даже страдать от голода, но создаст ядерную бомбу»¹⁰. Иначе не бывает – политический суверенитет страны требует социальных жертв, но эти жертвы не напрасны и должны учитываться в общем балансе национальных достижений. Как справедливо отмечают С. Караганов и его соавторы, сегодня произошла «конвергенция между экономикой и безопасностью» (Тренин и др., 2024, с. 103); этот тезис и лежит в основе структурного уравнения (3).

Следует подчеркнуть, что подобные социальные издержки являются отнюдь не политическим безрассудством амбициозных правителей названных стран. Дело в том, что формула (3) учитывает не только краткосрочные, но и долгосрочные эффекты. Если в краткосрочном периоде игнорирование фактора суверенитета страны может дать положительный результат, то в долгосрочном это почти невозможно. Данная закономерность связана с тем, что эффективность управления внутренними процессами в стране напрямую зависит от свободы правительства в принятии соответствующих решений. Внешние помехи со стороны государства-гегемона, как правило, исключают многие варианты эффективной внутренней политики.

¹⁰ См.: Гуськова А. (2015). Как Пакистан стал ядерной державой // Warspot. 28 мая. URL: <https://warspot.ru/3251-kak-pakistan-stal-yadernoy-derzhavoy?ysclid=lyzyg89ngs800801171>

Примечательно, что уже в период своих знаменитых реформ китайский лидер Дэн Сяопин сформулировал три условия их оправданности: обеспечение роста производства; повышение уровня жизни народа; увеличение совокупной мощи государства (Овчинников, 2021, с. 19). Несложно видеть, что первые два условия «покрывают» первое слагаемое в правой части формулы (3), а третье – второе слагаемое. Тем самым уже во второй половине XX века китайское руководство явным образом действовало в соответствии с расширенной моделью (3).

Таким образом, структурный баланс (3) задает новую аналитическую рамку в исследовании геополитических и экономических процессов. При этом верификация обоих компонентов правой части (3) не представляет больших сложностей. Даже второй компонент предполагает расчет специально сконструированного индекса суверенности страны, который, например, может принимать значения от 0 до 1. Как это ни парадоксально, но способность государства начать вооруженный конфликт с другой страной является признаком его суверенности; в противном случае такие решения принимаются метрополией.

С инструментальной точки зрения структурный баланс (3) записан в аддитивной форме, хотя он может быть представлен и в мультипликативной форме (путем перемножения двух компонентов правой части (3)). Суть рассматриваемых явлений от этого не меняется.

Милитаристская модель Н. Макиавелли: новое прочтение

Характерно, что модель (3) в несколько ином виде рассматривалась уже в классическом произведении Н. Макиавелли «Государь», в котором имеется Глава X «Как следует измерять силы всех государств». В этой главе автор говорит: «Изучая свойства государств, следует принять в соображение и такую сторону дела: может ли государь в случае надобности отстоять себя собственными силами или он нуждается в защите со стороны» (Макиавелли, 2018, с. 62). Далее, в Главе XII, он фактически дает готовую формулу успеха страны: «Основой же власти во всех государствах... служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот,

где есть хорошее войско, там хороши и законы» (Макиавелли, 2018, с. 66).

Приведенное суждение Макиавелли можно представить в форме структурного соотношения:

$$\left(\frac{\text{Успех}}{\text{Общий итог}} \right) = \left(\frac{\text{Справедливые}}{\text{Внутренняя ситуация}} \frac{\text{законы}}{\text{армия}} \right) + \left(\frac{\text{Сильная}}{\text{Внешняя ситуация}} \right). \quad (4)$$

Несложно видеть почти полную идентичность структурных моделей (3) и (4), что и позволяет рассматривать Макиавелли в качестве одного из предшественников модели (3).

Говоря о хорошей армии, Макиавелли подразумевает под ней собственные вооруженные силы государства, категорически исключая не только союзнические войска, но и наёмную армию. Союзнические войска, по Макиавелли, являются бесполезными, ибо их поражение грозит гибелью тому, кто их призвал на помощь, а победа – зависимостью от них (Макиавелли, 2018, с. 70). Системный же дефект наемной армии продуцируется следующим принципом: зачем тебе деньги, если тебя убьют? В связи с этим Макиавелли выносит суровый вердикт: «Наемники славятся тем, что медлительно и вяло наступают, зато с замечательной быстротой отступают» (Макиавелли, 2018, с. 69). Развивая эту мысль дальше, автор полагает, что помимо достойной платы военным должно быть соблюдено условие их кровной заинтересованности в исходе битвы, а это достигается доблестью и преданностью своих сограждан, ставших воинами (Макиавелли, 2018, с. 73). Исходя из этих рассуждений, можно записать еще одно структурное уравнение в развитие уравнения (4):

$$\left(\frac{\text{Сильная}}{\text{Общий итог}} \frac{\text{армия}}{\text{Духовный фактор}} \right) = \left(\frac{\text{Достойное}}{\text{Материальный фактор}} \frac{\text{вознаграждение}}{\text{Гражданский патриотизм}} \right) + \left(\frac{\text{Гражданский}}{\text{Духовный фактор}} \right). \quad (5)$$

Следовательно, уравнение (5), с одной стороны, раскрывает и детализирует уравнение (4), а с другой – имеет ту же архитектуру, что и уравнения (3) и (4). Фактически в правых частях всех трех уравнений присутствуют две разновысокие составляющие – низшая, представленная первым компонентом, и высшая, представленная вторым компонентом. При этом, как это ни парадоксально, более высокие материи (политический суверенитет страны, ее

вооруженные силы и патриотизм последних) выступают условием эффективной реализации низовых основ государства (благополучие и патриотизм населения).

Уравнения (4) и (5) составляют суть милитаристской модели Макиавелли. Здесь, как и в случае модели (3), возможны эквивалентные варианты формул (4) и (5) в мультипликативной форме.

Со времен Макиавелли мало что изменилось. Например, США в качестве союзника СССР во Второй мировой войне забрали под свой контроль пол-Европы, включая половину Германии, всю Японию и пол-Кореи, а затем стали генеральным соперником Советского Союза в Третьей мировой (холодной) войне. Соответственно, Германии и Японии до сих пор формально запрещено иметь собственные вооруженные силы, а союзники США, имеющие на своей территории американские военные базы, фактически пользуются союзной армией государства-гегемона. И практически во всех этих государствах ситуация развивается по сценариям, описанным Макиавелли: либо США полностью контролируют стратегические стороны существования государств-союзников, либо в случае неблагоприятного стечения обстоятельств они бросают свои колонии на произвол судьбы. При этом внешнее благополучие стран-союзников может успешно вуалировать их политическую несамостоятельность вплоть до наступления критических событий в их истории. Осознание этих простых истин постепенно проникает в политический истеблишмент зависимых стран, которые сегодня усиливают борьбу за свой суверенитет.

Заключение

Сегодня мир стоит перед очередным неокониальным циклом. Трудно сказать, кто и от кого сегодня зависит больше — Китай от США или США от Китая. Это стартовая точка для очередной колониальной рокировки. Одновременно возрастает роль России на Евразийском континенте. Иран находится в состоянии низкого старта, за которым может последовать мощный рывок. Индия по динамичности развития обгоняет Китай. Все эти события способны лишить США гегемонии, а в перспективе и превратить их в квазисуверенное государство, зависимое от мировых ресурсных рынков, уходящих под контроль иных стран. Однако независимо ни от чего общий вектор геополитических сдвигов определен — идет формирование нового колониального цикла. Не исключено, что европейские страны войдут в состав новых колоний, а над ними в качестве метрополий окажутся Россия и Китай.

Нарисованная картина тектонических сдвигов в геополитической системе никак не вкладывается в когнитивные рамки традиционных экономических и политических теорий. В этих условиях значение адекватной картины мира возрастает как никогда ранее. Важнейшим понятием предложенной выше концепции колониальных циклов является политический суверенитет. Без учета этого фактора большинство современных процессов в мирохозяйственной системе не получает релевантного описания и оценки. И наоборот, учет этого обстоятельства может стать первым шагом в построении обновленного социального знания.

Литература

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. 672 с.
- Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего. 472 с.
- Арриги Дж. (2009). Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // Прогнозис. № 1 (17). С. 34–50.
- Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ (2021) / под ред. Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича. Москва: РУДН. 319 с.
- Балацкий Е.В. (2024). Этапы глобализации в истории цивилизаций // Мир России. Т. 33. № 3. С. 170–188.
- Бжезинский Зб. (2007). Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения. 240 с.

- Бокерия С.А., Давидчук А.С., Дегтерев Д.А. [и др.] (2022). Советские исследования неоколониализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 22. № 4. С. 671–687.
- Валлерстайн И. (2006). Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего. 248 с.
- Ганди М. (2021). Моя жизнь, или История моих экспериментов с истиной. М.: АСТ. 480 с.
- Гершенкрон А. (2015). Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Дело. 535 с.
- Дегтерев Д.А., Худайкулова А.В. (2018). Баланс сил в международно-политической науке: теоретические концепции и прикладной анализ // Национальная безопасность / Nota bene. № 1. С. 1–12.
- Демаре А. (2024). Обратный эффект санкций. Как санкции меняют мир не в интересах США. М.: Азбука. 320 с.
- Дубровин М.А. (2019). Глобальный неоколониализм: формулирование понятия // Вопросы экономики и права. № 4. С. 14–17.
- Екимова Н.А. (2024а). Общественный договор как основа формирующегося российского суверенитета // Социальное пространство. Т. 10. № 3. С. 1–11.
- Екимова Н.А. (2024б). Роль элит в эволюционном процессе: концептуальные основы и современные интерпретации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 64–80.
- Зобнин А. (2014). К определению принципа баланса сил: опыт неинституционального подхода к международной среде // Международные процессы. Т. 12. № 3 (38). С. 55–69.
- Карнышев А.Д., Иванова Е.А., Карнышева О.А. (2017). Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М.: Институт психологии РАН. 480 с.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2022). Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век // Социологические исследования. № 10. С. 3–16.
- Ленин В.И. (2019). Империализм как высшая стадия капитализма. М.: URSS. 128 с.
- Макиавелли Н. (2018). Государь. М.: Э. 640 с.
- Морозенская Е.В. (2019). «Новый регионализм» в Африке: форма приспособления к глобализации или попытка противодействия современному неоколониализму? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 209–227. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-209-227
- Най Дж. (2023). Мягкая мощь. Как я спорил с Бжезинским и Киссинджером. М.: Родина. 256 с.
- Овчинников В.В. (2021). Два лица Востока: впечатления и размышления от одиннадцати лет работы в Китае и семи лет в Японии. М.: АСТ. 384 с.
- Ратников В.А. (2024). Оковы финансового неоколониализма в странах Африки // Journal of Economic Regulation. Т. 15. № 3. С. 89–99.
- Сакс Дж. (2022). Эпохи глобализации: география, технологии и институты. М.: Издательство Института Гайдара. 368 с.
- Сироткина А.И. (2020). Эволюция теоретических воззрений на неоколониализм как экономическую категорию // Вопросы политической экономии. № 3. С. 82–97.
- Тренин Д., Авакянц С., Караганов С. (2024). От сдерживания к устрашению. М.: Молодая гвардия. 152 с.
- Уэльбек М. (2023). Уничтожить: роман. М.: Издательство АСТ: CORPUS. 640 с.
- Фененко А.В. (2022). Войны в структуре мировых порядков // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. № 3. С. 13–36. DOI: 10.20542/afij-2022-3-13-36
- Фитуни О.Л. (2023). У истоков неоколониализма: эксплуатация принудительного труда китайских рабочих в британском Трансваале // Ученые записки Института Африки РАН. № 4 (65). С. 77–92.
- Щетинин В.Д. (1972). Эволюция американского неоколониализма. М.: Международные отношения. 272 с.
- Anderson O. (1964). Great Britain and the beginnings of the Ottoman public debt, 1854–55. *The Historical Journal*, 7(1), 47–63.
- Arezki R., Hadri K., Loungani P., Rao Y. (2014). Testing the Prebisch – Singer hypothesis since 1650: Evidence from panel techniques that allow for multiple breaks. *Journal of International Money and Finance*, 42(C), 208–223.
- Balatsky E.V. (2024). The phenomenon of strategic advantages in the 21st century. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(4), 39–57.
- Bhagwati J.N., Desai P. (1970). *India: Planning for Industrialization*. London: Oxford University Press.

- Debray R. (2019). *Civilization: How We All Became American*. London: Verso Books.
- Dube R.P. (1988). *Jawaharlal Nehru: A Study in Ideology and Social Change*. New Delhi: Mittal Publications.
- Imbong R.A. (2023). Neocolonialism and the technopolitics of specialization: Toward a reimagination of the sociotechnical imaginaries approach. *Bandung*, 10, 283–301.
- Kieh G.K. (2012). Neo-colonialism: American foreign policy and the first Liberian civil war. *The Journal of Pan African Studies*, 5(1), 164–184.
- Landes D.S. (1969). *The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nkrumah K. (1965). *Neo-Colonialism, The Last Stage of Imperialism*. London: Thomas Nelson & Sons.
- Perry G. (2015). *Colonialism*. Official Archive “ResearchGate”, February.
- Waltz K.N. (1979). *Theory of International Politics*. New York: Addison-Wisley Publishing Company.

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; e-mail: EVBalatsky@imemo.ru)

Balatsky E.V.

Evolution of Colonial and Neocolonial Models in Geopolitical Dominance

Abstract. The paper considers the architecture of modern neocolonialism. To this end we put forward simple structural and graphical models of traditional (colonial) and modern (neocolonial) systems, whose comparison reveals their differences. Further, we systematize comparative features of two dominance systems – colonial and neocolonial. We introduce the concept of colonial cycle, which means power castling – the process when power shifts from the mother country to its colony; a typical example is the relationship between the United States and the UK. We propose a structural and graphical model of a multipolar world, which highlights alliances of countries and indirect methods of struggle that States engage in so as to gain influence in their regional segments of the geopolitical system. We reveal the objective and subjective drivers of neocolonial castling: the scale effect; the balance of power effect, formalized as a structural balance; the globalization saturation effect that generates a “globalization / local culture” cycle; the political leader effect; economic patriotism. We put forward an expanded model of state success in the context of neocolonialism; this model, in addition to internal social achievements, takes into account the external effect in the form of political sovereignty. We show that many international comparisons lose their relevance within the framework of this model. A typical example of a false but well-established narrative based on a narrowed model of state success is the notion of South Korea’s more dynamic development compared to North Korea. We consider a modification of the extended model of state success using N. Machiavelli’s militaristic model as an example. The cognitive significance of the concept of colonial cycles in the context of geopolitical turbulence is discussed.

Key words: colonialism, neocolonialism, colonial cycle, country’s success.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (23, Profsoyuznaya Street, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: EVBalatsky@imemo.ru)

Статья поступила 17.12.2024.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.3

УДК 314, ББК 60.7

© Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Рычихина Н.С.

Профессиональный стандарт «Демограф»: от квалификации специалистов к эффективным решениям в области демографии

**Тамара Керимовна
РОСТОВСКАЯ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Российский университет дружбы народов
Москва, Российская Федерация
e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1629-7780; ResearcherID: F-5579-2018

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: aas@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: E-5968-2012

**Наталья Сергеевна
РЫЧИХИНА**

Ивановский государственный университет
Иваново, Российская Федерация
e-mail: richihina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9872-424X

Для цитирования: Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Рычихина Н.С. (2025). Профессиональный стандарт «Демограф»: от квалификации специалистов к эффективным решениям в области демографии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 66–79. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.3

For citation: Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Rychikhina N.S. (2025). Professional standard “Demographer”: From the qualifications of specialists to effective decisions in demography. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 66–79. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.3

Аннотация. Для решения стратегических и тактических задач разного уровня в органах государственной и региональной власти, в подразделениях муниципальных образований, аналитических центрах и других некоммерческих организациях требуются специалисты-демографы с определенными знаниями и компетенциями, которые могут качественно осуществлять сбор, формирование и анализ информационно-аналитической демографической базы, подготавливать материалы для разработки демографических мер, выявлять демографическую конъюнктуру, проводить экспертизы экономических и социально значимых программ. Своевременным стало утверждение профессионального стандарта «Демограф», в котором четко прописано, какими знаниями, навыками и умениями должен обладать демограф определенного уровня квалификации и какой функционал он может выполнять. Однако организационные и методические вопросы оценки качества подготовки специалистов в области демографии для выполнения ими трудовых функций в зависимости от занимаемой должности и организации, в которой специалист работает или планирует работать, требуют особого внимания, что и обуславливает актуальность темы исследования. Целью исследования является разработка организационных и методических аспектов процесса оценки профессиональной квалификации специалистов в области демографии для качественного выполнения ими своих должностных обязанностей и решения проблем общества. Описан процесс оценки сотрудниками Центра оценки квалификации профессиональной квалификации специалистов в сфере демографии путем проведения экзамена, позволяющего оценить не только теоретические знания, но и навыки и умения кандидатов на присвоение квалификации; обоснована значимость использования компетентностного подхода как базового для оценки квалификации демографов. В рамках организационно-методического обеспечения проведения экзамена по оценке профессиональной квалификации специалистов в области демографии предложены рекомендации по документальному обеспечению проведения экзамена, регламент организации экзамена, правила поведения на экзамене, требования для экзаменуемых к прохождению экзамена и присвоения определенной квалификации специалистов в сфере демографии. Выявлено, что с ростом квалификации сотрудника-демографа повышаются его заработная плата и востребованность на рынке труда; построена карьерограмма демографа, показывающая взаимосвязь между уровнем квалификации, занимаемой должностью и заработной платой. Методологическую базу представляют базисные положения Концепции развития кадрового потенциала в области демографии, утвержденной в 2024 году. Перспективы исследования заключаются в повышении качества подготовки и оценки профессиональной квалификации специалистов в области демографии, что в дальнейшем повлияет на эффективность разработки и реализации проектов по развитию человеческого потенциала России.

Ключевые слова: демограф, профессиональный стандарт, квалификация, оценка качества.

Благодарность

Публикация выполнена в рамках проекта № 056128-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Введение

Для многих стран мира в настоящее время характерны такие демографические проблемы, как снижение рождаемости, убыль жителей в малых городах, старение населения, уменьшение количества зарегистрированных браков, переход к однодетным семьям, откладывание женщинами рождения первого ребенка на более поздний период (Гокова, Киселева, 2016; Кабайкина, Сущенко, 2016; Артамонова, Липчанская, 2021). Однако именно в России разработке демографической политики

по преодолению демографического вызова и решению указанных проблем уделяется огромное внимание на государственном уровне.

Утвержденная Указом Президента РФ в 2021 году «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» показывает важность «сбережения народа России и развития человеческого потенциала»¹.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 24.12.2021).

С 2019 по 2024 год в России реализовывался национальный проект «Демография», включающий комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на обеспечение устойчивого роста численности жителей в стране, повышение продолжительности жизни населения и укрепление общественного здоровья нации. С 2025 года в России стартуют новые национальные проекты «Семья», «Продолжительная и активная жизнь», «Молодежь и дети» и др. Для эффективного решения целей и задач, поставленных в новых стратегических документах, национальных проектах и региональных программах развития человеческого потенциала, требуются высококвалифицированные специалисты в области демографического развития.

Актуализация на государственном уровне значимости решения демографических проблем, своевременная разработка демографических национального и федеральных проектов, реализация Стратегии национальной безопасности РФ свидетельствуют, что в России люди — главный ресурс страны, а сбережение российского народа является основной задачей государства.

В регионах России, где особо остро стоит демографический вопрос, органы власти разрабатывают региональные меры (Короленко, 2015; Попова, 2016; Ростовская, Рычихина, 2024), такие как поддержка рождаемости (например, выплата регионального материнского капитала), комплексное оказание помощи многодетным семьям (например, освобождение родителей от оплаты за детский сад и ясли, освобождение от уплаты транспортного налога и пр.); поддержка молодых супругов, которые учась в университетах и колледжах, становятся родителями (например, выплата студенческого капитала при рождении ребенка) и пр.

В кадровый аппарат таких органов региональной власти необходимы квалифицированные демографы, обладающие навыками определять специфику и факторы демографического развития региона, интерпретировать демографическую информацию, разрабатывать и обосновывать сценарии и прогнозы демографического развития областей, населенных пунктов, малых, средних и крупных городов и пр.

Также демографы, которые могут исследовать и предоставлять информацию о социально-экономических и демографических процессах в обществе, требуются в аналитические цен-

тры, которые в настоящее время широко распространены в России (аналитический центр при Правительстве РФ, институт экономических и социальных исследований, аналитический центр НАФИ и др.²).

У Росстата для формирования баз демографической информации возникает потребность в демографах-статистах и демографах-аналитиках. В некоммерческие организации нужны демографы, умеющие работать с наиболее уязвимыми и незащищенными группами населения. В центры занятости населения для регулирования ситуации на рынке труда необходимы специалисты, которые могут анализировать, как демографические процессы повлияют на ситуацию с рабочими местами в регионе. Социальный фонд России и Фонд медицинского страхования нуждаются в специалистах-демографах, квалификация которых позволяет осуществлять демографический анализ и демографический прогноз для разработки программ и планов развития системы здравоохранения, социального и пенсионного обеспечения.

В научных организациях и сообществах ученые развивают теорию демографии и расширяют ее методологию с учетом современных тенденций (Ростовская, 2023). Следует подчеркнуть, что сегодня именно научная организация в лице Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН) активно проводит работу по созданию системы кадрового потенциала в области демографии. В 2022 году по инициативе ИДИ ФНИСЦ РАН и при поддержке профессионального сообщества Минтрудом России был утвержден профессиональный стандарт «Демограф»³. В 2023 году в структуре ФНИСЦ РАН создан Координационный центр развития кадрового потенциала⁴. В 2024 году разработана Концеп-

² Атлас аналитических центров ЕАЭС: справочник / под ред. А.В. Кузнецова; ИНИОН РАН, Центр междисциплинарных исследований. Москва: ИНИОН РАН, 2021. 206 с.

³ Об утверждении профессионального стандарта «Демограф»: Приказ Минтруда России № 346н от 8 июня 2022 г. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2368?ysclid=17e9nglzmc73043482>

⁴ Приказ о создании Координационного центра развития кадрового потенциала в области демографии. URL: <https://cloud.idrras.ru/wp-content/uploads/2023/06/Приказ-о-создании-ЦК-28.02.2023-2.pdf> (дата обращения 20.11.2024).

ция развития кадрового потенциала в области демографии, которая определяет «...принципиально новый подход к развитию кадрового потенциала в области демографии: цель, основные задачи, принципы, основные направления, механизмы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в области демографии»⁵. В основу реализации Концепции положена многоуровневая система взаимодействия государственных и государственно-общественных структур, осуществляющих работу по подготовке кадров в сфере демографии на федеральном, региональном и местном (муниципальном) уровнях. Структура Координационного центра развития кадрового потенциала в области демографии усиливается:

– в 2023 году был открыт Уральский межрегиональный центр развития кадрового потенциала в области демографии, представляющий совместный проект Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина и Института экономики Уральского отделения РАН⁶;

– 5 апреля 2024 года состоялось открытие Регионального центра развития кадрового потенциала в области демографии на базе Вологодского научного центра РАН и Череповецкого государственного университета⁷;

– 20 сентября 2024 года открыт Байкальский центр развития кадрового потенциала в области демографии на базе Иркутского государственного университета и Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН⁸;

⁵ Концепция развития кадрового потенциала в области демографии. URL: <https://cloud.idrras.ru/wp-content/uploads/2024/09/Концепция-5.06.2024.-docx-1.pdf> (дата обращения 20.11.2024).

⁶ Координационный центр развития кадрового потенциала в области демографии ИДИ ФНИСЦ РАН инициировал создание Уральского межрегионального центра развития кадрового потенциала в области демографии. URL: <https://idrras.ru/news/2023/6/razvitie-potenciala-v-oblasti-demografii.html> (дата обращения 20.11.2024).

⁷ В Вологодской области создан Региональный центр развития кадрового потенциала в области демографии. URL: <https://idrras.ru/news/2024/4/reg-centr-razvitiya-kadrov-v-demografii.html> (дата обращения 20.11.2024).

⁸ Байкальский центр развития кадрового потенциала в области демографии. URL: <https://idrras.ru/news/2024/9/otkrytie-baykalskogo-centra-razvitiya-kadrovogo-potenciala-v-oblasti-demografii.html> (дата обращения 20.11.2024).

– 19–20 декабря 2024 года в Ростовской области в Новочеркасске состоялось открытие Южно-Российского центра развития кадрового потенциала в области демографии на базе Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова⁹.

Показав востребованность квалифицированных специалистов-демографов в организациях и учреждениях, перейдем к изучению заявленной проблематики, а именно к содержанию основных понятий в исследуемой сфере, рассмотрению квалификационных уровней демографа, проблем подготовки демографов высшими учебными заведениями. Детально рассмотрим организационные и методические аспекты процесса оценки профессиональной квалификации специалистов в области демографии для качественного выполнения ими своих должностных обязанностей и решения проблем общества.

Анализ предметной области

Вопросами оценки квалификационного уровня специалистов занимались А.М. Карякин (Карякин, Юникова, 2016), А.О. Минкина (Минкина, 2020), Е.В. Пахомова (Пахомова, 2013), В.К. Потемкин (Потемкин, 2020), Ю.А. Филясова (Филясова, 2021), В.А. Чикер (Чикер, 2017) и другие учёные. В настоящее время при оценке квалификационного уровня специалиста важную роль играет компетентностный подход, который позволяет оценивать знания, умения, трудовые действия сотрудника и определять соответствие его квалификации занимаемой должности (Бейсбекова, 2015; Бавыкина, Миляева, 2016; Радько, 2021). Э.Э. Сыманюк, Л.Ю. Шемятихина, М.Г. Синякова описывают особенности применения компетентностного подхода при подготовке специалистов (Сыманюк и др., 2009). О.Л. Чуланова и Н.С. Борисенко рассматривают методику внедрения данного подхода при периодической оценке и аттестации персонала (Чуланова, Борисенко, 2015). Как видим, проблема оценки квалификации сотрудников с использованием компетентностного подхода в настоящее время

⁹ Открытие Южно-Российского регионального центра развития кадрового потенциала в области демографии в Новочеркасске. URL: <https://idrras.ru/news/2024/12/otkrytie-yuzhno-ros-regcentr-razvitiya-kadr-potenciala.html>

очень актуальна, однако вопросы оценки профессиональной квалификации демографов с помощью данного подхода недостаточно изучены и требуют глубокой проработки.

Разнообразие функциональных задач демографов (от исследовательских, аналитических до управленческих) привело к необходимости разработки профессионального стандарта «Демограф»¹⁰ и утверждению уровней и подуровней квалификации демографа, четко прописывающих знания сотрудника в области демографии и его умения для занимаемой должности.

Квалификация демографа – это степень и вид профессиональной обученности работника, т. е. наличие у него знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения им определенной работы и занятия определенной должности (Сизикова, Анিকেева, 2016).

В соответствии с профессиональным стандартом «Демограф» в зависимости от знаний в области демографии, умений сотрудника и выполняемых трудовых действий выделяют шестой и седьмой уровни квалификации демографа и шесть подуровней квалификации, определяющих обобщенные трудовые функции, которые может выполнять данный сотрудник в рамках своей профессиональной деятельности (табл. 1). Чем выше уровень квалификации демографа, тем большим объемом знаний, навыков и умений он владеет и тем бо-

лее сложные задачи перед ним может ставить руководство. Демограф шестого уровня квалификации профессионально формирует демографические базы данных и оценивает демографическую конъюнктуру. Если данный сотрудник пройдет повышение квалификации, то может справляться с более сложными задачами – разрабатывать сценарии развития демографических процессов в обществе, а в дальнейшем, пройдя обучение и подтвердив свой квалификационный уровень, – проводить экспертизу проектов.

Несмотря на то, что демография как самостоятельная дисциплина вводится в различные направления подготовки, в настоящее время на национальном уровне не сформировано единое информационно-образовательное пространство, обеспечивающее доступ к качественному образованию и профессиональному развитию в области демографии; не открыта востребованная специальность «Демография». В связи с этим актуальной является разработка Учебно-методическим советом «Демография» в рамках ФУМО «Социология и социальная работа»¹¹ и Координационным центром развития кадрового потенциала в области демографии ФНИСЦ РАН федеральных государственных образовательных стандартов и программ высшего образования, направленных на подготовку специалистов-демографов. Данная работа поддержана представителями органов законодательной и

Таблица 1. Уровни и подуровни квалификации демографа

Уровень квалификации	Наименование	Наименование	Подуровень квалификации (код)
6	Мониторинг демографических процессов в обществе	Формирование демографических баз данных на основе современных цифровых технологий	6 (A/01.6)
		Определение демографической конъюнктуры на различных уровнях	6 (A/02.6)
7	Прогнозирование демографических процессов в обществе	Моделирование демографических процессов в обществе	7 (B/01.7)
		Разработка сценариев развития демографических процессов в обществе	7 (B/02.7)
	Демографическая экспертиза и консультирование	Проведение демографической экспертизы проектов и работ	7 (C/01.7)
		Информационно-аналитическое обеспечение реализации программ и проектов демографического развития общества	7 (C/02.7)
Источник: составлено авторами.			

¹⁰ Об утверждении профессионального стандарта «Демограф»: Приказ Минтруда России № 346н от 8 июня 2022 г. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2368?ysclid=17e9nglzmc73043482>

¹¹ Создание УМС «Демография». URL: <https://idrras.ru/news/2023/6/sozdan-ums-po-demografii.html> (дата обращения 20.11.2024).

исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях¹².

Следует также отметить роль Координационного центра развития кадрового потенциала в области демографии в части координации деятельности по формированию и развитию системы подготовки демографов по программам повышения квалификации и профессиональной переподготовки государственных и муниципальных служащих, руководителей и специалистов органов и организаций, действующих во всех сферах социально-демографического развития. В условиях динамично развивающейся внешней среды демографу важно знать все современные тенденции развития общества и своевременно повышать уровень квалификации.

Вместе с тем также необходимо подтверждать свои знания, навыки и умения в Центре оценки квалификации (далее – ЦОК), который объективно и профессионально проводит независимую оценку специалистов в области демографии в соответствии с требованиями профессионального стандарта «Демограф».

Подготовка экспертов ЦОК в соответствии с профессиональным стандартом «Демограф» проводится с 2022 года Советом по профессиональным квалификациям в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения в рамках дополнительной профессиональной программы повышения квалификации (руководитель программы – председатель Совета Ю.В. Герций). Следует подчеркнуть, что авторы являются первыми выпускниками данной программы, которая позволяет им проводить экспертную деятельность в области демографии.

При оценке и присвоении квалификационного уровня эксперты ЦОК должны руководствоваться компетентностным подходом, основывающимся на знаниях, умениях сотрудни-

ка (претендующего на уровень квалификации) и трудовых функциях, которые он должен выполнять.

Оценка экспертами качества профессиональной квалификации специалистов в области демографии осуществляется в четыре этапа (рис. 1).

1. Подготовка к проведению экзамена по оценке квалификации. Включает в себя определение состава оценочной комиссии, разработку и утверждение оценочных средств, формирование методического обеспечения проведения экзамена (утверждение спецификации заданий и чек-листов для оценки). На данном этапе эксперты в области демографии, работающие в Центре оценки квалификации, разрабатывают оценочные средства для каждого квалификационного уровня демографа. В соответствии с решением Совета по профессиональным квалификациям в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения рекомендуется разрабатывать оценочные средства для проверки знаний, умений и действий демографа двух видов: оценочные средства для теоретического этапа экзамена и оценочные средства для практического этапа экзамена.

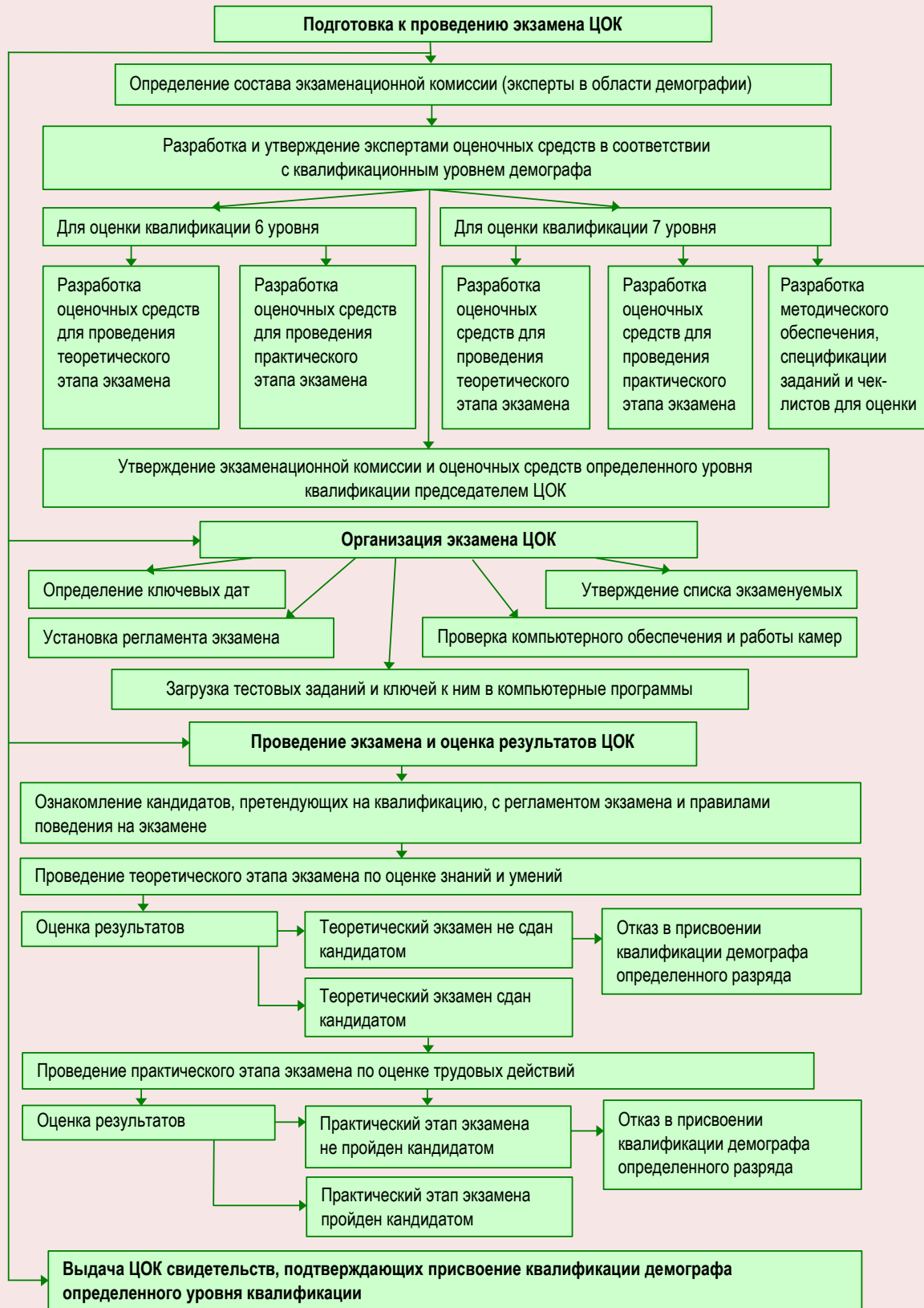
2. Организация экзамена. На данном этапе определяются даты экзаменов, утверждается регламент проведения экзамена, списки экзаменуемых, проверяется компьютерное обеспечение, осуществляется загрузка тестовых и оценочных заданий в компьютерную программу. Оценка квалификации специалиста в области демографии включает в себя экзамен, который проходит в два этапа, что позволяет объективно оценить знания, навыки, умения и потенциал каждого демографа. На первом этапе проводится оценка теоретических знаний и умений специалиста в области демографии в соответствии с квалификационным уровнем. Второй этап является практическим и включает оценку трудовых действий в соответствии с требованиями квалификации шестого и седьмого уровней специалистов в области демографии.

3. Проведение экзамена и оценка результатов.

4. Выдача свидетельств, подтверждающих присвоение квалификации демографа определенного уровня квалификации.

¹² Минобрнауки поддержало предложение «Единой России» о системной подготовке специалистов-демографов. URL: <https://er.ru/activity/news/minobrnauki-podderzhalo-predlozhenie-edinoj-rossii-o-sistemnoj-podgotovke-specialistov-demografov> (дата обращения 20.11.2024); Минобрнауки России поддержало подготовку демографов в вузах. URL: <https://idrras.ru/news/2024/7/minobz-podderzhal-podgotovku-demografov.html> (дата обращения 20.11.2024); Т.К. Ростовская на межрегиональном форуме по укреплению традиционных семейных и духовно-нравственных ценностей. URL: <https://idrras.ru/news/2024/11/semya-osnova-mira.html> (дата обращения 20.11.2024).

Рис. 1. Процесс оценки качества профессиональной квалификации специалистов в области демографии

Источник: составлено авторами.

Подготовка к практической части экзамена должна включать разработку задания для оценки выполнения трудовых функций и действий сотрудника-демографа в реальных или модельных условиях. Для подготовки к этой части экзамена на этапе планирования экспертам следует определить трудовую функцию (трудовое действие), разработать задание, описать решение задания, предложить критерии оценки, определить время на выполнение, сформировать чек-лист для экзаменатора, в котором он будет оценивать выполнение практического задания.

Важно разработать критерии для оценивания задания, в качестве которых могут выступать:

1) правильное определение оцениваемым методики расчета искомого показателя;

- 2) непосредственно расчет показателя;
- 3) получен ли верный результат;
- 4) интерпретация результата.

По завершении экзамена эксперту необходимо заполнить чек-лист для оценки выполнения практического задания. В *таблице 3* представлен пример чек-листа, если практический этап экзамена не сдан (оцениваемый не подготовлен к квалифицированному выполнению заданной функции), в *таблице 4* – если сдан (оцениваемый подготовлен к квалифицированному выполнению заданной функции).

Подобное практическое задание рекомендуется составить для каждой трудовой функции. Практическое задание считается выполненным при выполнении всех критериев оценки и соблюдении времени, выделенного на его выполнение.

Таблица 3. Чек-лист для оценки выполнения практического задания № 1 (практический этап экзамена не сдан, оцениваемый не подготовлен к квалифицированному выполнению заданной функции)

№	Наименование работы	Критерий	Факт Да/Нет	Примечание
1.				
1.1.	Определение методики расчета искомого показателя	Верный выбор формулы	да	-
1.2.	Непосредственно расчет показателя	Правильная подстановка данных в формулу	да	-
1.3.	Получение результата расчета искомого показателя	Верный результат расчета	нет	Ошибка в расчетах
1.4.	Интерпретация результата	Грамотный вывод об изменениях младенческой смертности	нет	Результат интерпретирован не правильно из-за арифметической ошибки в расчетах
Источник: составлено авторами.				

Таблица 4. Чек-лист для оценки выполнения практического задания № 1 (практический этап экзамена сдан, оцениваемый подготовлен к квалифицированному выполнению заданной функции)

№	Наименование работы	Критерий	Факт Да/Нет	Примечание
1.				
1.1.	Определение методики расчета искомого показателя	Верный выбор формулы	да	-
1.2.	Непосредственно расчет показателя	Правильная подстановка данных в формулу	да	-
1.3.	Получение результата расчета искомого показателя	Верный результат расчета	да	-
1.4.	Интерпретация результата	Грамотный вывод об изменениях младенческой смертности	да	-
Источник: составлено авторами.				

2 этап. Организация экзамена:

- приказом должен быть утвержден список экзаменуемых, а также экспертная экзаменационная комиссия,
- определяются даты и формируются приглашения на экзамен для экзаменуемых,
- устанавливается регламент экзамена (на выполнение тестовой части отводится 120 минут, среднее время выполнения каждого задания составляет 3 минуты),
- осуществляется загрузка тестовых заданий в программу;
- происходит установка камер для наблюдения за ходом экзамена;
- утверждаются требования к прохождению экзамена.

Установление требований к прохождению экзамена включает критерии успешной сдачи экзамена и присвоения соответствующей квалификации. Например, минимальный порог для прохождения теоретического этапа составляет 30 баллов (экзаменуемый ответил правильно на 75% вопросов); для прохождения практического этапа – 50 баллов (экзаменуемый выполнил правильно 75% практических заданий). Исходя из этого могут быть установлены следующие требования к прохождению экзамена:

- экзамен считается сданным, если оцениваемый набрал, например, на теоретическом этапе экзамена 30 баллов или более, был допущен ко второму этапу и на практическом этапе экзамена набрал минимум 50 баллов;
- экзамен считается несданным, если оцениваемый кандидат набрал, например, на теоретическом этапе экзамена 30 баллов и более, был допущен ко второму этапу – практическому, и на практическом этапе экзамена набрал меньше 50 баллов;
- экзамен считается несданным, если оцениваемый кандидат набрал, например, на теоретическом этапе экзамена меньше 30 баллов и не был допущен к следующему этапу;
- экзамен считается несданным, если оцениваемый кандидат нарушил правила поведения на экзамене (например, пользовался телефоном во время экзамена, нарушал дисциплину поведения на экзамене).

3 этап. Проведение экзамена и оценка результатов. Важно ознакомить экзаменуемых с

правилами поведения на экзамене в Центре оценки квалификации:

- 1) нельзя опаздывать на экзамен,
- 2) на экзамен следует предъявить документ, подтверждающий вашу личность (паспорт),
- 3) нельзя разговаривать во время экзамена,
- 4) нельзя пользоваться телефоном во время экзамена,
- 5) необходимо бережно относиться к технике.

Также экзаменуемому следует сообщить регламент проведения экзамена.

Для качественной оценки знаний и умений сотрудника очень важно, чтобы во время экзамена каждый экзаменуемый садился за отдельный компьютер и проходил оценку под руководством наблюдателя из экспертной комиссии. По результатам экзамена выдается свидетельство, подтверждающее присвоение специалисту квалификации демографа определенного уровня.

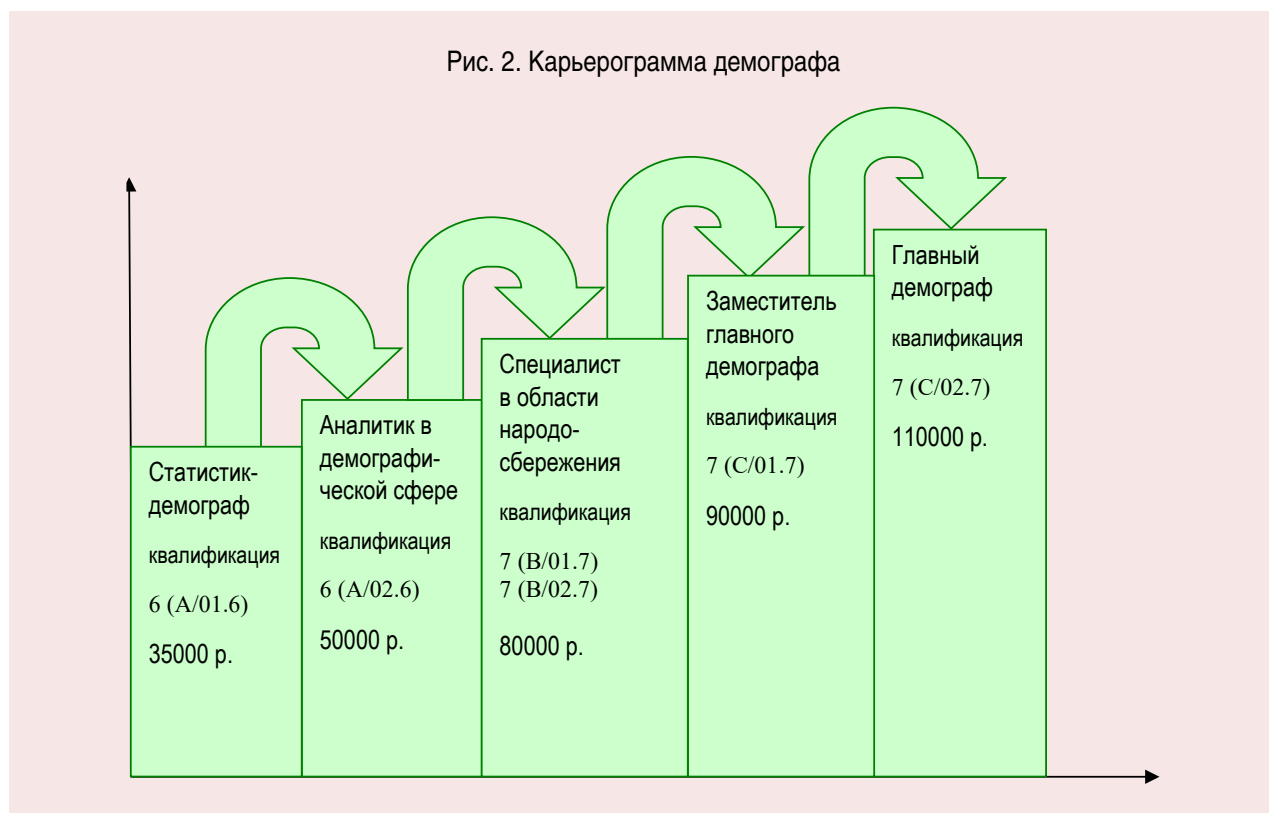
Выполнение ЦОК перечисленных правил на каждом этапе поможет сделать оценку квалификации сотрудников качественной.

Получение сотрудником свидетельства о повышении квалификации позволит ему увеличить свою востребованность на рынке труда. Он может быть повышен в должности или поставлен в кадровый резерв на дальнейшее продвижение. Именно от уровня квалификации и занимаемой должности будет зависеть зарплата сотрудника. На *рисунке 2* представлена карьерограмма демографа, показывающая взаимосвязь между уровнем квалификации, занимаемой должностью и заработной платой. Построение подобных карьерограмм для работников позволяет мотивировать их на рост квалификационного уровня с целью продвижения по служебной лестнице и качественного выполнения своих трудовых обязанностей (Рычихина, Евдокимова, 2021).

Заключение

Как видим, для народосбережения, расширенного воспроизводства и повышения качества жизни населения по всей территории России (в областях, малых городах и населенных пунктах) требуются специалисты, которые могут осуществлять сбор, формирование и анализ информационно-аналитической демогра-

Рис. 2. Карьерограмма демографа

фической базы, подготавливать материалы для разработки демографических мер, выявлять благоприятную и неблагоприятную демографическую конъюнктуру, проводить экспертизы экономических и социально значимых программ и проектов. Качество подготовки и оценки профессиональной квалификации специалистов в области демографии в дальнейшем повлияет на эффективность разработки и реализации проектов по сбережению населения и развитию человеческого потенциала России. В связи с этим решение данного вопроса в настоящее время имеет огромную значимость (Чэн Сюминь и др., 2024; Шабунова и др., 2024).

Соблюдение предложенных авторами организационных и методических положений относительно процесса оценки профессиональ-

ной квалификации специалистов в области демографии, а также правил, регламента и процедур в рамках организационно-методического обеспечения проведения экзамена на каждом этапе оценки квалификации сотрудников позволит сделать ее качественной и будет гарантом того, что в органы государственной власти и в организации придут профессионалы своего дела. Только квалифицированные специалисты-демографы смогут, анализируя демографические процессы в различных группах населения, разработать комплекс мер, направленных на укрепление института многопоколенной семьи, сформировать мотивацию в обществе к многодетности; предложить эффективные меры, направленные на увеличение ожидаемой продолжительности жизни и снижение смертности (Сыманюк и др., 2009).

Литература

- Артамонова Я.В., Липчанская И.В. (2021). Реализация программ государственной поддержки российских молодых семей (на примере Ростовской области) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. № 3. С. 18–25.
- Бавыкина Е.Н., Миляева Л.Г. (2016). Профессиональная карьера: компетентностный подход // Научно-методический электронный журнал «Концепт». Т. 15. С. 2551–2555. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96431.htm> (дата обращения 19.01.2023).

- Бейсбекова Ж.Б. (2015). Компетентностный подход – новая модель образования // Успехи современного естествознания. № 1-1. С. 115–120. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34791> (дата обращения 19.01.2023).
- Гокова О.В., Киселева А.М. (2016). Вопросы управления демографическим развитием в РФ, Франции и Германии: сравнительное исследование репродуктивных технологий и отношения молодежи к институту брака // Вопросы управления. № 2. С. 68–75.
- Карякин А.М., Юникова А.В. (2016). Развитие методов оценки профессиональной деятельности персонала // Известия Высших учебных заведений. Серия «Экономика, Финансы и управление производством». № 4 (30). С. 36–40.
- Кабайкина О.В., Сушенко О.А. (2016). Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе // Социология. № 4. С. 163–169.
- Короленко А.В. (2015). Современный демографический кризис в России и Вологодской области: сущность, причины и основные черты // Гуманитарные научные исследования. № 1. Ч. 1. URL: <https://human.snauka.ru/2015/01/8758> (дата обращения 16.01.2022).
- Минкина А.О. (2020). Карьера и фактор успешности // Colloquium-journal. № 19-3 (71). С. 6–7.
- Пахомова Е.В. (2013). Понятие «карьера»: анализ определений // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». Т. 6. № 2. С. 111–115.
- Попова Л.А. (2016). Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 2 (44). С. 79–93.
- Потёмкин В.К. (2020). Человекоориентированное управление предприятиями и организациями // Экономика и управление. № 2. С. 165–176. DOI: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-165-176>
- Радько С.Г. (2021). Компетентностный подход в процедурах управления трудовым потенциалом // HumanProgress. Т. 7. Вып. 1. С. 13. URL: http://progress-human.com/images/2021/Tom7_1/Radko.pdf. DOI: 10.34709/IM.171.13
- Ростовская Т.К., Рычихина Н.С. (2023). Разработка системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем. Вопросы управления. № 2 (81). С. 21–32.
- Ростовская Т.К., Рычихина Н.С., Золотарева О.А. (2023). Некоторые аспекты управления карьерой специалиста в парадигме профессионального стандарта «Демограф». Социологическая наука и социальная практика. Т. 11. № 1 (41). С. 173–195.
- Ростовская Т.К., Рычихина Н.С. (2024). Репродуктивные установки российского студенчества: региональный аспект. Проблемы развития территорий. Т. 28. № 1. С. 98–114.
- Рычихина Н.С., Евдокимова О.В. (2021). Управление карьерой HR-менеджера // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. № 4 (68). С. 26–31. DOI: 10.6060/snt.20216804.0004
- Сизикова В.В., Аникеева О.А. (2016). Моделирование профессиональных стандартов специалистов социальной сферы как основа преобразования социальной практики // Сервис в России и за рубежом. Т. 10. Вып. 8 (69). С. 105–119. DOI: 10.22412/1995-042X-10-8-12
- Сыманюк Э.Э., Шемятихина Л.Ю., Синякова М.Г. (2009). Компетентностный подход в подготовке отраслевых специалистов // Фундаментальные исследования. № 5 (приложение). С. 141–146. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=1847> (дата обращения 19.01.2023).
- Филясова Ю.А. (2021). Развитие карьеры персонала организации // Управление. № 9 (1). С. 80–91. DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-1-80-91>
- Чикер В.А. (2017). Психологические аспекты индивидуальной карьеры // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. № 3. С. 80–90.
- Чуланова О.Л., Борисенко Н.С. (2015). Методика реализации компетентностного подхода при отборе и оценке персонала организации // Интернет-журнал «Мир науки». № 1. DOI: <http://mir-nauki.com/PDF/04EMN115.pdf>
- Чэн Сюминь, Тань Жоюй, Калачикова О.Н. (2024). Социокультурные детерминанты брачного и репродуктивного поведения населения в контексте вызовов демографического развития (опыт китайско-российских исследований) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 4. С. 212–230. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.12
- Шабунова А.А., Крошилин С.В., Ярашева А.В., Медведева Е.И. (2024). Социально-экономические индикаторы национальных целей развития России: тенденции и прогноз // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 40–54. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.2

Сведения об авторах

Тамара Керимовна Ростовская — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru); директор, Институт современных языков, межкультурной коммуникации и миграций, Российский университет дружбы народов (Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6)

Александра Анатольевна Шабунова — доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscs.ac.ru)

Наталья Сергеевна Рычихина — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры, Ивановский государственный университет (Российская Федерация, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39; e-mail: richihina@mail.ru)

Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Rychikhina N.S.

Professional Standard “Demographer”: From the Qualifications of Specialists to Effective Decisions in Demography

Abstract. To resolve various strategic and tactical tasks in government and regional agencies, units of municipalities, analytical centers and other non-profit organizations, demographers with considerable expertise are required who can efficiently build and study analytic demographic databases, prepare resources for the development of demographic plans, identify demographic trends, conduct expert examinations of economic and socially significant programs. However, it has been difficult for a long time to assess professional qualifications of specialists in demography in order for them to perform their functions efficiently due to the insufficient number of such specialists and their mixed functionality. Departments and centers of demography opened in leading Russian universities helped resolve this issue. It was the appropriate moment to approve the professional standard “Demographer”, which clearly states knowledge, skills and abilities of a demographer at a certain qualification level and functions to perform. However, organizational and methodological issues related to assessing the quality of received training in demography to perform job functions, depending on the position and the organization in which the specialist works or plans to work, require particular attention, which determines the relevance of the studied topic. The aim of the research is to develop organizational and methodological aspects of the process of assessing professional qualifications of specialists in demography for the qualitative performance of their functions and solving issues of society. The article describes the process of assessment of professional qualifications of specialists in demography by the personnel of the Qualification Assessment Center by conducting an examination that allows assessing not only theoretical knowledge, but also skills and abilities of candidates for the qualification; the importance of using a competence approach as a base for assessing qualifications of demographers is substantiated. As part of the organizational and methodological support for the examination to assess professional qualifications of specialists in demography, recommendations are proposed for the document support of the examination, arrangement procedures of the examination, rules of conduct during the examination, requirements for examinees to pass the examination and obtain a certain qualification level as a demographer. It has been revealed that the increasing qualifications of demographic workers provide higher wages and demand for these specialists in the labor market; a demographer’s career chart has been constructed, showing the relationship between the qualification level, position, and wages. The methodological basis is represented by the fundamental provisions of the concept of managerial training. The prospects of the study are to improve the quality of training and assessment of professional qualifications of specialists in demography, which will further influence the effectiveness of creation and implementation of projects for the development of human potential in Russia.

Key words: demographer, professional standard, qualification, quality assessment.

Information about the Authors

Tamara K. Rostovskaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, deputy director, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru); director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University (6, Miklukho-Maklai Street, Moscow, 117198, Russian Federation)

Aleksandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Nataliya S. Rychikhina – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, associate professor of department, Ivanovo State University (39, Ermak Street, Ivanovo, 153025, Russian Federation; e-mail: richihina@mail.ru)

Статья поступила 19.06.2024.

Социально-экономические проблемы Европейского Севера России и географический аспект их решения в современных условиях

Виталий Николаевич

ЛАЖЕНЦЕВ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера

ФИЦ Коми научный центр УрО РАН

Сыктывкар, Российская Федерация

e-mail: vnl1940@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2222-5107; ResearcherID: O-6722-2017

Аннотация. Европейский Север России рассмотрен как экономический район со специфическими характеристиками производства и расселения населения. Здесь формируется северо-европейский тип хозяйства с высоким природно-ресурсным потенциалом, инновационными гео- и биотехнологиями, телекоммуникационными системами и формами организации территориальных сообществ людей, приспособленных к сложным климатическим условиям. Социально-географический аспект развития данного типа хозяйства проявляется в интересах укорененного населения сохранить и модернизировать исторически приобретенное пространство жизнедеятельности. Это сопряжено с преодолением трудностей в деле рационального земле- и лесопользования, возрождения образа жизни возле рек, озер и морских заливов, укрепления территориальных связей по линии «центр – периферия». На выбор стратегических направлений развития Европейского Севера России существенно влияют внешние условия. Они актуализируют тематику по поводу реакции на трансформацию мироустройства, северо-российской идентичности, формирования контактной зоны континентальной и морской экономики, продовольственной безопасности, защиты арктических интересов России от угроз иностранного вмешательства. Проблематика изучения Европейского Севера России становится более сложной и требует целенаправленного научного объяснения, создания научно-технологических основ территориального хозяйствования.

Ключевые слова: экономический район, северо-европейский тип хозяйства, территориально-хозяйственная система, типология, методология, наука и социально-экономическое развитие.

Для цитирования: Лаженцев В.Н. (2025). Социально-экономические проблемы Европейского Севера России и географический аспект их решения в современных условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 80–88. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.4

For citation: Lazhentsev V.N. (2025). Socio-economic issues of the European North of Russia and the geographical aspect of their solution in modern conditions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 80–88. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.4

Введение

Изучение проблем социально-экономического развития Севера России (с особым вниманием к его арктической зоне) ведется широким фронтом и многочисленными исследовательскими коллективами. Обобщение результатов НИР по данной тематике¹ (Агранат, 1992; Агранат, 2007; Башмакова, 2010; Лаженцев, 2015; Пилясов, 2016) выявило определенную тенденцию смещения исследовательского интереса от глобальных и страноведческих проблем освоения природных ресурсов к проблемам внутрорегионального характера, связанным с неудовлетворительным состоянием северного уклада жизни. Все более актуальным становится исторический подход к познанию и пониманию реакции местных сообществ людей на общие трансформации пространственного развития, происходящие в России и в мироустройстве в целом (Варлен, 2001; Бровина, 2018; Лапин, 2015; Лукин, 2013; Лыткина, Смирнов 2019; Траектория..., 2011; Швецов, 2021). Это уже более высокий уровень обобщений, нацеленный на перевод идей мировоззрения в плоскость решения практических задач того или иного региона страны. С учетом такого смещения нами предпринята *попытка с географических позиций показать наиболее значимые проблемы, обусловленные именно процессами трансформации экономических и социальных основ общественного развития на Европейском Севере России*. Рассмотрены три проблемы: формирование крупного экономического района, обоснование северо-европейского типа территориально-хозяйственных комплексов, сохранение ранее приобретенного пространства жизнедеятельности и его обустройство.

Проблема формирования крупного экономического района

Европейский Север России чаще всего рассматривается как Северный экономический район (республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Мурманская области, Ненецкий автономный округ). Он был выделен из состава Северо-Западного экономического района в 1982 г., и с тех пор его границы остаются неизменными. На территории

1466,3 тыс. км² проживает 4046 тыс. человек, 2,8% от численности населения России (2023 г.). Здесь производится 3,8% валового внутреннего продукта (ВВП) РФ с большой долей добычи полезных ископаемых, лесной и рыбной промышленности.

Среди европейских экономических районов Северный характеризуется относительно суровым климатом и высоким природно-ресурсным потенциалом промышленного развития (Север европейской..., 1966; Северный экономический..., 1992). В этом он похож на азиатские районы России, но в отличие от них имеет более благоприятные природные условия, сформировавшиеся под влиянием теплого атлантического течения Гольфстрим, удобное экономико-географическое положение относительно Москвы и Санкт-Петербурга. Вместе с ростом значения в национальной и мировой экономике Северного морского пути и в целом Арктики возрастает роль данного района как основного плацдарма освоения и защиты высокоширотных российских территорий и акваторий. Здесь сформировалась своего рода контактная зона континентальной и морской экономики, геополитических интересов России и скандинавских стран (Шубин, 2011).

В экономическом районировании большую роль играют производственно-технологические связи. Примером тому служит созданная в 1950-х гг. Северная угольно-металлургическая база на основе карельских и кольских железных руд, печорского коксующегося угля, водных и энергетических ресурсов Череповца. Это был стержень Северного экономического района. Но «эпоха угля и стали» прошла, наступило время высоких технологий и микроэлектронных комплексов. Прежняя индустрия в вопросах территориальной организации производительных сил стала проблематичной. Положительные сдвиги в технологиях одних производств иногда создают трудности для других. Так, перевод Череповецкой ГРЭС с угля на газ привёл к полному закрытию шахтного хозяйства в Инте, а намерение руководства «Северстали» вместо кокса использовать газ и водород усугубляет проблематику добычи угля в Воркуте и социально-экономического развития этого города.

¹ К 30-летию Вологодского научного центра РАН (2020). Вологда: ВолНЦ РАН. 161 с.

В настоящее время более существенное значение для районообразования имеет пространственная интеграция научно-технологического, экономического, экологического и социального характера. Данное обстоятельство объединяет усилия и ресурсы республик, областей, автономного округа и муниципалитетов с целью рационального природопользования, инфраструктурного обустройства территорий, развития спорта и туризма, организации культурно-массовых мероприятий и других направлений межрегионального сотрудничества. Речь идет об управляемой кооперации внутри Европейского Севера России на основе сотрудничества региональных правительств, муниципалитетов и хозяйственных структур, научно-исследовательских и образовательных центров (Кожевников, 2023).

Вместе с тем возникает вопрос: если отмеченные источники и движущие силы районообразования имеют столь явное значение (хотя и неоднозначное), то почему экономические районы находятся в положении формального придатка к существующей в России системе стратегирования пространственного планирования? Применительно к Северному экономическому району этот вопрос весьма актуален. Дело в том, что здесь пока нет крупного организующего центра. На эту роль лишь претендует Архангельск с учётом его равноудалённого географического положения и исторического опыта большой Архангельской губернии и Северного края (Шубин, 2005).

Проблемным является совместное развитие Северо-Западного и Северного экономических районов. Санкт-Петербург теряет (возможно, временно) свою позицию «окна в Европу» и всё более ориентируется на внутрироссийский рынок. Особенно заметен его разворот в сторону Арктики. Регионы Европейского Севера России получают от этого определённые выгоды. Наиболее существенные приращения происходят в сфере культуры, высокотехнологичной медицины, науки и образования, конструкторских и спецмонтажных работ, логистики, регионального проектирования. Является ли это достаточным основанием для объединения двух экономических районов в один — вопрос, не имеющий однозначного ответа. Вместе с тем в любом варианте правомерной остаётся установка на конструктивное отражение в систе-

ме стратегического пространственного планирования России особенностей хозяйственной деятельности на Европейском Севере и его географического положения.

Проблема формирования северо-европейского типа территориально-хозяйственных комплексов

Типологию территориально-производственных комплексов впервые провел в 1947 г. Н.Н. Колосовский (Колосовский, 1958) на основе энерго-производственных циклов и производственных сочетаний, формирующихся вокруг таких циклов. Однако северные территории в рамках своей типологии он рассматривать не стал в силу их неопределенного в то время положения в экономическом районировании страны, но выделил на перспективу «северную индустрию». В.А. Кротов (Кротов, 1964) научно обосновал наличие восточно-сибирского типа производительных сил. Это, пожалуй, единственный опыт такого рода исследования. Если его спроецировать на Северный экономический район с корректировкой на современные условия общественного развития, то предварительно можно дать следующую формулировку: *северо-европейский тип хозяйства — это территориально-производственное сочетание, основанное на высоком природно-ресурсном потенциале, инновационных гео- и биотехнологиях, телекоммуникационных системах и специфических формах организации жизнедеятельности людей, приспособленных к сложным климатическим условиям.*

Исходя из этого определения, главные производственно-технологические ориентиры Северного экономического района можно сформулировать следующим образом:

- создание энерго-угле-нефте-газохимических комплексов, где топливная схема использования ресурсов углеводородов будет вспомогательной, а химико-технологическая — основной;
- комплексная переработка рудного сырья с извлечением дефицитных редких и редкоземельных металлов, крайне необходимых для повышения уровня технологической самодостаточности российской экономики;
- создание системы геомеханического мониторинга, обогащение руд непосредственно в недрах, гидрометаллургические методы переработки, лазерное сканирование, ядерно-физические и другие методы исследования свойств природных материалов;

- внедрение новых способов механической обработки и химической переработки древесины с использованием древесной зелени для получения биологически активных веществ;
- технологическое оснащение агрокомплексов, структура которых охватывает весь цикл производств земледелия, животноводства и выпуска пищевых продуктов.

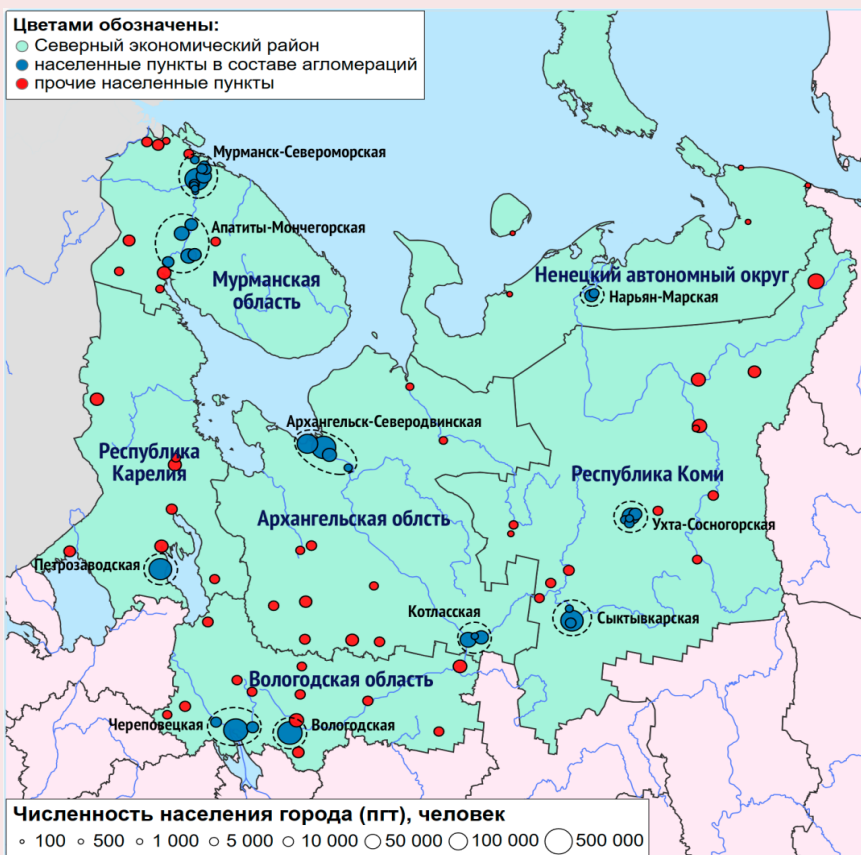
Перечисленное требует системного научно- и технологического обоснования. Реализация разработанных в Российской академии наук инновационно-технологических проектов могла бы существенно способствовать формированию указанного типа хозяйства.

Изучение и проектирование *локальных форм организации хозяйства и жизнедеятельности людей* на Европейском Севере предполагает более подробную географическую типологию.

На *рисунке* показан один из примеров такой типологии, в рамках которой выделены:

- *агломерации, играющие роль центральных мест* (Мурманско-Североморская, Апатито-Мончегорская, Петрозаводская, Вологодская, Череповецкая, Архангельско-Североморская, Котласская, Сыктывкарская, Ухта-Сосногорская); сюда же отнесён Нарьян-Мар с посёлком Искателей, обозначенные в служебных документах как агломерация, хотя численность её жителей лишь 29 тыс. человек; ещё в начале 2000-х гг. ярким примером агломерационного типа расселения и организации хозяйства был Воркутинский городской округ, но в последние годы окружающие Воркуту посёлки стали закрываться, а сама Воркута перестала быть центральным местом из-за отсутствия «экономического поля тяготения»;

Контуры городского расселения Северного экономического района: центральные системы расселения агломерационного типа и поселения промышленной периферии (исполнение – В.Н. Лаженцев, А.В. Смирнов)

Источник: (Лаженцев, 2015).

– *периферийные промышленные города и посёлки* (67 на 2024 г., в том числе наиболее крупные: Кандалакша, Ковдор, Никель, Печенга, Костомукша, Сегежа, Онега, Няндама, Воркута, Инта, Печора, Усинск, Вуктыл);

– *поселения периферии с преобладанием сельского образа жизни* (удалённые от центральных мест сёла и деревни, а также некоторые лесные и «придорожные» поселки).

Группировка поселений по указанным типам позволяет понять наиболее актуальные проблемы территориального развития. В агломерациях к таким проблемам относятся организация межпоселенческого скоростного транспорта, охрана окружающей среды, участие смежных городов и посёлков в формировании общего комплекта социальных услуг. В промышленной периферии – своевременная реакция на рост или снижение добычи полезных ископаемых и заготовок древесины, поиск дополнительной экономической базы для перспективного развития, решение вопросов организованного переселения людей. В сельской местности – сохранение сельскохозяйственных угодий на территориях «угасающих» сёл и деревень, сселение жителей, развитие местной дорожной сети и информационных коммуникаций.

Проблема сохранения ранее приобретенного пространства жизнедеятельности и его обустройства

Прежде всего необходимо отметить значение самоидентификации укоренённых жителей как северян – исторически сложившейся социальной общности людей, своего рода симбиоза северо-славянской и финно-угорской этнических культур. Люди на Европейском Севере России живут веками. Несмотря на существенные колебания в их численности, сформировавшиеся «ядра» жизнедеятельности являются устойчивыми. Проблемность жизни северян заключается в преодолении трудностей рекультивации и модернизации жизненного пространства в соответствии с возрастающими потребностями и новыми вызовами в системе национальной и мировой экономики.

Экономика Европейского Севера тесно связана с решением задач устойчивого развития мест-

ных общностей людей с их исторически сложившейся культурой и хозяйственными традициями.

Регионализация и локализация решения социально-экономических проблем являются своего рода противовесом глобализации, опасность которой видится в утробленной унификации жизненных укладов различных социумов без должного учета их разнообразия, в том числе северного.

Самой трудной является задача *рационального использования земельных ресурсов*, восстановления (хотя бы частичного) сельскохозяйственных угодий, включая пашню. Освоенная в условиях Севера земля – огромное историческое приобретение, важнейший духовный и социально-экономический фактор жизни. Но именно это богатство за годы революционного реформирования в 1990-е гг. в значительной мере пришло в негодность. Посевные площади сельскохозяйственных культур на Европейском Севере сократились за 32 года (1990–2022) с 1318 до 455 тыс. га, в 2,9 раза; сельское население – с 1417 до 845 тыс. чел., в 1,7 раза. Закрытие деревень и малых сёл, переселение их жителей в более крупные поселения лишь на первый взгляд кажется абсолютным благом, но вместе с уходом людей исчезают и сельхозугодия в столь значительных размерах, что энергетика и метаболизм ландшафтов коренным образом меняются, чаще всего не в лучшую сторону.

Если до недавнего времени проблема продовольственной безопасности заключалась в том, что Россия ввозила много продуктов питания, то в настоящее время в том, что произведенное внутри страны не соответствует нормам безопасности для здоровья людей². Северные территории (в отличие от многих других) наиболее подходят для органического сельского хозяйства; они менее насыщены «плохой химией» и относительно просто включаются в систему адаптивно-ландшафтного земледелия (Мальцева, 2021; Щербакова, 2020).

² Земельный потенциал России: состояние, проблемы и меры по его рациональному использованию и охране: аналитическая записка (2023). М.: РАН. 70с. URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=731db31a-c85e-4c9d-9249-240c9a2fbc28>

Надежды на сохранение сельского образа жизни связаны с возрождением потребкооперации (в том числе с охватом традиционных для Севера промыслов, грибной и ягодной экономики), развитием биоэнергетики, газификации, индустрии деревянного домостроения, сетевых систем здравоохранения, образования и бытового обслуживания. Это возможно лишь при наличии устойчивой круглогодичной транспортной связи с использованием при необходимости речных путей, наплавных (понтонных) мостов, зимников, малой авиации; телефонной, почтово-телеграфной, сотовой, телевизионной сети и высокоскоростной оптоволоконной и космической связи.

Внешний аспект развития северного земельного проявления проявляется в тенденциях глобального потепления и вероятных изменениях природных условий в степной и лесостепной полосе. Продвигать сельское хозяйство в таежную зону России придется по необходимости, в том числе обусловленной критическим состоянием мирового продовольственного рынка.

Проблематика территориально-пространственного развития на Европейском Севере тесно связана с лесопользованием. Данная сфера деятельности также является преимущественно сельской и зависит от обстоятельств, о которых сказано выше. Биологические и экономические проблемы таежного хозяйства изучены достаточно, для того чтобы усовершенствовать всю систему лесного хозяйства (Модернизация..., 2018). Менее изучена гидрология рек, озер и морских заливов. Между тем приведение их в рабочее состояние требует значительного объема гидротехнических работ, организованных на научной основе.

Настало время, когда *землеустройство в целом* должно стать одним из важнейших направлений хозяйственной деятельности. В связи с этим отметим, что многие проблемы землепользования сейчас приходится адресовать малоэффективным в финансовом отношении субъектам хозяйствования, а это зачастую предопределяет тупиковый характер их рассмотрения. Для населения особенно ощутима финансовая слабость территориальных обществ самоуправления и муниципальных образований. Большая их часть не имеет средств на инженерно-геологические, гео-

физические и медико-биологические обследования проблемных земельных участков селитебной и промышленной местности.

Конструктивный подход к решению проблемы землепользования непосредственно связан с рекомендациями экологов, биологов и физиологов. Некоторые из них: создание новых технологий «залечивания ран», нанесенных природе в результате добычи полезных ископаемых; создание в зоне тундры искусственных лугов — надежной кормовой базы животноводства; применение особых режимов выпаса оленей и сохранение мхов и лишайников; разработка специальных норм и правил строительства на многолетних мерзлых грунтах (вечной мерзлоте); организация мониторинга природных процессов, который системно охватывает все линии взаимосвязи объектов фауны, флоры и биоресурсной экономики.

Обратим внимание на еще один аспект модернизации жизненного пространства — *энергетический*. В Вологодском научном центре РАН выявили, что все более заметно происходит снижение доли жилья, оборудованного централизованным отоплением и газом, в связи с большими объемами строительства многоквартирных домов и индивидуального жилищного строительства с индивидуальными системами отопления, главным образом на основе электричества³. В этом отражается общая тенденция трансформации коммунальной энергетики, когда использование в домашних хозяйствах теплогенерирующих установок становится дешевле по сравнению с централизованным снабжением горячей водой. Если к тому же учесть возрастающее значение в жизни людей загородного домовладения, то отмеченную тенденцию следует воспринимать как важнейший фактор изменения структуры использования конечных видов энергии. Применение индивидуальных теплогенераторов выгодно и в дальней периферии, куда целесообразней подвести электричество, чем проложить газопровод или доставить топливо.

³ Социально-экономическое развитие муниципальных образований Вологодской области. 2000–2023 гг.: информационно-аналитический бюллетень (2024). Вып. 11 / под общ. ред. Т.В. Усковой, Н.В. Ворошилова. Вологда: ВолНЦ РАН. 128 с.

По нашему мнению, в основу отмеченных преобразований должен быть положен *геосистемный подход* — учение о природных комплексах, «принципах и методах изменения земной поверхности в нужном для человека направлении» (Сочава, 1978, с. 7). Введение геосистемного фактора в параметры общественного воспроизводства актуализирует проблему капитализации природных ресурсов (Дмитриева и др., 2023). Если ареал определенной геосистемы имеет набор полезных свойств и качеств, учтенных в единицах физического измерения, то их совокупность должна иметь и стоимостную оценку, которая может служить базой для последующих, более конкретных, расчетов. Практический смысл такой позиции объясняется необходимостью накопления финансовых ресурсов, достаточных для воспроизводства природно-ресурсного потенциала геосистем и создания благоприятной для жизни людей окружающей среды.

Заключение

Региональные аспекты общественного воспроизводства имеют традиционное научное объяснение с указанием на географическое разделение труда и свойство производительных сил объединяться в территориально-производственные комплексы. Европейский Север России в этом (традиционном) отношении имеет достаточно четко зафиксированные наукой позиции минерально- и биоресурсной специализации с глубокой переработкой первичного сырья на основе новейших технологий. Новизна в исследовательской тематике последних двадцати лет появилась в связи с ускоренным формированием контактной зоны континентальной и морской экономики, необходимостью защиты геополитических интересов России в Арктике.

Но еще в большей мере новизна исследований обусловлена трансформацией мироустройства и осознанием территориальными общностями людей (социумов) собственной роли в происходящих общественно-политических процессах. На этом фоне трактовка северо-европейского типа организации хозяйства и жизнедеятельности людей как специфической совокупности производственных и социальных процессов служит своего рода ориентиром стратегического планирования. Немаловажное значение имеет также дробная типология форм территориальной организации хозяйства и расселения населения с учетом взаимосвязи между городскими агломерациями, промышленной и сельской периферией.

Самой актуальной проблемой на Европейском Севере является сохранение и обустройство на новой научно-технической основе исторически приобретенного пространства жизнедеятельности укорененного здесь населения. Для ее решения требуется восстановить земледелие с учетом его значения в обеспечении продовольственной безопасности и роли связующего звена всего аграрного комплекса, создать новую систему лесопользования и повысить роль местных сообществ в ее регулировании, вернуть в рабочее состояние реки, озера и морские заливы. Положительное влияние на домашнее хозяйство оказывают перемены в структуре энергетики за счет применения индивидуальных теплогенераторов.

Ссылка на геосистемность подчеркивает, что эффект интеграции научных знаний, включая социально-экономические, может быть усилен, если решение комплексных проблем будет базироваться на «сквозных» исследовательских методологиях.

Литература

- Агранат Г.А. (1992). Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки. М.: ВИНТИ. 192 с.
- Агранат Г.А. (2007). Российское североведение в постсоветские годы // Известия РАН. Сер. Географическая. № 4. С. 29–37.
- Башмакова Е.П. (2010). Экономика северного измерения России: история становления нового научного направления // Вестник Кольского научного центра РАН. № 1. С. 114–119.
- Бровина А.А. (2018). Академия наук СССР и индустриальная модернизация страны: исторический опыт освоения преарктических территорий России (1920–1930-е годы) // Genesis: исторические исследования. № 7. С. 57–65. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.7.26605

- Верлен В. (2001). Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. Т. 1. № 2. С. 25–46.
- Дмитриева Т.Е., Носков В.А., Тихонова Т.В., Харионовская И.В. (2023). Природный капитал территории активного лесопользования Республики Коми. Ижевск: Принт. 200 с.
- Кожевников С.А. (2023). Пространственная интеграция регионов России: особенности, проблемы и инструменты обеспечения: монография. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023. 323 с.
- Колосовский Н.Н. (1958). Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат. 200 с.
- Кротов В.А. (1964). Основные проблемы экономической географии Восточной Сибири. Научный доклад на соискание ученой степени доктора географических наук по совокупности опубликованных работ. М. – Иркутск. 108 с.
- Куратова Л.А. (2022). Оценка развития цифровой инфраструктуры пространства северных регионов России // Север и рынок: формирование экономического порядка. Т. 26. № 3. С. 36–55. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2022.77.003
- Лаженцев В.Н. (2015). Север России: вопросы пространственного и территориального развития / ИСЭ и ЭПС Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар. 174 с.
- Лапин Н.И. (2015). Фундаментальные ценности цивилизованного выбора в XXI столетии. Часть 2. Аксиологические предпосылки цивилизованного выбора России // Вопросы философии. № 6. С. 3–17.
- Лукин Ю.Ф. (2013). Российская Арктика в изменяющемся мире: монография / Сев. (Арктический) федеральный ун-т им. Ломоносова. Архангельск: ИПЦ САФУ. 281 с.
- Лыткина Т.С., Смирнов А.В. (2019). Российский Север в условиях глобальной нелиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? // Мир России. Т. 28. № 3. С. 27–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47
- Мальцева И.С. (2021). Устойчивое сельское хозяйство и ресурсопользование // Научное обозрение: теория и практика. Т. 11. Вып. 7. С. 2050–2069. DOI: 10.35679/2226-0226-2021-11-7-2050-2069
- Модернизация биоресурсной экономики северного региона (2018). Сыктывкар: Коми республиканская типография. 212 с.
- Пилясов А.Н. (2016). Феномен арктической школы региональных исследований: Институт экономических проблем Кольского научного центра РАН // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 4. С. 21–32.
- Север европейской части СССР (1966) / отв. ред. Г.Д. Рихтер. М.: Наука. 452 с.
- Северный экономический район: проблемы, тенденции, перспективы развития (1992). С-Пб.: Наука. 255 с.
- Сочава В.Б. (1978). Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука. 319 с.
- Тихонова Т.В. (2023). Учет экосистемных функций в оценке состояния природного капитала северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 186–202. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.10
- Траектория проектов в высоких широтах (2011) / под ред. Ю.В. Неёлова и др. Новосибирск: Наука. 440 с.
- Швецов А.Н. (2021). Российское пространство в процессе исторических переходов (к разработке и реализации теории постсоветских системных преобразований организации социоэкономического пространства) // Российский экономический журнал. № 6. С. 66–100. DOI: 10.33983/0130-9757-2021-6-66-100
- Шубин С.И. (2011). Европейский Север России как плацдарм освоения Арктики // Арктика и Север. № 1. С. 91–97.
- Шубин С.И. (2005). Региональная политика и административно-территориальное управление Европейским Севером в XX в. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. № 1 (7). С. 81–91.
- Шербакова А.С. (2020). Ведение сельского хозяйства в условиях изменения климата на северных территориях России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 9. С. 41–46. DOI: 10.31442/0235-2494-2020-0-9-41-46

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Лаженцев – доктор географических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vnl1940@gmail.com)

Lazhentsev V.N.

Socio-Economic Issues of the European North of Russia and the Geographical Aspect of Their Solution in Modern Conditions

Abstract. The European North of Russia is considered as an economic region with specific characteristics of production and population settlement. A North European economy type with high natural resource potential, innovative geo- and biotechnologies, telecommunication systems and forms of organization of territorial communities of people adapted to difficult climatic conditions is being formed here. The socio-geographical aspect of the development of this economy type is manifested in the interests of the indigenous population to preserve and modernize the historically reclaimed areas of land. This involves overcoming obstacles in rational land use and forest management, reviving existence near rivers, lakes and sea gulfs, and strengthening territorial “center – periphery” ties. The choice of strategic directions for the development of the European North of Russia is significantly influenced by external conditions. They update topics related to the reaction to the world order transformation, the North Russian identity, the contact zone formation for the continental and maritime economies, food security, and the protection of Russia’s Arctic interests from foreign interference threats. The issues of studying the European North of Russia are becoming more complex and require a purposeful scientific explanation, the creation of scientific and technological foundations of territorial management.

Key words: economic region, North European economy type, territorial economic system, typology, methodology, science and socio-economic development.

Information about the Author

Vitaliy N. Lazhentsev – Doctor of Sciences (Geography), RAS Corresponding Member, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: vnl1940@gmail.com)

Статья поступила 03.10.2024.

Влияние автотранспортной связности на экономический рост регионов: эконометрическое моделирование

**Светлана Сергеевна
ПАТРАКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: sspatrakova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-4834-3083; ResearcherID: B-5054-2019

Аннотация. Для Российской Федерации как самой большой по занимаемой площади страны исключительное значение имеет задача усиления транспортной связности территорий: центров экономического роста, городских и сельских территорий, населенных пунктов внутри городских агломераций и т. д. Особенно остро она стоит в условиях нарастания внешнего санкционного давления, вызвавшего необходимость кратного усиления меж- и внутрирегиональных связей экономического, миграционного, социокультурного, научно-технологического характера. Цель исследования заключается в оценке влияния автотранспортной связности на экономический рост регионов России. Для ее достижения использованы общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение) и методы пространственной эконометрики. В частности, с опорой на результаты расчета глобального и локальных индексов пространственной автокорреляции Морана обосновано наличие кластеризации регионов в пространстве страны по уровню душевого ВРП и ключевым показателям автотранспортной связности. В результате построения моделей множественной регрессии со случайными эффектами с пространственными лагами (модели SAR, SEM, SDM, GSPRE) и без них показано, что наибольшее положительное и статистически значимое влияние на ВРП своего субъекта оказывает фактор нахождения региона в пределах зоны Севера России, а на ВРП других регионов – плотность автодорог. Научная значимость исследования состоит в доказательстве того, что на экономический рост каждого региона России в период 2014–2022 гг. оказывал влияние уровень внутрирегиональной транспортной связности

Для цитирования: Патракова С.С. (2025). Влияние автотранспортной связности на экономический рост регионов: эконометрическое моделирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 89–105. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.5

For citation: Patrakova S.S. (2025). The impact of road transport connectivity on economic growth of regions: Econometric modeling. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 89–105. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.5

как самого субъекта, так и остальных регионов. Результаты работы вносят вклад в развитие представлений о влиянии пространственных факторов на экономический рост регионов России и могут быть использованы научными сотрудниками при проведении исследований схожей тематики, органами государственной власти при разработке стратегических документов и конкретных проектов развития территорий.

Ключевые слова: автотранспортная связность, экономическое пространство, регион, экономический рост, валовой региональный продукт, моделирование, пространственная автокорреляция.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме № FMGZ-2025-0013 «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов». При подготовке статьи использован инструментарий пространственного моделирования, освоенный в рамках обучения в Летней школе «Пространственное моделирование социально-экономических процессов», организованной при поддержке Фонда Потанина (проект № ПЮФП25-0027/24).

Введение

Для обеспечения устойчивого и сбалансированного пространственного развития России как самой большой страны мира по занимаемой площади стратегически важной является задача усиления транспортной связности¹ территорий (макрорегионов, регионов, опорных населенных пунктов, городских и сельских территорий, населенных пунктов внутри городских агломераций и т. д.), центров экономического роста, центров научно-технологического развития, предприятий и организаций, являющихся звеньями одних цепочек создания добавленной стоимости, участниками одних кластеров и т. д. Однако спектр позитивных эффектов, которые могут быть достигнуты при повышении транспортной связности территорий (улучшении качественных и количественных характеристик дорожной и придорожной инфраструктуры, средств передвижения т. д.), при более детальном рассмотрении оказывается более широким и касается не только вопросов эффективной организации пространства и обеспечения пространственного развития территорий.

¹ Транспортная связность в работе рассматривается с позиции наличия транспортных коммуникаций (транспортной инфраструктуры) с учетом их развитости, достаточности и качества, которые отвечают всем требованиям с точки зрения современных вызовов, обеспечивают развитие с учетом стратегических задач и формирование целостной территориальной социально-экономической системы (Кожевников, Патракова, 2024).

Так, в экономической сфере укрепление транспортной связности способствует притоку частных инвестиций, облегчает выход производителей на новые рынки, снижает транспортные издержки на единицу выпускаемой продукции за счет сокращения экономического и географического расстояния, приводит к развитию внутреннего туризма, облегчает диффузию инноваций, повышает эффективность общественного разделения труда и т. д.² (Исаев, 2015; Ускова, 2021; Yao, Liu, 2022; Zhu, Luo, 2022; Wang, Yang, 2023). Ю.А. Щербанин отмечает, что «важность развитой транспортной инфраструктуры для экономики страны – это своего рода лемма, то есть доказанное утверждение...» (Щербанин, 2011).

В социальной сфере усиление транспортной связности территорий увеличивает доступность для населения услуг здравоохранения, образования и иных услуг, гарантированных законодательством страны, повышает уровень и качество жизни населения, способствует культурной интеграции пространства страны (Худякова, 2015; Francisco, Helble, 2017; Rim, An, 2022).

² Презентация и стенограмма выступления Лавренко П.А. «Транспортная связность как фактор экономического роста в регионах» // ИНП РАН. URL: <https://ecfor.ru/publication/transportnaya-svyaznost-kak-faktor-ekonomicheskogo-rosta-v-regionah/>

С точки зрения общественной и национальной безопасности транспортная инфраструктура обеспечивает управляемость и связанность пространства страны, преодоление периферийности, экономической, социальной, культурной изолированности территорий (Гуменюк, Гуменюк, 2021; Taylor, D'Este, 2007), что особенно важно для России в условиях внешнего санкционного давления, обострившего задачу развития кооперационно-интеграционных связей внутри страны.

Многообразие позитивных эффектов, возникающих на макро-, мезо-, микроуровне при усилении транспортной связности территорий, обуславливает разработку и реализацию специальных государственных программ и проектов, например, в России национального проекта «Безопасные качественные дороги»³, Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры⁴, государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы»⁵. Более того, в одном из верхнеуровневых документов стратегического планирования – Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года⁶ – в числе ключевых задач в сфере пространственного развития обозначены преодоление инфраструктурных ограничений федерального значения и повышение доступности и качества магистральной транспортной инфраструктуры, сокращение уровня меж- и внутрирегиональной дифференциации за счет улучшения транспортной доступности сельских территорий и др.

Однако, несмотря на понимание представителями органов государственной власти и научного сообщества критической важности усиления транспортной связности, в частности

автотранспортной⁷, слабоизученными и дискуссионными остаются вопросы, касающиеся качественных и количественных оценок ее влияния на экономический рост регионов России. В соответствии с обозначенным целью работы является оценка влияния автотранспортной связности на экономический рост регионов России.

Гипотеза исследования заключается в том, что на экономический рост каждого региона России оказывает влияние уровень внутрирегиональной автотранспортной связности как его самого, так и остальных регионов.

Цель и гипотеза работы потребовали решения следующих задач: обосновать и апробировать методический подход к оценке влияния автотранспортной связности на экономический рост российских регионов; оценить влияние автотранспортной связности территорий на экономический рост регионов России.

Теоретико-методологические основы

В современной научной литературе можно выделить три основных методических подхода к оценке влияния показателей транспортной связности на экономический рост территорий разного иерархического уровня (стран, макро-регионов, регионов, муниципальных образований и т. д.). Первый подход связан с применением новых разработанных авторами или уже существующих и находящихся в открытом доступе индексов, показателей, индикаторов, матриц и т. п.; второй – предполагает использование инструментария традиционной эконометрики, в основном регрессионных моделей; третий – подразумевает применение методов и инструментов пространственной эконометрики.

⁷ В ранее проведенном исследовании показано, что именно автомобильный транспорт является самым «узким местом» в инфраструктурном развитии огромных территорий России (Кожевников, Патракова, 2024). Более того, в Международном рейтинге конкурентоспособности по качеству транспортной инфраструктуры 2020 г. Россия находилась на 50 месте из 144 исследуемых стран; самые низкие позиции – 123 место – приходились именно на качество автомобильных дорог (Интегрированная транспортная система / под науч. рук. П. Чистякова; Центр стратегических разработок. Москва, 2018. 278 с. URL: <https://www.csr.ru/uploads/2018/05/Report-Traffic-Infrastructure-2.0.pdf> (дата обращения 20.08.2023)).

Исследование связности, обеспечиваемой другими видами транспорта, в работе не проводилось ввиду отсутствия достаточного массива официальных статистических данных.

³ Паспорт национального проекта утвержден по итогам заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018.

⁴ Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2018 года № 2101-р.

⁵ Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2017 года № 1596 (в редакции, введенной в действие с 1 января 2022 года постановлением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2021 года № 2442).

⁶ Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

К работам, в которых используется первый подход к оценке влияния связности на различные показатели социально-экономического развития территорий, можно отнести, например, исследование Э.С. Куратовой (Куратова, 2014). В нем предложена авторская формула для определения средневзвешенных затрат времени, необходимого пользователю транспорта для достижения определенного пункта прибытия (например, больницы, школы и т. д.) из любых других пунктов отправления региона; ее апробация проведена на примере муниципальных районов Республики Коми. В работе (Кудрявцев, Руднева, 2014) предлагается методика, основу которой составляет матрица оценки влияния транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие региона. В целом ключевым преимуществом первого подхода является относительная простота расчетов и интерпретации результатов; недостатками — отсутствие широкой апробации и валидации (в основном это характерно для новых индикаторов / показателей), учет влияния относительно небольшого числа показателей и отсутствие возможностей моделирования и прогнозирования влияния, что крайне важно для практики государственного управления.

Указанные недостатки нивелируются использованием инструментария эконометрического моделирования (второй подход к оценке влияния). Путем построения регрессионных моделей исследователи оценивают, моделируют и прогнозируют влияние разнообразных показателей транспортной связности на экономический рост и развитие какой-либо одной конкретной территории за промежуток времени (при использовании временных данных; см., например (Пьянкова, Заколюкина, 2024)), нескольких территорий — в рамках федеральных округов, отдельных кластеров и т. п. — в один момент времени (при использовании пространственных данных; см., например (Горидько, Рослякова, 2014; Инфраструктура пространственного..., 2020)), нескольких территорий в течение нескольких моментов времени (при использовании панельных данных; см., например (Колчинская, 2015; Транспортная и энергетическая ..., 2022)). Следует отметить, что при построении таких моделей не учитываются местоположение территорий в экономическом

пространстве относительно друг друга и пространственные зависимости между ними (влияние одних территорий на другие). Между тем современные прикладные и фундаментальные теоретические работы свидетельствуют о важности учета пространственного фактора. Так, базовые и непреходящие, несмотря на активное инфраструктурное развитие, законы географии авторства У. Тоблера гласят: «Все связано со всем, но близкие вещи связаны больше, чем отдаленные»; «явление, внешнее по отношению к интересующей (географической) области, влияет на то, что происходит внутри нее» (Tobler, 1970; Tobler, 2004).

Указанное ограничение ликвидируется при использовании инструментария пространственной эконометрики, в частности индексов пространственной автокорреляции и пространственных регрессионных моделей (третий подход к оценке). В отличие от представленных выше инструментов и методов экономических исследований они позволяют оценивать не только влияние связности в регионе на его экономический рост, но и влияние связности его «соседей». Это становится возможным путем учета пространственных лагов — взвешенных средних значений наблюдений «соседей» для каждой анализируемой пространственной единицы (в нашем исследовании — для каждого региона). При этом при выборе в качестве взвешивающей матрицы⁸ граничной «соседями» для *i*-го региона выступают регионы, имеющие с ним общую границу; при выборе матрицы обратных расстояний «соседями» являются все остальные регионы; при выборе языковой матрицы — регионы, население которых разговаривает на одном и том же языке, и т. д.

Среди отечественных работ, в которых использован данный подход, выделяется исследование Е.А. Коломак (Коломак, 2011), где для оценки влияния инфраструктурного капитала на производительность труда и валовой региональный продукт применяется эконометрическое моделирование с пространственными

⁸ Каждый элемент взвешивающей матрицы идентифицирует пространственную взаимосвязь между территориями *i* и *j*. Ее использование является необходимым условием построения пространственных регрессионных моделей, расчета индекса пространственной автокорреляции.

лагами, идея которого заключается в расширении производственной функции за счет включения инфраструктурного капитала и внешних эффектов соседних регионов. Вместе с тем автор рассчитывает индекс пространственной автокорреляции Морана. Согласно расчетам, в регионах России в 1999–2007 гг. транспортная инфраструктура, а именно железные и автомобильные дороги, не являлась фактором экономического роста в России в целом. Однако, если выделить западную и восточную части страны, ситуация меняется: в первой железные дороги оказываются более продуктивными и значимыми, чем во второй, несмотря на распространенное мнение о лимитирующей роли транспортной инфраструктуры именно в Сибири и на Дальнем Востоке. Более того, элементы инфраструктуры создают внешние эффекты, которые влияют на экономические результаты соседних территорий; более сильные они также в европейской части страны (Коломак, 2011).

В работе А.Г. Исаева оценено влияние транспортной инфраструктуры – автомобильных и железных дорог – на экономическую динамику субъектов РФ в 2000–2013 гг. Построенная для этой цели модель множественной регрессии, учитывающая в т. ч. временной лаг зависимой переменной – валового регионального продукта – позволила сделать крайне интересные выводы. Так, автором выявлено наличие положительной связи между развитием автотранспортных сетей и экономическим ростом регионов России в целом, отрицательной связи – между развитием транспортных сетей в регионе и экономическим ростом соседствующих с ним регионов (Исаев, 2015). Кроме того, оценки, полученные отдельно на материалах восточных территорий России, не выявили положительного вклада транспортной инфраструктуры в региональный рост (валовой региональный продукт), что в целом согласуется с полученными ранее Е.А. Коломак результатами.

За рубежом инструментарий пространственной эконометрики используется более активно и применяется для оценки транспортной связности территорий разного уровня иерархии (городов, регионов и т. д.). Так, в работе (Shi et al., 2024) исследуется влияние транспортной

инфраструктуры на экономическое развитие городов КНР с использованием пространственной автокорреляции Морана и построения пространственных регрессионных моделей SAR, SEM, SDM. Результаты авторских расчетов показали, что рост объемов перевозок автомобильным и водным транспортом, гражданской авиацией значительно повышает экономическую активность в городах, стимулируя внутреннюю торговлю, промышленное производство и т. д. Также стимулируют экономическую активность расширение площади и увеличение эксплуатационной протяженности городских дорог, протяженности скоростных автомагистралей. Напротив, влияние пассажиропотока автомобильным и водным транспортом на экономическую деятельность было относительно незначительным, хотя авторы отмечают, что эффективная система пассажирского транспорта играет неоспоримую роль в содействии мобильности рабочей силы, которая поддерживает устойчивое развитие городов (Shi et al., 2024). В исследовании (Karim et al., 2020) проведена оценка влияния транспортной инфраструктуры на экономический рост 34 провинций Индонезии путем построения пространственных регрессионных моделей SLX, SAR, SEM, SDM, SDEM, SAC и смешанной модели SAC. Сравнение моделей по информационным критериям Акаике и значимости коэффициентов «rho» и «lambda» позволило выбрать среди них наилучшую, которой оказалась смешанная модель SAC. Интерпретируя эту модель, авторы указывают, что развитие инфраструктуры автобусного сообщения провинций положительно и существенно влияет на экономический рост в окрестностях (имеет место косвенный эффект). И наоборот, улучшение инфраструктуры аэропортов и дорог в провинции не вызовет побочных эффектов в виде переноса производственных факторов в соседние провинции (Karim et al., 2020). Использование схожего инструментария на примере 41 города, находящегося в дельте реки Янцзы (КНР), позволило доказать, что транспортная инфраструктура городов не только способствует их собственному экономическому росту, но и оказывает положительное пространственное воздействие на экономический рост соседствующих городов из выборки (Wang et al., 2022).

В целом обзор научной литературы свидетельствует, что в работах отечественных авторов, посвященных оценке влияния транспортной связности на экономический рост российских территорий, пространственные зависимости учитываются крайне редко в сравнении с зарубежными работами по схожей тематике. Однако, как отмечено О.С. Балаш, именно эконометрические модели, учитывающие территориально распространенные социально-экономические процессы и обнаруживающие экономическое и социальное влияние соседних регионов, крайне важны для прогнозирования и управления при стратегическом планировании регионов и городов (Балаш, 2012).

Материалы и методы

Информационной базой исследования послужили открытые данные Росстата об объемах валового регионального продукта (в настоящем исследовании выступает как агрегированный показатель, характеризующий экономический рост) и уровне развития автотранспортной инфраструктуры в 2014–2022 гг. в 83 субъектах РФ. Ввиду отсутствия статистических данных не была учтена информация по Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской области, Херсонской области. Описание переменных, используемых в исследовании, приведено в *таблице 1*.

Методический подход к оценке влияния транспортной связности на экономическое развитие регионов России реализуется в три этапа и базируется на использовании апробированных в российском и мировом научном сообществе методах пространственной эконометрики.

На первом этапе дается характеристика отобранному для анализа показателю с опорой на базовые описательные статистики (среднее, максимальное, минимальное значения, стандартное отклонение), а также проверяется наличие или отсутствие мультиколлинеарности между экзогенными переменными. При этом переменные, между которыми обнаружена сильная связь (коэффициент корреляции превышает 0,7), исключаются из дальнейшего анализа.

На втором этапе рассчитываются глобальный и локальные индексы пространственной

автокорреляции Морана, строится матрица рассеяния Морана по эндогенной переменной и экзогенным переменным интереса⁹, что в рамках настоящего исследования позволит выявить наличие/отсутствие в период 2014–2022 гг. и состав кластеров регионов, похожих по уровню ВРП, показателям плотности автодорог, количества легковых автомобилей и т. д. с учетом меры их пространственной близости. Такая близость регионов в рамках исследования формализована на основе весовой матрицы обратных расстояний по автомобильным дорогам между административными центрами регионов. Ее выбор среди прочих обусловлен предположением о постепенном «затухании» интенсивности взаимодействия территорий по мере увеличения расстояния между ними. Для сравнения: в матрице бинарного соседства предполагается, что у регионов, не имеющих общих границ, взаимодействие отсутствует (Исаев, 2015).

Фактически наличие кластеризации регионов подтверждает актуальность и необходимость учета пространственных лагов при проведении оценки влияния транспортной связности на экономическое развитие регионов России.

На третьем этапе строится модель множественной регрессии на панельных данных, использование которых снижает зависимость между экзогенными переменными, уменьшает стандартные ошибки оценок, в определенной степени решает проблему смещенности, вызванную ненаблюдаемой неоднородностью данных, и имеет ряд иных преимуществ перед временными и перекрестными данными. При этом при построении модели учтены определенные допущения / ограничения, обусловленные набором анализируемых переменных. Во-первых, поскольку в модели содержатся экзогенные переменные, не изменяющиеся во времени (в частности фиктивная переменная, принимающая значение «1» и «0» на протяжении всего анализируемого периода), строилась модель со случайными эффектами.

⁹ Подробное описание методологии расчета и визуализации пространственной автокорреляции по методике П. Морана представлено в работе (Окунев, 2024).

Таблица 1. Переменные, используемые в исследовании

№	Название показателя, единицы измерения	Обозначение	Источник данных или метод расчета
Эндогенная переменная			
1	Валовой региональный продукт (ВРП), тысяч рублей на 1 человека	GRP	Рассчитано по данным Росстата путем деления ВРП, переведенного в сопоставимые цены 2022 г. по индексу физического объема ВРП, на среднегодовую численность населения
Экзогенные переменные интереса			
2	Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, километров путей на 1000 человек населения	Road	Рассчитано по данным Росстата путем деления протяженности автодорог общего пользования с твердым покрытием на среднегодовую численность населения
3	Удельный вес сельских населенных пунктов, имеющих связь по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования, в общем числе сельских населенных пунктов, проценты	Rural_road	Росстат (ЕМИСС)
4	Количество легковых автомобилей, находящихся в собственности граждан, единиц на 1000 человек населения	Car	Росстат
5	Количество грузовых автомобилей в организациях, единиц на 1000 человек населения	Truck	Рассчитано по данным Росстата путем деления количества грузовых автомобилей в организациях всех видов экономической деятельности на среднегодовую численность населения
6	Количество автобусов общего пользования, единиц на 100000 человек населения	Bus	Росстат
7	Нахождение субъекта РФ на территории Европейского или Азиатского Севера России	Dummy	Для субъектов, находящихся на территории Европейского или Азиатского Севера России, переменная принята равной «1», вне ее – «0».
Экзогенные контрольные переменные			
8	Ввод в действие жилых домов, квадратных метров общей площади жилых помещений на 1000 человек населения	House	Росстат
9	Объем инновационных товаров, работ, услуг, процент от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	Innov	Росстат
<p>Примечание: В состав Европейского Севера России вошли Архангельская область, включая Ненецкий автономный округ, Вологодская и Мурманская области, республики Коми и Карелия, в состав Азиатского Севера России – Тюменская область, включая Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ, Магаданская область, Камчатский край, вся или большая часть территории которых расположена выше 60 параллели северной широты. Показатель № 3 для г. Санкт-Петербурга принят равным 100% ввиду отсутствия в базе данных Росстата.</p> <p>При выборе показателей, включенных в модель, принималось во внимание наличие полных (без пропусков) рядов статистических данных Росстата в территориальном (по регионам) и временном (по годам) разрезе, что является основой построения сбалансированных панелей. Включение фиктивной переменной обусловлено объективной необходимостью учета специфики северных регионов РФ, отличающихся очаговостью расселения, размещения производительных сил, инфраструктуры, преобладанием в структуре экономики добывающих отраслей, сложностью природно-климатических условий.</p> <p>Источник: составлено автором.</p>			

Во-вторых, показатель подушевого объема ВРП в модель включался в логарифмированном виде, поскольку является стоимостным. В результате строящаяся модель множественной регрессии имеет вид:

$$\ln GRP_{it} = \beta_0 + \beta_1 \times Road_{it} + \beta_2 \times Rural_{road_{it}} + \beta_3 \times Car_{it} + \beta_4 \times Truck_{it} + \beta_5 \times Bus_{it} + \beta_6 \times Dummy_i + \beta_7 \times House_{it} + \beta_8 \times Innov_{it} + u_i + \varepsilon_{it}. (1)$$

где GRP_{it} – ВРП i -го региона в году t , тыс. руб. на 1 чел.;

$Road_{it}$ – плотность автодорог общего пользования с твердым покрытием i -го региона в году t , км путей на 1 тыс. чел. населения;

$Rural_road_{it}$ – удельный вес сельских населенных пунктов i -го региона в году t , имеющих связь по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования, в общем числе сельских населенных пунктов, %;

Car_{it} – количество легковых автомобилей, находящихся в собственности граждан i -го региона в году t , ед. на 1 тыс. чел. населения;

$Truck_{it}$ – количество грузовых автомобилей в организациях i -го региона в году t , ед. на 1 тыс. чел. населения;

Bus_{it} – количество автобусов общего пользования в i -м регионе в году t , ед. на 100 тыс. чел. населения;

$Dummy_i$ – фиктивная переменная, характеризующая место нахождения i -го региона («на» или «вне» территорий Европейского и Азиатского Севера России);

$House_{it}$ – ввод в действие жилых домов в i -м регионе в году t , кв. м общей площади жилых помещений на 1 тыс. чел. населения;

$Innov_{it}$ – объем инновационных товаров, работ, услуг в i -м регионе в году t , % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг;

u_i – индивидуальный эффект i -го региона (случайная величина);

ε_{it} – случайная ошибка;

β – коэффициенты регрессии.

В целях проверки гипотезы исследования были построены разные спецификации модели, чаще всего используемые при проведении схожих работ: без пространственных лагов и с ними, а именно пространственная автокорреляционная модель SAR, в которой учитывается лаг при зависимой переменной, модель пространственной ошибки SEM, в которой учитывается взаимовлияние ненаблюдаемых переменных, пространственная модель Дарбина SDM, включающая пространственные лаги как зависимой, так и независимых переменных, модель GSPRE, включающая все виды пространственного взаимодействия¹⁰.

Расчеты по указанному методическому подходу произведены с использованием программных продуктов Stata, Gretl, Microsoft Office.

Результаты исследования

Описательная статистика и оценка корреляции между выбранными для исследования показателями

Описательная статистика используемых переменных свидетельствует, что наиболее неравномерное распределение среди регионов РФ характерно для показателей подушевого ВРП (стандартное отклонение составляет 1560,6, а минимальное и максимальное значения в 6,3 и 1,3 раза меньше и больше среднего значения соответственно; табл. 2) и объемов ввода в действие жилых домов (стандартное отклонение составляет 261,06, минимальное и максимальное значения в 20 и 3,8 раза меньше и больше среднего значения). В свою очередь наиболее

Таблица 2. Описательная статистика переменных

Переменная	Среднее значение	Минимум	Максимум	Стандартное отклонение
GRP	977,59	156,06	1262	1560,6
Road	13,8	0,5	47,0	7,6784
Rural_road	73,584	2,4	100,00	21,008
Car	301,06	38,437	576,22	70,998
Truck	4,9921	0,023959	23,883	2,6769
Bus	115,35	29,475	374,16	46,557
House	523,59	26,0	1970,0	261,06
Innov	5,3594	0,0	60,1	5,7791

Источник: составлено автором.

¹⁰ Подробное описание и характеристики моделей представлены, например, в работе (Гафарова, 2017).

равномерное распределение характерно для показателей количества грузовых автомобилей в организациях и объема инновационных товаров, работ, услуг.

Для выявления наличия/отсутствия мультиколлинеарности была построена корреляционная матрица (табл. 3). Согласно представленным в ней данным все экзогенные переменные характеризуются слабой и умеренной корреляционной зависимостью друг от друга (коэффициент корреляции менее 0,7), что позволяет их использовать далее в настоящем исследовании.

Алгебраическая визуализация пространственной автокорреляции

Результаты расчета глобальных индексов пространственной автокорреляции Морана, характеризующих сходство местоположения с исследуемыми эндогенной переменной и экзогенными переменными интереса в регионах России, представлены в таблице 4. По итогам 2022 года положительная пространственная автокорреляция зафиксирована в отношении показателей подушевого ВРП, плотности

автодорог, доли сельских населенных пунктов, имеющих связь с сетью дорог общего пользования, количеством легковых и грузовых автомобилей, приходящихся на 1 тыс. чел. населения. То есть, как правило, регионы, для которых характерны более высокие значения какого-либо из вышеуказанных индикаторов, соседствуют с регионами, в которых наблюдаются также высокие значения показателей. Регионы с относительно низкими значениями показателей также соседствуют преимущественно друг с другом. Отрицательная автокорреляция, которая в научных исследованиях встречается значительно реже, зафиксирована в отношении количества автобусов общего пользования, приходящихся на 100 тыс. чел. населения. То есть регионы, характеризующиеся относительно высоким числом автобусов на 100 тыс. чел. населения, зачастую соседствуют с регионами с относительно низким числом автобусов. Это указывает на высокую степень неоднородности развития системы общественного транспорта, представленного в настоящем исследовании автобусами.

Таблица 3. Корреляционная матрица

Переменная	I_GRP	Road	Rural_road	Car	Truck	Bus	Dummy	House	Innov
I_GRP	1	-0,1143	-0,5595	0,1966	0,6002	-0,2494	0,6369	-0,0026	-0,0353
Road		1	-0,2834	-0,0920	0,3608	-0,1021	0,0836	-0,2092	-0,1779
Rural_road			1	0,0051	-0,5688	0,1501	-0,4258	0,1113	0,0152
Car				1	0,0285	-0,0138	0,1211	0,075	0,0472
Truck					1	-0,1998	0,4884	-0,0931	-0,0465
Bus						1	-0,1529	-0,018	0,0242
Dummy							1	-0,1968	-0,1711
House								1	0,1563
Innov									1

Примечание: здесь и далее I_GRP – натуральный логарифм GRP.
Источник: составлено автором.

Таблица 4. Глобальные индексы пространственной автокорреляции Морана для эндогенной переменной и экзогенных переменных интереса

Переменная	Год									
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
GRP	0,046**	0,044**	0,042**	0,043**	0,047***	0,048***	0,050***	0,050***	0,047***	
Road	0,052**	0,053**	0,054**	0,055**	0,056**	0,057**	0,057**	0,058***	0,059***	
Rural_road	0,094***	0,099***	0,085***	0,091***	0,091***	0,090***	0,090***	0,088***	0,088***	
Car	0,097***	0,094***	0,105***	0,058***	0,032	0,027	0,032*	0,037*	0,039*	
Truck	0,124***	0,120***	0,093***	0,102***	0,099***	0,107***	0,086***	0,112***	0,096***	
Bus	-0,018	-0,006	-0,009	-0,035	-0,019	-0,018	-0,033	-0,101***	-0,114***	

Примечание: *** p-value < 0,01; ** p-value < 0,05; * p-value < 0,1.
Источник: составлено автором.

Однако наиболее значимый вывод, который следует из результатов расчета глобальных индексов Морана, а именно из их статистической значимости, состоит в том, что при построении регрессионной модели влияния автотранспортной связности на экономический рост регионов России следует учитывать пространственную зависимость.

Картографическая визуализация пространственной автокорреляции

Анализ пространственной автокорреляции с помощью диаграммы рассеяния Морана позволил распределить исследуемые регионы России по четырем кластерам (квадрантам диаграммы) в зависимости от особенностей их пространственного размещения и уровня анализируемых признаков. Так, регионы, попавшие в кластер HH (High-High), имеют относительно высокие собственные значения анализируемого показателя и окружены регионами также с относительно высокими значениями показателя. Регионы кластера LL (Low-Low), наоборот, имеют относительно низкие собственные значения анализируемого показателя и окружены регионами также с относительно низкими значениями показателя. Регионы, попавшие в кластер HL (High-Low), имеют относительно высокие собственные значения анализируемого показателя, но окружены регионами с относительно низкими значениями показателя. Регионы кластера LH (Low-High), наоборот, имеют относительно низкие собственные значения показателя, однако окружены регионами с относительно высокими значениями показателя. С определенной долей условности можно сказать, что регионы кластеров HH и HL представляют собой центры / ядра, характеризующиеся наибольшими значениями анализируемых показателей, в то время как регионы кластеров LL и LH – периферийные территории.

Картографическая визуализация распределения регионов по эндогенной переменной и экзогенным переменным интереса представлена на *рисунке*. В целом она визуальным образом подтверждает наличие положительной пространственной автокорреляции среди субъектов РФ, т. е. то, что субъекты расположены не хаотично, а образуют территориальные кластеры.

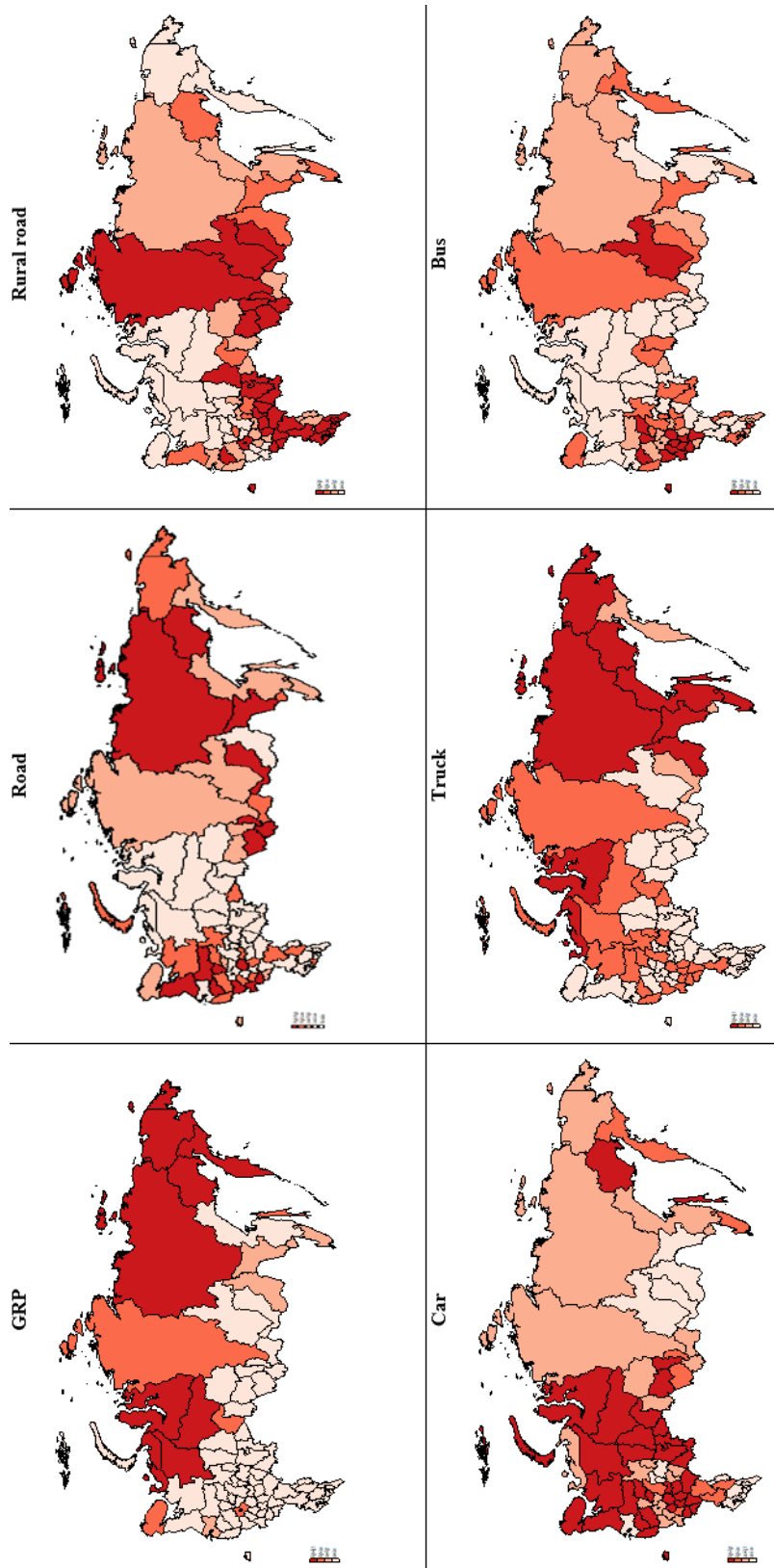
При этом выглядит интересным и вполне ожидаемым тот факт, что картограммы в определенной степени совпадают для показателей подушевого ВРП и количества грузовых автомобилей в организациях, так как в России лидерами по объему создаваемого ВРП на душу населения являются преимущественно северные регионы, в структуре экономики которых значительную долю занимает добывающая и обрабатывающая промышленность. Обеспечить ее бесперебойное функционирование (поставку сырья, материалов, оборудования, сбыт готовой продукции, перевозки полуфабрикатов между цехами и т. п.) позволяют перевозки именно грузовым автотранспортом¹¹. Вместе с тем значимая часть регионов Северо-Западного (например, Республика Коми, Архангельская, Мурманская, Вологодская области) и Уральского (Тюменская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) федеральных округов по показателю числа легковых автомобилей, приходящихся на 1 тыс. чел. населения, находятся в кластере HH, а по показателю плотности автодорог на 1 тыс. чел. – LL. На наш взгляд, это с определенной долей условности подтверждает известный тезис о неразвитости автодорожной инфраструктуры в северных регионах России.

Вывод результатов построения пространственных моделей множественной регрессии

В рамках исследования были построены 5 спецификаций моделей для панельных данных со случайными эффектами (*табл. 5*). При этом одним из главных вопросов является выбор среди представленных моделей одной наилучшей. В первую очередь следует отметить, что результаты анализа пространственной автокорреляции Морана свидетельствуют о целесообразности учета пространственных эффектов в модели (соответственно, модель без учета пространственных эффектов из дальнейшего анализа исключается). Для выбора наилучшей модели среди SAR, SEM, SDM и GSPRE было проведено сравнение информационных

¹¹ В рамках настоящего исследования пространственной автокорреляции не анализировались перевозки железнодорожным, морским, водным, трубопроводным транспортом, которые также играют значимую роль в обеспечении бесперебойного функционирования промышленности.

Рис. 1. Картограммы распределения регионов РФ по квадрантам диаграммы рассеяния Морана по показателям ВРП (тыс. руб. на 1 чел.; GRP), плотности автодорог с твердым покрытием (км путей на 1 тыс. чел.; Road), удельный вес сельских населенных пунктов, имеющих связь по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования (%; Rural_road), количество легковых автомобилей, находящихся в собственности граждан (ед. на 1 тыс. чел.; Car), количество грузовых автомобилей (ед. на 1 тыс. чел.; Truck), количество автобусов общего пользования (ед. на 100 тыс. чел.; Bus)

Примечание: ввиду ограниченности баз картографических и статистических данных не представлены данные по Республике Крым и г. Севастополю, Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Херсонской и Запорожской областям. Цвета заливки регионов соответствуют квадрантам матрицы рассеяния Морана:

HH	HL	LH	LL
----	----	----	----

Источник: составлено автором.

критериев Акаике и Шварца, скорректированного коэффициента детерминации. Это позволило выделить как наилучшую модель SDM, для которой характерно наименьшее значение коэффициентов Акаике (-2086) и Шварца

(-1994), наибольшее значение коэффициента детерминации (0,466). Более подробные описательные статистики модели SDM, в т. ч. пространственных лагов и пространственных эффектов, представлены в *таблице 6*.

Таблица 5. Результаты оценивания моделей для панельных данных со случайными эффектами с пространственными лагами и без них

Показатель	Спецификация модели				
	Без пространственных эффектов	С пространственными эффектами			
		SAR	SEM	SDM	GSPRE
Регрессионные оценки					
Road	0.012***	-0.000	-0.003	-0.005**	-0.005**
Rural_road	-0.001	-0.000	-0.000	-0.000	0.000
Car	0.001***	0.000***	0.000**	0.000	0.000*
Truck	-0.005***	-0.006***	-0.007***	-0.007***	-0.007***
Bus	-0.000**	0.000	0.000	0.000*	0.000
Dummy	0,532***	1.134***	1.259***	0.963***	1.101***
House	0.000	0.000	-0.000	-0.000	-0.000
Innov	-0.001	0.000	0.001*	0.001**	0.001
Constant	6.035***	0.980***	6.294***	3.760***	6.298***
Коэффициенты пространственной автокорреляции					
Spatial					
rho		0.822***		0.463***	
lambda			0.895***		1.097***
phi					1.691***
Variance					
lgt_theta		-3.567***		-3.585***	
sigma2_e		0.002***	0.002***	0.002***	
ln_phi			5.186***		
sigma_mu					0.497***
sigma_e					0.041***
Информационные критерии Акаике (AIC) и Шварца (BIC)					
AIC	1651	-2033	-2013	-2086	-2017
BIC	1689	-1977	-1957	-1994	-1957
Скорректированный коэффициент детерминации					
R-squared		0.437	0.405	0.466	0.404
<p>Примечания: *** p-value < 0,01; ** p-value < 0,05; * p-value < 0,1. Зависимая переменная – I_GRP. Значимость включения фиктивной переменной подтверждена тестом Вальда. Число наблюдений – 765 ед. Алгебраическая форма модели SDM: $\ln GRP = 3.760 - 0.005 \times Road - 0.000 \times Rural_{road} + 0.000 \times Car - 0.007 \times Truck + 0.000 \times Bus + 0.963 \times Dummy -$ $- 0.000 \times House + 0.001 \times Innov$; в рамках рассматриваемой модели при прочих равных условиях ВРП регионов, входящих в состав Европейского и Азиатского Севера России ($Dummy = 1$), выше ВРП остальных регионов ($Dummy = 0$) почти в 2,6 раза. Источник: составлено автором.</p>					

Таблица 6. Регрессионные оценки, пространственные лаги и пространственные эффекты модели для панельных данных со случайными эффектами с пространственными лагами SDM

Переменная	Коэффициенты регрессии (β)	Пространственные лаги при экзогенных переменных (Wx)	Прямые эффекты (LR_Direct)	Косвенные эффекты (LR_Indirect)	Общие эффекты (LR_Total)
Road	-0.005**	0.045***	-0.004*	0.080***	0,076***
Rural_road	-0.000	-0.017***	-0.001	-0.033***	-0.034**
Car	0.000	0.001*	0.000	0.001*	0.001**
Truck	-0.007***	0,005	-0.007***	0.004	-0.003
Bus	0.000*	-0.000	0.000*	-0.000	-0.000
Dummy	0.963***	1.583	1.014***	3.772	4.787**
House	-0.000	0.000**	-0.000	0.000**	0.000***
Innov	0.001**	-0.004	0.001*	-0.006	-0.005

Примечание: *** p-value < 0,01; ** p-value < 0,05; * p-value < 0,1.
Источник: составлено автором.

С опорой на результаты расчетов можно сделать следующие ключевые выводы относительно модели SDM.

1. Коэффициент пространственной автокорреляции ρ ¹² в рассматриваемой модели статистически значим на 1% уровне значимости (см. табл. 5). Это означает, что имеют место глобальные спилловер-эффекты (т.н. «spillover effects», «эффекты перелива»), отражающие влияние на подушевой ВРП каждого конкретного региона не только его непосредственных соседей, но и соседей второго, третьего и т. д. порядка. Положительный знак коэффициента говорит о том, при росте/снижении ВРП в одном регионе происходит рост/снижение ВРП в соседних¹³ (Демидова, Тимофеева, 2021) при допущении об одинаковом влиянии соседних регионов на каждый регион, т. е. о постоянстве коэффициента ρ .

2. Коэффициент при пространственных лагах θ ¹⁴ статистически значим и отрицателен. Это позволяет говорить, что с увеличением значений экзогенных переменных в соседних регионах в рассматриваемом регионе происходят противоположные изменения эндогенной

переменной (при допущении об одинаковом влиянии соседних регионов на каждый регион, т. е. о постоянстве коэффициента θ).

В целом модель SDM подтвердила наличие статистически значимого влияния плотности автодорог (лаг 0,045; см. табл. 6), числа легкового автотранспорта (лаг 0,001), приходящегося на 1 тыс. чел. населения, и удельного веса сельских населенных пунктов, имеющих связь по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования (лаг -0,017) в соседних субъектах, на каждый регион. Положительное влияние плотности автодорог и числа автотранспорта у граждан выглядит вполне закономерно: при их увеличении население и бизнес получают дополнительные возможности совершать больше деловых, туристических и иных поездок, в т. ч. в соседние регионы¹⁵. Если учесть, что основной объем ВРП создается преимущественно в городах и городских агломерациях, в добывающих/перерабатывающих поселках городского типа, то негативное влияние повышения связности сельских территорий также с определенной долей условности выглядит закономерно. Однако, на наш взгляд, это не должно стать определяющим фактором для органов государственной власти федерального и регионального уровней при принятии решений относительно развития транспортной

¹² Коэффициент перед пространственным лагом эндогенной переменной.

¹³ Демидова О.А. (2023). Семинар НУГ «Оценка влияния макрошоков на социально-экономические процессы в регионах России». Основные пространственно-эконометрические модели и их применение к российским данным. НИУ ВШЭ. URL: <https://economics.hse.ru/mirror/pubs/share/824652359.pdf>

¹⁴ Коэффициент перед пространственными лагами экзогенных переменных.

¹⁵ При условии увеличения плотности автодорог за счет их строительства, а не снижения численности населения, автомобилей у граждан – за счет непосредственного увеличения их числа, а не снижения численности населения.

инфраструктуры страны; необходимо брать во внимание в целом общественную значимость повышения связности сельских территорий в пространстве страны.

3. Поскольку в пространственной модели среди объясняющих факторов присутствуют пространственные лаги независимых переменных, необходимо интерпретировать не оценки коэффициентов, а оценки пространственных эффектов для рассматриваемых факторов (Демидова, Тимофеева, 2021). В таблице 6 представлены эффекты, рассчитанные в среднем для всех анализируемых 83 регионов России. Согласно этим данным, в частности среднему общему эффекту, на изменение валового регионального продукта в каждом i -том регионе оказывает статистически значимое влияние изменение во всех регионах показателей 1) плотности автодорог, 2) удельного веса сельских населенных пунктов, имеющих связь по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования, 3) количества легковых автомобилей, 4) нахождения субъекта РФ на территории Европейского или Азиатского Севера России, 5) подушевых объемов ввода жилых домов, при этом второй – отрицательное влияние, остальные – положительное.

Кроме этого, анализ прямых пространственных эффектов позволяет заключить, что наибольшее положительное и статистически значимое влияние на объем подушевого ВРП i -го региона оказывает фактор нахождения региона на территории Европейского или Азиатского Севера России. Это в целом объясняется ресурсной специализацией экономики северных территорий, позволяющей формировать значительный объем ВРП, и их относительно слабой заселенностью. В свою очередь в результате анализа косвенных пространственных эффектов можно заключить, что наибольшее положительное и статистически значимое влияние на объем подушевого ВРП i -го региона оказывает плотность автодорог в других регионах России, в связи с тем, что автодороги являются основным видом инфраструктуры, используемой для передвижения населения, представляющего ключевого конечного потребителя в экономической системе, предъявляющего спрос на огромное количество товаров, работ, услуг.

В целом для большинства показателей автотранспортной связности характерна сложная роль в повышении уровня ВРП регионов России, поскольку знаки у прямых и косвенных эффектов для одних и тех же показателей в большинстве случаев разнятся.

Выводы

В ходе исследования оценено влияние автотранспортной связности на экономический рост регионов России. Для этого предложен методический подход, основу которого составляет инструментарий пространственной эконометрики. Его применение позволило получить следующие ключевые результаты.

Во-первых, путем расчета коэффициентов пространственной автокорреляции Морана установлено наличие положительной пространственной автокорреляции среди субъектов РФ по показателям подушевого ВРП и большинству показателей автотранспортной связности (плотность автодорог, доля сельских населенных пунктов, имеющих связь с сетью дорог общего пользования, количество легковых и грузовых автомобилей, приходящихся на 1 тыс. чел. населения). Как правило, регионы, для которых характерны более высокие значения какого-либо из этих показателей, соседствуют с регионами, в которых тоже наблюдаются высокие значения показателей. Регионы с относительно низкими значениями показателей также соседствуют преимущественно друг с другом. То есть субъекты расположены не хаотично, а образуют территориальные кластеры, непосредственно визуализированные на картограммах. При этом статистическая значимость глобальных индексов Морана по используемым в исследовании переменным указала на необходимость учета пространственной зависимости при построении регрессионной модели влияния автотранспортной связности на экономический рост регионов.

Во-вторых, построение и затем сравнение нескольких регрессионных моделей с учетом пространственных лагов и без позволили установить, что лучшей является модель SDM, учитывающая лаги при эндогенной и всех экзогенных переменных. В ходе ее интерпретации выявлено, что по показателю подушевого валового регионального продукта в регионах России

имеют место спилловер-эффекты: на уровень ВРП каждого региона оказывает положительное влияние уровень ВРП его соседей первого, второго, третьего и т. д. порядка. Вместе с тем на изменение валового регионального продукта в каждом i -том регионе оказывает статистически значимое влияние изменение во всех регионах России таких показателей автотранспортной связности, как плотность автодорог, приходящихся на 1 тыс. чел. населения, удельный вес сельских населенных пунктов, имеющих связь по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования, количество легковых автомобилей, приходящихся на 1 тыс. чел. населения. Таким образом, гипотезу о том, что влияние автотранспортной связности на экономический рост регионов России обусловлено пространственным расположением регионов, можно считать подтвержденной частично.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в обосновании зависимости экономического роста каждого субъекта России от уровня внутрирегиональной транспортной связности не только его самого, но и остальных регионов (в период 2014–2022 гг.). Практическая значимость заключается в возможности использования результатов органами государственной власти федерального и регионального уровней при совершенствовании политики в сфере социально-экономического и пространственного развития территорий.

Однако, понимая, что результаты проведенного исследования не дают всестороннего и полного ответа относительно сложившихся в России закономерностей влияния транспортной связности на экономический рост, следует выделить перспективы дальнейшей работы:

- оценка влияния автотранспортной связности на экономический рост с учетом различной чувствительности каждого региона к воздействиям со стороны остальных регионов Российской Федерации, т. е. с учетом предположения о непостоянстве пространственных коэффициентов ρ и θ ;

- построение пространственных регрессионных моделей зависимости ВРП от показателей автотранспортной связности для различных групп регионов по отнесению к кластерам НН, НЛ, ЛН, ЛЛ Морана;

- моделирование влияния на экономический рост субъектов РФ связности железнодорожной, водной, авиационной и в целом интегральной транспортной связности (по всем видам транспорта) с учетом наличия пробелов в статистических данных;

- анализ проблем, которые могут нивелировать положительное влияние автотранспортной связности на экономический рост регионов России: несогласованность плановых ориентиров транспортного и экономического развития, слабая вовлеченность транспортной инфраструктуры в хозяйственные процессы региона и др. (Рослякова, 2021).

Литература

- Балаш О.С. (2012). Эконометрическое моделирование пространственных взаимодействий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. № 3. С. 30–35.
- Гафарова Е.А. (2017). Эмпирические модели регионального экономического роста с пространственными эффектами: результаты сравнительного анализа // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». № 4. С. 561–574. DOI: 10.17072/1994-9960-2017-4-561-574
- Горидько Н.П., Рослякова Н.А. (2014). Факторы развития российских регионов: роль инноваций и транспортной инфраструктуры / под ред. Р.М. Нижегородцева. М.: Национальный институт бизнеса. 440 с.
- Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г. (2021). Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области // Балтийский регион. № 4. С. 147–160. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-4-8
- Демидова О.А., Тимофеева Е.А. (2021). Пространственные аспекты оценки кривой заработной платы в России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3. С. 69–101. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-4
- Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение (2020) / под ред. к.э.н. О.В. Тарасовой. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 456 с.
- Исаев А.Г. (2015). Транспортная инфраструктура и экономический рост: пространственные эффекты // Пространственная экономика. № 3. С. 57–73. DOI: 10.14530/se.2015.3.057-073

- Кожевников С.А., Патракова С.С. (2024). Транспортная связность северных регионов России: проблемы и инструменты обеспечения // Проблемы развития территории. № 3. С. 50–66. DOI: 10.15838/ptd.2024.3.131.4
- Коломак Е.А. (2011). Эффективность инфраструктурного капитала в России // Журнал новой экономической ассоциации. № 10. С. 74–93.
- Колчинская Е.Э. (2015). Влияние транспортной инфраструктуры на промышленное развитие регионов России // Актуальные проблемы экономики и права. № 2. С. 77–82.
- Кудрявцев А.М., Руднева Л.Н. (2014). Методика комплексной оценки эффективности функционирования транспортной инфраструктуры региона // Российское предпринимательство. № 8 (254). С. 109–121.
- Куратова Э.С. (2014). Методология оценки транспортной обеспеченности территории для целей доступности социальных услуг // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5. С. 251–259.
- Окунев И.Ю. (2024). Глобальная и локальная пространственная автокорреляция: методы расчёта и картографирования // Псковский регионологический журнал. № 2. С. 170–191. DOI: 10.37490/S221979310030291-3
- Пьянкова С.Г., Заколюкина Е.С. (2024). Влияние характеристик транспортного комплекса на экономическое развитие региона: пример УрФО // Journal of New Economy. № 2. С. 69–88.
- Рослякова Н.А. Дифференциация развития транспортной инфраструктуры в условиях неравновесной динамики регионов (2021) / под науч. ред. Н.П. Горидько. СПб.: Скифия-принт. 291 с.
- Транспортная и энергетическая инфраструктура в развитии производительных сил макрорегиона (2022) / под науч. ред. М.Б. Петрова. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 275 с.
- Ускова Т.В. (2021). Транспортная инфраструктура как фактор развития территорий и связанности экономического пространства // Проблемы развития территории. № 3. С. 7–22.
- Худякова Л.В. (2015). Эффекты влияния транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие региона // Вестник Научно-исследовательского института железнодорожного транспорта. № 5. С. 61–64.
- Щербанин Ю.А. (2011). Транспорт и экономический рост: взаимосвязь и влияние // Евразийская Экономическая Интеграция. № 3. С. 65–78.
- Francisco K., Helble M. (2017). *The Impact of Improved Transport Connectivity on Income, Education, and Health: The Case of the Roll-On/Roll-Off System in the Philippines. ADBI Working Paper 792*. Tokyo: Asian Development Bank Institute. Available: <https://www.adb.org/publications/impact-improved-transport-connectivity-income-educationhealth-philippines>
- Karim A., Suhartono Prastyo D.D. (2020). Spatial spillover effect of transportation infrastructure on regional growth. *Economy of Region*, 3, 911–920. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-3-18
- Rim G.N., An C.J. (2022). Impact of transport infrastructure on living standards: Evidence from the Chinese provinces directly affected by the “One Belt, One Road” Initiative. *Business Perspective Review*, 4(1), 51–69. DOI: 10.38157/bpr.v4i1.431
- Shi J., Bai T., Zhao Z., Tan H. (2024). Driving economic growth through transportation infrastructure: An in-depth spatial econometric analysis. *Sustainability*, 16, 4283. DOI: 10.3390/su16104283
- Taylor M., D’Este G. (2007). Transport network vulnerability: A method for diagnosis of critical locations in transport infrastructure systems. In: Murray A.T., Grubestic T.H. (Eds). *Critical Infrastructure. Advances in Spatial Science*. Springer, Berlin, Heidelberg. DOI:10.1007/978-3-540-68056-7_2
- Tobler W.R. (1970). A computer movie simulating urban growth in the Detroit region. *Economic Geography (Supplement: Proceedings, International Geographical Union. Commission on Quantitative Methods)*, 46, 234–240. DOI:10.2307/143141
- Tobler W.R. (2004). On the first law of geography: A reply. *Annals of the Association of American Geographers*, 94(2), 304–310.
- Wang J., Yang X. (2023). Spatial spillover of Yangtze River Delta transportation infrastructure on economic growth. *Highway*, 68, 195–203.
- Wang J., Yang X., Qalati S.A., Deng Y. (2022.) Spatial spillover effect and spatial distribution characteristics of transportation infrastructure on economic growth: A case of the Yangtze River Delta. *Frontiers in Environmental Science*. 10:900209. DOI: 10.3389/fenvs.2022.900209

- Yao Z., Liu Z. (2022). On the influence of modern transportation infrastructure on the economic development quality of metropolitan areas. *Journal of Chang'an University (Natural Science Edition)*, 23, 60–69.
- Zhu L., Luo H. (2022). The features and the mechanism of the impact of transportation infrastructure construction on regional economic gap and the empirical study. *Journal of Yunnan University of Finance and Economics*, 3, 31–45.

Сведения об авторе

Светлана Сергеевна Патракова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

Patrakova S.S.

The Impact of Road Transport Connectivity on Economic Growth of Regions: Econometric Modeling

Abstract. For the Russian Federation, as the largest country in terms of area, the task of strengthening transport connectivity of territories: centers of economic growth, urban and rural areas, settlements within urban agglomerations, etc., is of exceptional importance. It is especially acute in the conditions of growing external sanctions pressure, which caused the need to multiply the strengthening of inter- and intra-regional ties of economic, migration, socio-cultural, scientific and technological nature. The aim of the research is to assess the impact of road transport connectivity on the economic growth of Russian regions. We used general scientific methods (analysis, synthesis, generalization) and methods of spatial econometrics to achieve it. In particular, we substantiated the existence of clustering of regions in the country space by level of per capita GRP and key indicators of motor transport connectivity based on the results of calculation of global and local Moran's spatial autocorrelation indices. As a result of the construction of multiple regression models with random effects with spatial lags (SAR, SEM, SDM, GSPRE models) and without them, the article shows that the greatest positive and statistically significant influence on the GRP of its subject is exerted by the factor concerning location of the region within the North of Russia, and on the GRP of other regions – by the density of highways. The scientific significance of the study consists in proving that the economic growth of each region of Russia in the period 2014–2022 was influenced by the level of intra-regional transport connectivity of both the subject itself and other regions. The results of our work contribute to the development of ideas about the impact of spatial factors on the economic growth of Russian regions and can be used by researchers in conducting research on similar topics, by public authorities in the development of strategic documents and specific projects for the development of territories.

Key words: road transport connectivity, economic space, region, economic growth, gross regional product, modeling, spatial autocorrelation.

Information about the Author

Svetlana S. Patrakova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

Статья поступила 10.09.2024.

Пространственные аспекты развития сектора малых предприятий в регионе

**Евгений Моисеевич
БУХВАЛЬД**
Институт экономики РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: buchvald@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9892-5930

**Игорь Сергеевич
БЕССОНОВ**
Самарский государственный экономический университет
Самара, Российская Федерация
e-mail: igornews@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-1118-336X

Аннотация. В статье на примере сегмента малых предприятий проанализированы особенности формирующейся системы управления пространственным развитием экономики одного из регионов Российской Федерации. Данный аспект в настоящее время регулируется целым рядом документов федерального и регионального уровня, в качестве его особенностей выделяется фрагментарность, как по вертикали, так и по горизонтали. В текущее время обозначены лишь отдельные блоки управленческих процессов пространственного характера, частично взаимосвязанные между собой. Описываемые задачи регулируются в документах различного вида: законах субъектов Федерации, целевых программах, стратегиях и концепциях пространственного либо агломерационного развития. На федеральном уровне действует Стратегия пространственного

Для цитирования: Бухвальд Е.М., Бессонов И.С. (2025). Пространственные аспекты развития сектора малых предприятий в регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 106–120. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.6

For citation: Buchwald E.M., Bessonov I.S. (2025). Spatial aspects in the development of the small business sector in the region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 106–120. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.6

развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, разработанная с учетом отрицательных отзывов на предыдущий документ. На региональном уровне также не прослеживается унифицированный подход к разработке и реализации документов пространственного развития. В целях обоснования возможностей существенного улучшения практики стратегического управления пространственным развитием регионов в работе были решены следующие задачи: актуализация подхода к рассмотрению регионального экономического пространства; обоснование отдельных структурных элементов регионального экономического пространства – агломераций и субрегионов – в качестве объектов управления, обоснование возможностей стратегического подхода к управлению пространственным развитием экономики региона, анализ лучших практик субрегионального управления в регионах и обоснование практических рекомендаций органам власти по совершенствованию системы управления регионом на субрегиональном уровне.

Ключевые слова: экономическое пространство региона, пространственный потенциал, пространственное развитие, региональное развитие, малое предпринимательство.

Введение

В настоящее время пространственное регулирование является актуальной составляющей экономической политики как на федеральном, так и на региональном уровне, что подчеркивается Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, созданной с учетом части негативных замечаний в отношении предыдущего документа. Важные черты пространственной парадигмы, которые можно назвать лейтмотивом пространственного развития, назвал в своих исследованиях А.Г. Гранберг, отметивший, что «экономика России – не монообъект, а многорегиональный организм, функционирующий на основе вертикальных (центр – регионы) и горизонтальных (межрегиональных) экономических взаимодействий и входящий в систему мирохозяйственных связей» (Гранберг, 2006). В рамках данного подхода ключевой проблемой исследований и государственной политики является разумное сочетание регионального многообразия, целостности национального пространства и его интеграции в глобализирующийся мир. Ученый прозорливо предвидел: «Иначе говоря, путь России в XXI веке – это неизбежный поиск устойчивой целостности в региональном многообразии при усиливающемся и неодинаковом воздействии процессов глобализации на разные части национального пространства»¹.

Одновременно с этим отметим многоаспектность постановки задачи пространственного развития. С одной стороны, требуется соблюдение устойчивой целостности и эффективного функционирования единого экономического пространства (Bondareva, 2021; Урунов, Морозова, 2024). С другой стороны, приходится балансировать в условиях противоречий между необходимостью поддержки полюсов роста в условиях естественной поляризации развития и стимулированием саморазвития малоразвитых и депрессивных экономических пространств, на чем делал акцент основатель первого отечественного профильного журнала «Пространственная экономика» П.А. Минакир (Минакир, 2019).

С учетом современных задач по достижению технологического суверенитета и обеспечению устойчивости социально-экономического развития вопросы эффективного использования регионального потенциала становятся ключевыми. Пространственная парадигма подводит нас к обсуждению целесообразности непосредственно управления развитием экономического пространства, в особенности с учетом его фрактальности и возможности «тонкой настройки» региональной системы управления – рассмотрения мезоэкономического (субрегионального), муниципального и локального структурных уровней.

¹ Гранберг А.Г. (2003). Основы региональной экономики: учебник для вузов. 3-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 495 с. С. 17.

В контексте анализа современных социально-экономических вызовов особую значимость приобретает исследование влияния малых предприятий, имеющих повсеместное распространение, на пространственно-территориальное развитие. Данный сектор экономики, обладая гибкостью, адаптивностью и способностью к генерации инноваций, способен играть важную роль в диверсификации экономики, создании новых рабочих мест и повышении уровня жизни населения. Также он оказывает значительное влияние на формирование пространственной структуры. Раскрытие пространственного потенциала малых предприятий на различных уровнях экономического пространства в экономическом, социальном и инновационном профилях (Бессонов, Королева, 2023) способно выступать инструментом развития и оздоровления экономики.

Таким образом, рассмотрение социально-экономического развития России требует учета возможностей и разработки механизмов пространственного управления, в т. ч. на региональном уровне. Цель исследования – обоснование на примере сектора малых предприятий подходов и методов стратегического управления развитием экономического пространства на региональном уровне. Главное направление исследования – пространственный аспект регионального социально-экономического развития. Задачи, покрывающие существующие лакуны в научном знании и представляющие исследовательский интерес: актуализация современного подхода к рассмотрению регионального экономического пространства, связанная с повышением внимания к внутрирегиональному развитию, теоретическое обоснование отдельных структурных элементов регионального экономического пространства – агломераций и субрегионов – в качестве потенциальных объектов управления, обоснование возможностей стратегического подхода к управлению пространственным развитием экономики региона, анализ лучших практик субрегионального управления в регионах России и обоснование практических рекомендаций органам власти по совершенствованию системы управления регионом на субрегиональном уровне. К научной новизне исследования можно отнести обоснование и апробацию методического подхода пространственного развития

регионального малого предпринимательства и определение направлений совершенствования социально-экономической политики. Полученные результаты могут найти применение в стратегических документах федерального и регионального уровней.

Обзор литературы

Подходы к описанию экономического пространства как базиса пространственного развития – развития с учетом неравномерности, неоднородности, выделения полюсов роста и периферии – могут быть раскрыты в четырех сложившихся концепциях: информационной (основные факторы – телекоммуникационные сети, распространение информации, исследователи – Р. Шулер (Schuler, 1992), Р. Капелло (Capello, 1994, Capello, 2002), Г. Шибусава (Shibusawa, 1999; Shibusawa, 2000)), процессной (комплексный экономический процесс на основе сетевого взаимодействия агентов, О.А. Бияков (Бияков, 2004)), ресурсной (ресурсные базы, противопоставление центростремительного и центростремительного движения, П. Кругман (Fujita et al., 1999)), территориальной (территория и расположенные на ней объекты, А.Г. Гранберг (Гранберг, 2006)). Современные трактовки экономического пространства часто сочетают разные подходы. П.А. Минакир и А.Н. Демьяненко объединяют территориальное понимание (границы, природные зоны) с хозяйственным взаимодействием, рассматривая пространство как источник ресурсов, среду проживания и развития рынков (Минакир, Демьяненко, 2014). А.А. Урунов представляет экономическое пространство как территорию, геоторию, акваторию и аэроторию (Урунов, 2014).

Концепция «полюсов роста» Ф. Перру (Perroux, 1955) является одним из основополагающих теоретических конструктов в региональной экономике и пространственном развитии. Ученый определял «полюс роста» как «совокупность индустрий, объединенных производственными связями и доминирующей отраслью, обладающей способностью генерировать экономический рост и распространять его на окружающую территорию». Важную роль играет также концепция «поляризации», означающая концентрацию ресурсов и деятельности в полюсах роста и отток их из периферийных территорий. Другие представители французской школы региональной экономии

ки также внесли вклад в развитие концепции «полюсов роста». Ж. Будвиль (Boudeville, 1966) акцентировал внимание на географическом аспекте полюсов роста, рассматривая их как территориальные единицы, обладающие высокой концентрацией экономической деятельности и оказывающие влияние на окружающие территории. А. Хиршман (Hirschman, 1958) в своей теории «несбалансированного роста» подчеркивал необходимость концентрации ресурсов в приоритетных отраслях и регионах для стимулирования экономического развития.

В отечественной науке концепция «полюсов роста» получила широкое распространение и была адаптирована к российским условиям. Одними из первых необходимость использования пространственного подхода обосновали российские ученые Т.Е. Кузнецова и Л.В. Никифоров (Кузнецова, Никифоров, 2013). В.Н. Лексин, анализируя процессы регионального развития в России, подчеркивает необходимость формирования опорных центров инновационной активности, способных стать локомотивами экономического роста (Лексин, 2024). Он отмечает, что в условиях России, с ее огромной территорией и неравномерным распределением ресурсов, формирование таких центров является ключевым фактором обеспечения устойчивого развития. О.С. Пчелинцев (Пчелинцев, 2006), исследуя проблемы региональной экономики, акцентирует внимание на необходимости развития «точек роста», обладающих инновационным потенциалом и способных генерировать новые знания и технологии. Н.В. Зубаревич, анализируя социально-экономическое развитие российских регионов, отмечает, что формирование «полюсов роста» является важным фактором повышения конкурентоспособности российской экономики и требуется учитывать специфику каждого региона, разрабатывать стратегии развития, основанные на использовании конкурентных преимуществ (Зубаревич, 2022). В.В. Климанов, анализируя проблемы межбюджетных отношений, говорит, что формирование полюсов роста требует совершенствования системы финансового выравнивания регионов. Он подчеркивает, что необходимо создать стимулы для регионов, генерирующих экономический рост, и обеспечить поддержку отстающим регионам (Климанов, Казакова, 2022).

В современных условиях концепция «полюсов роста» приобретает новые интерпретации, смещая акценты с отраслевого на территориальный аспект и на развитие городских агломераций как центров инноваций и экономического роста. С.А. Кожевников, подводя итоги современного пространственно-территориального развития Европейского Севера России (Кожевников, 2019), отметил важность линейно-узловой многомерной пространственной организации с учетом выделения крупных, малых городов и сел, что фактически еще раз подчеркивает актуальность рассматриваемой концепции в современных научных изысканиях.

Методика исследования

Концепция экономического пространства предполагает вариативность подходов к определению его сущности, следовательно, пространственное развитие (развитие экономического пространства) также может быть рассмотрено многоаспектно. А.В. Суворова разграничивает синонимичные понятия, определяя следующую иерархию: территориальное развитие (сложноорганизованный комплекс изменений в экономике территории) – пространственное развитие (изменение пространственной структуры территории) – развитие территории (изменение границ территории и освоение новых локаций) (Суворова, 2019). Мы считаем уместным опереться на мнение этого автора о синонимичности понятий «экономическое пространство» и «экономическая среда», поскольку в данном контексте проще осмыслить в научно-практической плоскости разноаспектные подходы к толкованию указанного понятия. Таким образом, экономическая среда окружает экономические объекты, взаимодействуя с ними (создавая условия и подвергаясь обратному влиянию), и может быть рассмотрена в парадигмах информационного, процессного, ресурсного, территориального подходов.

Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года² выделяет массовый и высокотехнологичный секторы деятельности.

² Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/jFDd9wbAbApxgEiHNaXHveytq7hfPO96.pdf> (дата обращения 25.03.2024).

В то же время конкретизация технологичных видов экономической деятельности не проведена однозначно. Для выполнения задачи по разработке показателя, включающего в себя малые предприятия прогрессивных видов деятельности, применялись данные методики расчета показателей «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте»³. Нами использован относящийся к региональному уровню экономики «Перечень отраслей высокого технологического уровня, среднего высокого технологического уровня и наукоемких отраслей для расчета показателя «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте» (приложение 2 к указанной методике).

Ход работы

Исторически региональная политика в Советской России подразумевала уравнительный подход к регионам и включала в себя существование системы выравнивания и отсутствие учета регионоцентричных интересов. Директивное планирование и централизованное распределение были основой существования командно-административной экономики. В современной экономической системе соотношение федерализма и регионализма определяет баланс между централизацией власти и центробежными силами. Регион рассматривается современными учеными во многом автономно в рамках концепций квази-государства, социума, корпорации и рынка. Каждая из них предполагает принятие независимых решений исходя из особенностей системы потенциалов региональной экономики и самоопределения регионального сообщества. Тем не менее более значимой парадигмой предстает единое экономическое пространство России, определяющее основные принципы и стратегии национального развития. Исходя из фрактальности, присущей экономическому пространству в целом (принципа включения более мелких подобных частей по типу матрешки), возможно дать следующее определение.

³ Об утверждении Методики расчета показателей «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте»: Приказ Росстата от 15.12.2017 № 832. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556157980> (дата обращения 15.04.2024).

Региональное экономическое пространство выступает как часть более крупного национального экономического пространства и представляет собой неоднородно развивающуюся экономическую среду, обладающую сформированными на основе общего развития признаками связанности и единства институтов и специализации, включающую ряд пространственных структур — агломерации, субрегионы, внеагломерационные пространства и центры экономического роста. Региональное экономическое пространство, в свою очередь, фрактально включает в себя субрегиональный, муниципальный и локальные структурные уровни, каждый из которых может быть предметом отдельного исследования.

В стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года в качестве важной проблемы отмечен низкий уровень реализации социально-экономического взаимодействия как на межрегиональном, так и на межмуниципальном уровне (Бухвальд, Валентик, 2024; Иванов, Бухвальд, 2024). Вопрос выделения элементов внутрирегионального экономического пространства для соответствующего стимулирования взаимодействия является дискуссионным. Например, А.Г. Атаева и А.Г. Уляева на основе анализа стратегий социально-экономического развития субъектов Приволжского федерального округа выделяют следующие субъекты межмуниципального взаимодействия: муниципальные образования, кластеры, городские агломерации, территории опережающего социально-экономического развития (Атаева, Уляева, 2023, с. 180–181).

Агломерации в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года⁴ представлены в качестве наиболее прогрессивной части экономического пространства (раздел «Трансформация пространственной организации экономики»), сосредотачивающей в себе основные элементы инновационного потенциала региона и базирующейся на развитых логистических инфраструктурных системах. Исторически развитие городских поселений и урбанизированных территорий приносило синергетический эффект в

⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 05.10.2024).

формирование цивилизационного прогресса. Агломерационная сеть России включает более 40 крупных и крупнейших городских агломераций, из них около половины связаны с центрами экономического роста, обеспечивающими значимый вклад в ВВП.

Субрегионы представляют собой менее насыщенное экономическое пространство, объединенное общим историческим формированием и тесными межмуниципальными связями на основе экономико-географического положения и схожей специализации. Теория субрегионального развития находится в стадии формирования и не получила всеобщего распространения в современной научной литературе и стратегических документах. Предложенный в Стратегии социально-экономического развития Самарской области⁵ подход включает в себя описание субрегиона как полупериферийной, частично накладывающийся на агломерационную территорию, либо полностью периферийной части региона, образованной за счет межмуниципальных кластерных связей.

Для оценки неоднородности развития экономического пространства Самарской области и иллюстрации наиболее прогрессивного раз-

вития в рамках Самарско-Тольяттинской агломерации проведем анализ развития сектора малых предприятий на субрегиональном экономическом уровне (табл. 1). Малые предприятия представляют научный интерес ввиду присущей им способности эффективно осуществлять инновационный поиск и оперативно реагировать на изменяющуюся конъюнктуру рынка, а также по причине возможности стимулирования развития экономического пространства региона через реализацию пространственного потенциала малых предприятий.

Самарско-Тольяттинская агломерация представляет собой наиболее населенную часть региона и концентрирует в себе 83% населения. Вследствие этого наблюдается значимая асимметрия в пространственном размещении малых предприятий (91% от общерегионального показателя), в т. ч. прогрессивных видов деятельности (96% от уровня области). Таким образом, агломерация создает более благоприятные условия для развития высокотехнологичных и наукоемких малых предприятий. В исследовании состав Самарско-Тольяттинской агломерации приведен с учетом полностью в нее входящих муниципальных образований: городские округа

Таблица 1. Анализ пространственного развития малых предприятий (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) Самарской области на субрегиональном уровне, 2023 г.

Субрегион	Численность населения, 2023 г.	Число малых предприятий, 2023 г.		Число малых предприятий прогрессивных видов деятельности, 2023 г.	
		Всего, ед.	На 10000 чел. населения	Всего, ед.	На 10000 чел. населения
Самарско-Тольяттинская агломерация	2600626	116062	446,28	15626	60,09
Юго-Западный	74146	1552	209,32	100	13,49
Сызранский	227342	5387	236,96	476	20,94
Отраденский	110247	2435	220,87	181	16,42
Нефтегорский	55777	1114	199,72	54	9,68
Похвистневский	78622	1376	175,01	74	9,41
Сергиевский	114199	2193	192,03	123	10,77
Южный	65980	1720	260,69	79	11,97

Рассчитано по: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://ofd.nalog.ru> (дата обращения 10.04.2024), Численность постоянного населения городских округов и муниципальных районов области / Самарский статистический ежегодник. URL: <https://63.rosstat.gov.ru/folder/34255> (дата обращения 10.04.2024). Численность населения приведена по состоянию на 1 января, число малых предприятий – на 10 января.
Г. о. Сызрань и Октябрьск отнесены одновременно к Самарско-Тольяттинской агломерации и Сызранскому субрегиону в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 г.

⁵ Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года. URL: https://economy.samregion.ru/upload/iblock/82a/strategiya-so_2030.pdf (дата обращения 15.10.2024).

Самара, Тольятти, Сызрань, Новокуйбышевск, Кинель, Чапаевск, Жигулевск, Октябрьск; муниципальные районы Волжский, Кинельский, Красноярский, Ставропольский.

Наибольшая плотность размещения малых предприятий (446,28 ед. на 10000 чел. населения) отмечена в Самарско-Тольяттинской агломерации, остальные субрегионы значительно отстают. Так, на втором месте показатель Южного субрегиона со значением в 1,7 раза меньше (260,69). Наименьшее значение у Похвистневского субрегиона (175,01).

Плотность размещения малых высокотехнологичных и наукоемких предприятий также отличается в зависимости от характера экономического пространства: наибольший показатель 60,09 в границах Самарско-Тольяттинской агломерации, среди остальных субрегионов он варьируется от 20,94 (Сызранский), что в 2,87 раза меньше значения агломерации, до 9,41 (Похвистневский). Таким образом, Самарско-Тольяттинская агломерация резко выделяется высокой плотностью размещения малых предприятий, при этом дисбаланс в плотности размещения высокотехнологичных и наукоемких малых предприятий проявляется в большей степени.

Еще одним важным аспектом развития является уровень инвестиционной активности. Ввиду ограниченности информационных ре-

сурсов использованы данные Сплошного статистического наблюдения малого и среднего бизнеса за 2020 год⁶ (табл. 2).

По абсолютным значениям объема привлеченных инвестиций, несомненно, лидирует Самарско-Тольяттинская агломерация (53 055 млн руб., что составляет более 86% от всего объема инвестиций в малые предприятия в регионе), заметно опередив субрегионы (показатели в диапазоне от 993,9 млн у Нефтегорского субрегиона до 2 082,7 млн у Южного субрегиона). Относительный показатель объема инвестиций на 1 малое предприятие имеет наибольшее значение в Южном субрегионе (1833,34 тыс. руб.), наименьшее – в Сызранском субрегионе (417,03 тыс. руб.), при этом Самарско-Тольяттинская агломерация не занимает лидирующую позицию с показателем 791,92 тыс. руб.

В подтверждение гипотезы о сокращении доли инвестиций малых предприятий по мере удаления от центра области обратимся к картограмме инвестиций в малые предприятия от общерегионального объема в муниципальном разрезе (рисунок).

Она показывает, что наибольшая доля инвестиций приходится на центральную часть Самарской области, затем в близлежащих районах наблюдается более низкий процент, и по мере удаления от центра представлены муниципальные образования с наименьшими долями.

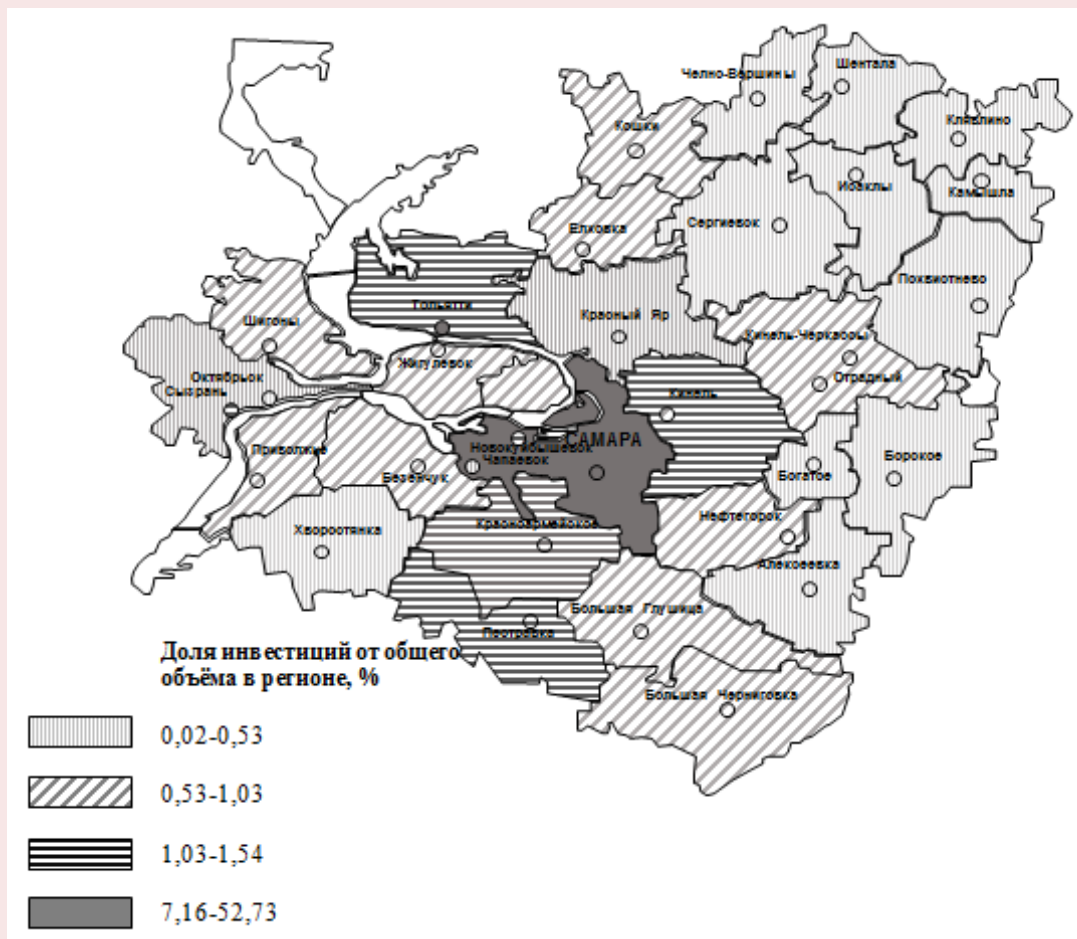
Таблица 2. Инвестиции в малые предприятия Самарской области на субрегиональном уровне в 2020 г. (индивидуальные предприниматели и юридические лица)

Субрегион	Число малых предприятий, ед.	Объем инвестиций, тыс. руб.	Доля инвестиций от общего объема в регионе, %	Объем инвестиций на 1 малое предприятие в среднем, тыс. руб.
Самарско-Тольяттинская агломерация	66995	53 055 058	86,20	791,92
Юго-Западный субрегион	1033	1004 365	1,63	972,28
Сызранский субрегион	3518	1467 113	2,38	417,03
Отраденский субрегион	1516	1 149 596	1,87	758,31
Нефтегорский субрегион	896	993 871	1,61	1109,23
Похвистневский субрегион	1119	457 225	0,74	408,60
Сергиевский субрегион	1520	1 336 281	2,17	879,13
Южный субрегион	1136	2 082 678	3,38	1833,34

Рассчитано по: Инвестиции в основной капитал в части новых, а также приобретенных по импорту основных средств в 2020 году по типу свода: малые предприятия (включая микропредприятия) (юридические лица); Наличие инвестиций в основной капитал у индивидуальных предпринимателей в 2020 году: индивидуальные предприниматели (малые, включая микро) // Итоги сплошного наблюдения малого и среднего бизнеса за 2020 г. URL: <https://63.rosstat.gov.ru/folder/148376> (дата обращения 15.04.2024).

⁶ Итоги сплошного наблюдения малого и среднего бизнеса за 2020 г. URL: <https://63.rosstat.gov.ru/folder/148376> (дата обращения 15.04.2024).

Пространственная дифференциация малых предприятий Самарской области (индивидуальных предпринимателей и юридических лиц) по доле инвестиций в 2020 г.

Рассчитано по: Инвестиции в основной капитал в части новых, а также приобретенных по импорту основных средств в 2020 году по типу свода: малые предприятия (включая микропредприятия) (юридические лица); Наличие инвестиций в основной капитал у индивидуальных предпринимателей в 2020 году: индивидуальные предприниматели (малые, включая микро) // Итоги сплошного наблюдения малого и среднего бизнеса за 2020 г. URL: <https://63.rosstat.gov.ru/folder/148376> (дата обращения 15.04.2024).

Однако расположение наиболее развитых муниципальных образований не вполне совпадает с агломерационной зоной, показывая, например, высокий уровень инвестиций в Красноармейском и Пестравском районах к югу от Самары.

Полученные результаты доказывают неоднородность пространственного развития сектора малых предприятий и наличие значительного потенциала, что подкрепляет необходимость выработки подходов и инструментов к эффективному управлению пространственным экономическим развитием на субрегиональном уровне. Под данным понятием мы подразуме-

ваем систему целенаправленного воздействия на субъекты региональной экономики субрегионального уровня, позволяющую достичь эффективного социально-экономического развития путем реализации пространственного потенциала через усиление межмуниципальных связей и совершенствование пространственно-территориального размещения.

Однако в России законодательно выделяются лишь федеральный, региональный и муниципальный уровни публичной власти. Тем не менее, проводя анализ по возможной структуризации экономического пространства, ранее

были выделены упоминаемые в стратегических документах макрорегиональный и субрегиональные уровни, которым в настоящее время не соответствуют органы управления (Бессонов, Королева, 2023, с. 25). Существуют также альтернативные точки зрения, предлагающие большую вариативность в выборе единиц экономического пространства (Структуризация..., 2016). В системе стратегических документов макрорегиональный и субрегиональный уровни также в большей степени обозначены пунктиром (как правило, в составе регионального либо федерального стратегического документа).

Как отмечает ряд авторов, весьма показательным является изучение подходов по стратегическому регулированию пространственного развития на примере агломерации, а также анализ закрепления соответствующих возможностей в системе нормативно-правовых документов. Так, Н.К. Савельева и соавторы акцентируют внимание на вопросах закрепления и уровня проработки статуса, регламентации функционирования агломераций, а также

управления и закрепления полномочий (Савельева и др., 2023). Исследователи выделяют лишь несколько российских агломераций (к ним отнесены Самарско-Тольяттинская, а также Саратовская и Челябинская), для которых закреплено перераспределение полномочий регионального и муниципального уровней власти, а также определен статус агломерации. В большинстве случаев создание и функционирование агломерации отражено в региональной стратегии социально-экономического развития (табл. 3), однако в отдельных случаях в роли регулирующего документа выступает региональный закон, концепция или стратегия развития агломерации. Таким образом, стратегирование является одним из основных методов управления экономическим пространством (на примере агломерации).

Развитие субрегионов получило описание в меньшем перечне стратегических документов (табл. 4). Их анализ дает представление о декларируемых и применяемых подходах к управлению субрегионами.

Таблица 3. Нормативно-правовые акты и иные документы планирования развития территории, регламентирующие статус агломераций в различных субъектах РФ

Документ, регулирующий создание и функционирование агломерации	Агломерация
Закон субъекта РФ	Белгородская, Томская, Кемеровская, Ростовская
Стратегия социально-экономического развития региона	Челябинская, Удмуртская, Омская, Краснодарская, Красноярская, Ханты-Мансийская, Ульяновская, Удмуртская, Новосибирская
Стратегия развития агломерации	Ижевская
Концепция развития агломерации	Томская, Сургутская, Красноярская, Иркутская, Нижневартовская, Самаро-Тольяттинская
Источник: (Савельева и др., 2023).	

Таблица 4. Нормативно-правовые акты и иные документы планирования развития территории, регламентирующие статус субрегионов в различных субъектах РФ

Документ, регулирующий создание и функционирование субрегиона	Регион	Принцип определения
Стратегия социально-экономического развития региона	Самарская область	Деление всей территории региона на семь субрегионов и Самарско-Тольяттинскую агломерацию, частично перекрывающую их территорию
	Республика Башкортостан	Выделение на территории республики двух субрегионов и двух агломераций – Уфимской и Южно-Башкирской, часть территории не классифицирована
	Краснодарский край	Представление территории региона как совокупности семи управленческих округов, к которым в том числе отнесены Краснодарская и Сочинская агломерации
Закон субъекта РФ	Свердловская область	Членение всей территории области на пять управленческих округов
Источник: составлено авторами.		

На региональном уровне Самарской области предлагаются следующие управленческие подходы к субрегионам: развитие инфраструктуры (телекоммуникации, дорожно-транспортная сеть, социальная инфраструктура), комплексный подход к защите окружающей среды и переработке мусора, реализация туристско-рекреационного потенциала местностей, совершенствование системы расселения: стимулирование создания рабочих мест и повышения бюджетной обеспеченности на слабо заселенных территориях региона, привлечение инвестиций под сформированные проекты. В Республике Башкортостан предлагается в рамках стратегического межмуниципального сотрудничества разработать и реализовать комплексные целевые программы, имеющие значение для каждого муниципального образования субрегиона.

Формализация полученных знаний дает возможность сформулировать следующие выводы.

Во-первых, применяемое на территории Башкортостана деление на естественные (сложившиеся как кластеры) и искусственные (формируемые в рамках управленческих полномочий) субрегионы позволяет говорить об их синонимичности с выделяемыми на субрегиональном уровне управленческими округами (Свердловская область) и экономическим округами (Краснодарский край).

Во-вторых, агломерации включаются в состав субрегиона (управленческого, экономического округа) полностью либо частично (как в Самарской области), несмотря на отличия в их социально-экономической сущности.

В-третьих, отсутствуют претензии на административно-территориальное выделение путем муниципальной реформы в отличие, к примеру, от опыта Украины, значительно укрупнившей внутрирегиональное административно-территориальное деление на основе объединения муниципальных районов в ходе реформы в 2020 году.

В-четвертых, наличие в отдельных случаях (Свердловская область) административных органов: так, администрация управленческого округа предстает территориальным межотраслевым органом исполнительной власти под руководством управляющего, действующего на принципах единоначалия.

С учетом вышеизложенного представим основные пространственные направления регулирования развития сектора малых предприятий, определенные в документах Самарской области (табл. 5).

Среди актуальных задач названы борьба с безработицей и социальной напряженностью путем создания новых рабочих мест, диверсификация экономики, в т. ч. монопрофильных городов, развитие механизма государственно-частного партнерства, кооперация малых и крупных предприятий, увеличение налоговых поступлений.

В Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года артикулированы отраслевое и кластерное направления. В документе отражена идея о территориально-дифференцированном стимулировании приоритетных видов предпринимательства на муниципальном уровне, что предусмотрено разделом «Повышение эффек-

Таблица 5. Направления и содержание регулирования пространственного развития малых предприятий Самарской области в региональных документах

Документ	Направление регулирования	Содержание
Стратегия социально-экономического развития Самарской области	Отраслевое	Содействие развитию приоритетных видов деятельности в отдельных муниципальных образованиях
	Кластерное	Реализация пространственного потенциала малых предприятий, взаимодействие с крупными предприятиями, трансграничное сотрудничество
Стратегии социально-экономического развития муниципальных образований Самарской области	Проектное	Отдельные инвестиционные проекты
	Инфраструктурное	Создание технопарков, бизнес-инкубаторов и иных элементов инфраструктуры
Источник: составлено авторами.		

тивности взаимодействия с органами местного самоуправления». В качестве приоритетного направления утверждено стимулирование взаимодействия малого и крупного бизнеса. В то же время подчеркивается, что в области уже сформирована система поддержки развития малого и среднего предпринимательства, а в дальнейшем требуется «тонкая настройка»: необходимо как внедрять новые инструменты, так и совершенствовать уже действующие, в т. ч. для формирования пространственного аспекта управления.

Лишь в отдельных муниципальных стратегиях социально-экономического развития Самарской области упоминается пространственное развитие малых предприятий. Нами выделено проектное направление, предусматривающее реализацию инвестиционных проектов с конкретной локализацией, и инфраструктурное, закрепляющее необходимость создания инфраструктуры пространственного развития, технопарков и бизнес-инкубаторов, а также содействия кластерному взаимодействию.

Представляется логичным осветить региональный опыт дифференцированного подхода к муниципальному развитию на основе метода «форсайт» (Королева, Евдокимов, 2012). Реализуемая в регионе методика разработки социально-экономических стратегий включает в себя выездные форсайт-сессии, в которых ученые вместе со стейкхолдерами – представителями местного сообщества (руководство района, предприниматели, местные жители и иные заинтересованные лица) определяют перспективные направления социально-экономического развития. На основе данного подхода было разработано дополнение, включающее в себя сценарий по реализации пространственного потенциала малых предприятий путем выработки согласованных миссии и цели развития малых предприятий субрегиона (Бессонов, Королева, 2024). В качестве одного из этапов предполагается учет местных конкурентных преимуществ и традиций (в т. ч. сопряженных с необходимостью пропаганды уникальности, самобытности и традиций локальной территории), что вместе с отказом от директивного планирования специализации «сверху» согласуется с принципами «умной специализации» – парадигмы инновационного развития Европейского союза (Ranga, 2018).

Для совершенствования системы пространственного управления региональным развитием сектора малых предприятий на основе анализа документов и с учетом регионального опыта дифференцированного развития малых предприятий на муниципальном уровне нами могут быть предложены следующие положения. В связи с тем, что субрегиональная система управлением развития территории в Самарской области в настоящее время фактически отсутствует, также целесообразно использовать бенчмаркинг – применение лучших практик в совокупности с логическим обоснованием возможностей применения.

1. Наделение сложившейся субрегиональной структуры региона (7 субрегионов и Самарско-Тольяттинская агломерация) административными полномочиями управления региональным развитием. Распределение полномочий между региональными и муниципальными властями по управлению агломерационным и субрегиональным развитием.

Формирование администраций, имеющих координационные и контрольные функции над руководством муниципальных образований, под руководством председателя, входящего в состав Правительства Самарской области. Выделение развития малых предприятий в качестве отдельного направления деятельности.

2. Обеспечение развития единого регионального экономического пространства (институциональная поддержка, инфраструктура, доступ к ресурсам) с учетом выявленной значимой неоднородности пространственного развития малых предприятий региона (противопоставление Самарско-Тольяттинской агломерации остальной территории Самарской области).

3. Проведение координированной политики развития малых предприятий на субрегиональном уровне. Укрупнение муниципальных общественных организаций предпринимательства до субрегионального уровня. Формирование миссии и цели, перспективных специализаций на основе метода форсайт с учетом мнений местного населения, предпринимателей, представителей администрации. Стимулирование реализации пространственного потенциала малых предприятий на основе межмуниципального взаимодействия и «умной специализации» субрегиона.

Представленные выводы могут быть включены в документы системы стратегического планирования федерального и регионального уровней: в формируемую новую Стратегию пространственного развития РФ, региональные стратегии социально-экономического развития, а также оформлены в виде региональных законов о совершенствовании административно-территориального устройства.

Обсуждение

Проведенное исследование позволило выявить ряд тенденций и закономерностей. Однако необходимо признать, что работа не лишена ограничений, которые следует учитывать при интерпретации полученных результатов и формулировании практических рекомендаций. Одним из них является относительно небольшой объем использованных фактических данных о секторе малых предприятий в регионе (Самарская область), их структуре и динамике. Это затрудняет формирование комплексного представления о роли данного сегмента экономики в пространственном развитии и ограничивает возможности для проведения более глубокого анализа. Кроме того, недостаточное внимание уделено анализу документов стратегического характера в регионах, что не позволяет сделать однозначные выводы о структуре управления субрегиональным развитием и оценить эффективность действующих инструментов региональной политики. Для преодоления этих ограничений в дальнейших исследованиях необходимо расширить анализируемую базу данных, включив в нее более подробную информацию о деятельности малых предприятий в различных отраслях экономики, а также углубить анализ региональных стратегий, обратив внимание на механизмы их реализации и оценку результативности.

Важным методологическим ограничением является недостаточная оценка роли крупного и среднего бизнеса в структурном развитии региона. Как справедливо отмечают многие исследователи (Сапожникова, 2017; Малышев, 2020), структурное развитие региона определяется не столько малым, сколько крупным и средним бизнесом, от которого во многом зависит объем и структура малого бизнеса. Поэтому для более полного и объективного анализа необходимо учитывать взаимосвязи и

взаимозависимости между различными секторами экономики региона, а также анализировать их совокупное влияние на пространственное развитие. Игнорирование этого аспекта может привести к искажению реальной картины и неверным выводам.

Существенным недостатком исследования является отсутствие методологически обоснованного перехода от оценок неравномерности пространственного развития к оценкам потенциала развития территорий. Просто констатировать факт неравномерности недостаточно для разработки эффективной стратегии субрегионального развития. Необходимо разработать и предложить подход к оценке потенциала развития различных территорий, учитывающий их ресурсный потенциал, географическое положение, инфраструктурную обеспеченность и другие факторы. В качестве перспективного направления может быть использован подход, сочетающий методы SWOT-анализа с использованием геоинформационных систем для визуализации и анализа пространственных данных.

Наконец, предложения о создании структур, ответственных за субрегиональное развитие при правительстве региона, требуют более конкретной проработки и обоснования. Необходимо четко показать, чем эти структуры будут отличаться от многочисленных имеющихся координационных и отраслевых структур, что мешает создавать такие структуры сегодня, и каким конкретным содержанием должна быть наполнена их деятельность. Следует опираться на лучшие практики регионального управления, а также учитывать особенности конкретного региона и его институциональную среду.

Таким образом, дальнейшие исследования необходимо направить на преодоление указанных ограничений и совершенствование методологического аппарата. Особое внимание следует уделить расширению базы фактических данных, учету роли крупного и среднего бизнеса, разработке методов оценки потенциала развития территорий и конкретизации предложений по совершенствованию системы управления субрегиональным развитием. Это позволит получить более надежные результаты и сформулировать более эффективные рекомендации для региональной политики.

Заключение

Исследование сущности и особенностей развития регионального экономического пространства позволяет перейти к обоснованию возможных управленческих инструментов. Несмотря на существующее многообразие подходов, возможно практико-ориентированное рассмотрение экономического пространства в качестве неоднородной, но в то же время единой экономической среды, обладающей общей специализацией и функционирующей на основе межмуниципального взаимодействия, в то же время влияющей на социально-экономическое развитие всего региона и подвергающейся обратному воздействию.

Стратегические документы определяют в качестве основных единиц экономического пространства агломерации и субрегионы, формируемые межмуниципальным сотрудничеством разного уровня интенсивности. Анализ субрегионального развития на примере сектора малых предприятий – части экономики, наиболее оперативно реагирующей на изменение рыночной конъюнктуры – подтверждает внутреннюю неоднородность и наличие потенциала для последующей реализации путем изменения пространственно-территориальной конфигурации и усиления межмуниципального сотрудничества. Научная новизна исследования заключается в создании нового методического подхода для управления пространственным развитием малого бизнеса в регионе. Этот подход помогает выявлять приоритетные направления развития на местах и

создавать более эффективные инструменты господдержки. Результаты исследования, а именно предложенные направления совершенствования социально-экономической политики, имеют практическую значимость и могут быть использованы при разработке стратегий и программ развития как на уровне региона, так и страны, повышая эффективность управления развитием регионов.

Ввиду отсутствия сформированного субрегионального уровня управления практические рекомендации по управлению экономическим пространством субрегионального уровня опираются на лучшие практики, фрагментарно присутствующие в отдельных регионах. Полагаем синонимичными применяемые формулировки «управленческий округ», «экономический округ». На наш взгляд, целесообразно полное внутривнутрирегиональное членение на субрегионы и агломерации, при этом требуется законодательное закрепление административных функций за соответствующим органом управления, имеющим по меньшей мере координационные и контролирующие функции. Сформированный управленческий базис позволит конкретизировать меры и методы развития в процессе «тонкой настройки» системы регионального управления, сфокусировав их на конкретных муниципальных образованиях и субрегионах. При этом целесообразно опираться на богатый региональный опыт, такой как применение метода регионального форсайта и «умной специализации» субрегиона.

Литература

- Атаева А.Г., Уляева А.Г. (2023). Межтерриториальное взаимодействие в документах стратегического планирования (на материалах регионов Приволжского федерального округа) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. № 1. С. 176–191. DOI: 10.15593/2224-9354/2023.1.13
- Бессонов И.С., Королева Е.Н. (2023). Тенденции и перспективы развития малых предприятий в экономическом пространстве региона: монография / Самарский государственный экономический университет. Самара: Изд-во СГЭУ.
- Бияков О.А. (2004). Экономическое пространство: сущность, функции, свойства // Вестник Кузбасского государственного технического университета. № 2. С. 101–108.
- Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. (2024). Как отразить проблематику безопасности в новой стратегии пространственного развития Российской Федерации? // Экономическая безопасность. Т. 7. № 1. С. 9–26. DOI: 10.18334/ecsec.7.1.120228
- Гранберг А.Г. (2006). Экономическое пространство России // Экономика и управление. № 2. С. 11–15.

- Зубаревич Н.В. (2022). Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (55). С. 226–234. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15
- Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. (2024). Экономическое пространство как потенциал устойчивого развития // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 1. С. 34–52. DOI: 10.24412/2071-6435-2024-1-34-52
- Климанов В.В., Казакова С.М. (2022). Особенности стратегического планирования развития Дальнего Востока России на федеральном уровне // Региональные исследования. № 1 (75). С. 68–79. DOI: 10.5922/1994-5280-2022-1-6
- Кожевников С.А. (2019). Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 6. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5
- Королева Е.Н., Евдокимов Н.Н. (2012). Технологии форсайта в региональном стратегировании: методические основы организации // Вестник Самарского государственного экономического университета. № 6. С. 51–56.
- Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. (2013). О стратегии использования пространственного потенциала России // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 51–64.
- Лексин В.Н. (2024). Развитие как ключевое оценочное понятие трансформации пространственных систем // Балтийский регион. Т. 16. № 3. С. 4–20. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-1
- Мальшев М.К. (2020). Роль крупного бизнеса в развитии территорий (на примере металлургических корпораций России) // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Т. 17. № 6 (114). С. 144–155. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-6-144-155
- Минакир П.А. (2019). Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона. Т. 15. Вып. 4. С. 967–980.
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н. (2014). Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 272 с.
- Пчелинцев О.С. (2006). Проблемы региональной инфраструктуры как источник экономических и социальных угроз // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 20–30.
- Савельева Н.К., Созинова А.А., Макарова Т.В. [и др.]. (2023). Нормативно-правовые проблемы регулирования создания и деятельности агломераций на региональном уровне // Экономика, предпринимательство и право. Т. 13. № 3. С. 733–746. DOI: 10.18334/epp.13.3.117394
- Сапожникова А.Г. (2017). Региональное развитие в России как фактор и результат функционирования крупного бизнеса // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 4(52). С. 17.
- Структуризация экономического пространства региона: сущность, факторы, проектирование (2016): монография / под общ. ред. Р.Ф. Гатаулина. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН. 216 с.
- Суворова А.В. (2019). Пространственное развитие: содержание и особенности // Известия Уральского государственного экономического университета. Т. 20. № 3. С. 51–64.
- Урунов А.А. (2014). Единое и общее экономическое пространство. М.: ИД «Синергия». 388 с.
- Урунов А.А., Морозова И.М. (2024). Методология оценки качества экономического пространства региона // Регионология. Т. 32. № 1 (126). С. 48–70. DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.048-070
- Bondareva Y. et al. (2021). Theoretical and methodological approaches to assessing the quality of regional economic space. *Economic Annals-XXI*, 193(9-10), 152–160. Available at: <https://doi.org/10.21003/ea.V193-19.17>
- Boudeville J.R. (1966). *Problems of Regional Economic Planning*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Capello R. (1994). *Spatial Economics Analysis of Telecommunications Network Externalities*. Aldershot: Avebury.
- Capello R. (2002). Entrepreneurship and spatial externalities: Theory and measurement. *The Annals of Regional Science*, 36, 387–402.
- Fujita M., Krugman P., Venables A.J. (1999). *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. England, London – Cambridge.
- Hirschman A.O. (1958). *The Strategy of Economic Development*. New Haven: Yale University Press.
- Perroux F. (1955). Note sur la notion de pôle de croissance. *Economie Appliquée*, 8(1-2), 307–320.
- Ranga M. (2018). Smart specialization as a strategy to develop early-stage regional innovation systems. *European Planning Studies*, 26(11), 2125–2146.

- Schuler R. (1992). Transportation and telecommunications networks: Planning urban infrastructure for the 21-st century. *Urban Studies*, 39(2), 297–310.
- Shibusawa H. (1999). Agglomeration diseconomies of traffic congestion and agglomeration economies of interaction in the information-oriented city economy. *Journal of Regional Science*, 39(1), 21–49.
- Shibusawa H. (2000). Cyberspace and physical space in an urban economy. *Papers in Regional Science*, 79, 253–270.

Сведения об авторах

Евгений Моисеевич Бухвальд — доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: buchvald@mail.ru)

Игорь Сергеевич Бессонов — кандидат экономических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет (Российская Федерация, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141; e-mail: igornews@rambler.ru)

Buchwald E.M., Bessonov I.S.

Spatial Aspects in the Development of the Small Business Sector in the Region

Abstract. Using the example of the small business sector, the paper analyzes the specifics of an emerging system for managing the spatial development of the economy in one of the regions of the Russian Federation. This aspect is currently regulated by a whole range of documents at the federal and regional levels, and its features include fragmentation, both vertically and horizontally. Currently, only separate blocks of spatial management processes are identified, which are partially interconnected. The described tasks are regulated by various documents: laws of constituent entities of the Federation, target programs, strategies and concepts for spatial or agglomeration development. The federal level has the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036, which takes into account negative reviews of the previous document. The regional level has no unified approach to the development and implementation of spatial development documents as well. In order to substantiate the possibilities for improving strategic management in the spatial development of regions, we solved the following tasks: updating the approach to the consideration of the regional economic space; substantiating individual structural elements of the regional economic space — agglomerations and subregions — as objects of management; substantiating the possibilities of a strategic approach to managing the spatial development of the region's economy; analyzing best practices of sub-regional management in the regions; and substantiating practical recommendations to authorities on improving the regional management system at the sub-regional level.

Key words: economic space of the region, spatial potential, spatial development, regional development, small business.

Information about the Authors

Eugeny M. Buchwald — Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: buchvald@mail.ru)

Igor S. Bessonov — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Samara State University of Economics (141, Sovetskoy Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation; e-mail: igornews@rambler.ru)

Статья поступила 20.11.2024.

DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.7

УДК 332.1, ББК 65.9

© Дружинин П.В., Морошкина М.В., Седова К.Е.

Влияние агломерационного фактора на развитие муниципальных образований Новосибирской области

Павел Васильевич

ДРУЖИНИН

Институт экономики КарНЦ РАН
Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: pdruzhinin@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5303-0455; ResearcherID: F-4625-2010

Марина Валерьевна

МОРОШКИНА

Институт экономики КарНЦ РАН
Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: Maribel74@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6520-4248; ResearcherID: O-9248-2015

Ксения Евгеньевна

СЕДОВА

Институт экономики КарНЦ РАН
Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: ks.skidava@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9005-4453

Для цитирования: Дружинин П.В., Морошкина М.В., Седова К.Е. (2025). Влияние агломерационного фактора на развитие муниципальных образований Новосибирской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 121–134. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.7

For citation: Druzhinin P.V., Moroshkina M.V., Sedova K.E. (2025). The impact of the agglomeration factor on the development of municipal entities in the Novosibirsk Region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 121–134. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.7

Аннотация. В статье рассматриваются муниципальные образования Новосибирской области в условиях концентрации населения и других ресурсов в столичной агломерации. Целью исследования является изучение влияния концентрации населения в Новосибирской агломерации на развитие муниципальных образований области и динамику развития экономики области в целом. Информационная база включает данные Росстата и его Новосибирского территориального подразделения. Исследовательский период составляет временной интервал с 2005 по 2022 год. Предложен подход с выделением трех территориальных секторов экономики, одним из которых является Новосибирская агломерация, два других включают успешно развивающиеся и депрессивные муниципальные образования в зависимости от динамики их показателей. Полученные сектора корректируются с учетом расположения муниципальных образований. Периферийные муниципальные образования, находясь под воздействием Новосибирской агломерации, характеризуются значительной миграцией населения, но в успешно развивающихся экономических показатели растут быстрее, чем в Новосибирской агломерации. На основе построенных по трем секторам производственных функций Кобба – Дугласа оценено влияние увеличения или уменьшения миграции в Новосибирскую агломерацию из других секторов. Полученные результаты дают возможность сформировать ряд направлений, которые позволят отдельным периферийным территориям успешно развиваться, в первую очередь при создании благоприятных условий жизнедеятельности населения. Проведенное исследование является частью исследовательского проекта по оценке влияния формирования и развития агломераций на экономику региона в целом. Полученные результаты могут быть использованы для региональных стратегических и программных документов.

Ключевые слова: агломерации, периферия, муниципальные образования, производственные функции, миграция населения, развитие территории.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00446, <https://rscf.ru/project/23-28-00446>, и темы № 122032200200-2 госзадания Института экономики КарНЦ РАН.

Введение

Значительное количество исследований посвящено пространственному развитию регионов в условиях концентрации ресурсов в его центре, построены различные модели для изучения протекающих процессов (Harris, 1954; Ellison, Glaser, 1997; Krugman, Venables, 1997; Holmes, Stevens, 2002; Romer, 1992). Во многих исследованиях было показано, что существуют заметные экономические преимущества от концентрации экономической активности и формирования агломераций (Коломак, 2018; Коломак, Шерубнева, 2023; Павлов, Хмелева, 2023; Олифир, 2024). Отмечается, что для агломераций характерны более прогрессивная структура экономики и более высокие показатели экономического развития, такие как уровень развития производства, производительность факторов производства, среднемесячная заработная плата и другие (Зубаревич, 2006; Коломак, 2013; Ago et al., 2018). В агломерации концентриру-

ются наукоемкие производства, причем в ее ядре сосредоточены более разнообразные кластеры, а на периферии – узкоспециализированные (Chica, 2016; Inkinen, Kaakinen, 2016).

Агломерации оказывают влияние на развитие окружающих территорий, причем крупнейшие из них – не только своего региона, но и соседних (Лукин, Ускова, 2018). В то же время исследования показали, что экономические выгоды и преимущества по мере удаления от центра агломерации имеют тенденцию к угасанию (Фаузер и др., 2021; Rosenthal, Strange, 2004). Было отмечено, что влияние численности населения агломерации на производительность факторов производства в различных видах хозяйственной и производственной деятельности уменьшается с расстоянием, процесс ослабления обычно начинается с расстояния примерно 60 км (Лавриненко и др., 2019; Олифир, 2022; Исаев и др., 2022). Также существует взаимо-

связь плотности населения на территории агломерации и экономического роста (Chen et al., 2023).

При анализе развития европейских столиц была показана необходимость противостоять концентрации инвестиций в них из-за постепенного снижения их эффективности и развивать города второго уровня (Parkinson et al., 2015). В России в условиях депопуляции населения потенциал роста «вторых городов» ограничен, концентрация населения усиливает пространственное сжатие, отдаленные муниципальные образования быстрее теряют население (Мкртчян, Карачурина, 2014; Морошкина, 2023). В итоге рост агломерации и концентрация ресурсов в столице региона и ее окружении может вести к деградации периферии (Ускова, 2015). В связи с этим изучение проблемы влияния концентрации ресурсов в региональном центре на развитие экономики региона в целом актуально.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹ определила процессы развития агломерации в качестве одного из основных источников экономического роста. В ней были выделены крупнейшие и крупные российские агломерации. Но уже в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года² больше внимания уделено межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации и проблемам территорий, которые теряют население из-за его миграции в агломерации.

Развитие окружающих агломерацию территорий зависит от удаленности от агломерационного центра и численности его населения (Буфетова, 2011; Буфетова, 2020). Ближайшие к столице региона муниципальные образования обычно растут, в более отдаленных снижается численность населения, причем чем дальше,

тем быстрее. Следует отметить, что при определенных условиях успешно могут развиваться и достаточно отдаленные от агломерации муниципальные образования. При анализе развития муниципальных образований СЗФО было показано, что кроме окружающих региональный центр успешно развиваются муниципальные образования, имеющие транспортную инфраструктуру, учреждения среднего и высшего профессионального образования и часто находящиеся на границах региона, взаимодействующие с соседними субъектами (Дружинин, 2023). Отдельные муниципалитеты взаимодействуют с другими регионами и их предприятия встроены в крупные федеральные структуры, получают необходимые для развития ресурсы и реализуют инновационные проекты в различных видах деятельности (Кожевников, 2023; Кожевников, Ворошилов, 2024).

Новосибирск находится на востоке области. Анализ развития Новосибирской области показал, что западнее агломерации находятся медленно развивающиеся муниципальные образования, а еще западнее отдельные муниципальные образования развиваются заметно быстрее, чем Новосибирск (Коломак, 2024).

Научная проблема состоит в том, что развитие агломерации и концентрация в ней населения с определенного момента становятся тормозом для развития региона из-за деградации периферии, а влияние развития агломерации на экономику региона в целом слабо изучено. Периферийные территории могут успешно развиваться, но чаще могут оказаться «заброшенными» (left behind places), быстро теряющими население (MacKinnon et al., 2021; Pugh, Dubois, 2021). В значительной степени это зависит от обеспеченности инфраструктурой, но действуют и другие факторы (Glass et al., 2019; Коломак, 2024).

Значит, можно предположить, что при определенных условиях на некотором отдалении от агломерации могут формироваться развивающиеся территории, для более успешного развития которых требуется поддержка властей. Развитие агломераций может привести к опустыниванию значительной части территории региона, и региональные власти должны стимулировать развитие муниципальных образований, обладающих необходимым потенциалом для развития. Развиваясь, они могут улучшать

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya_na_period_do_2025_goda/ (дата обращения 12.09.2024).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. URL: <http://government.ru/docs/53917/> (дата обращения 12.09.2024).

качество жизни и, постепенно расширяясь, создать условия для развития окружающих их муниципальных образований.

Соответственно, цель исследования — изучение влияния концентрации населения в Новосибирской агломерации на развитие других муниципальных образований области, выявление успешно развивающихся муниципальных образований и оценка влияния изменения миграции из них в агломерацию.

Для достижения поставленной цели необходимо решить целый ряд задач, которые позволяют получить новые результаты:

1) разработка методического подхода для анализа последствий концентрации ресурсов в агломерации;

2) анализ динамики показателей развития муниципальных образований Новосибирской агломерации и их агрегированных секторов;

3) построение производственных функций и оценка влияния уменьшения/увеличения миграции и занятости населения между секторами на динамику экономики области.

Методика и данные

По результатам анализа развития регионов и агломераций в России разработан подход к выделению территориальных секторов в зависимости от характеристик развития территорий и их географического положения. Регион разделяется на агломерацию и периферию. Основная особенность подхода состоит в выделении трех территориальных секторов: агломерация, успешно развивающиеся территории и медленно развивающиеся (депрессивные) территории. Методика разрабатывалась на основе анализа развития различных регионов с крупнейшими, крупными агломерациями и небольшими столицами.

Для апробации предложенного подхода использовались данные Росстата³ и Новосибирскстата⁴. Для построения агрегированных терри-

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.; База данных показателей муниципальных образований / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst50/DVInet.cgi#1> (дата обращения 12.09.2024).

⁴ Основные показатели социально-экономического положения городских округов и муниципальных районов Новосибирской области. 2022 год: стат. сб. / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2023. 230 с.

ториальных секторов и модели были получены данные по муниципальным образованиям по следующим показателям: отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), в т. ч. Промышленностью; среднесписочная численность работников организаций (без субъектов малого предпринимательства); инвестиции в основной капитал (без субъектов малого предпринимательства) и численность населения на 1 января. Данные по отгруженной продукции есть лишь с 2014 года, что ограничило период исследования. Стоимостные показатели муниципальных образований пересчитывались в индексы через их удельные веса в соответствующем региональном показателе (динамика инвестиций и промышленного производства), по которому уже ранее был получен ряд в сопоставимом виде, по данным, имеющимся в сборниках Росстата. Проблема заключается в отсутствии индексов отгруженной продукции по региону. В данном случае брались динамика ВРП и удельные веса муниципальных образований по объему отгруженной продукции, рассчитывалась приближенная оценка индексов для трех выделенных территориальных секторов. Кроме кумулятивных инвестиций строилась приближенная динамика основных фондов исходя из их структуры на конец 2013 года и динамики инвестиций.

В исследовании Новосибирская агломерация определялась на основе Постановления Правительства Новосибирской области от 19 марта 2019 г. № 105-п⁵, в нее были включены городские округа Новосибирск, Бердск, Искитим, Кольцово, Обь и муниципальные районы Искитимский, Колыванский, Коченевский, Мошковский, Новосибирский, Ордынский и Тогучинский, всего 12 муниципальных образований. Также существуют другие подходы, например, в Приказе Минэкономразвития России от 26.09.2023 № 669 (ред. от 31.05.2024) «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных

⁵ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5400201903210003?index=381> (дата обращения 12.09.2024).

и крупнейших городских агломераций»⁶ нет Искитимского, Ордынского и Тогучинского муниципальных образований. В документах ЦСР не включены Ордынский и Тогучинский муниципальные районы⁷.

Второй сектор выделялся путем анализа динамики численности населения, занятости, инвестиций, объемов производства и производительности труда муниципальных образований области и сравнения этих показателей с соответствующими показателями Новосибирска и области, что позволило выделить более успешно развивающиеся муниципальные образования. У них есть потенциал для развития, их основные показатели (инвестиции, объем производства и производительность труда) имеют существенно лучшую, чем у региона в целом, динамику. На основе проведенного анализа к успешно развивающимся муниципальным образованиям были отнесены девять: Барабинский, Болотницкий, Здвинский, Каргатский, Куйбышевский, Маслянинский, Татарский, Чановский и Чулымский районы. В дальнейшем данный перечень уточнялся с учетом географического положения муниципалитетов, наличия транспортной инфраструктуры и особенностей развития их экономики.

Третий сектор – муниципалитеты, теряющие человеческий капитал и иные ресурсы, подчиняющиеся общей закономерности: чем дальше от столицы региона, тем быстрее падает численность населения и другие показатели; это муниципалитеты депрессивные или медленно растущие.

После агрегирования показателей по полученным трем территориальным секторам строились графики, анализ которых позволил проверить обоснованность агрегирования и выявить, существуют ли определенные зависимости.

В итоге в соответствии с региональными документами первоначально в состав Новосибирской агломерации было включено 12 муниципальных образований, 9 отнесены к развивающимся и 14 – к депрессивным.

⁶ <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minekonomrazvitiia-rossii-ot-26092023-n-669-ob-utverzhenii/>

⁷ Караваева Т. [и др.] (2021). Агломерации – точки роста в эпоху турбулентности. Москва: Фонд «ЦСР». 38 с.

В 2018 году началось формирование Барабинско-Куйбышевской агломерации⁸ в северо-западной части области в составе Барабинского, Куйбышевского, Северного и Здвинского районов. Был сформирован Координационный совет, но активная деятельность пока отсутствует. Также следует отметить неоднородность формирующейся агломерации, наряду с развитыми муниципальными образованиями в агломерацию входит и Северное с низким уровнем экономического развития.

Анализ расположения развивающихся муниципальных образований показал, что два из них (Болотницкий и Маслянинский районы) расположены вплотную к Новосибирской агломерации с востока, а два (Каргатский и Чулымский) примыкают с запада на Транссибирской магистрали, и можно предположить, что через некоторое время они войдут в агломерацию. Оставшиеся пять либо входят в Барабинско-Куйбышевскую агломерацию, либо примыкают к ней. В таком случае можно рассмотреть еще один вариант агрегирования муниципальных образований, который в итоге стал основным, включив в расширенную Новосибирскую агломерацию 16 муниципальных образований, а в расширенную Барабинско-Куйбышевскую агломерацию пять муниципальных образований (далее в статье именно эти пять муниципальных образований будут пониматься как Барабинско-Куйбышевская агломерация). К депрессивным в обоих вариантах были отнесены 14 муниципальных образований (рис. 1).

По полученным данным строились и анализировались графики для выявления зависимостей показателей, строились производственные функции, в которых рассматривалась зависимость динамики отгруженной продукции от динамики численности занятых и кумулятивных инвестиций (или основных фондов):

$$Y_i(t) = A_i \times K_i^{\alpha_i}(t) \times L_i^{\beta_i}(t), \quad (1)$$

где: $Y(t)$ – отгруженная продукция;

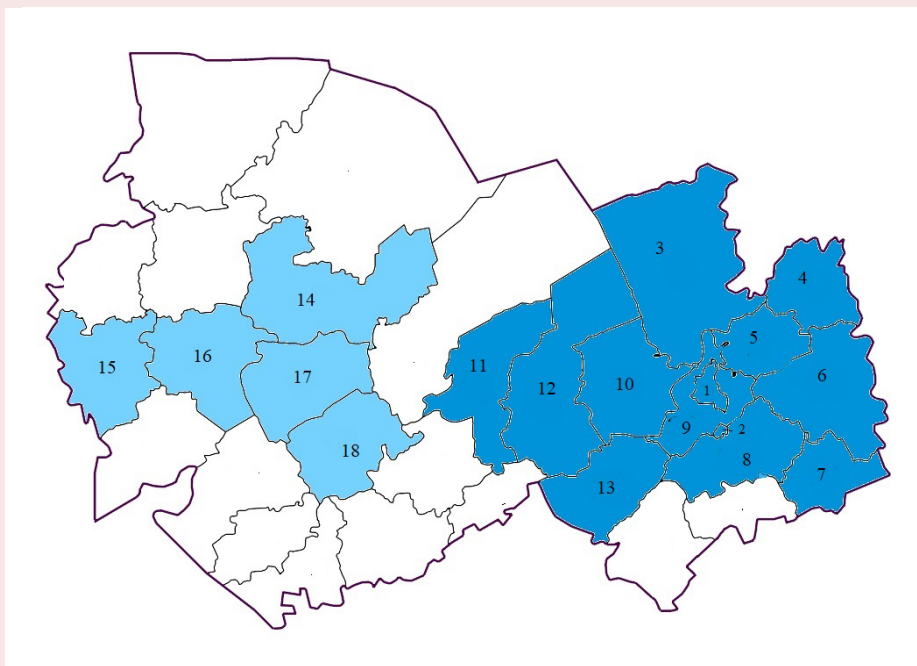
$K(t)$ – кумулятивные инвестиции (основные фонды);

$L(t)$ – численность занятых;

i – сектор; t – год; A , α , β – константы.

⁸ Документы Барабинско-Куйбышевской агломерации. URL: <https://minstroy.nso.ru/page/4809> (дата обращения 12.09.2024).

Рис. 1. Муниципальные образования Новосибирской области

Выделены: синим – расширенная Новосибирская агломерация (1 – Новосибирск, 2 – Бердск, 3 – Колыванский муниципальный район, 4 – Болотнинский, 5 – Мошковский, 6 – Тогучинский, 7 – Маслянинский, 8 – Искитимский, включая г. Искитим, 9 – Новосибирский, включая г. Обь и р.п. Кольцово, 10 – Коченёвский, 11 – Каргатский, 12 – Чулымский, 13 – Ордынский), голубым – расширенная Барабинско-Куйбышевская агломерация (14 – Куйбышевский муниципальный район, 15 – Татарский, 16 – Чановский, 17 – Барабинский, 18 – Здвинский)

В качестве инструментов использовались стандартные пакеты Excel и Statistica.

На основе построенных функций анализировалось, может ли увеличение или уменьшение миграции (соответственно, изменение структуры занятости) в Новосибирскую агломерацию повлиять на динамику ВРП области. Для примерной оценки потенциальных результатов уменьшения (увеличения) концентрации населения в агломерации переносили часть занятости из одного территориального сектора в другой при сохранении фондовооруженности в секторе (с соответствующим изменением кумулятивных инвестиций или основных фондов). По уравнению (1) рассчитывалось изменение суммарной отгруженной продукции при условии, что численность занятых и инвестиции по региону в целом не менялись.

Ранее была разработана оптимизационная трехсекторная модель экономики региона на базе производственных функций Кобба – Дугласа, причем сумма занятых и основных

фондов (кумулятивных инвестиций) фиксирована (Дружинин, 1990):

$$Y(t) = \sum_i A_i \times K_i^{\alpha_i}(t) \times L_i^{\beta_i}(t) \rightarrow \max. \quad (2)$$

На основе специальной программы были проведены расчеты оптимального распределения ресурсов для максимизации объемов производства без ограничений и при фиксации структуры одного из показателей по секторам за 2014–2022 гг. В оптимальной структуре соотношение фондоотдачи секторов определяется соотношением эластичностей по фондам, а соотношение производительности труда секторов – соотношением эластичностей по труду.

Результаты

Численность населения Новосибирской области выросла по сравнению с 2000 годом на 2,6%, в отличие от большинства регионов Сибирского федерального округа (СФО), причем численность населения округа в целом снизилась на 8,8%. Наибольшая численность

населения области зафиксирована в 2018 году. Заметим, что численность занятых была максимальной в 2012 году, а затем в Новосибирской области она уменьшилась на 3,4%. ВРП области рос быстрее, чем в других регионах СФО, по сравнению с 2000 годом он увеличился в 2,6 раза, а в СФО в целом – в 2 раза.

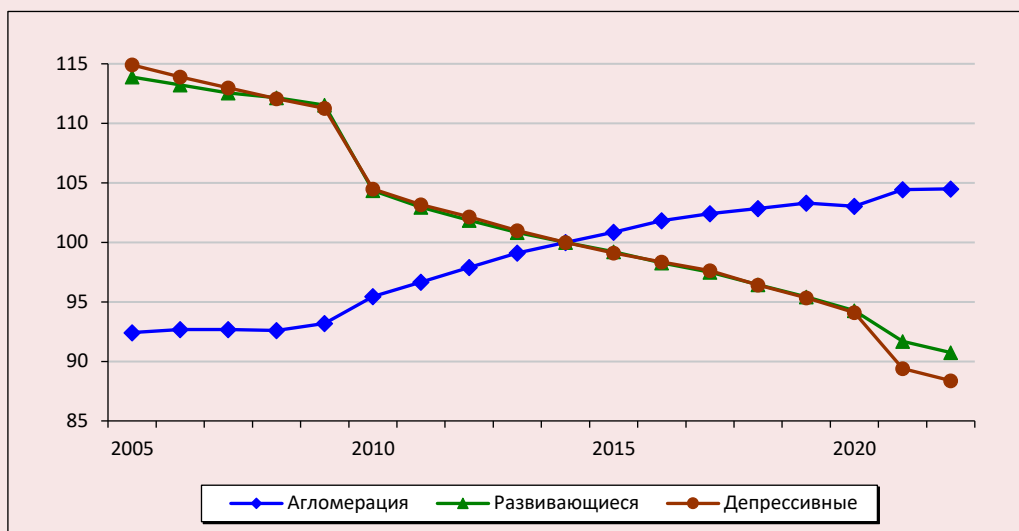
Разница подходов к выделению агломераций сказывается только на динамике показателей развивающихся муниципальных образований, поскольку выделенные четыре муниципальных образования, примыкающие к Новосибирской агломерации, развиваются быстрее, чем оставшиеся пять (Барабинско-Куйбышевская агломерация), вероятнее всего благодаря близости к Новосибирску. Из них только Маслянинский район имеет низкие показатели средней выручки и прибыли (Коломак, Шерубнева, 2023). В первом варианте в Барабинско-Куйбышевской агломерации медленнее сокращаются население и занятость, быстрее растут инвестиции, объемы отгруженной продукции и производительность труда. Во втором варианте в Барабинско-Куйбышевской агломерации производительность труда выросла за 2014–2022 гг. лишь на 2/3, а в расширен-

ной Новосибирской агломерации – на 29%, что незначительно отличается от первого варианта агрегирования (28%). Далее рассматривается второй вариант, учитывающий географическое положение муниципальных образований.

В Новосибирске проживает 58,4% населения области, соответственно, велика концентрация производств в Новосибирской агломерации, по большинству показателей – более 80%, а по отгруженной продукции – более 90%, объемам промышленного производства – более 95%.

За период 2005–2022 гг. численность населения Новосибирской агломерации, как и большинства крупнейших агломераций России, выросла. Миграция направлена в основном в Новосибирскую агломерацию, в 2023 году за ее пределами только Барабинский район имел положительное сальдо миграции. Соответственно, численность населения в агломерации за 2005–2022 гг. выросла примерно на 13%, уменьшившись в двух других секторах на 22 и 23% (рис. 2). Резкое изменение численности населения в 2010 и 2021 гг. связано с более точной оценкой по результатам переписей населения.

Рис. 2. Динамика численности населения трех территориальных секторов Новосибирской области относительно 2014 г.

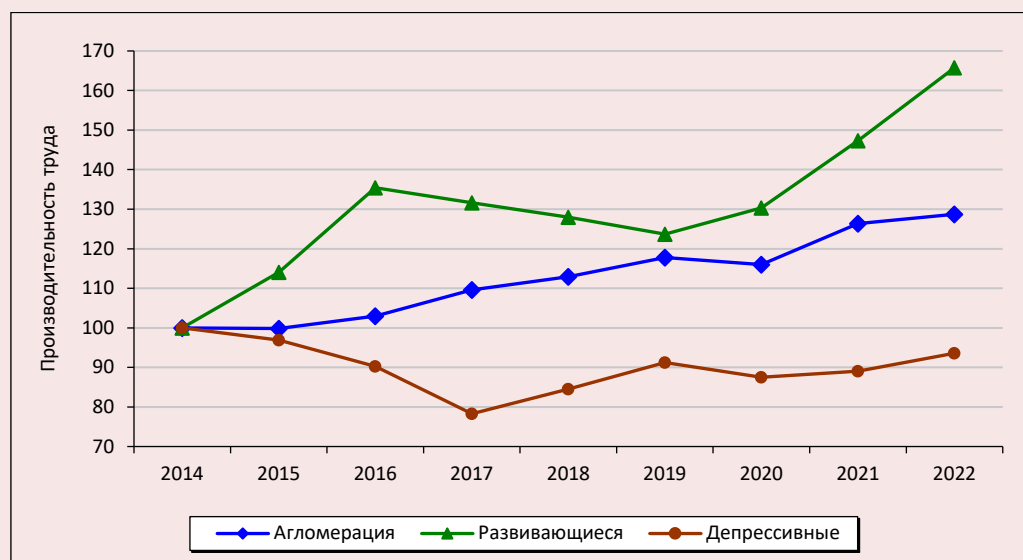
Источник: рассчитано авторами на основании данных Росстата.

Количество занятых в области уменьшалось, но если в агломерациях это сокращение было относительно небольшим, на 13% за 2005–2022 гг. в столичной и на 17% в Барабинско-Куйбышевской, то в депрессивных муниципальных образованиях почти в два раза. Однако по отношению к инвестициям наблюдается иная ситуация: если в Новосибирскую агломерацию они выросли в 1,9 раза, то в Барабинско-Куйбышевскую – в 4,6 раза. В результате объем отгруженной продукции быстрее вырос в Барабинско-Куйбышевской агломерации, примерно в 1,4 раза, а в Новосибирской – в 1,2 раза. Соответственно, производительность тру-

да за 2014–2022 гг. в Барабинско-Куйбышевской агломерации возросла почти в 1,7 раза, в Новосибирской – в 1,3 раза, а в депрессивных муниципальных образованиях – снизилась на 7% (рис. 3).

Также анализировалась зависимость производительности труда от фондовооруженности, которая рассчитывалась и по кумулятивным инвестициям за 4 года, и по оценке динамики основных фондов. В данном случае для агрегированных территориальных секторов использовались линейно однородные производственные функции Кобба – Дугласа, у которых сумма факторных эластичностей равна единице (табл. 1).

Рис. 3. Динамика производительности труда трех территориальных секторов Новосибирской области относительно 2014 г., %

Источник: рассчитано авторами на основании данных Росстата.

Таблица 1. Результаты расчетов параметров функций Кобба – Дугласа для трех секторов экономики Новосибирской области за 2014–2022 гг.

Параметр	Значение параметров и статистических характеристик		
	Новосибирская агломерация	Барабинско-Куйбышевская агломерация	Депрессивные муниципальные образования
$\ln A$	1,843*	2,008*	-2,778*
α	0,594*	0,581*	0,163*
β	0,406*	0,419*	0,832*
R^2	0,95	0,72	0,56
p	0,00001	0,00360	0,08579

* $p < 0,01$.
Источник: данные Росстата.

Необходимо отметить, что разница эффективности инвестиций двух агломераций несущественна и намного больше, чем у депрессивных муниципальных образований, значит, эффективность вложения инвестиций в Барабинско-Куйбышевскую агломерацию столь же велика, как и в Новосибирскую.

На основе полученных результатов оценивалось, как изменится объем производства в области при уменьшении или увеличении миграции между рассматриваемыми секторами. Анализировалось перераспределение численности населения (соответственно, количества занятых) между секторами. Поскольку занятость в Барабинско-Куйбышевской агломерации и депрессивных муниципальных образованиях невелика (5,2 и 8,3%), то перемещение 1% занятых из них в Новосибирскую агломерацию почти не увеличивает объемы производства в области в целом. Обратный переток 1% занятых в депрессивные муниципальные образования приведет к снижению объемов производства области примерно на 0,3% и немного меньше при перетоке в Барабинско-Куйбышевскую агломерацию, поскольку эластичность по фондам двух агломераций различается незначительно. Если региональные власти целенаправленно будут поддерживать развитие Барабинско-Куйбышевской агломерации и миграция из нее прекратится, то потери ВРП в первое время будут незначительны, но в дальнейшем ее развитие может способствовать стабилизации ситуации и в соседних муниципальных образованиях.

Нами осуществлен анализ различий реальной и оптимальной структуры экономики региона. Расчеты оптимальной структуры экономики регионов иногда приводят к малореальным результатам при достаточно большой разности факторных эластичностей по выделенным секторам. В Новосибирской области разница эластичностей двух агломераций незначительна, наблюдается высокая концентрация производства в эффективной Новосибирской агломерации, в результате оптимальная структура экономики близка к реальной (табл. 2).

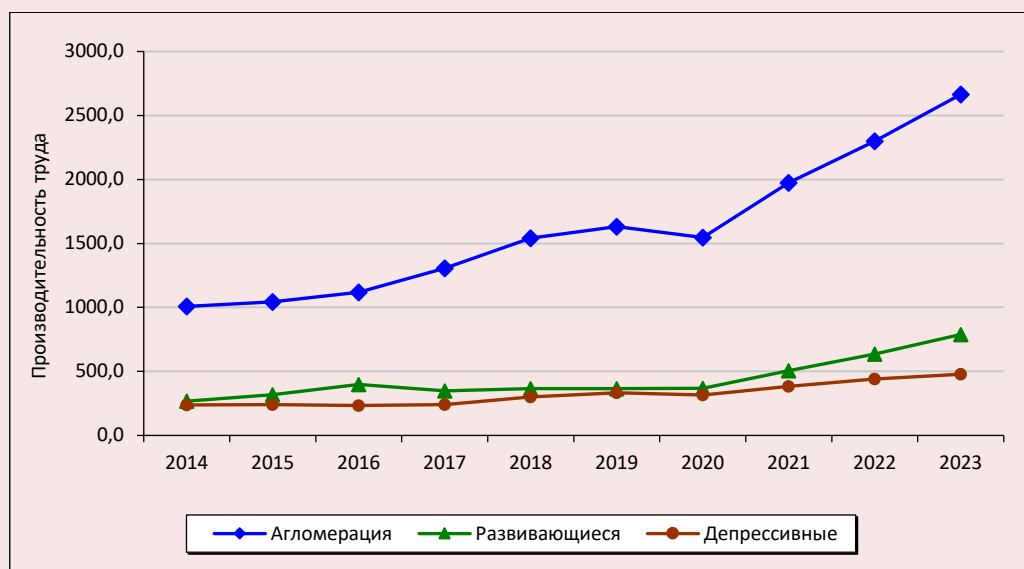
В Новосибирской области отклонение объемов производства нарастает от 4% в 2014 году до 12% в 2022 году без ограничений и от 1 до 9% при ограничениях на структуру фондов или труда. Без ограничений почти все ресурсы перемещаются в Новосибирскую агломерацию, а при фиксированной структуре производства ресурсы в двух других секторах снижаются примерно в два раза. В Барабинско-Куйбышевской агломерации при фиксированной структуре занятых стоимость фондов уменьшается примерно в три раза, а при фиксированной структуре основных фондов занятость снижается примерно в шесть раз. Аналогичные изменения происходят у депрессивных муниципальных образований. Основная причина — высокая производительность труда в промышленной Новосибирской агломерации и высокая доля сельского хозяйства в Барабинско-Куйбышевской агломерации (рис. 4).

Таблица 2. Результаты расчетов оптимальной структуры для трех секторов экономики Новосибирской области за 2014–2022 гг. (2014 – 100%)

Год	Фактические значения, индекс отгруженной продукции	Расчеты без ограничений	Расчеты с сохранением структуры занятости	Расчеты с сохранением структуры фондов	Расчеты с сохранением структуры выпуска
2014	100,0	104,7	101,7	101,7	101,3
2015	98,0	107,8	104,6	104,6	104,0
2016	99,0	110,6	107,3	107,3	106,4
2017	103,2	113,6	110,1	110,1	109,6
2018	106,7	117,0	113,5	113,4	113,2
2019	109,5	120,7	117,0	116,9	116,7
2020	108,0	125,0	121,2	121,0	120,7
2021	116,4	129,5	125,5	125,3	125,0
2022	119,8	134,0	130,0	129,6	129,1

Источник: данные Росстата.

Рис. 4. Динамика производительности труда трех территориальных секторов Новосибирской области в текущих ценах, тыс. руб.

Источник: рассчитано авторами на основании данных Росстата.

Обсуждение

Предложенный нами новый подход с выделением трех секторов позволил показать, что за пределами столичной агломерации есть муниципальные образования, которые развиваются не менее успешно. Полученные результаты отображают определенные отличия, характерные для азиатской части России. Если в европейских регионах сокращение населения периферии оказывает отрицательное влияние на динамику ВРП, то в азиатской части скорее положительное: чем быстрее убывает население периферии региона, тем быстрее растет ВРП на душу населения (Дружинин и др., 2024). Разная структура экономики ведет к значительной разнице производительности труда в центре и на периферии. Ранее уже отмечалось, что производительность труда, как правило, в агломерации намного выше, чем на территориях, в нее не входящих (Исаев и др., 2022). Смена места жительства ведет к смене вида деятельности на более высокопроизводительный и доходный, что способствует миграции в столичные агломерации.

Развитию муниципальных образований за пределами столичной агломерации мешают слабые межмуниципальные взаимодействия, влияние столичной агломерации на периферию очень слабое, многие соглашения имеют формальный характер, в региональных стратегических документах вопросы активизации агломерационных процессов не отражаются или отражаются слабо, нет согласованности документов разного уровня (Дружинин, Кузнецова, 2023; Секушина, Кожевников, 2024; Угрюмова, Савельева, 2023). В результате возникает опасность «анклавизации» региона, когда почти все население живет в его столице, а остальная территория, когда-то густо населенная, осваивается вахтовым методом (Копытова, Патракова, 2024).

Барабинско-Куйбышевская агломерация небольшая по численности населения, в ней проживает меньше 200 тыс. человек. Исследование относительно небольших столичных агломераций показало, что они могут успешно развиваться при определенных условиях (Кожевников, Ворошилов, 2024). В Бара-

бинско-Куйбышевской агломерации имеется значительное количество учреждений среднего профессионального образования, которые готовят специалистов, нужных для развития экономики, есть также филиал и представительство вузов. Их наличие способствовало достаточно медленному снижению занятости в отличие от депрессивных муниципальных образований. Создание новых предприятий в настоящее время сдерживается отсутствием квалифицированных кадров, в связи с чем необходимо увеличивать финансирование системы профессионального образования.

Имеющийся потенциал нуждается в поддержке в первую очередь со стороны региональных властей. Кроме развития образовательных учреждений нужно способствовать созданию более благоприятных условий для жизни населения, что касается обновления социальной инфраструктуры и инженерных сетей, качества городской среды и создания условий для отдыха и занятий спортом.

Заключение

В работе рассмотрено развитие муниципальных образований Новосибирской области, выделена Новосибирская агломерация и в зависимости от динамики показателей остальных муниципальных образований и их географического положения определены два территориальных сектора — успешно развивающиеся (Барабинско-Куйбышевская агломерация) и депрессивные муниципальные образования. Оба сектора теряют население, но в первом

объемы производства и производительность труда растут быстрее, чем в Новосибирской агломерации.

В ходе анализа динамики показателей и построения производственных функций выявлено, что эффективность Новосибирской и Барабинско-Куйбышевской агломераций различается незначительно, но более высокий уровень производительности труда ведет к тому, что переток ресурсов в Новосибирскую агломерацию приводит к повышению эффективности экономики области в целом. В то же время дальнейшая концентрация населения в Новосибирской агломерации через некоторое время приведет к ухудшению показателей Барабинско-Куйбышевской агломерации, ускорению снижения занятости в ней и ускорит процесс опустынивания территории области на западе.

В европейской части страны за пределами Московской и Санкт-Петербургской агломераций переток населения с периферии ведет к ее опустыниванию и все в меньшей степени компенсирует отток населения из региональной столицы в Московскую и Санкт-Петербургскую агломерации, что способствует заметному замедлению роста ВРП большинства регионов СЗФО, ЦФО и ПФО. Чтобы избежать подобного развития, в Новосибирской области и других регионах азиатской части страны необходимо разработать региональные программы по стимулированию муниципальных образований, имеющих потенциал для развития, увеличить финансирование подготовки кадров в них, привлечь федеральное финансирование.

Литература

- Буфетова А.Н. (2020). Как меняется распределение городов России // Интерэкспо Гео-Сибирь. Т. 3. № 1. С. 35–43. DOI: 10.33764/2618-981X-2020-3-1-35-43
- Буфетова А.Н. (2011). Пространственные особенности социально-экономического развития Новосибирской области: опыт исследования // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. Т. 11. № 2. С. 139–151.
- Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. (2023). «Ульггаурбанизм и аглоцентризм» vs «единая система расселения»: актуальность дискуссии сорокалетней давности // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 1. С. 135–150.
- Дружинин П.В. (1990). Расчет параметров народнохозяйственных и региональных агрегированных производственных функций // Экономика и математические методы. Т. 26. № 5. С. 891–896.
- Дружинин П.В. (2023). Развитие экономики регионов Северо-Западного федерального округа в условиях миграции в Санкт-Петербургскую агломерацию // Балтийский регион. Т. 15. № 3. С. 100–116. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-3-6

- Дружинин П.В., Морошкина М.В., Дружинин В.П. (2024). Влияние агломерации на развитие региона: роль образования и инноваций // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. № 11. С. 294–297.
- Зубаревич Н.В. (2006). Российские города как центры роста // Российское экспертное обозрение. № 2 (16). С. 19–22.
- Исаев А.Г., Ким А.Л., Мерзляков И.О. (2022). Оценка вклада агломерационного фактора в производительность труда в российских регионах // Регионалистика. Т. 9. № 1. С. 5–19. DOI: 10.14530/reg.2022.1.5
- Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. (2024). Агломерационные процессы в регионах России: особенности и проблемы активизации позитивных эффектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.5
- Кожевников С.А. (2023). Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 3. С. 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010
- Коломак Е.А. (2013). Городские агломерации в России: институциональные ограничения развития // Проблемы теории и практики управления. № 8. С. 48–55.
- Коломак Е.А. (2018). Почему возникают и растут города? Объяснения теоретических и эмпирических исследований // Пространственная экономика. № 2. С. 134–153. DOI: 10.14530/se.2018.2.134-153
- Коломак Е.А. (2024). Пространственное развитие Новосибирской области // Пространственная экономика. № 4. С. 8–26. DOI: 10.14530/se.2024.4.008-026
- Коломак Е.А., Шерубнёва А.И. (2023). Оценка значимости агломерационных эффектов на юге Сибири // Пространственная экономика. № 1. С. 52–69. DOI: 10.14530/se.2023.1.052-069
- Копытова Е.Д., Патракова С.С. (2024). Агломерационные эффекты крупных городов: оценка на микроданных // Проблемы развития территории. Т. 28. № 2. С. 10–23. DOI: 10.15838/ptd.2024.2.130.2
- Лавриненко П.А., Михайлова Т.Н., Ромашина А.А., Чистяков П.А. (2019). Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 50–59.
- Лукин Е.В., Ускова Т.В. (2018). Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 6. С. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2
- Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. (2014). Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы // Балтийский регион. № 2 (20). С. 62–80. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-2-4
- Морошкина М.В. (2023). Развитие прибрежных городов арктической зоны (на примере Карельской Арктики и Архангельской области) // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 4. С. 84–103. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-4-4
- Олифир Д.И. (2022). Сравнительный анализ пространственных структур Московской и Санкт-Петербургской агломераций // Пространственная экономика. Т. 18. № 1. С. 73–100. DOI: 10.14530/se.2022.1.073-100
- Олифир Д.И. (2024). Пространственный потенциал агломерационных эффектов: методика определения на материалах Санкт-Петербургской агломерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 113–128. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.6
- Павлов Ю.В., Хмелева Г.А. (2023). Концепция региональной агломерационной политики // Экономика, предпринимательство и право. Т. 13. № 2. С. 297–316. DOI: 10.18334/epp.13.2.117169
- Растворцева С.Н., Снитко Л.Т. (2020). Региональная специализация и агломерационные эффекты в экономике России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3. С. 46–58.
- Секушина И.А., Кожевников С.А. (2024). Институциональное регулирование развития городских агломераций в регионах России // Journal of Institutional Studies. Т. 16 (1). С. 55–73. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.1.055-073
- Угрюмова А.А., Савельева М.В. (2023). Влияние крупных агломераций на формирование высокопроизводительных рабочих мест в регионе // Международная торговля и торговая политика. Т. 9 (4). С. 138–153. DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-138-153

- Ускова Т.В. (2015). Пространственное развитие территорий: состояние, тенденции, пути снижения рисков // Проблемы развития территории. № 1 (75). С. 7–15.
- Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. (2021). Городские агломерации в системе расселения Севера России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 4. С. 77–96. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.5
- Ago T., Morita T., Tabuchi T., Yamamoto K. (2018). Elastic labor supply and agglomeration. *Journal of Regional Science*, 58, 350–362.
- Chen L., Yu L., Yin J., Xi M. (2023). Impact of population density on spatial differences in the economic growth of urban agglomerations: The case of Guanzhong Plain Urban Agglomeration, China. *Sustainability*, 19(15), 1–18. DOI: 10.3390/su151914601
- Chica J. (2016). Spatial clustering of knowledge-based industries in the Helsinki Metropolitan Area. *Regional Studies, Regional Science*, 3(1), 320–328. DOI: 10.1080/21681376.2016.1189848
- Ellison G., Glaser E. (2021). Geographic concentration in U.S. manufacturing firms: A dartboard approach. *Journal of Political Economy*, 105, 889–927.
- Glass M.R., Addie J.-P.D., Nelles J. (2019). Regional infrastructures, infrastructural regionalism. *Regional Studies*, 53, 1651–1656. DOI: 10.1080/00343404.2019.1667968
- Harris G.D. (1954). The market as a factor in the localization of production. *Annals of the Association of American Geographers*, 44(4), 315–348. DOI: 10.1080/00045605409352140
- Holmes T., Stevens J. (2002). Geographic concentration and establishment scale. *Review of Economics and Statistics*, 84, 682–690. DOI: 10.1162/003465302760556495
- Inkinen T., Kaakinen I. (2016). Economic geography of knowledge-intensive technology clusters: Lessons from the Helsinki Metropolitan Area. *Journal of Urban Technology*, 23(1), 95–114.
- Krugman P., Venables A. (1997). *The Seamless World: A Spatial Model of International Specialization and Trade*. Mineo, MIT.
- MacKinnon D., Kempton L., O'Brien P., Ormerod E., Pike A., Tomaney J. (2021). Reframing urban and regional 'development' for 'left behind' places. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 15, 39–56. DOI: 10.1093/cjres/rsab034
- Parkinson M., Meegan R., Karecha J. (2015). City size and economic performance: Is bigger better, small more beautiful or middling marvelous? *European Planning Studies*, 23(6), 1054–1068. DOI: 10.1080/09654313.2014.904998
- Pugh R., Dubois A. (2021). Peripheries within economic geography: Four 'problems' and the road ahead of us. *Journal of Rural Studies*, 87, 267–275. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.09.007
- Romer P. (1992). Increasing returns and new developments in the theory of growth. *NBER Working Paper*, 30–98.
- Rosenthal S.S., Strange W.C. (2004). Evidence on the nature and sources of agglomeration economies. In: *Handbook of Regional and Urban Economics*. Amsterdam: North-Holland. DOI: 10.1016/S1574-0080(04)80006-3

Сведения об авторах

Павел Васильевич Дружинин — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт экономики, Карельский научный центр РАН (Российская Федерация, 185030, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50; e-mail: pdruzhinin@mail.ru)

Марина Валерьевна Морошкина — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики, Карельский научный центр РАН (Российская Федерация, 185030, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50; e-mail: Maribel74@mail.ru)

Ксения Евгеньевна Седова — младший научный сотрудник, Институт экономики, Карельский научный центр РАН (Российская Федерация, 185030, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50; e-mail: ks.skidava@gmail.com)

Druzhinin P.V., Moroshkina M.V., Sedova K.E.

The Impact of the Agglomeration Factor on the Development of Municipal Entities in the Novosibirsk Region

Abstract. The paper considers municipal entities of the Novosibirsk Region in terms of the concentration of population and other resources in the metropolitan area. The aim of the research is to study the influence of population concentration in the Novosibirsk agglomeration on the development of the region's municipalities and the dynamics of the region's economy as a whole. The information base includes data from Rosstat and its Novosibirsk territorial division. The research period covers the time interval from 2005 to 2022. We propose an approach that allocates three territorial sectors of the economy, one of which is the Novosibirsk agglomeration, the other two include successfully developing and depressed municipalities, depending on the dynamics of their indicators. The resulting sectors are adjusted based on the location of municipal entities. Peripheral municipalities, being under the influence of the Novosibirsk agglomeration, are characterized by significant population migration, but economic indicators are growing faster in successfully developing municipalities compared to the Novosibirsk agglomeration. Using the Cobb – Douglas production functions constructed for three sectors we assess the impact of an increase or decrease in migration to the Novosibirsk agglomeration from other sectors. The results obtained make it possible to put forward some guidelines that will allow individual peripheral territories to develop successfully, primarily by creating favorable living conditions for the population. The study is part of a research project to assess the impact of the formation and development of agglomerations on the economy of the region as a whole. The results obtained can be used in regional strategic and program documents.

Key words: agglomerations, periphery, municipal entities, production functions, population migration, territorial development.

Information about the Authors

Pavel V. Druzhinin – Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185030, Russian Federation; e-mail: pdruzhinin@mail.ru)

Marina V. Moroshkina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185030, Russian Federation; e-mail: Maribel74@mail.ru)

Kseniya E. Sedova – Junior Researcher, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185030, Russian Federation; e-mail: ks.skidava@gmail.com)

Статья поступила 12.12.2024.

Развитие литиевой промышленности России и Китая в контексте энергетического перехода и достижения углеродной нейтральности

Ма Хуэй

Академия общественных наук провинции Цзянси
Наньчан, Китай
e-mail: Oscar-1206@163.com

Ли Чжимэн

Академия общественных наук провинции Цзянси
Наньчан, Китай
e-mail: lzm0730@126.com

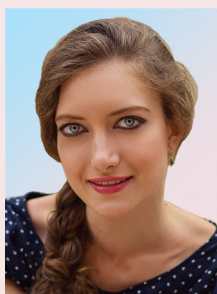

Чэн Сюминь

Академия общественных наук провинции Цзянси
Наньчан, Китай
e-mail: 1275355463@qq.com

Для цитирования: Ма Хуэй, Ли Чжимэн, Чэн Сюминь, Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2025). Развитие литиевой промышленности России и Китая в контексте энергетического перехода и достижения углеродной нейтральности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 135–151. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.8

For citation: Ma Hui, Li Zhimeng, Cheng Xiumin, Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. (2025). Development of the lithium industry in Russia and China in the context of energy transition and achieving carbon neutrality. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 135–151. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.8

**Мария Александровна
ПЕЧЕНСКАЯ-ПОЛИЩУК**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: marileen@bk.ru
ORCID: 0000-0002-6067-2103; ResearcherID: I-6618-2016

**Михаил Константинович
МАЛЫШЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: mmk1995@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1311-1888

Аннотация. В настоящее время единими для мирового сообщества являются проблемы устойчивого развития территорий, предприятий, достижения углеродной нейтральности и перехода к экологически чистым видам энергии. Важным элементом для их решения становится экологизация общественного и персонального транспорта, двигательная сила которого базируется на аккумуляторных батареях высокой мощности. При этом ключевым компонентом в аккумуляторах выступает литий, уже получивший масштабное применение в ряде высокотехнологичных отраслей промышленности. Несмотря на то, что Россия находится на 14 месте по запасам лития, имея в недрах около 1 млн тонн (0,95% мировых запасов), добыча лития в РФ не производится, а до 2022 года всё сырьё импортировалось из стран Латинской Америки. Рост цен на литий, а также спрос со стороны производителей электрокаров способствовали повышению интереса к разработке литиевых проектов у таких российских компаний, как «Росатом», «Газпром» и «Норильский никель». В Китае, напротив, добыча лития за последние 30 лет выросла в 103 раза – с 320 тыс. тонн в 1994 году до 33 млн тонн к 2023 году, а удельный вес Китая в общемировой добыче увеличился на 13 п. п. – с 5,2 до 18,3%. К самой богатой провинции, обладающей большими запасами минералов лития, по праву можно отнести провинцию Цзянси. Цель исследования – выработка концептуальных направлений развития литиевого производства в России и Китае как ключевой отрасли в рамках перехода к зеленой экономике и достижения углеродной нейтральности. Информационной базой послужили публикации отечественных и зарубежных авторов по вопросам экологизации мировой промышленности, снижения углеродного следа, особенностей добычи и производства лития, а также его применения в электромобилях. При написании статьи применялись такие научные методы, как сравнительный анализ и обобщение, анализ и обработка статистических данных.

Ключевые слова: Россия, Китай, добыча лития, производство литиевых батарей, устойчивое развитие, углеродная нейтральность, энергетический переход, аккумуляторные батареи.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0011 «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности».

Введение

Вопросы глобального энергетического перехода, использования экологически чистых видов энергии для промышленности и транспорта, достижения углеродной нейтральности актуальны для мирового сообщества, в частности для России и Китая. В целях улучшения экологической ситуации в мире и отдельных странах важно развивать литейную промышленность как ключевую отрасль в рамках перехода к зеленой экономике. Именно литий является ключевым компонентом в системах накопления энергии (аккумуляторных батареях), широко применяющихся в экологически чистом электрическом транспорте.

Цель исследования – выработка концептуальных направлений развития литейного производства как драйвера роста промышленности новой энергетики. Для достижения цели будут выявлены ключевые тенденции литейной промышленности в России и Китае, рассмотрены показатели добычи и запасов лития по странам мира, изучены особенности развития производства литиевых батарей в Китае, проведён анализ промышленных рисков и перспектив разработки литиевых ресурсов, представлены концептуальные направления развития литейного производства.

Выбор Китая как страны в качестве объекта исследования обусловлен высокой значимостью китайской промышленности для мировой экономики, а также тем фактом, что КНР имеет наибольший объём выбросов углекислого газа в атмосферу. Так, по итогам 2022 года объём эмиссии CO₂ в Китае составил около 12,7 млрд тонн, что в 2,6 раза больше, чем в США (4,85 млрд тонн, 2 место в мире), и в 6,6 раза больше, чем в России (1,9 млрд тонн, 4 место в мире)¹.

Материалы и методы

Работа основана на применении системного и междисциплинарного подходов, предполагающих анализ становления новой энергетики в контексте развития литейной промышленности. Результаты исследования структурированы в четыре крупных раздела.

¹ Top 10 Countries with the Highest CO₂ Emissions in the World (Unit: million tons CO₂) – 2022. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/co2-emissions-by-country>

В первом разделе представлена динамика добычи лития в мире и странах-лидерах, показаны крупнейшие страны по запасам этого сырья, отражен дисбаланс спроса и предложения на рынке лития, дана базовая информация по развитию литейной отрасли в России, оценивается развитие литиевых рынков Китая. Во втором разделе рассмотрены особенности развития литейной промышленности в Китае. В третьем разделе отражены особенности развития ведущих предприятий по производству литиевых батарей в провинции Цзянси как регионе с наибольшими в Китае запасами литиевых минералов. Проведён анализ промышленных рисков и перспектив разработки литиевых ресурсов. В четвёртом разделе представлены концептуальные направления развития литейного производства.

Информационной базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов по вопросам экологизации мировой промышленности, создания зелёной экономики, достижения углеродной нейтральности и снижения углеродного следа, особенностей добычи и производства лития, а также его применения в электромобилях.

В ходе работы использовались следующие научные методы: сравнительный анализ и обобщение; литературный обзор по теме исследования; анализ и обработка статистических данных; представление результатов в табличном и графическом виде.

Теоретические аспекты исследования

В публикациях отечественных и зарубежных исследователей темы зелёного перехода, углеродной нейтральности, экологичной экономики, ESG-повестки актуальны уже много лет. Одним из главных факторов осуществления перехода к зелёной экономике становится использование экологических видов транспорта, как общественного, так и личного. Проблемой в настоящее время является тот факт, что, несмотря на отсутствие выхлопов и углеродного следа от электромобилей, заряд автомобиля осуществляется за счёт электричества, которое в более чем 60% случаев генерируется из сжигания углеродных источников сырья: уголь, нефть и газ (Салибгареева, 2016).

Рост спроса на зеленую энергетику сопровождается повышением интереса к такому сырью, как литий, так как он является ключевым компонентом при производстве литиевых аккумуляторов. В XXI веке данный ресурс набирает все большую популярность в мировой энергетике, его называют «новой нефтью», а экологический вред от использования батарей существенно ниже, чем от использования углеводородов (Абдулкадыров, Идрисов, 2022).

Кроме того, большая экологическая опасность электромобилей кроется вовсе не в выбросах энергогенерации, а в последствиях процессов производства и использования мощных аккумуляторов. При производстве машин на электротяге в атмосферу выходит в два раза больше парниковых газов, что связано с повышенным энергопотреблением ввиду технологических причин (Коваленко и др., 2022).

Учёными географического факультета МГУ обсуждается тренд доминирования Китая на мировом рынке лития. Для описания структуры рынка собраны данные и прогнозы производства лития. Указывается, что картельные соглашения ведут к росту цен на рынке лития, а автомобилестроение становится ведущим драйвером рынка литиевых аккумуляторов. Это определяющие факторы рынка лития на обозримое будущее (Синюгин и др., 2019).

К 2050 году страны Европы планируют сократить выбросы парниковых газов на 80–95% от уровня 1990 года, что означает полный отказ от машин с двигателями внутреннего сгорания. В результате этого произойдут существенные изменения в международной торговле — в структуре продаж, расходах на техническое обслуживание, подготовке сервисных специалистов (Зеленюк, 2020).

Использование возобновляемых источников энергии является одним из главных этапов энергетического перехода, так как мир стремится к обеспечению будущего с нулевыми выбросами CO₂, достижению энергетической независимости и безопасности. При этом в целях производства широкого спектра продукции для сектора возобновляемой энергии необходимо использовать на производстве редкоземельные металлы и элементы (Мингалеева, 2023).

В настоящее время производство лития в России характеризуется отсутствием добычи литиевого сырья и серьёзной зависимостью от

импорта карбоната лития. Устойчиво растущий спрос на литий со стороны производителей аккумуляторов создает благоприятные предпосылки для развития российской литейной отрасли. Возрождение добычи стратегического литиевого сырья с целью его импортозамещения возможно за счёт использования гидроминеральных месторождений подземных рассолов в инфраструктурах действующих добывающих нефтегазовых предприятий и других хозяйствующих субъектов (Боярко и др., 2022).

В публикации учёных Института экономики и организации промышленного производства СО РАН рассматривались вопросы энергетического сотрудничества России и Китая в связи с «зеленым переходом» Китая, его выходом на пиковый уровень выбросов в 2030 году и курсом на достижение углеродной нейтральности к 2060 году. Авторы отметили, что в ближайшем времени ключевым направлением энергетического сотрудничества стран будет являться развитие газовой сферы, поскольку именно газ рассматривается как «переходное» топливо на пути от угля к возобновляемым источникам энергии. В свою очередь Китай активно переходит на использование газа в энергетике и жилом секторе. Вместе с тем при масштабах китайской экономики уголь еще длительное время будет востребован, поскольку причины технологического и экономического характера делают затруднительным быстрый отказ от этого сырья в пользу менее углеродоемких видов энергоресурсов (Крюков, Крюков, 2022).

В исследованиях сотрудников Сибирского федерального университета затронута тема формирования правил по противодействию климатическим изменениям. Проводится анализ постановки проблем и целеполагания в процессе институционального проектирования эколого-климатической повестки, выделены научные и политико-экономические основания выбора направлений реагирования мирового сообщества на угрозы изменения климата и соответствующих институциональных изменений. Показаны механизмы смещения приоритетов устойчивого развития в сторону решения климатических проблем и вывода на первый план задач сокращения выбросов парниковых газов за счет перехода к возобновляемым источникам энергии (Курбатова, Пыжев, 2023). Также отмечено, что при реализации ускоренного

перехода на низкоуглеродные источники электроэнергии, достигаемого благодаря переходу потребителей на электромобильный транспорт, к 2050 году, ожидаемое снижение выбросов парниковых газов составит 14,08 млн т CO_2 -экв., а при сохранении текущей структуры – 12,86 млн т (Колян и др., 2023).

Дана характеристика институционального проекта формирования новых институтов глобального реагирования на угрозы изменения климата как проекта для обеспечения приспособления хозяйственной деятельности к ограничениям нового типа – климатическим. Подробно рассмотрено, как произошло его замещение проектом низкоуглеродной экономики, то есть создания для хозяйственной деятельности ограничений углеродной нейтральности. Показано, что ответ на вызовы климатических изменений связан с формированием переплетающихся институциональных проектов, имеющих разных проектировщиков (на глобальном и национальном уровнях). Приведены аргументы в пользу того, что с учетом неизбежности климатических изменений на первый план должны выходить меры по адаптации экономики и общества к их последствиям. Рекомендовано активизировать формирование институционального проекта, соответствующего национальным интересам создания конкурентных преимуществ российской экономики.

Научный сотрудник Центра энергетических исследований ФГБНУ НИИ мировой экономики и международных отношений определил потребности в литии для электробатарей разных устройств. Так, к 2025 году спрос на литий (относительно 2014 года) со стороны производителей мобильных телефонов вырастет до 18,1 тыс. тонн (+2,2 раза), планшетов – до 16,8 тыс. тонн (+2,2 раза), портативных компьютеров – до 16,5 тыс. тонн (+2,2 раза), электроинструментов – до 15,8 тыс. тонн (+4 раза), гибридных автомобилей – до 55,7 тыс. тонн (+6,2 раза), электромобилей – до 360 тыс. тонн (+20 раз). Общемировое потребление лития в электробатареях увеличится в 8,6 раза – с 55,8 до 480,5 тыс. тонн. Таким образом, доля спроса на литий для производства электрокаров возрастет на 42,6 п. п. – с 32,3 до 74,9% (Синицын, 2018).

В журнале Вологодского научного центра РАН «Экономические и социальные перемены:

факты, тенденции, прогноз» неоднократно публиковались статьи коллег из Академии общественных наук провинции Цзянси, затрагивающие вопросы экологии и достижения углеродной нейтральности в этом китайском регионе. Так, Дэн Хун перечислил научные подходы к экологической защите в слаборазвитых районах Китая, охарактеризовал опыт ее организации в периоды восстановления экономики и быстрого экономического развития страны, а также рассмотрел актуальные вопросы усиления экологической защиты на современном этапе (Дэн Хун, 2013).

Гао Мэй определила пути развития низкоуглеродного производства в провинции Цзянси, среди которых увеличение удельного веса третичного сектора в экономике; активизация низкоуглеродного производства в трех секторах экономики; развитие и создание технологических инноваций в низкоуглеродной промышленности; создание системы низкоуглеродной энергетической структуры; осуществление переноса промышленных производств внутри страны и за рубеж с условием развития низкоуглеродного производства (Гао Мэй, 2015).

Чжан Ихун выделил направления интегрированного экономического и экологического развития провинции Цзянси: акцент на приоритете защиты окружающей среды и создании гармоничной экологической системы; важность «зеленого» развития и построения эффективной эколого-экономической системы с низким потреблением ресурсов: необходимость урбанизации и расширения пространства для развития интеграции экономики и экологии; внедрение инновационных решений в систему оценки деятельности органов власти и повышение результативности работы органов власти (Чжан Ихун, 2015).

В исследованиях зарубежных авторов, в том числе китайских учёных, вопросы углеродной нейтральности, снижения выбросов в атмосферу и зелёной экономики имеют особую актуальность. Так, в ответ на изменение климата китайское правительство поставило четкую цель достичь углеродного пика к 2030 году и углеродной нейтральности к 2060 году, стремясь постепенно свести выбросы углекислого газа (CO_2) к нулю (Zhao et al., 2022).

В совместной публикации исследователей из Китая и Дании поднимался вопрос об эко-

логичности получения лития из твёрдых полезных ископаемых и рассолов. Отмечено, что производство лития в Китае в основном зависит от литиевых руд твердых пород, что имеет недостатки с точки зрения ресурсов, окружающей среды и экономики по сравнению с извлечением лития из рассола. Извлечение лития из руд, кальцинирование, обжиг, очистка и другие процессы требуют больше ресурсов и энергии, а их воздействие на окружающую среду сопровождается выбросами загрязняющих веществ при использовании ископаемого топлива, что в 9,3–60,4 раза превышает воздействие лития, извлекаемого из рассола (Gao et al., 2023).

В статье учёных из Национального технологического института Индии и Квинслендского технологического университета Австралии утверждается, что электромобили (EV) — это будущее автомобильной промышленности с точки зрения сокращения выбросов парниковых газов, загрязнения воздуха и повышения уровня комфорта жизни во всем мире. С внедрением электромобилей происходит сокращение выбросов парниковых газов (ПГ), но повышается уровень токсичности для человека из-за более широкого использования металлов, химикатов и энергии в рамках производства силовых агрегатов и высоковольтных батарей (Verma et al., 2022).

В отчёте Международного центра глобальной геохимии ЮНЕСКО, Института геофизических и геохимических исследований Китая, а также Китайской академии геологических наук была выявлена 31 геохимическая аномалия, связанная с четырьмя типами залежей лития: гранитно-пегматитовыми и магматическими, рассолами соленых озёр и подземными рассолами, глинистыми породами и глинами вторичного выветривания (бокситы). Новые находки аномалий, особенно связанных с глинистыми породами и пустынными бассейнами, могут стать потенциальными районами для новых залежей лития осадочного типа (Wang Xue et al., 2020).

Исследователями Китайской академии геологических наук отмечено, что с 2012 года были достигнуты определенные успехи в изучении ресурсов, металлогенезе и комплексном использовании литиевых месторождений в Китае. Во-первых, достигнуты успехи в разведке лития в провинциях Сычуань, Синьцзян,

Цинхай и Цзянси (автономный район). Залежи лития встречаются не только в пегматитовых породах, но и в гранитных и осадочных. Во-вторых, были усовершенствованы методы геологической разведки, геохимические и геофизические исследования, технологии дистанционного зондирования и даже технологии бурения, которые позволяют быстро определять рудные тела. В-третьих, механизмы минерализации лития были обобщены путем анализа взаимосвязи между содержанием лития и видами геологических явлений (Wang et al., 2020).

Учёные Института минеральных ресурсов Китая утверждают, что КНР полностью электрифицирует традиционные транспортные средства с двигателями внутреннего сгорания (ICEVS) к 2050 году. Стремительное развитие электромобилей (EV) привело к постоянному росту спроса на тяговые литий-ионные аккумуляторы (LIB), что спровоцировало увеличение потребности в конкретных литиевых материалах (Qiao et al., 2021).

Таким образом, исследования достижения углеродной нейтральности, перехода к зелёной экономике, ESG-повестки, а также активной роли лития как драйвера данных направлений значимы для мирового сообщества и стран, стремящихся улучшить экологическую ситуацию.

Результаты исследования

Особенности развития мировой литиевой промышленности

За 1994–2023 гг. среднегодовая мировая добыча лития увеличилась в 11,5 раза — с 10,5 до 120,3 тыс. тонн. При этом удельный вес пяти самых крупных стран, добывающих литий, вырос с 72,8 до 98,6% (+25,8 п. п.).

По итогам 2023 года Австралия добыла 86 тыс. тонн лития, что в 50,6 раза больше относительно 1994 года — 1,7 тыс. тонн. Ее доля в мировой добыче лития достигла 47,8% от мирового уровня, в 1994 году — 27,9%. Интенсивное развитие отрасли в стране стало возможным благодаря всплеску инвестиционной активности в австралийских литиевых проектах, что свидетельствует о быстро растущей роли Австралии в глобальной цепочке поставок материалов для аккумуляторов. Сочетание стремительного роста спроса и значительных местных запасов металла стало причиной активизации на австралийском рынке лития. Так, чилийский литиевый гигант SQM взял

обязательство инвестировать около 13,9 млн долларов в приобретение 19,99% акций Azure Minerals, которая владеет крупной долей в литиевом проекте Andover в регионе Пилбара штата Вашингтон в Западной Австралии².

Добыча лития в Чили выросла в 22 раза — с 2 тыс. тонн в 1994 году до 44 тыс. тонн в 2023 году. Доля страны в общемировом уровне, напротив, сократилась на 8,4 п. п. — с 32,8 до 24,4%. Эта южноамериканская страна является вторым по величине производителем лития после Австралии. Вместе с ростом добычи на самом крупном чилийском руднике Albemarle увеличивается количество рабочих³.

Китай находится на третьем месте в мире по добыче лития, которая в 1994 года составляла 320 тонн, что в 103,1 раза меньше уровня 2023 года — 33 тыс. тонн. Резкий рост спроса на литий в стране сопровождается интенсивным увеличением производства электрокаров, что обусловлено реализацией Правительством Китая курса на экологизацию экономики. Так, за 2021–2022 гг. продажи электромобилей в КНР выросли на 82% и достигли 6,2 млн единиц. В Европе, для сравнения, рост продаж за аналогичный период составил всего 15% (до 2,7 млн тонн). В настоящее время проблема резко возросшего спроса на литий оборачивается тем, что крупнейшие китайские добывающие компании инвестируют в проекты литиевой добычи за рубежом. Однако модель выкачивания ресурсов исчерпала себя: страны, которые контролируют наибольшую долю литиевой добычи в мире, требуют от Китая большей адаптивности к нуждам развития национальных экономик⁴.

В Аргентине (4 место) активная добыча лития началась в 1998 году американской корпорацией Livent на руднике в Салар дель Хомбрэ Муэрто — в провинции Катамарка на северо-западе Аргентины⁵. За исследуемый период

добыча лития в стране выросла в 1200 раз и к 2023 году составила 9,6 тыс. тонн. В январе — феврале 2023 года экспорт лития удвоился по сравнению с аналогичным периодом 2022 года, причем в феврале поставки лития за рубеж оказались на рекордном уровне в 58 млн долларов. В Аргентине работает ряд зарубежных компаний, вкладывающихся в литиевые проекты: китайская Ganfeng Lithium и американская Livent Corp., которая будет отправлять сырье для производства батарей для автомобилей BMW. Вложения в аргентинские литиевые проекты с 2020 года составили 5,1 млрд долларов⁶.

Добыча лития в Бразилии (5 место) показала рост в 153,1 раза — с 32 до 4900 тонн. Отличительной особенностью бразильского лития, добываемого в штате Минас-Жерайс, является высокая степень чистоты, что позволяет использовать его для производства более мощных аккумуляторов, поэтому литий из Бразилии обладает конкурентными преимуществами, помогающими оптимизировать инвестиции⁷. Таким образом, за 1994–2023 гг. суммарная добыча лития в пяти странах-лидерах выросла в 43,7 раза — с 4,1 до 177,5 тыс. тонн (*табл. 1*).

Данные Геологической службы США говорят о наличии добычи лития в России в 1994–2001 и 2004–2006 гг. Суммарно за 11 лет было добыто около 19 тыс. тонн лития, или 1,73 тыс. тонн в среднем ежегодно.

Изменения в объёмах добычи лития предопределили структурные сдвиги стран-лидеров в общемировом масштабе. Так, среднегодовой удельный вес Австралии вырос на 27,1 п. п. — с 22,9% в 1994–1998 гг. до 50% в 2019–2023 гг. Доля Чили сократилась с 29,6 до 25,1% (-4,5 п. п.). Удельный вес Китая также снизился — с 17,8 до 15,6% (-2,2 п. п.). Среднегодовой вклад Аргентины и Бразилии в мировую добычу лития увеличился до 5,7 и 2,2% соответственно (*рис. 1*).

² Австралия рвётся в лидеры по производству лития. URL: https://www.prometall.info/analitika/gornodobicha/avstraliya_rvyetsya_v_lidery_po_proizvodstvu_litiya

³ В пустыне Чили залегают огромные запасы лития — ключевого элемента для аккумуляторов для электромобилей. URL: https://www.npr.org/2022/09/24/1123564599/chile-lithium-mining-atacama-desert?__ya_mt_enable_static_translations=1

⁴ Тонка за литием: от win-lose к win-win в новых реалиях. URL: <https://asiablog.com/2023/03/china-lithium-ev/>

⁵ Vice: Переход к зеленой энергии на деле ведет к уничтожению экосреды в Аргентине. URL: https://news.rambler.ru/tech/51652192/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

⁶ Аргентина делает ставку на экспорт лития на фоне упадка сельского хозяйства из-за засухи. URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-03-22/lityi-podderzhal-argentinskiy-eksport-2882626>

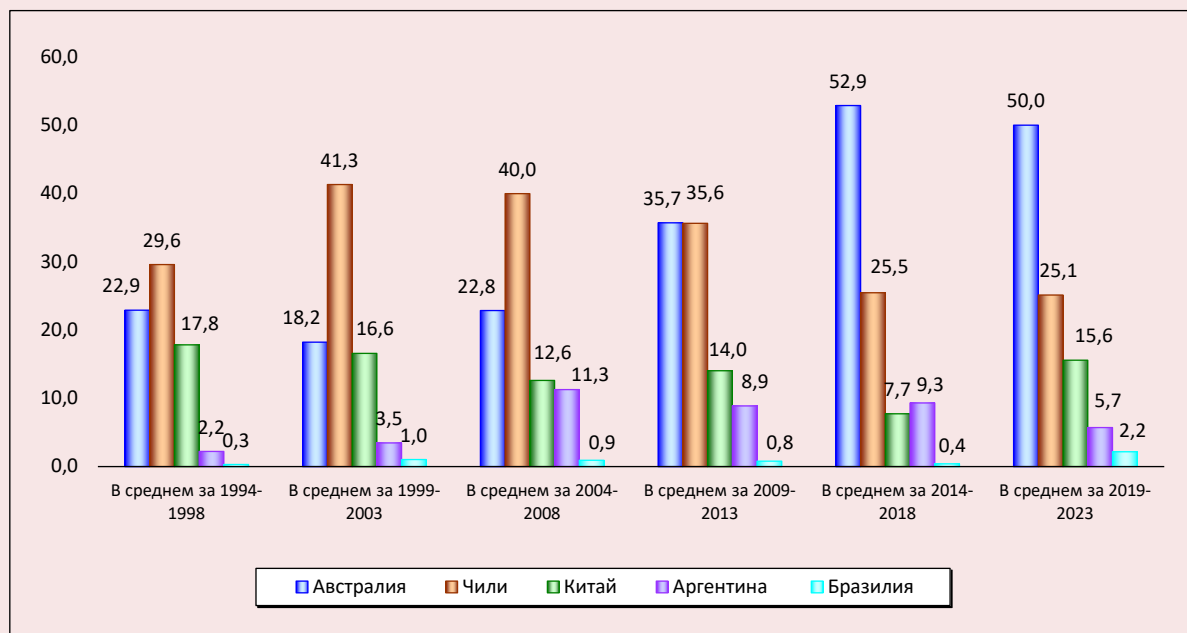
⁷ Бразилия начала экспорт зеленого лития в Китай. URL: <https://tvbrics.com/news/braziliya-nachala-eksport-zelenogo-litiya-v-kitay>

Таблица 1. Динамика добычи лития в пяти странах-лидерах за 1994–2023 гг.

Период	Австралия	Чили	Китай	Аргентина	Бразилия	Итого	Доля в мире	Мир
	тонн						%	тонн
1994	1700	2000	320	8	32	4060	66,6	6100
В среднем за 1994–1998	2400	3100	1868	232	32	7632	72,8	10480
В среднем за 1999–2003	2638	5980	2400	501	149	11668	80,6	14480
В среднем за 2004–2008	5278	9232	2914	2604	213	20241	87,6	23100
В среднем за 2009–2013	10708	10686	4210	2664	238	28506	95,0	30000
В среднем за 2014–2018	28040	13500	4100	4940	212	50792	95,8	53040
В среднем за 2019–2023	60140	30220	18740	6872	2610	118582	98,6	120300
2023	86000	44000	33000	9600	4900	177500	98,6	180000
2019–2023 к 1994–1998, раз	25,1	9,7	10,0	29,6	81,6	15,5	+25,8 п. п.	11,5
2023 к 2019, раз	50,6	22,0	103,1	1200	153,1	43,7	+32 п. п.	29,5

Источник: составлено авторами по данным Геологической службы США (Lithium Statistics and Information. URL: <https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/lithium-statistics-and-information>).

Рис. 1. Среднегодовой удельный вес стран-лидеров в добыче лития за 1994–2023 гг., %

Источник: составлено авторами по данным Геологической службы США.

В 2023 году благодаря продолжающейся геологоразведке выявленные запасы лития во всем мире значительно возросли (+7,2% к 2022 году⁸) и составили около 105,1 млн тонн (табл. 2). С учётом мировой добычи в 180 тыс. тонн, что эквивалентно запасам лития в Гане (21 место), можно сделать вывод о том, что уровень лития, извлекаемого из недр всеми странами мира, составляет всего 0,17% от разведанных запасов. Таким образом, потенциал развития отрасли огромен.

К пяти самым богатым странам по запасам лития, имеющим ³/₄ всех мировых запасов, относятся: 1 – Боливия (23 млн тонн / 21,9%); 2 – Аргентина (22 млн тонн / 20,9%); 3 – США (14 млн тонн / 13,3%); 4 – Чили (11 млн тонн / 10,5%); 5 – Австралия (8,7 млн тонн / 8,3%).

Что касается Китая (6 место), Геологическая служба США оценивает его запасы в 6,8 млн тонн, или 6,5% от мировых. При добыче лития в 33 тыс. тонн на 2023 год КНР использует свой потенциал лишь на 0,49%.

Россия находится на 14 месте по запасам лития, имея в недрах около 1 млн тонн (0,95% от мировых), при этом добыча лития в РФ не производится, а всё сырьё импортировалось до недавнего времени из стран Латинской Амери-

ки. В 2022 году Аргентина и Чили прекратили поставки в Россию, а на них приходилось до 80% закупок лития. Кроме того, за 2021–2022 гг. литий подорожал на мировом рынке почти в 8 раз, поэтому рентабельность его импорта по сравнению с местной добычей стала вызывать сомнения.

В связи с этим в России хотят начать промышленную добычу лития, а первый проект планируют запустить на Колмозерском месторождении в Мурманской области такие компании, как «Росатом» и «Норникель». Литиевым проектом также занимался «Газпром», планируя добывать литий на Ковыктинском месторождении⁹.

Начало большинства проектов по получению литиевого концентрата было запланировано на 2024 год. Компании, осуществляющие транспорт и хранение сырья, а также предприятия, занимающиеся производством и сбытом энергетических батарей и автомобилей с электрическими аккумуляторами, приобретают исключительные права на разведку месторождений и добычу лития.

Многие страны признают стратегическую важность литиевых ресурсов. В Чили, Боливии и Мексике литий включен в список националь-

Таблица 2. Рейтинг стран по доказанным запасам лития на 2023 год и их доля в мире

№	Страна	Запасы лития, тыс. тонн	Доля в мире, %	№	Страна	Запасы лития, тыс. тонн	Доля в мире, %
1	Боливия	23000	21,9	13	Перу	1000	1,0
2	Аргентина	22000	20,9	14	Россия	1000	1,0
3	США	14000	13,3	15	Мали	890	0,8
4	Чили	11000	10,5	16	Бразилия	800	0,8
5	Австралия	8700	8,3	17	Зимбабве	690	0,7
6	Китай	6800	6,5	18	Испания	320	0,3
7	Германия	3800	3,6	19	Португалия	270	0,3
8	Канада	3000	2,9	20	Намибия	230	0,2
9	Конго	3000	2,9	21	Гана	200	0,2
10	Мексика	1700	1,6	22	Финляндия	68	0,1
11	Чехия	1300	1,2	23	Австрия	60	0,1
12	Сербия	1200	1,1	24	Казахстан	50	0,05
Итого по миру:						105078	100
Источник: составлено авторами по данным Геологической службы США (U.S. Geological Survey, Mineral Commodity Summaries, January 2024, lithium. URL: https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2024/mcs2024-lithium.pdf)							

⁸ U.S. Geological Survey, Mineral Commodity Summaries, January 2023, lithium. URL: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2023/mcs2023-lithium.pdf>

⁹ В России начнут добывать новую нефть – литий. URL: <https://rg.ru/2023/04/04/v-rossii-nachnut-dobyvat-novuiu-neft-litij.html>

Таблица 3. Соотношение спроса и предложения на литий в мире за 2017–2025 гг., тыс. тонн

Период	Запрос		Спрос	Предложение	Предложение – Спрос
	Катодные материалы	Другое			
2017	109,7	124	240	250	+10
2018	154,3	127	268	309	+41
2019	185,9	131	305	363	+58
2020	240,9	128	369	422	+53
2021	298,9	135	434	485	+51
2022	369	137	507	533	+26
2023	460,9	140	601	624	+23
2024	577,7	143	721	730	+9
2025	731,6	146	877	854	-23

Источник: Ассоциация цветной металлургии Китая.

ных стратегических ресурсов наряду с нефтью. Ужесточается контроль над эксплуатацией литиевых ресурсов в мире.

По данным Ассоциации цветной металлургии Китая, в 2021 году спрос на литий в мире составил 434 тыс. тонн, а предложение – 485 тыс. тонн., т. е. предложение превысило спрос на 51 тыс. тонн. В *таблице 3* показано соотношение спроса и предложения на мировые ресурсы лития в 2020–2025 гг., рассчитанное с учетом темпов роста мировой экономики.

Согласно данным независимого агентства по анализу рынка технологий Canalys, в 2021 году мировые продажи электромобилей составили 6,5 млн штук, или 109% в годовом исчислении, что составляет 9% от общего объема продаж легковых автомобилей. При дальнейшем развитии глобальной тенденции к углеродной нейтральности ежегодные темпы роста продаж электромобилей превысят 40% в ближайшие три года, а в 2025 году мировой объем продаж достигнет 24 млн. Учитывая, что для производства 6,5 млн электромобилей требуется 230 тыс. тонн карбоната лития, в 2025 году спрос составит около 880 тыс. тонн, что приведет к долгосрочному и постоянному дефициту предложения.

Особенности развития литиевой промышленности в Китае

Согласно данным, опубликованным Министерством природных ресурсов Китайской Народной Республики, большая часть литиевых минеральных ресурсов Китая находится в Цинхае, Тибете, Сычуани и Цзянси, причем на

Сычуань приходится 98,1% всех доказанных месторождений лития в стране (*табл. 4*). На Цинхай и Тибет приходится 73,1% месторождений литиевых рассолов. Минералы лепидолита в основном встречаются в Цзянси и Ичуне. Хотя и кажется, что Китай обладает большим запасом всех видов литиевых руд, но концентрация лития в соленых озерах страны составляет менее 500 мг на литр, а низкое качество минеральных образований и большое содержание примесей ионов магния сильно затрудняют процесс извлечения лития из добытого сырья. Кроме того, для провинции Цинхай и Тибетского автономного района характерны суровые природные условия, слабая инфраструктура, в том числе транспортная, высокогорное расположение, что сильно мешает добыче сырья и разведке новых месторождений. Требования по охране окружающей среды также тормозят промышленную эксплуатацию литиевых ресурсов, что привело к дефициту предложения. В результате китайские предприятия, занимающиеся извлечением лития, до сих пор остро нуждаются в импорте высококачественного литиевого сырья. В настоящее время зависимость от импорта составляет более 70%.

За последние годы в Китае был принят ряд документов, направленных в том числе на развитие производства литиевых батарей и рынков их последующего применения. Подобные меры создают благоприятный климат для развития производства электрических аккумуляторов и систем накопления энергии. В промышленности литиевых батарей начнется фаза подъема.

Таблица 4. Распределение доказанных ресурсов оксида лития на территории Китая, тыс. тонн

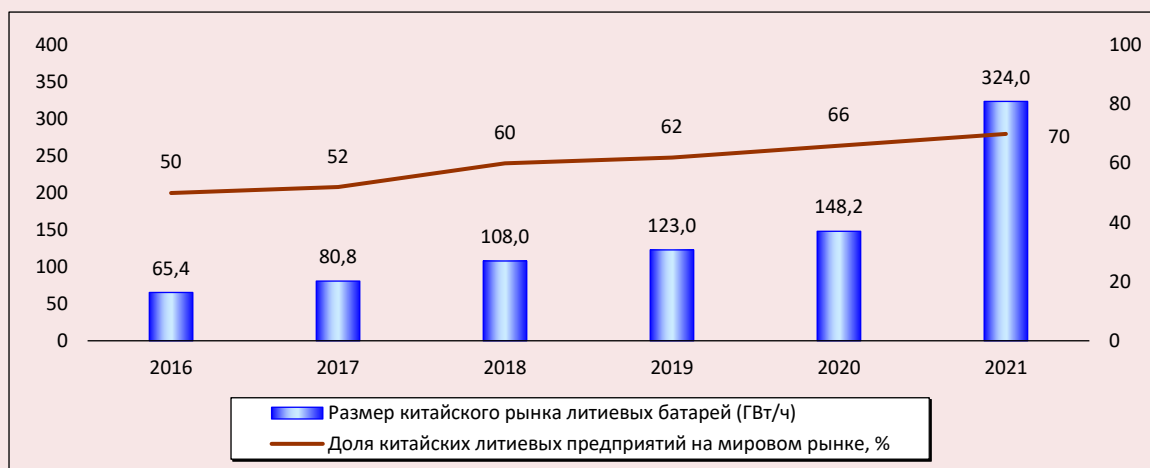
Территория	Ресурсы	Виды минералов
Цинхай	1518	Соли лития
Тибет	197	Соли лития
Сычуань	217	Сподумен
Цзянси	369	Лепидолит
Всего	2345	-

Источник: Минеральные ресурсы Китая. 2022.

К концу 2021 года мощность мирового рынка литиевых батарей насчитывала 545 ГВт/ч, китайского – 324 ГВт/ч, что составляет 59,4% от первого. В течение пяти лет Китай являлся крупнейшим рынком потребления литиевых батарей с долей рынка 70% (рис. 2).

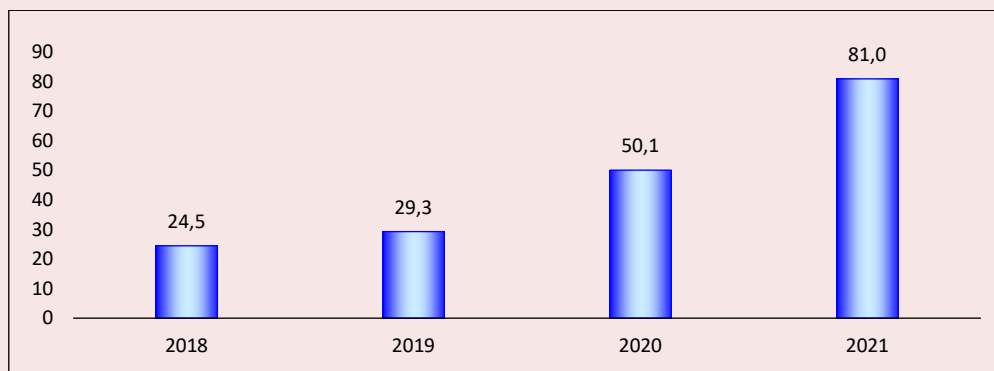
Годовая прибыль от производства литиевых батарей составила 370,6 млрд юаней, или 125,5%. При этом импорт карбоната лития увеличивался в течение четырех лет и в 2021 году составил 81 тыс. тонн при годовом росте 61,7% (рис. 3).

Рис. 2. Размер китайского рынка литиевых батарей и доля китайских литиевых предприятий на мировом рынке за 2016–2021 гг.

Источник: данные Министерства промышленности и информатизации КНР.

Рис. 3. Импорт карбоната лития в Китай за период 2018–2021 гг., тыс. тонн

Источник: данные Министерства промышленности и информатизации КНР.

Опыт развития литейного производства Китая на примере промышленных предприятий провинции Цзянси

Цзянси — одна из четырех провинций с большими запасами литиевых минералов. Основная часть месторождений расположена в Цзюлинской и Угушаньской металлогенических зонах. Город Ичунь называют литейной столицей Азии, так как здесь находится крупнейший в мире полиметаллический лепидолитовый рудник. Согласно публичным сведениям, запасы оксида лития в городе Ичунь и на территориях округа составляют более 2,58 млн тонн, или 40% лепидолитового запаса страны, из которых можно получить примерно 62,5 млн тонн концентрата с содержанием оксида лития 4%. Лепидолитовые рудники городского округа Ичунь находятся в четырех областях: в уездах Ифэн, Фэнсинь, городском уезде Гаоань и районе городского подчинения Юаньчжоу.

Преимущества ведущих китайских предприятий по производству литиевых батарей

1. Ganfeng Lithium — вертикальное расширение производства и создание круговорота лития в промышленности. Компания Ganfeng Lithium, основанная в 2000 году, — мировой лидер по производству литейной продукции (5 основных направлений производства и более 40 литиевых соединений и металлов). По мере увеличения видов выпускаемой продукции и повышения производительности компания постепенно инвестировала в добычу литиевого сырья и активно развивала производство и переработку литиевых аккумуляторов. Таким образом, компания создала промышленный круговорот лития и заняла лидирующее положение. Ganfeng Lithium принадлежат богатые месторождения металла в Австралии, Аргентине, Ирландии, Мексике, а также в Цзянси и Цинхэе, с помощью которых компания сформировала устойчивую систему добычи сырья. Горы Марион и Пилбара в Австралии — основные источники литиевых концентратов компании.

2. CATL — горизонтальное расширение производства, накопительные приборы и быстрая замена батарей. Компания CATL, основанная в 2011 году, занимается разработками, производством и продажей аккумуляторных систем и систем накопления энергии для транспортных средств с питанием от новых источников энергии. Компания уделяет большое

внимание исследованиям и инновациям, вкладывая в них примерно 6% прибыли. CATL разработала шесть концепций технического развития: высокая плотность энергии, длительный срок службы, быстрая зарядка (XFC) батарей, безопасность, автоматический контроль температуры и интеллектуальное управление. Технические показатели аккумуляторов, производимых компанией, находятся на высоком уровне. Например, плотность элементов достигает 330 Втч/кг, максимальный срок службы — 16 лет, пробег — 2 миллиона километров, а сам аккумулятор заряжается на 80% за 5 минут. Таким образом, CATL — ведущий китайский производитель аккумуляторных батарей для транспортных средств с питанием от новых источников энергии.

Анализ рисков развития промышленности литиевых батарей

Под влиянием таких факторов, как новая волна пандемии, ухудшение китайско-американских отношений, вмешательство Европейского союза (ЕС) и усиление геополитической напряженности, промышленность литиевых аккумуляторов в Цзянси по-прежнему сталкивается с рядом рисков, препятствующих ее развитию.

1. «Дилемма заключенного» и обострение региональной конкуренции.

В «Тридцати статьях о литиевых батареях» города Синьюй говорится о приближении к лидерству на мировом рынке литиевых батарей. В «Предложениях по ускоренному развитию индустрии новой энергии (литиевых батарей) в 2021–2025 гг.» города Ичунь отмечается расширение и укрепление влияния литейной столицы Азии в индустрии новой энергии (литиевых батарей). «План развития новой энергетики и новой энергетической автомобильной промышленности в Ганьчжоу (2021–2025 гг.)» предлагает содействовать расширению, развитию и укреплению промышленности новой энергетики в соответствии с требованиями всех ведущих предприятий по производству транспортных средств и литиевых батарей.

2. Недостаточное количество предприятий, производящих конечную продукцию.

Учитывая тенденции развития промышленности литиевых батарей внутри страны и за ее пределами, к основным областям применения литиевых батарей можно отнести производство

бытовой техники, альтернативных источников энергии и систем ее накопления. Однако большинство предприятий в провинциальной промышленности литиевых батарей занимаются добычей и обработкой сырья, а не производством продукции конечного пользования, что является серьезной проблемой.

Политика «двойного контроля» энергопотребления препятствует расширению промышленности

В промышленности литиевых батарей провинции Цзянси наибольший объем производства приходится на плавку литиевой руды, создание анодных материалов и графитизацию. Все это требует больших затрат энергии. Кроме того, местная фарфоровая глина содержит оксид низкого качества. Затраты энергии на ее обработку значительно превышают затраты на извлечение лития из лепидолита. Предельные значения затрат установлены в энергопотреблении при производстве литиевой соли. Политика «двойного углерода» и «двойного контроля» энергопотребления оказывает сильное давление на развитие новых проектов по производству литиевых батарей в провинции Цзянси.

Концептуальные направления развития литиевого производства как драйвера роста промышленности новой энергетики

В связи с актуализацией вопросов, связанных с промышленностью новой энергетики, в разных странах на государственном уровне поднимается вопрос развития литиевого производства. Так, например, Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин отметил, что, без долгосрочной стратегии невозможны краткосрочные достижения, без полномасштабного рассмотрения простые действия неосуществимы. Рассматривая производство литиевых батарей на этапе подъема, можно сказать, что его ждет большое будущее. Провинция Цзянси богата природными ресурсами и отличается развитым производством. Ей следует использовать политику «двойного углерода», чтобы ускорить появление новой экологически чистой энергетической промышленности и свое развитие.

В Российской Федерации имеется значительный дефицит лития, используемого в первую очередь для обеспечения атомной энергетики, систем накопления энергии, а также в качестве сырья при производстве шлакообразующих смесей для ковшей, смазок для гор-

норудных производств и создания производства литий-ионных аккумуляторных батарей. Российский рынок представлен только мощностями по переработке лития. Предприятия работают полностью на импортном сырье, а уровень загрузки мощностей оценивается в 30%. Ускоренная реализация комплекса мер поддержки проектов развития по добыче литиевых руд в 2023–2030 гг. на участках Завитинского, Полмостундровского, Ковыктинского, Ярактинского и Колмозерского месторождений позволит в значительной степени обеспечить внутренние потребности России в литиевом сырье¹⁰.

На основе обобщения опыта разных стран и успешной практики развития литиевого производства в китайской провинции Цзянси в исследовании представлено четыре направления развития литиевого производства.

1. Содействие совместному развитию предприятий

Дифференцированное развитие обусловлено разным типом ресурсов, местоположением и разными преимуществами территорий. Так, китайская провинция Цзянси делится на одиннадцать городских округов – Наньчан, Фучжоу, Ганьчжоу, Цзиань, Цзиндэчжэнь, Цзюцзян, Пинсян, Шанжао, Синьюй, Ичунь и Интань. Например, для китайского округа Ичунь характерны комплексная разработка и использование лепидолита, производство карбоната лития, анодных и катодных материалов, сепараторов, алюминиевой пленки и литиевых батарей. Округ Синьюй производит литиевую соль и стремится сформировать новую промышленную базу для создания литиевых батарей. Для Ганьчжоу характерны переработка и утилизация энергетических батарей и аккумуляторов. Цзюцзян делает упор на производство электролитов. В округах Наньчан, Шаньжао и Фучжоу особое внимание уделено производству литиевых аккумуляторов для энергетических транспортных средств. Необходимо способствовать объединению и совместному развитию всех направлений производства путем установления сотрудничества между ведущими

¹⁰ Об утверждении Стратегии развития металлургической промышленности РФ на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2022 г. № 4260-п. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405963845/>

предприятиями, производящими литиевые батареи, крупными автомобильными и фотоэлектрическими компаниями, способствуя таким образом взаимодополнению ресурсов, полному использованию преимуществ и совместному развитию предприятий.

2. Укрепление производства, цепочки поставок и создание экосферы промышленности литиевых батарей.

Необходимо использовать меры государственной поддержки, укреплять производство и экосферу промышленности литиевых батарей, использовать ресурсы территорий с богатыми литиевыми запасами. Важно усилить ресурсную поддержку и создать прочную цепочку поставок, а также улучшить возможности эксплуатации ресурсов, ускорить комплексную организацию поставок, сформировать систему переработки литиевых батарей, создать конкурентоспособную материальную и перерабатывающую базу и осуществлять сбалансированное, скоординированное и экологичное развитие производства основных и вспомогательных материалов для производства литиевых батарей. Следует оптимизировать и улучшать условия для развития промышленности и расширения направлений производства.

3. Использование инноваций.

Важно способствовать инновационному развитию предприятий, помогать им в создании новых проектов и технологий, проведении исследований и разработке новых электродных материалов (литий-марганцевые катодные материалы, кремний-углеродные анодные материалы, высоковольтные электролитные материалы и сепараторы), литий-ионных батарей с новой системой питания и цельнометаллических блоков. Следует реализовать механизм стимулирования технологических инноваций, поощрять применение литиевой продукции в смежных областях, содействовать предприятиям, занимающимся производством комплектующих для батарей, аккумуляторов и транспортных средств в реализации совместных инноваций и технических прорывов.

4. Привлечение квалифицированных кадров, создание учебной инфраструктуры и содействие экологическому развитию промышленности.

Необходимо привлекать к работе и производству литиевой продукции квалифицированный персонал, создавать тематические про-

граммы обучения в учебных заведениях. Следует также основать заведения, которые будут выпускать специально обученный персонал для этой отрасли. Необходимо помочь крупным литиевым предприятиям в реализации политики «двойного углерода», ускорении, упрощении регулирования и сокращения углеродных выбросов, в построении системы управления энергией и создании экологически чистого производства. Важно осуществить интеллектуальную трансформацию предприятий по производству литиевых батарей, поддерживать эти предприятия в ходе модернизации производства путем использования искусственного интеллекта.

Выводы

1. Экологизация мировой экономики, переход к зелёной энергетике и достижение углеродной нейтральности становятся актуальными вопросами XXI века. Одним из ключевых способов достижения данных целей является снижение выбросов в атмосферу за счёт роста производства и использования экологически чистого общественного и персонального транспорта. К такому транспорту относятся электромобили, двигатели которых работают на литиевых аккумуляторах высокой мощности. Однако, несмотря на экологичность автомобилей данного типа, производство и утилизация аккумуляторов, а также их зарядка сопряжены с немалой экологической нагрузкой.

2. Выявлен высокий потенциал развития литиевой отрасли в мире. Это связано с тем, что, по данным Геологической службы США на 2023 год, доказано существование около 105,1 млн тонн мировых запасов лития. При этом добывается чуть менее 0,2% от них. Наиболее богаты литиевыми запасами Боливия (23 млн тонн / 21,9%), Аргентина (22 млн тонн / 20,9%), США (14 млн тонн / 13,3%), Чили (11 млн тонн / 10,5%) и Австралия (8,7 млн тонн / 8,3%). Китай находится на шестом месте по запасам лития (6,8 млн тонн / 6,5%), а Россия — на 14-м (1 млн тонн / 0,95%).

3. Определено, что за 1994–2023 гг. мировая добыча лития выросла в 29,5 раза — с 6,1 до 180 тыс. тонн. В пятёрку лидеров по добыче на 2023 год вошли такие страны, как Австралия (86 тыс. тонн / 47,8%), Чили (44 тыс. тонн / 24,4%), Китай (33 тыс. тонн / 18,3%), Аргентина (9,6 тыс. тонн / 5,3%) и Бразилия (4,9 тыс.

тонн / 2,7%). Суммарно на них приходится около 98,6% мировой добычи лития, а наибольший рост отмечался в Аргентине (+1200 раз), Китае (+103,1 раза), Австралии (+50,6 раза), Бразилии (+32 раза), Чили (+22 раза). В России, несмотря на наличие запасов (около 1 млн тонн), литий импортируется из стран Латинской Америки, однако нестабильность геополитической ситуации и цен мотивируют отечественную отрасль к развитию и независимости.

4. По итогам анализа развития производства литиевых батарей в рамках новой энергетической промышленности было определено, что большая часть литиевых минеральных ресурсов Китая находится в Цинхае, Тибете, Сычуани и Цзянси, причем на Сычуань приходится 98,1% всех доказанных месторождений лития в стране. На Цинхай и Тибет приходится 73,1% месторождений литиевых рассолов, а минералы лепидолита в основном встреча-

ются в Цзянси и Ичуне. За 2016–2021 гг. размер китайского рынка литиевых батарей вырос в 5 раз – с 65,4 до 324 ГВт/ч. Доля китайских литиевых предприятий на мировом рынке увеличилась на 20 п. п. – с 50 до 70%. Расширение производства электрокаров в Китае привело к росту импорта в страну карбоната лития. Так, за 2018–2021 гг. закупки данного сырья выросли в 3,3 раза – с 24,5 до 81 тыс. тонн.

5. В качестве концептуальных направлений развития литиевого производства как драйвера роста новой энергетикой промышленности были выделены содействие совместному развитию предприятий; укрепление производства, цепочки поставок и создание экосферы промышленности литиевых батарей; использование инноваций; привлечение квалифицированных кадров, создание учебной инфраструктуры и содействие в сфере экологического развития промышленности литиевых батарей.

Литература

- Абдулкадыров А.С., Идрисов И.М. (2022). Вопросы развития и реализации проектов в области альтернативной энергетики в современных условиях // *Индустриальная экономика*. № 4. С. 236–240.
- Боярко Г.Ю., Хатьков В.Ю., Ткачева Е.В. (2022). Сырьевой потенциал лития России // *Известия ТПУ*. № 12. С. 7–16.
- Гао Мэй (2015). Низкоуглеродное производство: проблемы и выбор пути (на примере провинции Цзянси) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. №4 (40). С. 171–179. DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.12
- Дэн Хун (2013). Экологическая защита в слаборазвитых районах Китая (на примере провинции Цзянси) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 4 (28).
- Зеленюк А.Н. (2020). Бурный рост рынка автомобилей «новой энергетики» // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 11. С. 72–82.
- Коваленко А.С., Малиновская Е.А., Харламова Н.А. (2022). Мнимая экологичность электромобилей // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. Т. 3. С. 1221–1223.
- Колян Н.С., Плесовских А.Е., Гордеев Р.В. (2023). Прогнозная оценка потенциального рынка электромобилей и эффектов снижения выбросов парниковых газов в России // *Journal of Applied Economic Research*. Т. 22. № 3. С. 497–521. DOI: 10.15826/vestnik.2023.22.3.021
- Крюков В.А., Крюков Я.В. (2022). ТЭК Китая и России в контексте перехода на траекторию низкоуглеродного развития // *Пространственная экономика*. Т. 18. № 3. С. 141–167. DOI: 10.14530/se.2022.3.141-167
- Курбатова М.В. Пыжев А.И. (2023). Низкоуглеродная экономика как институциональный проект: проблема и цели // *Journal of Institutional Studies*. Т. 15. № 2. С. 6–23. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.2.006023
- Мингалеева Р.Д. (2023). Запасы и добыча редкоземельных металлов и элементов – ключевой фактор развития возобновляемой энергетики на современном этапе трансформации мировой экономики // *Вестник ГУУ*. № 5. С. 37–45.
- Салибгареева К.В. (2016). Мировое производство электроэнергии // *European science*. № 12 (22). С. 37–41.
- Синицын М.В. (2018). Цепочка добавленной стоимости при производстве батарей для электромобилей: есть ли ограничения со стороны предложения металлов? // *Инновации и инвестиции*. № 3. С. 186–192.
- Синюгин О.А., Березкин М.Ю., Дегтярев К.С. (2019). Структура мирового рынка лития, как основного элемента в аккумуляторах энергии // *Окружающая среда и энергоснабжение*. № 3. С. 97–101.

- Чжан Ихун (2015). Изучение интеграции экономики и экологии в провинции Цзянси: подход к устойчивому развитию региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5 (41). С. 173–181. DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.12
- Gao T., Fan N., Chen W., Dai T. (2023). Lithium extraction from hard rock lithium ores (spodumene, lepidolite, zinnwaldite, petalite): Technology, resources, environment and cost. *China Geology*, 6, 137–153. DOI: 10.31035/cg2022088
- Qiao D., Wang G., Gao T., Wen B., Dai T. (2021). Potential impact of the end-of-life batteries recycling of electric vehicles on lithium demand in China: 2010–2050. *Science of the Total Environment*, 764, 142835.
- Verma S., Dwivedi G., Verma P. (2022). Life cycle assessment of electric vehicles in comparison to combustion engine vehicles: A review. *Materials Today: Proceedings*, 49, 217–222.
- Wang D., Dai H., Liu Sh. et al. (2020). Research and exploration progress on lithium deposits in China. *China Geology*, 3(1), 137–152.
- Wang X., Liu H., Wang W. et al. (2020). Geochemical abundance and spatial distribution of lithium in China: Implications for potential prospects. *Acta Geoscientica Sinica*, 6, 797–806. DOI: 10.3975/cagsb.2020.081201
- Zhao X., Ma X., Chen B., Shang Y., Song M. (2022). Challenges toward carbon neutrality in China: Strategies and countermeasures. *Resources, Conservation and Recycling*, 176, 105959.

Сведения об авторах

Ма Хуэй – магистр, младший научный сотрудник, Академия общественных наук провинции Цзянси (Китай, 330077, провинция Цзянси, г. Наньчан, North Hongdu Avenue, 649; e-mail: Oscar-1206@163.com)

Ли Чжимэн – магистр, научный сотрудник, Академия общественных наук провинции Цзянси (Китай, 330077, провинция Цзянси, г. Наньчан, North Hongdu Avenue, 649; e-mail: lzm0730@126.com)

Чэн Сюминь – магистр права, научный сотрудник, Академия общественных наук провинции Цзянси (Китай, 330077, провинция Цзянси, г. Наньчан, North Hongdu Avenue, 649; e-mail: 1275355463@qq.com)

Мария Александровна Печенская-Полищук – доктор экономических наук, доцент, заведующий центром, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: marileen@bk.ru)

Михаил Константинович Малышев – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mmk1995@mail.ru)

Ma Hui, Li Zhimeng, Cheng Xiumin,
Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K.

Development of the Lithium Industry in Russia and China in the Context of Energy Transition and Achieving Carbon Neutrality

Abstract. Currently, the world community is united in the problems of sustainable development of territories and enterprises, achieving carbon neutrality and transition to environmentally friendly forms of energy. An important element in solving these problems is the greening of public and personal transport, the motive power of which is based on high-power batteries. At the same time, the key component in batteries is lithium, which has already received large-scale use in a number of high-tech industries. Despite the fact that Russia ranks 14th according to lithium reserves, with about 1 million tons (0.95%) in its territory, lithium is not mined in the Russian Federation, and until 2022 the raw material was imported

from Latin American countries. Rising prices for lithium, as well as a growing demand from electric car manufacturers, have increased interest in development of lithium projects among Russian companies such as Rosatom, Gazprom and Norilsk Nickel. In China, on the contrary, lithium production has increased 103-fold over the past 30 years – from 320 thousand tons in 1994 to 33 million tons by 2023, and the share of China in global production has increased by 13 percentage points, from 5.2 to 18.3%. Jiangxi Province can be considered the richest province, with large reserves of lithium minerals. This article aims to elaborate on conceptual directions for lithium production development in Russia and China as a key industry in transition to a green economy and achieving carbon neutrality. The information base for the research includes publications of domestic and foreign authors on the following issues: greening of global industry; reducing carbon footprint; features of lithium mining and production, as well as its use in electric vehicles. When writing the article, scientific methods such as comparative analysis and generalization, analysis and processing of statistical data were used.

Key words: Russia, China, lithium mining, lithium battery production, sustainable development, carbon neutrality, energy transition, batteries.

Information about the Authors

Ma Hui – Master’s degree, Associate Research Fellow, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, North Hongdu Avenue, Nanchang, Jiangxi Province, 330077, China; e-mail: Oscar-1206@163.com)

Li Zhimeng – Master’s degree, Researcher, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, North Hongdu Avenue, Nanchang, Jiangxi Province, 330077, China; e-mail: lzm0730@126.com)

Cheng Xiumin – LLM degree, Research Associate, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, North Hongdu Avenue, Nanchang, Jiangxi Province, 330077, China; e-mail: 1275355463@qq.com)

Mariya A. Pechenskaya-Polishchuk – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of center, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: marileen@bk.ru)

Mikhail K. Malyshev – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mmk1995@mail.ru)

Статья поступила 04.07.2024.

DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.9

УДК 65.016, ББК 65.292

© Глухих П.Л., Шкурин Д.В., Шевченко Н.Г.

Административные барьеры роста микропредприятий: типология и эмпирическая оценка

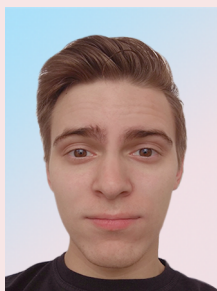
**Павел Леонидович
ГЛУХИХ**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: gluchih_p_l@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5992-3780; ResearcherID: Q-9160-2017

**Денис Вадимович
ШКУРИН**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: kafedra_ps_urfu@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2367-4617; ResearcherID: AАН-2485-2020

**Никита Григорьевич
ШЕВЧЕНКО**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: shevchenko.ng@uiec.ru
ORCID: 0009-0007-2796-1759

Для цитирования: Глухих П.Л., Шкурин Д.В., Шевченко Н.Г. (2025). Административные барьеры роста микропредприятий: типология и эмпирическая оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 152–169. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.9

For citation: Glukhikh P.L., Shkurin D.V., Shevchenko N.G. Administrative barriers to the growth of microenterprises: Typology and empirical assessment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 152–169. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.9

Аннотация. Для достижения национальной цели России «устойчивая и динамичная экономика» требуется поиск источников экономического роста. Драйвером может стать недостаточно исследуемая, но самая массовая категория бизнеса – микропредприятия. Ключевой причиной сдерживания развития микропредприятий выступает барьер, затрудняющий их переход в другую категорию. Лишь 3% субъектов способны преодолеть барьер увеличения административной нагрузки и вырасти из микро- в малые предприятия. Последствиями являются проблемы искусственного замедления роста, неуплаты налогов и дробления бизнеса. Цель работы состоит в эмпирическом выявлении в регионах России и разработке типологии групп роста микропредприятий по признаку преодоления ими барьера перехода в малый бизнес, оценке региональных и отраслевых различий для национального и регионального экономического роста. Методами текст-майнинга и контент-анализа зарубежных и российских публикаций в научный оборот введен термин «административный барьер роста субъектов малого и среднего предпринимательства». Для понимания масштаба проблемы разработана типология микропредприятий, включающая четыре группы роста: не приблизившиеся, приблизившиеся, близкие к барьеру и преодолевшие его. Положения статьи представляют теоретическую значимость и способны внести вклад в эволюционную теорию роста компаний. Для эмпирической оценки была проанализирована обширная уникальная база данных о росте 63 674 микропредприятий из сервиса «СПАРК» (все отрасли и субъекты Российской Федерации за пятилетний период). Научную новизну представляет методический подход, позволивший впервые установить численность микропредприятий, замедливших рост из-за барьера перехода. Методами корреляционного анализа подтверждена гипотеза о повышенной способности микропредприятий преодолевать барьер перехода в обрабатывающей отрасли. Полученные знания необходимы для научного и государственного осознания важности развития растущих микропредприятий. Практическая значимость методики состоит в выявлении из большого массива микропредприятий региона претендентов на рост и прогнозировании барьеров развития. Требуется выработка научно обоснованных условий для преодоления барьеров, их учет в формирующейся политике поддержки растущих микропредприятий как приоритетной категории.

Ключевые слова: растущее микропредприятие, барьер роста МСП, теория роста компаний, контент-анализ, административный барьер, микробизнес, источник роста, малое и среднее предпринимательство.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01762, <https://rscf.ru/project/24-28-01762/>.

Введение

Президент РФ В.В. Путин отметил: «Темпы и, главное, качество роста позволяют ... утверждать, что ... мы ... войдём в четвёрку крупнейших экономических держав мира»¹. Возникает вопрос: кто будет реализовывать такой интенсивный экономический рост? Перечень еще незадействованных драйверов роста ограничен. В роли источника дополнительного экономического роста предлагается рассмотреть микро-

предприятия. Во-первых, среди всех категорий бизнеса именно микропредприятия являются самым массовым сегментом – 5,9 млн субъектов, или 95,8% бизнеса². Наибольшее внимание как политиков, так и исследователей в России традиционно уделяется менее распространенным категориям: малые предприятия (227,3 тыс. субъектов, или 3,7% бизнеса), средние предприятия (20,7 тыс., или 0,3%) и крупный бизнес (13,6 тыс., или 0,2%). Во-вторых,

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения 04.03.2024).

² Статистика // Цифровая платформа МСП. РФ. URL: <https://msp.pf/analytics/> (дата обращения 17.07.2024).

сравнивая доступные данные, можно заключить, что микропредприятия вносят повышенный вклад в экономический рост (уступая только крупному бизнесу). Выручка микропредприятий за 2020 год составила 44,1 трлн руб., что больше, чем у малых (26,6 трлн руб.) и средних (10,0 трлн руб.) предприятий³. В-третьих, более крупные фирмы легче противостоят условиям внешней среды, в том числе барьерам роста, чем микро- и малые предприятия (Ernst, 2004). С учетом значимости и масштаба фокус исследования был направлен на такой актуальный и редкий объект исследования, как микропредприятия, нацеленные на рост.

Длительное время проблемой являются административные и прочие барьеры, мешающие развитию микропредприятий. По данным Минэкономразвития РФ, только 3% микропредприятий из всего малого и среднего предпринимательства (МСП) перешли в категорию «малые предприятия» за период 2021–2022 годы⁴. Для перехода субъекту требуется превысить величину установленных критериев. Одним из ключевых критериев выступает размер бизнеса, определяемый в первую очередь объемом выручки. Чтобы дорасти до малого предприятия, требуется, чтобы выручка превысила значение в 120 млн руб. три года подряд⁵.

Когда бизнес вырастет до категории «малое предприятие», у него при последующем развитии начнет повышаться административная нагрузка. В частности, переход микропредприятий сдерживают такие административные барьеры роста, как повышение налогов (Литау, 2013), отчетности, надзорных проверок⁶ и другие. Чтобы избежать этого, часть микро-

предприятий начинают искусственно дробить бизнес, разделив его на несколько новых субъектов. С одной стороны, если после дробления отделившееся предприятие растет, то оно вносит свой вклад в рост. Но такой рост невозможно оценить отдельно. С другой стороны, дробление приводит к неуплате значимой части налогов. Барьер не только создает дополнительные риски для самого микропредприятия, но и усиливает негативные последствия для экономического роста России. Издержки предприятий от дробления сокращают экономический рост, поэтому в статье влияние микропредприятий на экономический рост рассматривается через рост самих микропредприятий, преодолевающих соответствующий барьер.

Представители органов власти также указывают на эту проблему, отмечая, что необходимы условия, чтобы, начиная с микропредприятий, бизнес безболезненно переходил в следующую категорию⁷. Глава Федеральной налоговой службы Даниил Егоров назвал не до конца исследованной проблему барьеров для перехода бизнеса в более крупные формы⁸. Для решения этих проблем органы власти планируют выделить приоритетную группу «растущих микропредприятий»⁹. Ожидается, что в результате поддержки произойдет их качественный рост. Подобная проблема носит специфический для России характер, поэтому требуется выявление микробизнеса, рост которого сдерживается из-за наличия барьеров. В этих условиях усиливается потребность в изучении способности микропредприятий преодолевать барьеры перехода в более крупную категорию бизнеса.

³ Итоги сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства за 2020 год // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/small_business_2020 (дата обращения 22.02.2024).

⁴ Власти предложили доработать поддержку малого и среднего бизнеса // АО «РОСБИЗНЕСКОНСАЛТИНГ». URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/05/2023/647455269a794773b153a168> (дата обращения 31.05.2023).

⁵ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/08b3ecbc9a360ad1dc314150a6328886703356/ (дата обращения 19.02.2024).

⁶ Растущий малый и средний бизнес в России и за рубежом: роль и место в экономике (2010). М.: Фонд Ресурсный центр малого предпринимательства. 63 с. // НИСИПП. URL: https://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=129340 (дата обращения 23.01.2024).

⁷ Заседание Правительственной комиссии по вопросам развития малого и среднего предпринимательства // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/48593/> (дата обращения 31.05.2023).

⁸ Власти предложили доработать поддержку малого и среднего бизнеса // АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/05/2023/647455269a794773b153a168> (дата обращения 31.05.2023).

⁹ Заседание Правительственной комиссии по вопросам развития малого и среднего предпринимательства // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/48593/> (дата обращения 31.05.2023).

Решение указанных проблем ограничивается недостаточной научной исследованностью барьеров перехода микропредпринимателей. Уникальность категории заключается в том, что микропредприятия часто создаются благодаря предпринимательскому духу и характеризуются гибкостью, инновациями (Eneh, Okezie, 2009). Зарубежные исследователи показывают, что микропредприятия выполняют ключевую роль в уменьшении бедности. Например, считается, что за два десятилетия бедность в таких развивающихся странах, как «Азиатские тигры», сократилась на 20% благодаря развитию микро-, малых и средних предприятий (Eneh, 2007; Ogunsanya, 2007). Однако лишь отдельные микропредприятия действительно играют важнейшую роль в стимулировании экономического прогресса, поскольку часть этого сектора удовлетворена своим текущим положением и не предпринимает попыток роста.

В этих условиях микропредприятия являются относительно новым и недостаточно изученным объектом исследования (Земцов, Маскаев, 2018). Постепенно исследователи от описания проблем развития микропредприятий, изучения их отраслевых и региональных особенностей (Ибрагимова, 2016) переходят к системному осмыслению их вклада в национальный и региональный экономический рост (Ernst, 2004; Eneh, Okezie, 2009). Так, отмечается, что на микропредприятия приходится значительная доля создаваемого валового продукта (Миркина, 2023). Однако еще недостаточно оценивается потенциал микропредприятий как источника экономического роста в регионах России.

Значимость научной задачи, решаемой в исследовании, заключается в отсутствии достоверных знаний о растущих микропредприятиях как сегменте, выбранном Правительством РФ приоритетной категорией, способной внести повышенный вклад в рост ВВП¹⁰. Достижение планов государства сдерживается недостаточной проработкой теоретических положений о барьерах растущих микропредприятий, ограниченностью инструментария их анализа.

¹⁰ Заседание Правительственной комиссии по вопросам развития малого и среднего предпринимательства // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/48593/> (дата обращения 31.05.2023).

Цель нашего исследования состоит в эмпирическом выявлении в регионах России и разработке типологии групп роста микропредприятий по признаку преодоления ими барьера перехода в более крупную категорию бизнеса, а также в оценке региональных и отраслевых различий для национального и регионального экономического роста. В связи с этим поставлены следующие задачи:

1) обобщение понятийно-терминологического аппарата и введение термина «административный барьер роста субъектов МСП» средствами текст-майнинга и контент-анализа зарубежных и российских научных публикаций;

2) разработка и проверка на эмпирических данных типологии групп роста микропредприятий по признаку преодоления ими барьера перехода в более крупную категорию бизнеса;

3) создание методического подхода, позволяющего установить группу роста микропредприятия в зависимости от близости к барьеру для широкого круга субъектов, регионов России и отраслей;

4) идентификация микропредприятий, в том числе двух групп: продолжившие рост (перешедшие в категорию «малое предприятие») и не преодолевшие этот барьер.

Ожидается, что научная новизна исследования будет заключаться в авторском оригинальном подходе к сегменту «растущих микропредприятий» (крайне редкий объект исследования) как альтернативному источнику экономического роста.

Научные подходы к пониманию административных барьеров роста субъектов МСП: обзор определений

Научной основой исследования роста предприятий является существующий набор микроэкономических теорий роста, включая стохастическую, эволюционную и стратегическую теории. В рамках эволюционной теории роста компаний И. Адизесом в концепции жизненного цикла организации (Adizes, 1988) было предложено выделять особые барьеры роста. Он отразил несколько сценариев возникновения барьеров на разных циклах роста (например, «смерть в младенчестве», «ловушка основателя» и др.). Но в концепции напрямую не указывалось на связь этих негативных сценариев с барьерами перехода в большую категорию бизнеса.

В публикациях периодически поднимается проблематика перехода компаний из одной категории в другую. Исследователи традиционно выделяют проблему перехода малых предприятий в средние. Отмечалось, что отказ от роста возникает, поскольку «в России у малого бизнеса нет серьезных стимулов становиться средним»¹¹. Но не рассматривался барьер роста для микропредприятий (хотя именно он возникает раньше). Предпринимались лишь отдельные попытки подсчета количества предприятий, сменивших категорию с малого на средний и (или) крупный бизнес¹². Иногда выделяется переход средних компаний в крупные. Начинают складываться интересные подходы к выявлению барьеров перехода. Так, ставится исследовательский вопрос: куда «переходит» рост успешных компаний МСП: (а) они продолжают расти, постепенно превращаясь в крупные, в том числе поглощая другие растущие; (б) они поглощаются крупным бизнесом либо исходно были дочерними и зависимыми от него и благодаря этому росли; (в) они теряют скорость развития и «дробятся» на мелкие, подходя к какому-то барьеру» (Блохин, Глухов, 2024). К сожалению, не все положения можно применить для оценки барьеров перехода у микропредприятий, например, измерить рост, вызванный аффилированностью с крупными компаниями, банками, розничными сетями, поскольку такие данные ограничены.

Исследователи не так активно увязывают барьеры роста с проблемами перехода микропредприятий, как российские органы власти. Так, министр Минэкономразвития России М.Г. Решетников отметил, что микропредприятия «не могут справиться с барьерами роста»¹³.

В данной статье для обобщения подходов к содержанию термина «административный барьер роста» авторами осуществлялся поиск

этого и схожих определений. Применялись методы текст-майнинга и качественного контент-анализа (Глухих, 2022) зарубежных и российских исследований. Составлен большой набор поисковых слов (более 50). По ним производился поиск релевантных понятий. При поиске использовались следующие ресурсы: 1) поисковая система Google; 2) Google Scholar; 3) поисковая система Bing; 4) электронная библиотека «КиберЛенинка»; 5) чат-бот ChatGPT 4o для сбора и обзора публикаций (в соответствии с рекомендациями исследователей рассматривать ChatGPT как помощника в обзоре литературы и сборе информации (Bringula, 2023)).

При продолжительном поиске не нашлось определения, четко обозначающего рост (*табл. 1*). Исключением является лишь первое определение, где приводится смежное, но не равнозначное понятие «институциональные барьеры роста компаний», включающее не только административные факторы, но и другие внешние условия. Также найдено несколько определений, в содержании которых используется категория «рост» и схожие. Чаще встречаются термины, связанные с «административными барьерами», недостаточно отражающие негативное влияние на рост. Только иногда барьеры описываются как препятствия для развития субъектов МСП. Барьеры рассматриваются одинаково независимо от того, касается ли это микропредприятия, малого или среднего бизнеса. Термин «административный барьер роста» требует определения и стандартизации в научных и прикладных исследованиях, поэтому нами проведен специальный контент-анализ представленных выше определений с целью выявления наиболее значимых положений и разработки авторского определения, позволяющего учесть наиболее полный перечень элементов, описывающих барьер (*рис. 1*).

¹¹ Растущий малый и средний бизнес в России и за рубежом: роль и место в экономике (2010). М.: Фонд Ресурсный центр малого предпринимательства. 63 с. // НИСИПП. URL: https://niss.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=129340 (дата обращения 23.01.2024).

¹² Там же.

¹³ Заседание Правительственной комиссии по вопросам развития малого и среднего предпринимательства // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/48593/> (дата обращения 31.05.2023).

Таблица 1. Обзор определений, близких к термину «административный барьер роста» субъектов МСП

Определение	Автор(ы), год	Преимущества определения	Ограничения определения
«Институциональные барьеры [роста компаний], т. е. не рыночные препятствия, создаваемые условиями правовой среды, крупными игроками рынков, обычаями делового оборота, правилами обслуживания vip-клиентов организациями рыночной инфраструктуры, возможностями организационно-управленческого реформирования компаний»	(Блохин, Лихачёв, 2021)	Обобщающая характеристика, уточняется благодаря признаку, содержащему различные причины появления барьеров, что лучше помогает понять их комплексный характер; подчеркивается важность институциональных барьеров для экономического развития	В силу обширного охвата труднее воспринимается конкретное влияние каждого из факторов на предприятие; возникает неопределенность влияния барьеров на бизнес-климат и предпринимательство
«Административные барьеры, т. е. многочисленные препятствия со стороны органов власти и управления, связанные с необходимостью выполнения обязательных правил и процедур, предусмотренных законодательными и нормативными актами, а также актами и действиями органов власти и их должностных лиц, которые не обоснованно ограничивают свободу предпринимательской деятельности и затрудняют создание и развитие новых предпринимательских структур»	(Кочмола, Евлахова, 2004)	В определении используется категория «рост» и схожие, но не в термине	Не конкретизируется, какие именно категории барьеров имеются в виду; в определении не очень удачная группировка способов проявления барьера («правила» и «процедуры» отделены от «актов», но вместе с «действиями»)
«В данной статье под термином „административные барьеры“ мы подразумеваем внешние неблагоприятные факторы, условия для создания нового бизнеса или развития существующей фирмы»	(Romiti et al., 2011)	Указывается на важность условий для создания нового бизнеса и развития существующих фирм	Не указаны признаки конкретизации барьеров, в том числе источники их возникновения и проявления
«Административные барьеры определялись в качестве специальных ограничений дальнейшего развития бизнес-процессов, что связано с низким уровнем эффективности функционирования системы государственного управления в партнерстве с малыми частными предприятиями и индивидуальными предпринимателями»	(Плиев, 2016)	Указывается на связь барьеров с низкой эффективностью государственного управления, что требует внимания к управленческим проблемам; подчеркиваются конкретные последствия для бизнес-процессов, что важно для практического применения	Акцентируется внимание на низком уровне эффективности, критерии которой не обозначены, что делает ее учет более субъективным

Окончание таблицы 1

Определение	Автор(ы), год	Преимущества определения	Ограничения определения
<p>Ни в термине, ни в определении не используется категория «рост» и схожие с ней</p> <p>«Административные барьеры – это установленные решениями государственных органов правила, соблюдение которых вынуждает обязательным условием ведения деятельности на рынке, вводящие платежи за прохождение бюрократических процедур, которые обычно не поступают в бюджет»</p>	<p>(Аузан, Крюкова, 2001)</p>	<p>Определение содержит широкую обобщающую характеристику, которая заужается за счет признака (обязательного условия);</p> <p>указывается способ появления последствий и результат их деятельности</p>	<p>В определении ограниченно представлены способы возникновения барьера; игнорируются другие последствия, такие как временные издержки</p>
<p>«Административные барьеры – это действия органов исполнительной власти, выраженные в виде принятия нормативных, распорядительных документов, противоречащих действующему законодательству и нормативным актам Российской Федерации, а также связанные со злоупотреблением и превышением своих полномочий при проведении ими контроля и надзора за деятельностью субъектов предпринимательства»</p>	<p>Постановление Правительства РФ, 2005*</p>	<p>Определение характеризуется высокой юридической точностью;</p> <p>описываются злоупотребления и превышение полномочий при контроле и надзоре;</p> <p>указывается на противоречие действующему законодательству, что усиливает понимание проблемы</p>	<p>Исключаются системные барьеры, вызванные не противоречиями законодательства и незаконными действиями, а, лишним регулированием; в качестве источника барьеров не указываются органы законодательной власти</p>
<p>«Административные барьеры – это преграды, поставленные государством перед организациями, затрудняющие их деятельность и не приводящие к улучшениям функционирования государства»</p>	<p>(Манушин, 2014)</p>	<p>Приводятся две разновидности последствий барьеров: 1) затруднение деятельности бизнеса; 2) ухудшение функционирования государства</p>	<p>Не учитываются барьеры, вызванные необдуманной политикой и должностными лицами</p>
<p>«Административные барьеры в экономике – формальные обязательные правила ведения хозяйственной деятельности на рынках товаров (услуг), устанавливаемые органами государственной власти и местного самоуправления, частные издержки от введения которых для хозяйствующего подпадающего под их действие субъекта превышают частные выгоды от введения с учетом эффекта дохода»</p>	<p>(Потий, 2018)</p>	<p>Приводятся финансовые последствия барьеров как соотношение издержек, которые превышают выгоды; учитываются как государственные, так и местные органы власти;</p> <p>в определении подчеркивается формальный характер способов появления барьеров</p>	<p>Внимание фокусируется на финансовых последствиях, не учитываются другие негативные эффекты;</p> <p>не ясно, включается сумма всех издержек или только отдельных (крупных), величина которых превышает выгоду</p>
<p>* О порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг: Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2005 г. № 679 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56460 (дата обращения 31.06.2024).</p> <p>Источник: составлено авторами.</p>			

Рис. 1. Контент-анализ понятий, близких к термину «административный барьер роста» МСП

Источник: составлено авторами.

Существующие теоретические положения, определяющие барьеры, применяются как исходные. Предлагается расширить понятийно-терминологический аппарат авторским термином «административные барьеры роста». Административные барьеры роста субъектов малого и среднего предпринимательства – это внешние препятствия, созданные нормативными, распорядительными документами органов публичной власти и действиями должностных лиц, выраженные в обязательных правилах, процедурах, платежах и других обязанностях, которые вызывают дополнительные финансовые, временные и иные издержки в предпринимательской деятельности, затрудняют создание, функционирование и развитие субъекта и снижают его эффективность, в том числе переход в более крупные категории бизнеса, негативно влияя на экономический рост региона и страны. В отличие от существующих понятий в авторской трактовке отражается ключевая роль роста бизнеса, на которую негативно влияют последствия барьера. Также одновременно отражаются сразу все основные элементы описания барьера, в т. ч. родовое понятие, которое далее уточняется за счет нескольких источников, способов возникновения и проявления барьера, субъектов, испытывающих действие барьера (их статуса и особенностей периода функционирования), последствий существования барьера для субъектов и вышестоящих систем. Преимуществом такого определения является системный подход, который позволяет учесть максимальное количество разнообразных административных барьеров роста и точнее их идентифицировать, но не смешивать их с внутренними барьерами, связанными с готовностью самого предпринимателя к росту.

Полнота и глубина проведенного обзора публикаций позволяет заключить, что статья направлена на актуальную область, недостаточно исследованную в международной и российской научной литературе. Проблематика относительно новая, по ней существует определённый пробел научных знаний. Несмотря на постепенный рост интереса к такой тематике, в указанных работах не выделялись группы роста микропредприятия в зависимости от близости к барьеру, а тем более не производилась их эмпирическая оценка в отраслевом и региональном разрезе в России.

Методы и материалы

Существуют методические ограничения исследований по данной тематике. Качественный рост, как и другие важные преимущества микропредприятий, оказывается на периферии официальной статистики и исследований (Серова, Чуракова, 2017). Для преодоления ограничений в качестве методологической основы исследования используется системный подход, который позволяет идентифицировать, анализировать, классифицировать барьеры растущих микропредприятий.

Применительно к малым предприятиям некоторые исследователи выделяли размерные группы на границе малого и среднего бизнеса. Так, в исследовании Фонда «Ресурсный центр малого предпринимательства» от 2010 года, когда для малого бизнеса законодательно был установлен лимит по выручке в размере 400 млн руб., авторы применяли следующие пограничные зоны: до 40 млн руб., от 40 до 60 млн руб., от 60 до 100 млн руб., от 100 до 200 млн руб., от 200 до 400 млн руб. и от 400 млн руб.¹⁴ В другой работе применительно к пограничной зоне между МСП и «не МСП» выделяется схожий, установленный государством критерий, но между средним и крупным бизнесом – 2 млрд руб. (Блохин, Глухов, 2024). Поэтому применение законодательно установленного лимита по выручке является опробованным и обоснованным.

На основе сложившихся теоретических и методических положений, а также хозяйственной практики предлагаем в качестве барьера роста микропредприятий проанализировать границу по размерам выручки, используемую государством для разделения микро- и малых предприятий (последние годы она составляла 120 млн руб.¹⁵).

¹⁴ Растущий малый и средний бизнес в России и за рубежом: роль и место в экономике (2010). М.: Фонд Ресурсный центр малого предпринимательства. 63 с. // НИСИП. URL: https://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=129340 (дата обращения 23.01.2024).

¹⁵ О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства: Постановление Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196415/#dst100005 (дата обращения 17.01.2024).

Нами разработана следующая типология групп роста микропредприятий по признаку преодоления барьера перехода в малый бизнес. В авторском подходе по отношению к пороговому значению, разделяющему микро- и малые предприятия, можно микропредприятия условно разделить на следующие группы:

1) не приблизившиеся к барьеру роста: выручка микропредприятия на протяжении всех пяти ежегодных периодов оценки составляла менее 100 млн руб.;

2) приблизившиеся к барьеру роста: значение выручки преодолело 100 млн руб., но не достигло порогового значения в 120 млн руб. в один из учитываемых периодов;

3) близкие к барьеру: когда размер выручки стремится к пороговому значению (выручка была выше 120 млн руб. в одном или двух периодах, а не в трех, как требуется по законодательству);

4) преодолевшие барьер роста: микропредприятие официально сменило категорию на малое предприятие (согласно данным реестра МСП), т. е. выручка предприятия превышала пороговое значение в 120 млн руб. «в течение трех календарных лет, следующих один за другим»¹⁶.

Для понимания масштаба проблемы и установления количества предприятий, фактически столкнувшихся с барьером роста, авторами была предпринята попытка их идентификации по этим четырем группам.

Научный и прикладной интерес заключается также в выявлении отраслевых отличий, т. е. микропредприятия каких видов деятельности чаще преодолевают барьер роста. По данным государственного института развития (Корпорация «МСП»), «в 2021 году лучшую динамику переходов из микро- в малый и средний бизнес показали общепит, доставка продуктов и строительство, в 2022-м активнее других были предприятия в торговле и ресторанной сфере»¹⁷.

¹⁶ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/08b3ecbcdc9a360ad1dc314150a6328886703356/ (дата обращения 19.02.2024).

¹⁷ Демография малого и среднего предпринимательства // Корпорация «МСП». URL: https://corpmsp.ru/pres_slujba/news/demografiya_malogo_i_srednego_predprinimatelstva/ (дата обращения 01.02.2024).

На основании этих сведений сформулированы следующие гипотезы, которые важно проверить на достоверность:

— гипотеза 1: повышенная доля микропредприятий, преодолевающих барьер роста (переходят в категорию «малое предприятие» или «среднее»), характерна для сектора ОКВЭД «деятельность гостиниц и предприятий общественного питания»;

— гипотеза 2: повышенная доля микропредприятий, преодолевающих барьер роста (переходят в категорию «малое предприятие» или «среднее»), характерна для вида деятельности «строительство»;

— гипотеза 3: повышенная доля микропредприятий, преодолевающих барьер роста (переходят в категорию «малое предприятие» или «среднее»), характерна для вида деятельности «торговля оптовая и розничная»;

— гипотеза 4 (дополнительная): повышенная доля микропредприятий, замедляющихся перед барьером роста, характерна для вида деятельности «торговля оптовая и розничная»;

— гипотеза 5 (дополнительная): повышенная доля микропредприятий, преодолевающих барьер роста (переходят в категорию «малое предприятие» или «среднее»), характерна для вида деятельности «обрабатывающие производства».

Для проверки гипотез использовался двухмерный анализ данных, в том числе корреляционный анализ. Для определения значимости различий рассчитывался t-критерий Стьюдента с поправкой — метод Бенджамини — Хохберга (Наркевич и др., 2020).

Объектом оценки выступили микропредприятия, функционировавшие в период 2018–2022 гг. в 84 регионах России¹⁸, включая регионы СЗФО, в разрезе широкого перечня отраслей экономики (24 сектора ОКВЭД 2).

Достоверность результатов исследования достигалась применением совокупности информационных источников (баз данных: сервис «СПАРК», Реестр МСП от Федеральной налоговой службы (ФНС), Росстат и др.). Сведения базы «СПАРК» традиционно используются для

¹⁸ Без учета новых регионов, т. к. в 2022 году данные по ним еще не были отражены в официальной статистике и базе данных. Ненецкий автономный округ включен в состав Архангельской области.

анализа, в т. ч. роста российских предприятий (Спицын и др., 2023; Блохин, Глухов, 2024)¹⁹. Она включает государственные и иные данные налоговой и финансовой отчетности 13 млн юридических лиц (крупные, средние, малые, в том числе микропредприятия).

Процесс получения данных из сервиса «СПАРК» включал отбор показателей: «Регион регистрации», «Вид деятельности/отрасль», «Доходы»²⁰, «Реестры СПАРКа» и др. Выбирался весь доступный временной ряд (с 2018 по 2022 год). Удобство этой базы заключается в том, что все показатели приводятся в разрезе каждой компании за указанные годы. Чтобы исключить самые минимальные по размеру субъекты бизнеса, повышенный рост которых вызван эффектом «низкой базы» по показателю «Доходы», указывалось минимальное значение (не менее 40 млн руб.). Подобная граница также используется в одном из исследований²¹. Максимальное значение на начало периода оценки (2018 г.) — не более 120 млн рублей. Нами осуществлена 121 выгрузка данных из сервиса, которые потом были сформированы в единую базу.

Проведены подготовка и первичная обработка, проверка качества и оценка репрезентативности данных и другие действия. После вы-

¹⁹ «Газели» трансформации: результаты очередного ежегодного обзора российских быстрорастущих компаний // Информационный ресурс СПАРК. URL: <https://spark-interfax.ru/articles/ezhegodnyj-obzor-rossijskih-bystrorastushchih-kompanij-2023> (дата обращения 17.01.2024); Рейтинг РБК: 50 самых быстрорастущих компаний России 2021 года // АО «РОСБИЗНЕСКОН-САЛТИНГ». URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/61c098129a79471217496cd1?from=copy> (дата обращения 05.02.2024).

²⁰ В этом случае государством и в базе данных фактически используются значения выручки, а не доход. Источник: О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства: Постановление Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196415/#dst100005 (дата обращения 17.01.2024).

²¹ Растущий малый и средний бизнес в России и за рубежом: роль и место в экономике (2010). М.: Фонд Ресурсный центр малого предпринимательства. 63 с. // НИСИП. URL: https://nise.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=129340 (дата обращения 23.01.2024).

грузки базы на ее основе была сформирована выборка микропредприятий под задачи исследования:

- исключены предприятия, которые, согласно законодательству, не признаются государством как субъекты МСП; ограничено включение в выборку предприятий, рост которых был обеспечен не собственными силами, а принадлежностью к государству²²;

- приоритетное исследование микропредприятий: в выборку были включены предприятия, отвечающие следующим требованиям: а) при выгрузке были заданы соответствующие значения по величине выручки (указаны выше); б) по данным ФНС, субъект являлся микропредприятием по состоянию на 2018 год, т. е. имелась соответствующая запись в Реестре МСП; в) у предприятия было не более 15 сотрудников в 2018 году;

- из выборки исключены микропредприятия, анализ по которым невозможен в силу отсутствия у них необходимых данных (пустые значения²³, характеризующие выручку за 5 лет).

В итоге в выборке исследования оказалось 63 674 микропредприятия из 84 регионов России. Сопоставление данных официальной статистики Росстата²⁴ и значений авторской выборки показало их высокую идентичность (коэффициент корреляции составляет 0,9816). Такая высокая сопоставимость позволяет обоснованно применять полученную авторскую выборку предприятий, применяя ее главное преимущество — наличие широкого набора данных по каждому микропредприятию. Подготовка выборки и расчеты выполнялись с помощью инструментария MS Excel и программного обеспечения для сбора, обработки и анализа Vortex10²⁵.

²² Успешность предприятий малого и среднего бизнеса в России (2016). М.: Перо. 212 с.

²³ Успешность предприятий малого и среднего бизнеса в России (2016). М.: Перо. 212 с.

²⁴ Итоги сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства за 2020 год // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/small_business_2020 (дата обращения: 22.02.2024).

²⁵ Vortex10. URL: <https://www.vortex10.ru/about/разработка> (дата обращения 22.08.2024).

Основные результаты исследования

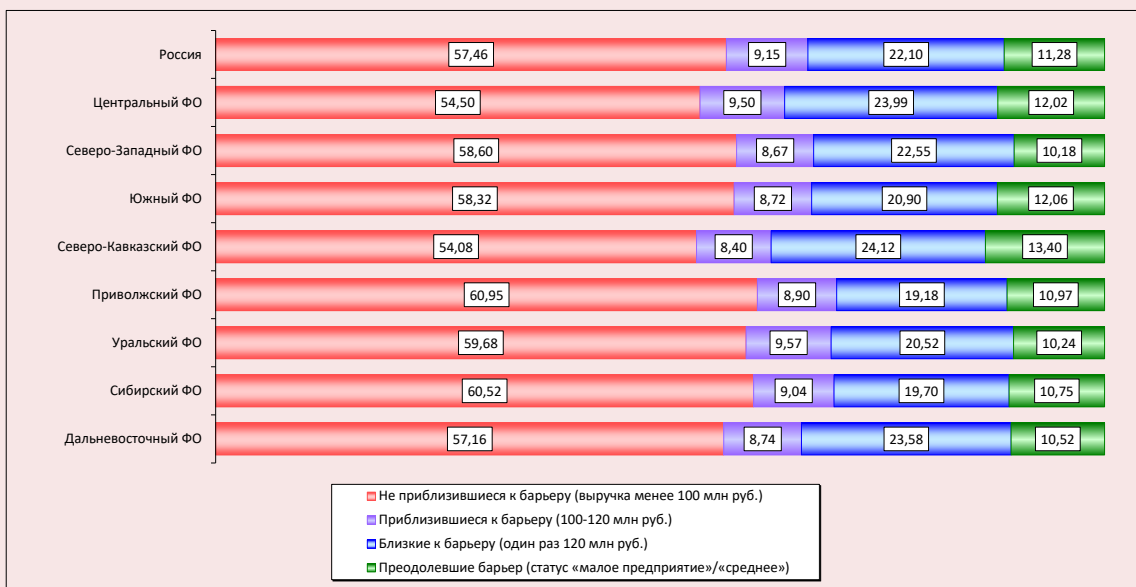
В ходе работы были эмпирически протестированы ранее логически выделенные группы роста микропредприятий. В целом, по нашим данным, в России за 5 лет 7307 субъектов, или 11,48% от числа обследованных, преодолели первый барьер и выросли до категории «малое предприятие». Только 36 из них, или 0,06%, сумели преодолеть два барьера и стать средним предприятием. По данным Минэкономразвития РФ, только 3% микропредприятий от всех МСП перешли в категорию «малое предприятие». Отличие найденного значения от официальной оценки объясняется особенностями базы данных (отсутствием финансовых показателей у некоторых микропредприятий) и спецификой выборки исследования, в том числе исключением закрывших бизнес и фактически не осуществляющих деятельность (фирм-однодневок). Государственные данные были основаны на всех номинально зарегистрированных микропредприятиях.

На описанной выше выборке для России в целом, федеральных округов и регионов прове-

рялись наличие и распространенность четырех групп микропредприятий: не приблизившиеся, приблизившиеся, близкие к барьеру и преодолевшие его, в том числе в разрезе различных отраслей экономики (рис. 2).

Наилучшие значения преодоления барьеров роста продемонстрировали регионы Северо-Кавказского федерального округа. Их микропредприятия на 2,12% чаще переходили в категорию малого бизнеса. Чуть лучше среднероссийского значения показатели Южного (больше, чем в РФ в целом, на 0,78%) и Центрального (на 0,74%) федеральных округов; немного хуже среднего по стране – Приволжского (меньше на -0,31%), Сибирского (на -0,53%) и Дальневосточного (на -0,76%) федеральных округов. Самый низкий показатель преодоления барьеров роста продемонстрировали Уральский (отставание от РФ -1,04%) и Северо-Западный (на -1,10%) федеральные округа. Пониженные значения в СЗФО объясняются низкой долей преодоления микропредприятиями барьеров роста в строительстве (8,46% против 9,54% в РФ) и сельском хозяйстве (3,33% против 12,41% в РФ).

Рис. 2. Доля микропредприятий по группам роста, % от общего числа микропредприятий в выборке

Источник: составлено авторами.

Сравним отрасли по частоте преодоления микропредприятиями барьера роста²⁶. В целом для России установлено, что микропредприятия из сектора ОКВЭД «Водоснабжение; водоотведение» обладают повышенной (статистически значимой) способностью преодолевать барьеры роста (20,31% против 11,28% для всех видов деятельности, то есть почти в два раза больше; табл. 2).

Таблица 2. Доля микропредприятий РФ по группам роста в разрезе отраслей, % от общего числа микропредприятий в выборке

Вид экономической деятельности (ОКВЭД 2)	Не приблизившиеся к барьеру (выручка менее 100 млн руб.)	Приблизившиеся к барьеру (100–120 млн руб.)	Близкие к барьеру (1 раз 120 млн руб.)	Преодолевшие барьер (статус «малое»/«среднее») предприятие	Итого	Количество микропредприятий в выборке
Водоснабжение; водоотведение	49,89**	9,05	20,75	20,31*	100,0	453
Добыча полезных ископаемых	47,37**	6,88	30,36*	15,38	100,0	247
Электрическая энергия	61,76	6,62	16,91**	14,71	100,0	272
Обрабатывающие производства	56,98	8,66	19,81**	14,55*	100,0	7046
Сельское, лесное хозяйство	55,63	10,56	21,4	12,41	100,0	701
Торговля оптовая и розничная	54,63**	9,49	23,94*	11,94*	100,0	27810
Информация и связь	56,43	9,07	22,75	11,76	100,0	1820
Здравоохранение и соцуслуги	73,10*	8,12	7,49**	11,29	100,0	788
Гостиницы и общепит	65,18*	9,78	14,43**	10,61	100,0	1933
Транспортировка и хранение	60,42*	8,60	20,72**	10,26**	100,0	5212
Строительство	57,67	9,01	23,78*	9,54**	100,0	9223
Деятельность профессиональная, научная	60,62*	9,14	21,14	9,11**	100,0	3009
Образование	72,29*	10,84	8,43**	8,43	100,0	83
Деятельность административная	65,04*	8,46	18,32**	8,18**	100,0	1845
Госуправление	84,62*	0,00**	7,69	7,69	100,0	13
Финансирование и страхование	48,16**	8,90	35,28*	7,67**	100,0	326
Операции с недвижимым имуществом	64,82*	8,96	18,90**	7,31**	100,0	2243
Предоставление прочих видов услуг	78,47*	5,74**	9,57**	6,22**	100,0	209
Культура, спорт, досуг	63,72*	10,66	20,41	5,22**	100,0	441
Всего	57,46	9,15	22,10	11,28	100,0	63674
* Значимо выше, чем в целом по массиву.						
** Значимо ниже, чем по массиву.						
Источник: составлено авторами.						

²⁶ Для оценки значимости различий в целом по таблице 2 использовался статистический критерий Хи-квадрат. Для оценки значимости различий между ячейками использовался t-критерий Стьюдента с поправкой (Метод Бенджамини – Хохберга).

Проверим гипотезы исследования. Для этого нами был рассчитан t-критерий Стьюдента с поправкой — метод Бенджамини — Хохберга (Наркевич и др., 2020).

Гипотеза 1: повышенная доля микропредприятий, преодолевающих барьер роста (перехода), характерна для вида ОКВЭД «деятельность гостиниц и предприятий общественного питания». В этой сфере доля микропредприятий, преодолевших барьер (10,61%), оказалась даже немного меньше, чем средняя доля по микропредприятиям всех отраслей (11,28%). Разница статистически незначима, таким образом, гипотеза не подтвердилась.

Гипотеза 2: повышенная доля микропредприятий, преодолевающих барьер роста (перехода), характерна для вида деятельности «строительство». В строительстве эта доля статистически значимо меньше, чем у других отраслей (9,54% против 11,28% в целом по всем микропредприятиям). Следовательно, гипотеза также не подтвердилась.

Гипотеза 3: повышенная доля микропредприятий, преодолевающих барьер роста (перехода), характерна для вида деятельности «торговля оптовая и розничная». В торговле доля справившихся с барьером примерно на среднем уровне — 11,94% против 11,28% в целом по всем отраслям. Различие является статистически значимым с вероятностью ошибки менее 0,05. Гипотеза подтвердилась.

Гипотеза 4 (дополнительная): повышенная доля микропредприятий, замедляющихся перед барьером роста, характерна для вида деятельности «торговля оптовая и розничная». В целом по массиву перед барьером замедлился рост у 22,10% микропредприятий, а в сфере торговли — у 23,94% субъектов, что значимо больше. Гипотеза подтвердилась.

Гипотеза 5 (дополнительная): повышенная доля микропредприятий, преодолевающих барьер роста (перехода), характерна для вида деятельности «обрабатывающие производства». Доля производственных микропредприятий, преодолевших барьер, составила 14,55%, что значимо больше, чем в целом по массиву (11,28%). Гипотеза подтвердилась.

Таким образом, выявлены и проанализированы основные группы роста микропредприятий, складывающиеся в федеральных округах

России. Установлены отрасли с нетипичной способностью преодолевать барьеры роста, частота перехода микропредприятий которых в большую категорию явно отличается от средних значений по всем отраслям как в лучшую сторону, так и в худшую.

Обсуждение

Авторское исследование барьеров роста на основе анализа финансовых данных микропредприятий является уникальным. В России не предпринималось подобных исследований для самой малой и массовой категории бизнеса. Лишь частично полученные результаты могут быть сопоставлены с результатами исследований малых и средних предприятий²⁷. Но в них не измерялись барьеры перехода, а только описывалось количество малых предприятий, выросших до статуса «среднее предприятие». Только в одном исследовании оценивались барьеры перехода, но они применимы, только когда «пограничный» слой компаний составляет примерно от 0,5 или 1 до пороговых 2 млрд руб. выручки в год (Блохин, Глухов, 2024).

Три из пяти авторских гипотез подтвердились. Данные, приведенные Корпорацией «МСП» об отраслях, преодолевших барьер перехода, не подтвердились, т. к. содержат сведения не только в отношении микро-, но и малых предприятий, приведенные за период 2021–2022 годы, а в авторской выборке данные оценивались за пятилетний период. Также на различия могли повлиять указанные ранее особенности базы данных и специфика отбора исследуемых микропредприятий. Для сферы розничной и оптовой торговли установлено, что, во-первых, повышенная доля микропредприятий замедляется перед барьером роста (гипотеза 4), во-вторых, повышенная доля преодолевает барьер роста (гипотеза 3). Другие исследователи, в частности Е.Я. Литау, указывают, что доход торгового предприятия по сравнению с идентичной выручкой производственного

²⁷ Растущий малый и средний бизнес в России и за рубежом: роль и место в экономике (2010). М.: Фонд Ресурсный центр малого предпринимательства. 63 с. // НИСИПП. URL: https://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=129340 (дата обращения 23.01.2024); Успешность предприятий малого и среднего бизнеса в России (2016). М.: Перо. 212 с.

предприятия будет свидетельствовать о разных масштабах бизнеса (Литау, 2013). Поэтому оба выявленные отличия подтверждают другой масштаб бизнеса в торговле. В целом торговые микропредприятия чаще обладают большим размером бизнеса, чем микропредприятия в других отраслях.

Подтверждено, что микропредприятия в сфере обрабатывающего производства значительно чаще преодолевают барьер роста, чем в целом по другим отраслям (гипотеза 5). Такой вывод согласуется, в частности, с результатами исследования для индийских микропредприятий. Вероятность долгосрочного функционирования выше у производственных микропредприятий по сравнению с торговлей, вероятно, потому, что производство испытывает меньшую волатильность (Mog et al., 2020).

При применении полученных научных результатов нужно учитывать, что в выборку не включались микропредприятия, по которым в базе «СПАРК» не представлены финансовые данные. Не исследовалась категория «индивидуальные предприниматели» (сведения по ним также отсутствуют). Для исключения эффекта «низкой базы» и фирм-однодневок выборка была ограничена по величине выручки (включались предприятия с выручкой от 40 млн рублей).

Практическое применение авторского апробированного методического подхода может состоять в его способности выявлять из большого массива бизнеса в регионе претендентов на рост (микропредприятия, способные преодолеть барьер перехода), в том числе прогнозировать их развитие до категории «малый бизнес» и «средние компании». Указанное выше позволяет заключить, что авторский подход к измерению близости микропредприятия к барьеру дает результат, поэтапно отражающий фактическое приближение, замедление или преодоление предприятием барьера перехода в следующую категорию бизнеса. Сформированный новый научный подход способен привлечь внимание других исследователей к выявлению и поиску способов преодоления барьеров развития микропредприятий (ранее игнорируемого источника экономического роста).

Заключение

Полученные результаты могут внести вклад в развитие теоретической науки, в частности в

эволюционную теорию роста компаний, за счет дополнения ее уникальными авторскими теоретическими положениями, включающими:

- впервые предложенное определение административных барьеров роста субъектов МСП, позволяющее учесть наиболее полный перечень характеристик, в том числе источники барьера, способы его возникновения и проявления, субъекты, испытывающие необходимость преодолеть барьер (их статус и особенность периода функционирования), последствия существования барьера для субъектов и экономического роста;

- разработанную типологию групп роста микропредприятий по признаку преодоления барьера перехода в более крупную категорию бизнеса.

Методической значимостью, способной внести вклад в развитие прикладной науки, обладает апробированная методика, включающая сбор, выгрузку и анализ оригинального набора эмпирических данных из базы «СПАРК». Она позволила получить следующие выводы о барьере перехода микропредприятий в регионах России:

- 11,48% микропредприятий из выборки преодолели барьер и выросли до категории «малое предприятие»;

- около 31,25% микропредприятий могут испытывать затруднения от барьера перехода в категорию «малое предприятие»;

- повышенной способностью преодолевать барьеры роста обладают микропредприятия из отраслей водоснабжение, обрабатывающие производства, оптовая и розничная торговля.

Впервые эмпирически установлена численность микропредприятий, страдающих от барьеров перехода в категорию «малое предприятие», в том числе проведено региональное и отраслевое сравнение двух групп: непреодолевших барьер и справившихся с ним. Разработка отсутствующих научных подходов и положений по актуальной и стремительно влияющей на деловую среду и экономический рост проблеме свидетельствует о научной новизне исследования микропредприятий.

Практическая значимость исследования заключается в полученных отсутствующих ранее научных знаниях, необходимых для обществен-

ного и государственного осознания важности развития и особой поддержки растущих микропредприятий в целях достижения устойчивого экономического роста. Методический подход способен устанавливать близость к барьеру роста для широкого круга микропредприятий в отраслях и регионах России.

В дальнейших исследованиях необходимо рассмотренные административные барьеры роста дополнить описанием барьеров иной природы, например психологических установок предпринимателей относительно необходимости и возможности дальнейшего роста бизнеса. Представляется важным в рамках стратегической теории роста компаний предложить и обо-

снова внутренние (в частности когнитивные) барьеры роста, связанные с готовностью самого предпринимателя к росту, а также оценить их последствия, в том числе социологическими методами.

Требуется дальнейшая выработка научно обоснованных предпосылок процесса преобразования (перехода) микропредприятий в малый бизнес через трансформацию деловой среды. Выявленные предпосылки и системные условия для роста микропредприятий и преодоления барьеров должны быть положены в основу формирующейся политики поддержки приоритетной категории растущего бизнеса как источника экономического роста.

Литература

- Аузан А., Крючкова П. (2001). Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. № 5. С. 73–88.
- Блохин А.А., Глухов К.В. (2024). Институциональные трансформации сектора МСП: приоритеты государственной поддержки // Мир новой экономики. № 18 (1). С. 104–115. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-1-104-115
- Блохин А.А., Лихачёв А.А. (2021). Институциональные барьеры для быстрорастущих компаний // Проблемы прогнозирования. № 4 (187). С. 38–52. DOI: 10.47711/0868-6351-187-38-52
- Глухих П.Л. (2022). Адаптация региональных стратегий к новому целевому показателю развития несырьевого экспорта // Балтийский регион. Т. 14. № 1. С. 34–55. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-1-3
- Земцов С.П., Маскаев А.Ф. (2018). Быстрорастущие фирмы в России: характеристики и факторы роста // Инновации. № 6 (236). С. 30–38.
- Ибрагимова Г.И. (2016). Методика определения объема и способа региональной поддержки промышленных микропредприятий в условиях локального отраслевого рынка // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». № 1. С. 29–33.
- Кочмола К.В., Евлахова Ю.С. (2004). Административные барьеры малого бизнеса (на примере Южного федерального округа) // Финансовые исследования. № 9. С. 29–34.
- Литау Е.Я. (2013). Малые и средние предприятия: критерии разграничения // Экономический анализ: теория и практика. № 34 (337). С. 55–64.
- Манушин Д.В. (2014). Административные барьеры в российской экономике как условия, способствующие существованию коррупции, и меры по их устранению // Актуальные проблемы экономики и права. № 4. С. 52–60.
- Миркина О.Н. (2023). Микропредприятия в экономике страны и подходы к оценке эффективности их деятельности // Экономика и предпринимательство. № 2 (151). С. 990–993. DOI: 10.34925/EIP.2023.151.2.193
- Наркевич А.Н., Виноградов К.А., Гржибовский А.М. (2020). Множественные сравнения в биомедицинских исследованиях: проблема и способы решения // Экология человека. № 10. С. 55–64. DOI: 10.33396/1728-0869-2020-10-55-64
- Плиев Г.А. (2016). Устранение административных барьеров в развитии малого предпринимательства // Грани познания. № 4 (47). С. 45–49.
- Потий К.М. (2018). Семейное предприятие как субъект микропредпринимательства в российской экономике // Современная конкуренция. № 4-5 (70-71). С. 133–143.
- Серова Л.С., Чуракова И.Ю. (2017). Роль микропредприятий в инновационном развитии регионов РФ // Инновации. № 4 (222). С. 79–88.

- Спицын В.В., Леонова В.А., Спицына Л.Ю., Брагин А.Д. (2023). Стагнация и возобновляемый рост предприятий: эмпирический анализ в разрезе отраслей экономики России // Вестник университета. № 7. С. 178–187. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-178-187
- Adizes I. (1988). *Corporate Lifecycles: How and Why Corporations Grow and Die and What to Do about It*. Englewood Cliffs: Prentice Hall.
- Bringula R. (2023). What do academics have to say about ChatGPT? A text mining analytics on the discussions regarding ChatGPT on research writing. *AI Ethics*. Available at <https://link.springer.com/article/10.1007/s43681-023-00354-w#citeas>. DOI: 10.1007/s43681-023-00354-w
- Eneh O.C. (2007). Poverty reduction – pro-growth and prop-poor strategy. *International Journal of Development Studies*, 2(3), 73–78.
- Eneh O.C., Okezie Y.C. (2009). Developing and growing sustainable micro, small and medium enterprises – global template. *Sustainable Human Development Review*, 1, 67–92.
- Ernst U.F.W. (2004). *Hidden Sources of Growth? Looking at Microenterprises through the Competitiveness Lens: A Review of Evidence*. USAID. Available at https://www.marketlinks.org/sites/default/files/resource/files/ML3035_hidden_sources_of_growth_mr_7_12_04.pdf
- Mor S., Madan S., Archer G.R., Ashta A. (2020). Survival of the smallest: A study of microenterprises in Haryana, India. *Millennial Asia*, 11(1), 54–78. DOI: 10.1177/0976399619900609
- Ogunsanya A. (2007). Growing the economy and achieving poverty reduction through micro, small and medium enterprises development. In: Nwosu I.E., Okereke C.C. (Eds). *Growing the Economy and Achieving Poverty Reduction in Nigeria: The Crucial Role of MSMEs*. Enugu: Ezu Books Ltd.
- Romiti A., Santini C., Simoni C. (2011). *Local Administrative Services to Reduce Barriers to Entrepreneurship and Entrepreneurial Activities: Understanding the Reasons behind the Differences in User Satisfaction*. Available at https://www.researchgate.net/publication/277171226_Local_administrative_services_to_reduce_barriers_to_entrepreneurship_and_entrepreneurial_activities_Understanding_the_reasons_behind_the_differences_in_user_satisfaction#fullTextFileContent

Сведения об авторах

Павел Леонидович Глухих – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: gluchih_p_l@mail.ru)

Денис Вадимович Шкурин – кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; e-mail: kafedra_ps_urfu@mail.ru)

Никита Григорьевич Шевченко – младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: shevchenko.ng@uiec.ru)

Glukhikh P.L., Shkurin D.V., Shevchenko N.G.

Administrative Barriers to the Growth of Microenterprises: Typology and Empirical Assessment

Abstract. In order for the Russian economy to become “stable and dynamic”, as it is stated in one of Russia’s national goals, it is necessary to search for economic growth sources. Microenterprises may become one of them; this type of business is most widespread, although not enough research is devoted to its research. The key reason that impedes the development of microenterprises is the barrier that makes it difficult for them to move into another category. Only 3% of actors are able to overcome the barrier of increasing administrative burden, and grow from micro- to small enterprises. The consequences are the problems of artificially slowing growth, non-payment of taxes and fragmentation of business.

The aim of the research is to empirically identify and develop a typology of microenterprise growth groups in the regions of Russia based on their overcoming the barrier to transition to small business, and to assess regional and sectoral differences for national and regional economic growth. Using the methods of text mining and content analysis of foreign and Russian publications, we introduce the term “administrative barrier to the growth of small and midsize enterprises”. To understand the scale of the problem, we create a typology of microenterprises, which includes four growth groups: those who did not approach the barrier, those who approached it, those who were close to the barrier, and those who overcame it. The provisions of our paper are of theoretical importance and can contribute to the evolutionary theory of company growth. For an empirical assessment, we analyze an extensive unique database on the growth of 63,674 microenterprises from the SPARK service (all industries and constituent entities of the Russian Federation over a five-year period). Scientific novelty consists in our methodological approach that makes it possible for the first time to establish the number of microenterprises whose growth slowed down due to the transition barrier. Correlation analysis methods have confirmed the hypothesis about the increased ability of microenterprises in the manufacturing industry to overcome the transition barrier. The acquired knowledge raises scientific and governmental awareness of the importance of growing microenterprises’ development. Practical significance of the methodology consists in identifying microenterprises with growth potential from a large array of microenterprises in the region and also in forecasting barriers to development. It is necessary to put forward scientifically substantiated prerequisites for overcoming barriers, and to take them into account in the emerging policy aimed to support growing microenterprises as a priority category.

Key words: growing microenterprise, barrier to SMEs growth, company growth theory, content analysis, administrative barrier, microbusiness, growth source, small and medium entrepreneurship.

Information about the Authors

Pavel L. Glukhikh – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: gluchih_p_l@mail.ru)

Denis V. Shkurin – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (51, Lenin Avenue, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: kafedra_ps_urfu@mail.ru)

Nikita G. Shevchenko – Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: shevchenko.ng@uiec.ru)

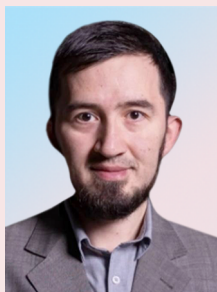
Статья поступила 02.09.2024.

DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.10

УДК 331.52, ББК 65.240

© Файзуллин Р.В., Отоцкий П.Л., Горлачева Е.Н.,
Поспелова Е.А., Харитоновна Е.С.

Сценарии развития рынка труда России с учетом оценки влияния искусственного интеллекта: отраслевой разрез

**Ринат Васильевич
ФАЙЗУЛЛИН**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: fayzullin-rv@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-1179-3910; ResearcherID: AAC-7347-2021

**Петр Леонидович
ОТОЦКИЙ**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: ototskiy-pl@ranepa.ru
ORCID: 0000-0003-1938-3518

**Евгения Николаевна
ГОРЛАЧЕВА**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: gorlacheva-en@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-6290-8557; ResearcherID: B-7294-2017

Для цитирования: Файзуллин Р.В., Отоцкий П.Л., Горлачева Е.Н., Поспелова Е.А., Харитоновна Е.С. (2025). Сценарии развития рынка труда России с учетом оценки влияния искусственного интеллекта: отраслевой разрез // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 170–189. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.10

For citation: Faizullin R.V., Ototskiy P.L., Gorlacheva E.N., Pospelova E.A., Kharitonova E.S. (2025). Assessing the impact of artificial intelligence on Russian labor market development scenarios: Industry analysis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends. Forecast*, 18(1), 170–189. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.10

**Екатерина Андреевна
ПОСПЕЛОВА**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: pospelova-ea@ranepa.ru
ORCID: 0009-0003-1209-9060; ResearcherID: KIJ-4361-2024

**Екатерина Сергеевна
ХАРИТОНОВА**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: kharitonova-es@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-6366-7388

Аннотация. Искусственный интеллект стал важнейшим элементом технологического прогресса, при этом генеративный искусственный интеллект занимает особое место, являясь инновационной технологией общего назначения. Учитывая стремительное развитие этой технологии и ее высокий потенциал для массового внедрения в различные сферы экономики, актуальным становится вопрос оценки влияния именно этой технологии на рынок труда. Современному российскому рынку труда свойственны низкая безработица, кадровый голод и межотраслевые дисбалансы. Актуальной научной задачей является моделирование сценариев развития рынка труда в отраслевом разрезе с учетом влияния генеративного искусственного интеллекта. Цель работы – оценка потенциала влияния массового применения генеративного искусственного интеллекта на рынок труда за счёт изменения эффективности труда в ряде профессий и отраслей, на основе анализа статистических и экспертных данных и экономико-математического моделирования возможных сценариев развития рынка труда. Отрасли экономики были разделены на три группы в зависимости от темпов изменения потребностей в кадрах, на основе анализа кривой Бевериджа, показывающей зависимость уровня потребностей от уровня безработицы. С помощью существующих статистических данных и экспертных оценок была определена степень влияния генеративного искусственного интеллекта на эффективность труда в различных отраслях. Предложен подход, позволивший получить оценки возможных сценариев развития отраслевых рынков труда на период до 2030 года, на основе официальных прогнозов министерств (Минэкономразвития РФ, Минтруда РФ) на период до 2026 года, их экстраполирования и наложения влияния массового применения генеративного искусственного интеллекта (в качестве возмущающего воздействия). Полученные результаты позволяют предположить, что острота проблемы кадрового голода в целом может быть отчасти снижена за счет применения генеративного искусственного интеллекта, при этом определены отрасли, в которых а) существует возможность нивелировать проблему кадрового голода при текущем уровне потребностей, б) нехватка кадров сохранится. Видится перспективным моделирование миграции профессий и кадров между отраслями, потому что ожидаемый эффект массового внедрения технологии не только изменит баланс трудовых ресурсов, но и приведет к необходимости перепрофилизации части кадров.

Ключевые слова: технологии общего назначения, генеративный искусственный интеллект, большие языковые модели, рынок труда, кадровый голод, сценарное моделирование.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Введение

Процессы автоматизации и роботизации не являются чем-то новым для современной экономики, однако с возникновением новых технологий, таких как генеративный искусственный интеллект (ИИ), возможности автоматизации выходят на принципиально новый уровень. Эти технологии позволяют автоматизировать процессы, которые ранее считались исключительно прерогативой человека. Например, генеративный ИИ может использоваться для создания контента, при этом не только в виде текста, но и рисунков, видео, звука, что существенно расширяет горизонты применения автоматизации. В исследовании под генеративным ИИ в первую очередь понимаются модели, работающие с текстом, то есть большие языковые модели. Генеративный ИИ обладает значительным потенциалом для повышения эффективности работы в различных областях за счет кардинального изменения некоторой части рабочих процессов и усиления человеческих возможностей. Существуют исследования (Gambacorta et al., 2024), показавшие рост производительности программистов за счет использования генеративного ИИ на 55%. При наличии алгоритмируемых, часто повторяющихся задач, риск ошибки в которых не критичен, генеративные модели могут делать часть работ, в том числе создавать черновики текстов, коды или дизайн, анализировать большое количество информации, ускоряя рабочие процессы, например в бухгалтерии, маркетинге, HR и т. д.

В настоящее время на рынке труда РФ наблюдается кадровый голод. По данным Росстата, в июле 2024 года уровень безработицы находится на историческом минимуме – 2,4%. Возникает необходимость анализа существующих тенденций на рынке труда, разработки сценариев развития рынка труда и определения факторов, способных уменьшить негативное влияние нехватки кадров, в том числе за счет генеративного ИИ.

С одной стороны, низкая безработица может свидетельствовать о приближении к полной занятости, когда трудовые ресурсы страны используются максимально, однако при этом возникает риск негативных последствий. При отсутствии на рынке труда достаточного количества свободных трудовых ресурсов развитие предприятий может замедлиться.

Р.И. Капелюшников заявляет, что «российской экономике предстоит в течение долгого времени действовать в стрессовых условиях острой нехватки трудовых ресурсов, что грозит стать главным тормозом на пути ее устойчивого роста» (Капелюшников, 2024). Для выхода из этой ситуации в попытке компенсировать нехватку рабочей силы компании могут увеличивать нагрузку на существующих работников либо вынуждены прибегнуть к повышению заработной платы, так как работодатели конкурируют за ограниченное количество сотрудников. Очевидно, что при этом будет происходить рост затрат, связанных с наймом, обучением и удержанием сотрудников. В целом рост зарплат приводит не только к инфляционному давлению, но и к повышению неравенства условий труда, усиливая социальное и экономическое неравенство. Возникают риски того, что работодателям придется нанимать менее квалифицированных или менее продуктивных работников просто для заполнения вакансий, что может снизить общую производительность труда, а многие сотрудники могут стать менее мотивированными к профессиональному развитию, зная, что могут легко найти работу даже без повышения квалификации. Также сотрудники могут чаще менять работу в поисках лучших условий труда, более высокой заработной платы или лучших льгот, зная, что на рынке труда существует дефицит рабочей силы.

Целью исследования является оценка потенциала влияния генеративного искусственного интеллекта на рынок труда в разрезе отраслей экономики за счет изменения эффективности труда, на основе анализа данных и экономико-математического моделирования возможных сценариев развития рынка труда.

Анализ литературных источников

Одним из инструментов анализа рынка труда является построение кривой Бевериджа, описывающей связь между уровнем безработицы и уровнем вакансий (Алехин, 2024; Капелюшников, 2024). Кривая Бевериджа – инструмент оценки «производственной мощности» рынка труда. Максимальная эффективность труда – это тот случай, когда кривая минимально удалена от начала координат (Капелюшников, 2024). «Кривая Бевериджа стала центральной концепцией в макроэкономике рынка

труда еще и потому, что она обладает двумя достоинствами. Во-первых, каждое значение эмпирической кривой указывает на состояние, в котором находится экономика в данный момент времени. Во-вторых, эмпирическая кривая позволяет отделить изменения рыночной системы трудоустройства из-за шоков активности экономических агентов от ее изменений вследствие структурных шоков» (Алехин, 2024).

«Когда безработных мало и спрос на труд высок, работодателям сложно найти дополнительную рабочую силу, даже если увеличивать количество вакансий. И наоборот, когда безработных много, а вакансий мало, каждая вакансия быстро замещается, что сильно влияет на уровень безработицы» (Алехин, 2024). При этом анализ кривой Бевериджа, которая по факту отражает зависимость только двух показателей, не должен ограничиваться выводами по ним. Действительно, количество актуальных вакансий, например, зависит не только от потребностей предприятий, но и от скорости их закрытия, которая в свою очередь зависит от многих факторов, в том числе от уровня зарплат, условий труда, готовности населения к структурным изменениям рынка труда, релокации и т. п.

Б.И. Алехин выделяет следующие преимущества анализа эмпирической кривой Бевериджа: «Интерпретировать кривую Бевериджа для оценки конъюнктуры рынка труда удобнее, чем анализировать два отдельных временных ряда – вакансий и безработных»; «по точкам кривой Бевериджа, можно определить текущее состояние экономики», то есть состояние экономической рецессии или экспансии; «кривая Бевериджа помогает отличить изменения в рыночной системе трудоустройства, вызванные деловой активностью, от изменений, вызванных структурными шоками». «Таким образом, экономика, переходящая от рецессии к экспансии и обратно, оставляет след в виде точек вдоль линии тренда. Рецессия и безработица взаимно усиливают друг друга. Но, как однажды заявили в Федеральной резервной системе США, безработица «взлетает как ракета и падает как перо» (Алехин, 2024).

Кривая Бевериджа может варьироваться по отраслям из-за различий в спросе на труд, технологических изменений, сезонных колебаний и институциональных факторов. Например, внедрение новых технологий может сокращать

рабочие места в промышленности, но создавать их в IT-секторе. Сезонные колебания особенно влияют на сельское хозяйство и строительство. Уровень квалификации работников и требования к их мобильности также играют важную роль, поскольку время на подготовку для разных отраслей может сильно различаться. Например, повышение спроса на врачей и рост их зарплат могут не увеличить их число, если на рынке труда нет незанятых врачей. Кроме того, экономические циклы по-разному воздействуют на отрасли: производство и строительство сильно страдают во время рецессий, тогда как здравоохранение и образование более стабильны. Также могут приводить к различиям социальные и демографические изменения (Bonthuis et al., 2016; Destefanis et al., 2020).

Исследователи применяют разные модели и методы для оценки влияния генеративного ИИ на рынок труда. Многие из методов основываются на более ранних исследованиях. Генеративный ИИ – не первая технология, которая привела к изменениям на рынке труда и при выборе методологии оценки влияния генеративного ИИ на него исследователи зачастую опираются на методологии, которые применялись ранее для оценки изменения под действием других факторов. С точки зрения методов оценки влияния генеративного ИИ на рынок труда следует отметить метод на основе оценки возможности автоматизации отдельных задач по их текстовому описанию и метод аналогий.

Метод оценки автоматизации отдельных задач по их текстовому описанию. Методология основана на использовании пар «глагол – сущ.», описывающих конкретные трудовые функции. В работе (Webb, 2019) описано применение этой методологии для анализа автоматизации задач. Она предлагает структурированный подход к определению задач, которые могут быть автоматизированы с помощью генеративного ИИ, включая сбор данных, сравнение с технологиями, экспертную оценку и расчет вероятности автоматизации.

В статье «The Economics of Generative AI» (NBER) (Brynjolfsson, Li, 2024) отмечено, что генеративный ИИ повышает производительность труда через автоматизацию задач. Описывается модель «Productivity J-Curve», показывающая временной лаг между внедрением технологий и ростом производительности. Для

анализа воздействия генеративного ИИ на профессии использовались данные O*NET и патенты ИИ, выявляющие, что на 80% рабочей силы в США может повлиять автоматизация задач с помощью больших языковых моделей, таких как ChatGPT-4.

Методология анализа задач и воздействия. Методология позволяет оценить, какие задачи могут быть автоматизированы с помощью ИИ и как это повлияет на профессии. В статье (Eloundou et al., 2023) рассматривается влияние больших языковых моделей на рынок труда, анализируется воздействие ИИ на различные задачи.

Метод аналогий для прогнозирования кадровой потребности и оценки влияния ИИ на рынок труда. Метод аналогий прогнозирует кадровую потребность и оценивает влияние ИИ на рынок труда, анализируя аналогичные ситуации. В обзоре «Enhancing Work Productivity through Generative Artificial Intelligence: A Comprehensive Literature Review» (Al Naqbi et al., 2024) рассматривается влияние генеративного ИИ на производительность труда с использованием исторической аналогии и библиометрического анализа.

В работе «Прогноз кадровой потребности для сферы искусственного интеллекта в России» (Аверьянов и др., 2023) метод аналогий применяется для оценки кадровой потребности в сфере ИИ. Он используется для прогнозирования будущих изменений на рынке труда, основываясь на аналогиях с другими технологическими преобразованиями.

Зачастую методы трудно отнести к одной методологии. В статье (Аверьянов и др., 2023) применяются элементы метода баланса трудовых ресурсов и метода аналогий, что позволяет провести комплексный анализ. Метод баланса трудовых ресурсов оценивает распределение трудовых ресурсов, а метод аналогий прогнозирует кадровую потребность на основе аналогичных ситуаций, давая выводы о будущем спросе на работников в сфере ИИ.

Распространение любой технологии общего назначения, в том числе генеративного ИИ, обуславливает трансформацию рынка труда и поднимает ряд вопросов, связанных с его структурной перестройкой и изменениями соотношений труда, выполняемого человеком и выполняемого машиной. Проблема техноло-

гической безработицы возникает в новом качестве, ускоряя процесс вытеснения человеческого труда во многих отраслях (Kolade, Owoseni, 2022).

Возникают важные вопросы о будущем занятости, ее качестве и распределении доходов, поскольку машины и алгоритмы все чаще выполняют задачи, которые когда-то были частью человеческого труда. В статье «Влияние Индустрии 4.0 и цифровизации на рынок труда в 2030 году – подтверждение прогноза Кейнса» (Szabó-Szentgróti et al., 2022) отмечается, что, с одной стороны, масштабы технологической безработицы во многом будут зависеть от принятой стратегии цифровизации в каждой стране, скорости ее внедрения, а также готовности системы образования в данной стране к переподготовке уязвимых групп трудоспособного населения, с другой, сократится объем необходимых рабочих задач, что приблизит нас к концепции Кейнса о трех рабочих часах в день. При этом сокращение рабочего времени повысит экономическую эффективность за счет более интенсивной и эффективной работы (Гачев и др., 2023).

Современные научные исследования показывают, что сокращение рабочей недели может приносить значительные преимущества для сотрудников и организаций. Например, в ходе проведенного в Великобритании исследования¹ обнаружено, что переход на четырехдневную рабочую неделю привел к значительному снижению стресса у работников и уменьшению числа больничных дней, при этом производительность сохранилась на прежнем уровне. Поэтому работодатели, с одной стороны, могут намеренно и официально уменьшать продолжительность рабочей недели, с другой стороны, это может происходить скрыто. В таких случаях работодателю может быть заведомо известно, что сотрудник фактически не работает полноценные 40 часов в неделю, с учетом, например, дистанционной или гибридной форм работы, использования генеративного ИИ, но он соглашается с этим, формируя лояльное отношение сотрудника к себе и обеспечивая выполнение

¹ University of Cambridge. Working a four-day week boosts employee wellbeing while preserving productivity, major six-month trial finds. ScienceDaily, 21 February 2023. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2023/02/230221113132.htm>

необходимых рабочих задач. В этом контексте использование генеративного ИИ открывает широкий спектр возможностей для улучшения качества жизни людей, но становится неизбежным элементом конкуренции за счет снижения предельных издержек (Сулумов, 2022).

Ряд исследователей также отмечает, что распространение генеративного ИИ вызовет необходимость создания новых профессий и новых рабочих мест, количество которых может быть сопоставимо или больше того количества рабочих мест, на которых человек будет заменен машиной в процессе цифровой трансформации экономики (Panetta, 2017).

Анализ текущего состояния использования генеративного ИИ показывает, что возможные варианты потенциала влияния генеративного ИИ можно свести к следующим сценариям развития:

1) сокращение продолжительности рабочего времени или рабочей недели за счет роста производительности труда при использовании генеративного ИИ (Gupta et al., 2024; Ellingrud et al., 2023);

2) рост безработицы в краткосрочном периоде; уменьшение количества рабочих мест из-за возможностей генеративного ИИ заменить некоторые трудовые функции (Autor, 2022; Naaranala et al., 2023; Brynjolfsson et al., 2023);

3) рост занятости в долгосрочном периоде за счет влияния потенциала генеративного ИИ на экономический рост; экономический рост в свою очередь будет связан с развитием и внедрением современных технологий, а возможные негативные эффекты будут перекрываться положительными (Broecke, 2023; Kalish et al., 2023; Al Naqbi et al., 2024).

При этом все исследователи, несмотря на то, какие сценарии считают более вероятными, отмечают наличие тенденций к изменению профессиональных компетенций и трудовых функций, потому что часть их будет заменена современными технологиями, а часть потребует развития, в большей или меньшей степени, в зависимости от сферы деятельности. Так или иначе произойдет изменение баланса трудовых ресурсов.

Несмотря на наличие литературы о влиянии автоматизации на рынок труда России (Гимпельсон, Капелюшников, 2022; Капелюшни-

ков, 2024), работы по оценке влияния генеративного ИИ отсутствуют, автоматизация рассматривается как «замена труда машинами или искусственным интеллектом с ликвидацией соответствующих рабочих мест» и «в обозримой перспективе вряд ли реализуемой» (Гимпельсон, 2022). В нашем же исследовании генеративный ИИ рассматривается не как инструмент замены труда человека, а как инструмент повышения эффективности (производительности) труда. Автоматизация, по оценкам В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова, повлияет примерно на 10% занятых: «Расчеты показывают, что суммарная доля рабочих мест, на которых рутинные операции преобладают, невелика и составляет немногим более 10%» (Гимпельсон, Капелюшников, 2022), тогда как в нашем исследовании оценки влияния технологии на отдельные отрасли (например ИТ) достигают 50%, а в среднем по экономике 23%.

Повышение производительности труда за счет массового внедрения технологии генеративного ИИ является лишь одним из факторов, влияющих на развитие рынка труда. В нашем исследовании все факторы (демография, миграционная политика, геополитическая обстановка, состояние экономики, производительность труда, доля зарплаты в ВВП и другие) учтены лишь косвенно, за счёт использования официальных прогнозов Минтруда и Минэкономразвития, взятых в качестве инерционного сценария.

Методология исследования

Методология исследования основана на авторском подходе к оценке влияния генеративного ИИ на кадровый дефицит и валовый внутренний продукт (ВВП) в различных секторах экономики (рис. 1). Укрупненными этапами исследования можно считать решение следующих задач:

1) оценка текущего состояния рынка труда (кадрового голода) через построение кривых Бевериджа; для проведения исследования использованы данные Росстата о показателях выпуска, занятости, потребностях в кадрах и уровне безработицы;

2) построение эконометрической модели зависимости между величинами выпуска и труда на основе статистических данных за период 2017–2022 гг.;

3) построение зависимости до 2027 года на основе официальных прогнозов ВВП, представленных Минэкономразвития, и прогнозов баланса трудовых ресурсов от Минтруда, а затем экстраполяция инерционного прогноза до 2030 года;

4) оценка влияния генеративного ИИ на производительность труда на основе оценок возможного повышения производительности труда, с учетом разных уровней проникновения технологии (доли пользователей от числа занятых) в отрасль и разной эффективности технологии. То есть применен подход Acemoglu, Restrepo (Acemoglu, Restrepo, 2018), когда считается, что есть часть трудовых ресурсов (a), эффективность которых может быть повышена на величину (k) и тогда численность занятых L по эффективности работает как $L^* = akL + (1 - a)L$. Оценки влияния генеративного ИИ на производительность труда и экономику взяты из отчетов таких источников, как МВФ, ОЭСР, McKinsey & Company, BCG и др., которые дополняются экспертными сценариями с использованием имитационно-экспертного моделирования², когда существующие тен-

денции развития устойчивых показателей на основе расчетной имитационной модели итерационно корректируются с помощью экспертных оценок.

Для анализа зависимости между уровнем безработицы и числом вакансий используют кривую Бевериджа (Алехин, 2024; Капелюшников, 2024), которая показывает обратную связь между уровнем безработицы и числом вакансий и помогает понять состояние рынка труда. В статье «Экспансия вакансий на российском рынке труда: динамика, структура, триггеры» (Капелюшников, 2024) отмечается, что в течение последних лет неудовлетворенный спрос на рабочую силу вышел на рекордно высокую по меркам российского рынка труда отметку, из-за чего кривая Бевериджа сместилась резко вверх.

Для оценки кадрового голода использованы данные Росстата о динамике уровня безработицы и потребностей в кадрах по отраслям. Полученные функции зависимости между уровнем безработицы и числом вакансий по отраслям позволяют сравнивать отрасли с точки зрения динамики потребностей в кадрах.

Рис. 1. Архитектура модели

² Отоцкий П.Л. (2008). Математическая модель социально-экономической системы региона с учетом внешних возмущающих воздействий: специальность 05.13.18 «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ»: дис. ... канд. ф.-м. наук. М. 132 с.

Низкая безработица указывает на высокий спрос на труд и дефицит кадров, что создает сложности для работодателей в найме квалифицированных работников. В таких условиях работодатели вынуждены искать альтернативные решения, чтобы поддерживать уровень производства и удовлетворять потребности рынка. Одним из таких решений является замена человеческого труда технологиями.

Для анализа производственных процессов и оценки вклада труда и капитала в экономический выпуск можно использовать функцию Кобба – Дугласа. В условиях дефицита кадров и низкой безработицы работодатели все чаще обращаются к технологиям, чтобы компенсировать нехватку рабочей силы. Для более точного учета современных факторов, влияющих на производительность, предлагается модифицировать функцию Кобба – Дугласа добавлением фактора автоматизации, связанного с внедрением генеративного ИИ, что позволяет учесть влияние новых технологий на выпуск. Это особенно важно в условиях быстро меняющегося рынка труда, где генеративный ИИ может значительно снизить зависимость выпуска от количества работников и повысить общую эффективность производства. При переходе от классической производственной функции к модифицированной, которая позволяет учесть влияние генеративного ИИ на различные отрасли, возникает необходимость количественной оценки степени проникновения технологии в отрасль (какой процент занятых в отрасли будет ей пользоваться) и оценки показателя повышения эффективности труда (насколько повысится производительность труда).

При формировании инерционного прогноза были использованы официальные прогнозы министерств (Минэкономразвития РФ, Минтруда РФ) до 2026 года, далее прогнозы экстраполировались и накладывалась оценка изменения инерционного сценария под влиянием технологии генеративного ИИ (в качестве возмущающего воздействия): «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» и текущий прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов Минэкономразвития РФ, последний из которых ежегодно обновляется, прогнозы Министерства

труда РФ, в частности «Прогноз баланса трудовых ресурсов на 2024–2026 годы». Минэкономразвития дает не только прогнозные сценарии (базовый и консервативный) по основным макроэкономическим показателям, в том числе ВВП, инвестиции в основной капитал и т. п., но и прогнозы по структуре ВВП по отраслям.

На основе оценок степени проникновения технологии в отрасль и показателя повышения эффективности труда можно определить степень влияния генеративного ИИ на рынок труда по каждой из отраслей. Возникает возможность использования сценарного подхода и параметрического имитационного моделирования, когда в описанной системе мы можем оценивать необходимый уровень проникновения технологии для получения определенного заданного эффекта, либо, наоборот, оценивать возможный эффект с учетом предположений об уровне проникновения технологии, а также моделировать несколько сценариев за счет вариации значений упомянутых величин как параметра. В результате будут предложены сценарии изменений рынка труда с учетом применения технологии генеративного ИИ, включая изменение количества вакансий, на основе анализа данных и экономико-математического моделирования возможных сценариев развития рынка труда.

Оценка кадрового голода

Анализ соотношения спроса и предложения на рынке труда через показатели потребности в кадрах (число вакансий) по отраслям и уровня безработицы свидетельствует о кадровом голоде. Действительно, снижение уровня безработицы и рост потребности в кадрах привели к тому, что уровень потребности превысил уровень безработицы, причем в ряде отраслей более чем в 3 раза, тогда как «в большинстве развитых стран равновесное соотношение вакансий к безработице лежит в диапазоне 0,7–1,0»³, то есть число вакансий не превышает уровень безработицы. «Значения, стабильно превышающие этот диапазон, указывают на структурные дисбалансы на рынке труда»⁴. Для анализа тенденций рассмотрена динамика показателей (с первого квартала 2022 года по второй квартал 2024 года), для каждой из отраслей построена

³ OECD Employment Outlook 2022: Building Back More Inclusive Labour Markets. OECD Publishing, Paris.

⁴ Там же.

кривая Бевеиджа. Кривая Бевеиджа для общей потребности по отраслям А-S приведена на рисунке 2, а на рисунке 3 даны примеры отраслей с разными темпами изменения потребностей: отрасль (N) (деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги), как пример отрасли, где рост безработицы привел к кратному росту уровня потребностей в кадрах (более чем в 2 раза), и отрасль (L) (деятельность по операциям с недвижимым имуществом), как пример отрасли, где рост потребностей не на-

блюдался. Для расчета использовались официальные данные Росстата об уровнях безработицы в % и уровнях потребности в кадрах, V – число вакансий на 1000 занятых (использовалось соотношение численности требуемых работников списочного состава на вакантные рабочие места на конец отчетного квартала к численности занятых в отрасли по данным Росстата). Расчеты проведены за 10 кварталов, с первого квартала 2022 года по второй квартал 2024 года.

Рис. 2. Кривая Бевеиджа для агрегированных данных

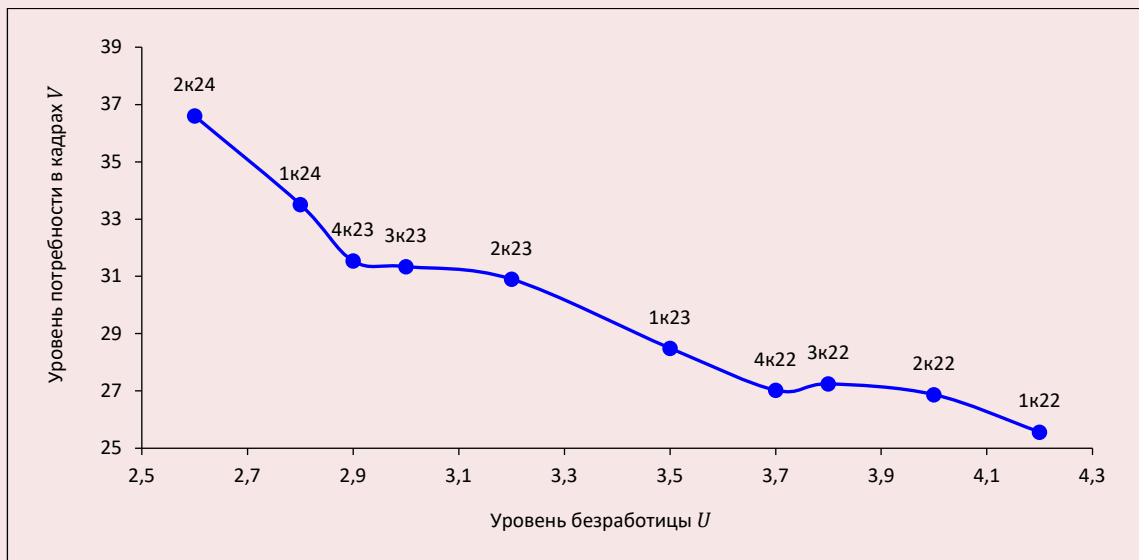
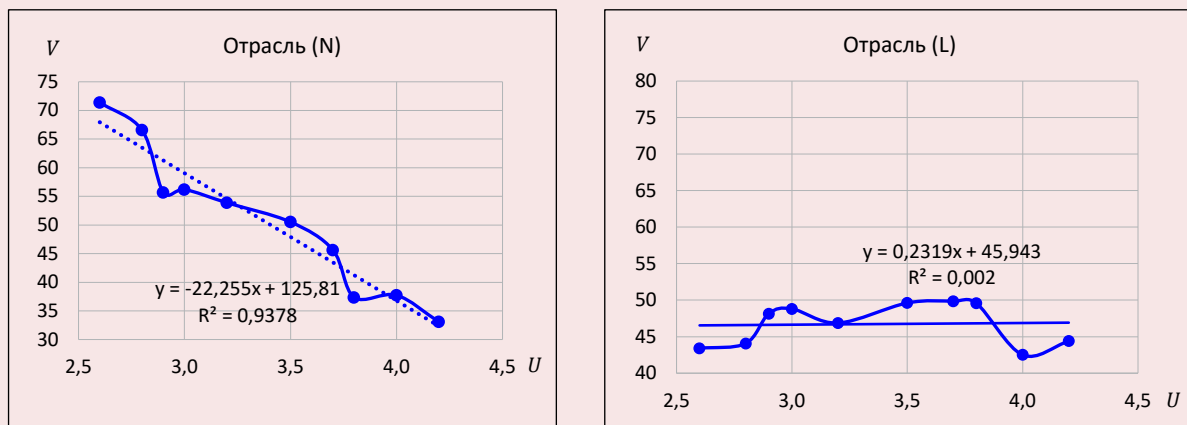

Рис. 3. Кривые Бевеиджа для отраслей N (слева) и L (справа)

Результаты расчетов приведены в *таблице 1*, получены методом наименьших квадратов для оценки коэффициентов формулы:

$$V = b_0 + b_1 \cdot U,$$

где V – потребности отрасли в кадрах,
 U – уровень безработицы,
 b_0, b_1 – неизвестные коэффициенты.

Таким образом, ранжирование отраслей экономики в зависимости от темпов изменения потребностей в кадрах (на основе построения кривых Бевеиджа) позволило выявить отрасли с высокими темпами роста потребности в кадрах. Эти отрасли наиболее подвержены влиянию изменений в производительности труда, что делает их наиболее перспективными для внедрения генеративного ИИ. Однако необходимо учитывать, что скорость внедрения технологии будет определяться как спросом со стороны отрасли, так и техническими

возможностями генеративного ИИ для повышения производительности труда. Например, в отраслях с высокой долей рутинных задач, таких как финансы или ИТ, генеративный ИИ может быстрее повысить производительность труда, чем в отраслях с низкой степенью автоматизации, таких как сельское хозяйство. Ранжирование отраслей по темпам изменения потребностей в кадрах позволяет государству более эффективно разрабатывать и реализовывать политику в области занятости, образования и технологического развития. Это помогает сосредоточить усилия на тех секторах, где дефицит кадров наиболее критичен и где внедрение технологий, таких как генеративный ИИ, может дать максимальный эффект. Для более точной оценки влияния генеративного ИИ на производительность труда необходимо построение прогноза развития рынка труда с учетом особенностей каждой отрасли.

Таблица 1. Ранжирование отраслей экономики в зависимости от темпов изменения потребностей в кадрах

Описание группы отраслей	Отрасль	Коэффициент b_1
Рост безработицы на 0,1% привел к росту уровня потребности на 0,9% и более	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений (E)	-24,205
	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги (N)	-22,255
	Обрабатывающие производства (C)	-10,88
	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха (D)	-10,497
	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (G)	-9,3103
Рост безработицы на 0,1% привел к росту уровня потребности на 0,1–0,9%	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение (O)	-6,6452
	Добыча полезных ископаемых (B)	-5,0797
	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (A)	-5,067
	Транспортировка и хранение (H)	-4,8209
	Строительство (F)	-4,3137
	Образование (P)	-2,6172
	Деятельность в области информации и связи (J)	-2,5889
	Деятельность профессиональная, научная и техническая (M)	-1,9203
	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений (R)	-1,571
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (I)	-1,2212	
Рост потребностей минимален, увеличение безработицы на 0,1% привело к росту уровня потребности менее чем на 0,1%	Предоставление прочих видов услуг (S)	-0,6985
	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (Q)	-0,4052
	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом (L)	0,2319
	Деятельность финансовая и страховая (K)	1,3308

Построение инерционного прогноза развития рынка труда

Традиционно для оценки потенциала влияния технологии используется аппарат производственных функций (Jones, 2016; Вавилова, Раян, 2024).

$$Y = AK^{\alpha}L^{\beta}$$

Построение функции Кобба – Дугласа по отраслям позволяет учитывать специфику отраслей. При классическом подходе возникает проблема эндогенности данных, когда капитал и труд коррелируют с ошибкой модели, что приводит к смещённым оценкам. Это может быть вызвано несколькими причинами, основными из которых являются корреляция между капиталом и трудом или нестационарностью данных, наличие неучтенных обратных связей, например, не только выпуск растет от величины капитала, но и капитал растет от величины выпуска, ошибки измерений и т. п. Например, расчеты коэффициентов уравнения $Y = AK^{\alpha}L^{\beta}$ для отрасли «деятельность по операциям с недвижимым имуществом» показали отрицательную степень β (когда численность занятых снижалась, а валовая добавленная стоимость росла), а при наложении ограничения $\alpha + \beta = 1$, которое обычно интерпретируется как условие постоянной отдачи от масштаба, $\beta = 0$. Такой результат может приводить к ложным выводам о независимости выпуска от численности занятых либо о наличии обратной зависимости. Подобные результаты по другим отраслям связаны с наличием эффекта мультиколлинеарности, эндогенности, а иногда с низкой вариативностью величины численности занятых. Действительно, значения труда и капитала в экономических данных зачастую трудно использовать в исходном виде, так как они являются нестационарными и эндогенными относительно модели. Это означает, что их уровни могут изменяться с течением времени под влиянием таких факторов, как экономический рост, инвестиции, демографические изменения и технологические инновации. Как правило, показатели капитала и труда имеют тенденции, что делает их временные ряды нестационарными. Для корректного использования данных в эконометрическом моделировании часто применяются такие методы, как проверка на коин-

теграцию и преобразование данных (например, разности), чтобы сделать их стационарными.

Часто вводится ограничение: сумма степеней в функции Кобба – Дугласа равна единице $\alpha + \beta = 1$. Обычно это интерпретируется как условие постоянной отдачи от масштаба. Проведенное исследование показало, что можно улучшить качество оценок функции Кобба – Дугласа путем использования подхода, когда обе части уравнения делят на величину численности занятых (Jones, 2016). По сути, такой подход позволяет исследовать производительность труда (в смысле отношения величины выпуска к численности занятых), исключив влияние общего количества работников, и сосредоточиться на отдаче от капитала и технологий.

$$\frac{Y}{L} = \frac{AK^{\alpha}L^{1-\alpha}}{L} = \frac{AK^{\alpha}}{L^{\alpha}} = A\left(\frac{K}{L}\right)^{\alpha}$$

На основе статистического анализа динамики отношения $\frac{Y}{L} = f(t)$ выявлено, как этот показатель зависит от времени. На *рисунке 4* приведен пример построения графика для отрасли (С) «Обрабатывающие производства». С учетом этого можно использовать данное свойство функции для прогнозирования отношения в будущих периодах, подобрав коэффициенты функции $P = f(t)$ на известных данных, а затем экстраполировав значения.

В нашем случае оценка производилась на данных с 2017 по 2022 год. В качестве величины выпуска Y по отрасли использованы значения валовых добавленных стоимостей (ВДС) по отраслям деятельности (в ценах 2021 г.), а величины трудовых ресурсов L – численность занятых по видам экономической деятельности. Таким образом, с помощью метода наименьших квадратов получаем уравнения для инерционного прогноза значений $\frac{Y}{L}$ для всех отраслей с соответствующими значениями качества модели (коэффициентами детерминации R^2) (*табл. 2*) и возможность одну из переменных использовать как параметр для сценарного моделирования второй переменной, то есть иметь оценки о значениях выпуска в зависимости от предполагаемых значений величины численности занятых и наоборот.

$$Y = PL$$

Рис. 4. График отношения $\frac{Y}{L}$ по отрасли (С) «Обрабатывающие производства»

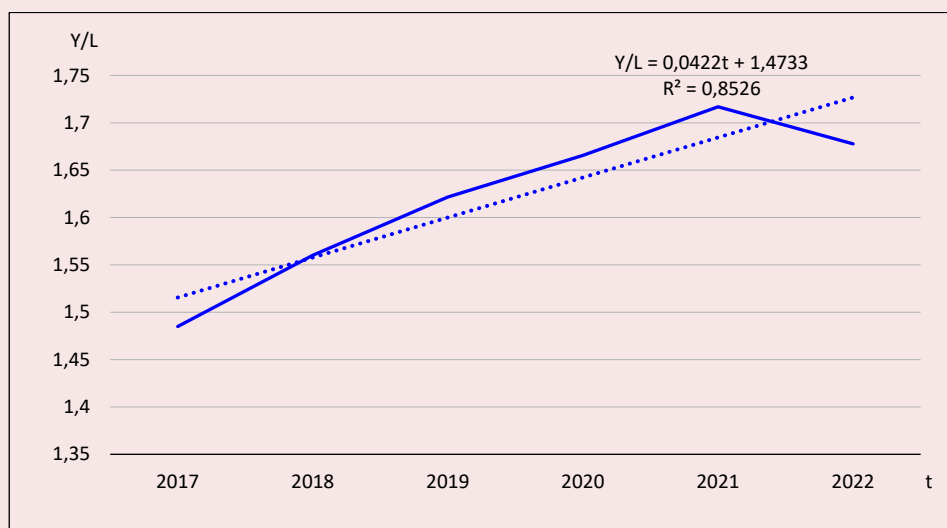

Таблица 2. Уравнения динамики отношения Y/L

Отрасль	Уравнение	Коэффициент детерминации R²
Сельское, лесное хозяйство (A)	$Y/L = 0,0554t + 0,9373$	$R^2 = 0,9833$
Добыча полезных ископаемых (B)	$Y/L = -0,1214t + 14,369$	$R^2 = 0,4538$
Обрабатывающие производства (C)	$Y/L = 0,0422t + 1,4733$	$R^2 = 0,8526$
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха (D)	$Y/L = 0,1155t + 1,2858$	$R^2 = 0,8908$
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов (E)	$Y/L = 0,0273t + 0,7042$	$R^2 = 0,8469$
Строительство (F)	$Y/L = 0,0058t + 0,8899$	$R^2 = 0,2528$
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (G)	$Y/L = 0,0008t + 1,1428$	$R^2 = 0,0008$
Транспортировка и хранение (H)	$Y/L = -0,0307t + 1,4976$	$R^2 = 0,5827$
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (I)	$Y/L = -0,0087t + 0,5974$	$R^2 = 0,0935$
Деятельность в области информации и связи (J)	$Y/L = 0,0721t + 1,7986$	$R^2 = 0,8782$
Деятельность финансовая и страховая (K)	$Y/L = 0,488t + 2,3556$	$R^2 = 0,9754$
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом (L)	$Y/L = 0,1601t + 5,852$	$R^2 = 0,9693$
Деятельность профессиональная, научная и техническая (M)	$Y/L = 0,0704t + 1,5051$	$R^2 = 0,9317$
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги (N)	$Y/L = -0,0271t + 1,4079$	$R^2 = 0,6924$
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение (O)	$Y/L = 0,0813t + 1,9488$	$R^2 = 0,8192$
Образование (P)	$Y/L = 0,0025t + 0,6841$	$R^2 = 0,2058$
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (Q)	$Y/L = 0,0198t + 0,8399$	$R^2 = 0,5891$
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений (R)	$Y/L = 0,0283t + 0,8703$	$R^2 = 0,5452$
Предоставление прочих видов услуг (S)	$Y/L = 0,0056t + 0,343$	$R^2 = 0,3488$

Использование предложенного подхода позволило получить уравнения с высокими коэффициентами детерминации (более 0,8) для большинства отраслей. Низкие значения коэффициентов детерминации (менее 0,5) получены только в таких отраслях, как строительство (как отрасли, чувствительной к изменениям в экономике), а также в отраслях, на которые повлияла пандемия коронавируса (торговля, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания и образование) и которые сильно зависят от внешних факторов (добыча полезных ископаемых).

Построение прогноза развития рынка труда с учетом влияния технологии генеративного ИИ

Далее сосредоточимся на оценке изменений показателей выпуска под воздействием внедрения технологии генеративного ИИ, учитывая необходимость анализа существующих причинно-следственных зависимостей. Очевидно, что если генеративный ИИ способен автоматизировать некие трудовые функции, то в первую очередь необходимо определить влияние технологии на производительность труда. Возникает необходимость ввода понятия «эффективное количество занятых» или «эффективная численность занятых». Если эффективность сотрудника вырастет в $1+k$ раз, то мы будем говорить, что k – параметр, который показывает уровень повышения эффективности (производительности) за счет использования генеративного ИИ и новая суммарная производительность той же самой численности занятых, выросшая только за счет генеративного ИИ, будет называться эффективной численностью занятых. Также следует учесть степень проникновения технологии. Действительно, эффективность будет различной в зависимости от отрасли, так как в разных отраслях разное количество задач, которые будут подвержены влиянию генеративного ИИ (Отоцкий, Поспелова, 2024).

В статье «Artificial Intelligence, Automation, and Work» (Acemoglu, Restrepo, 2018) авторы используют следующую классическую производственную функцию, разделяя труд на автоматизируемые и неавтоматизируемые задачи $Y = f(L, K, A)$, где: Y – общий выпуск продукции, L – труд (суммарные затраты труда), K – капитал, A – уровень автоматизации. Производственная функция может быть детализирована для учета автоматизируемых (M) и

неавтоматизируемых (N) задач $Y = f(M, N, K)$, где M – задачи, которые могут быть автоматизированы, N – задачи, которые не могут быть автоматизированы.

Если рассматривать генеративный ИИ как один из способов автоматизации труда, то можно использовать подход (Acemoglu, Restrepo, 2018) для модификации формулы $Y = PL$ для учета влияния генеративного ИИ:

$$Y^* = PL^* = P(akL + (1 - a)L),$$

где a – степень проникновения генеративного ИИ в ту или иную отрасль; под степенью проникновения в отрасль подразумевается доля сотрудников, использующих генеративный ИИ в работе; понятно, что в зависимости от отрасли будет разная степень проникновения технологии, потому что этот показатель характеризует долю автоматизируемых задач, и степень проникновения далека от 100%; даже в отрасли «деятельность в области информации и связи» предполагается, что она не превысит 50% к 2030 году, а в некоторых отраслях, таких как сельское хозяйство, строительство и т. п., не превысит 10%;

k – повышение эффективности (производительности) за счет использования генеративного ИИ. Коэффициент задан как константа, т.к. в рамках данной работы потенциал влияния технологии оценивался с учетом текущего уровня её развития. Существует три основных точки зрения относительно дальнейшей скорости развития технологии:

1) продолжение стремительного развития до уровня сильного ИИ; Мира Мурати (технический директор OpenAI) заявила, что интеллект GPT-5 в 2025/2026 годах достигнет уровня PhD;

2) сатурация уровня интеллектуального уровня генеративного ИИ на текущем уровне с учетом использования современной архитектуры нейронных сетей, объемов данных и доступных вычислительных мощностей (Widder, Nicks, 2024);

3) гипотеза разочарования в ИИ и переход к «третьей зиме ИИ» со спадом популярности технологии (Cahn, 2024).

В связи с высокой степенью неопределенности задача прогноза развития технологии оставлена вне данного исследования. Принимается вторая гипотеза (сатурация уровня тех-

нологии на текущем уровне), оценен экономический эффект от массового применения технологии в том виде, в котором она доступна на текущий момент.

За основу оценок произведений ak , как эффекта от генеративного ИИ в отрасли, взяты оценки McKinsey⁵. Затем для каждой отрасли экспертно определена величина k с учетом опыта российских компаний и существующих исследований⁶. На основе этого оценены начальные значения a . Динамика изменения величины a в период с 2023 по 2030 год моделируется логистической кривой, при этом максимальные значения также заданы экспертно.

На основе оценок степени проникновения и эффективности использования генеративного ИИ по отраслям можно оценить эффективную численность занятых L^* в каждой из отраслей. Возникает возможность использования сценарного подхода и параметрического моделирования, когда в описанной системе мы можем оценивать ожидаемую величину выпуска по отраслям на основе эффективной численности занятых либо, наоборот, оценивать необходимую численность занятых, которая мо-

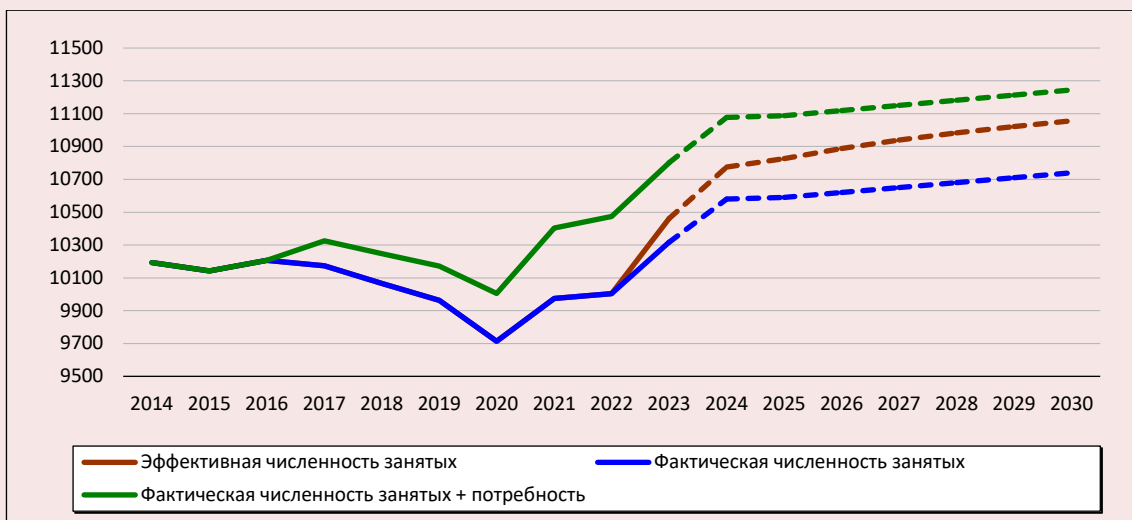
жет обеспечить планируемый уровень выпуска с учетом предположений об уровне проникновения технологии, и т. п.

Как указывалось выше, помимо учета численности занятых L необходимо учитывать потребности V , тогда для каждой отрасли можем построить график динамики значений фактической численности занятых L , эффективной численности занятых L^* и суммы фактической численности занятых и потребности $L + V$.

Возникает возможность использования сценарного подхода и параметрического моделирования, когда в описанной системе мы можем оценивать необходимый уровень проникновения технологии для получения определенного заданного эффекта либо, наоборот, оценивать возможный эффект с учетом предположений об уровне проникновения технологии, и т. п.

Проведенные расчеты показали, что генеративный ИИ может снизить существующий кадровый голод в некоторых областях и его влияние не превысит существующие на данный момент потребности в кадрах. На рисунках 5, 6 показан пример динамики численности занятых и динамика потребности в кадрах на примере отрасли (С) «Обрабатывающие производства».

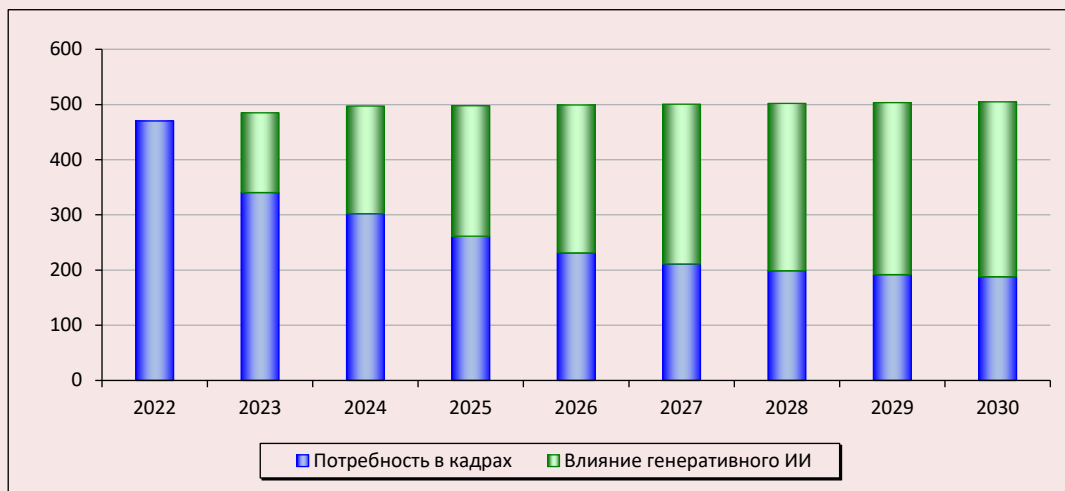
Рис. 5. Динамика численности занятых для отрасли (С) «Обрабатывающие производства», тыс. человек

⁵ The Economic Potential of Generative AI. McKinsey Report, January 2023.

⁶ Turning GenAI Magic into Business Impact. Available at: <https://www.bcg.com/publications/2023/maximizingthe-potential-of-generative-ai> (accessed: February 16, 2024); Goldman Sachs: Upgrading Our Longer-Run Global Growth Forecasts to Reflect the Impact of Generative AI (Briggs/Kodnani); The Economic Potential of Generative AI. McKinsey Report, January 2023.

Рис. 6. Динамика потребности в кадрах отрасли (С) «Обрабатывающие производства», тыс. человек

На примере прогноза динамики численности занятых и динамики потребности в кадрах для отрасли (К) «Деятельность финансовая и страховая» (рис. 7, 8) показано, как в ряде отраслей влияние генеративного ИИ может превысить существующие потребности в кадрах (торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; деятельность в области информации и связи; деятель-

ность финансовая и страховая; деятельность профессиональная, научная и техническая; образование; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений). Превышение эффективной численности занятых над потребностями может привести к росту выпуска отрасли выше прогнозных значений либо к уменьшению фактической численности занятых в отдельных отраслях.

Рис. 7. Динамика численности занятых для отрасли (К) «Деятельность финансовая и страховая», тыс. человек

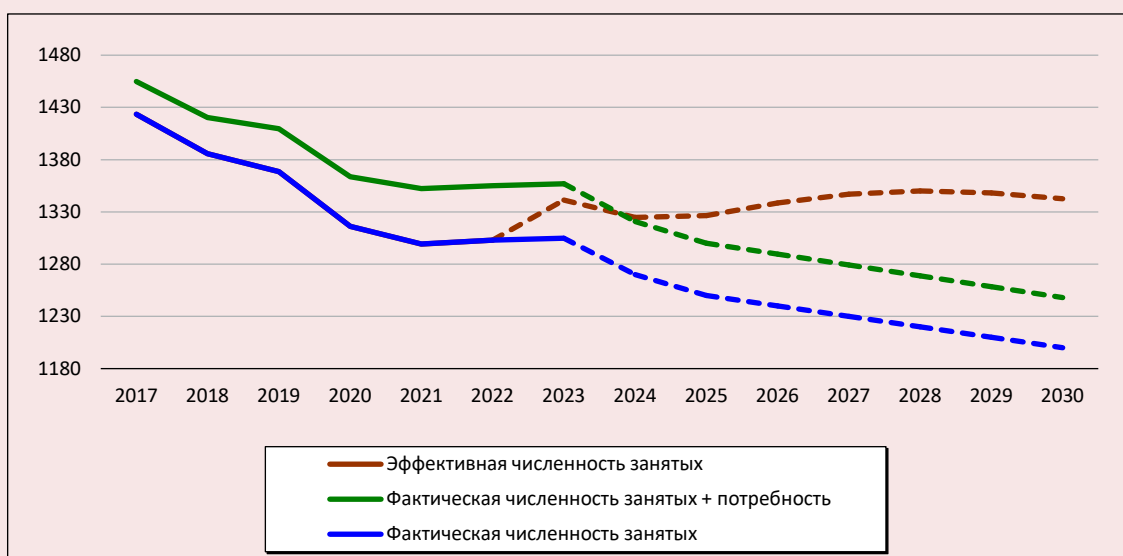
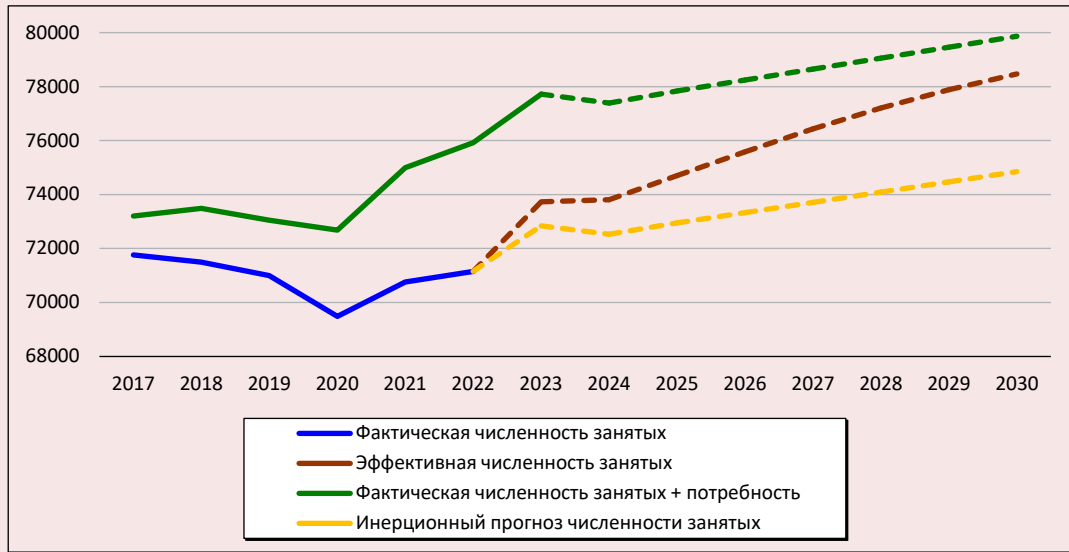

Рис. 8. Динамика агрегированных данных о численности занятых по отраслям (А-S), тыс. человек

На рисунке 9 отражено суммарное влияние генеративного ИИ на рынок труда. Видно, что с учетом влияния генеративного ИИ, согласно оценке степени проникновения технологии в отрасли и оценок эффективности технологии, можем ожидать, что существующая нехватка кадров может быть нивелирована примерно на 80%, при этом можем ожидать рост выпуска

(суммы ВДС по отраслям А-S) на 2,5% к 2030 году. Данный сценарий подразумевает, что численность занятых будет соответствовать инерционному прогнозу, а рост выпуска обеспечивается увеличением эффективной численности занятых. Существует сценарий, когда повышение эффективности труда не только закрывает потребность отдельной отрасли, но и приведет к

Рис. 9. Сценарии увеличения объема выпуска (суммы ВДС по отраслям А-S) с учетом генеративного ИИ, млрд руб.

высвобождению части занятых, к их перетоку в другие отрасли, где ожидается сохранение потребности в кадрах. Графики инерционного прогноза и прогноза значений величины выпуска с учетом влияния генеративного ИИ образуют суперпозицию сценариев, то есть некую область возможных значений.

Заключение

В заключение отметим, что влияние генеративного ИИ на рынок труда является актуальной темой. Проведенные расчеты основаны на данных Росстата, прогнозах Минэкономразвития РФ и Министерства труда РФ, оценках McKinsey, BCG и других аналитических агентств. Они подтверждают, что внедрение генеративного ИИ является мощным драйвером не только для повышения производительности, но и для серьезного структурного изменения рынка труда. Модифицированная функция Кобба – Дугласа, использованная в исследовании, продемонстрировала, что в ряде отраслей влияние технологии может существенно изменить баланс рабочих мест, особенно в отраслях, где по полученным оценкам выше уровень проникновения технологии и рост эффективности труда (торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; деятельность в области информации и связи; деятельность финансовая и страховая; деятельность профессиональная, научная и техническая; образование; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений). В сумме эти отрасли формируют более 25% ВВП.

Одним из ключевых выводов исследования является необходимость управления эффектами от внедрения технологий, которая может закрыть 80% текущей нехватки рабочих мест. Адаптивная способность рынков будет зависеть от того, насколько быстро государство и компании смогут интегрировать новые технологии в экономику. Прогнозы показывают, что при массовом применении генеративного ИИ технология позволит не только нивелировать нехватку кадров, но и обеспечить общий рост ВВП на 2,5%. Графики инерционного прогноза и прогноза значений величины выпуска с учетом влияния генеративного ИИ образуют

суперпозицию сценариев, то есть некую область возможных значений. Такие результаты подтверждают необходимость комплексного подхода, который должен включать программы переподготовки кадров и активное внедрение новых технологий во всех секторах экономики.

Таким образом, в нашем исследовании генеративный ИИ рассматривается не как инструмент замены труда человека, а как инструмент повышения эффективности (производительности) труда. Генеративный ИИ на существующем уровне развития технологии позволяет сэкономить до 15–25% времени сотрудников на выполнение рутинных задач, связанных с обработкой и анализом текстовой информации. Доля сотрудников, выполняющих такую работу, в различных отраслях экономики достигает 10, 30 и 50% в зависимости от специфики отрасли, что является потенциалом для применения генеративного ИИ в экономике.

Предложенный подход является первичной оценкой влияния технологии генеративного ИИ на рынок труда, которая, естественно, не может учесть все возможные структурные изменения экономики. Возможные изменения баланса настолько существенные, что изменяют точки экономического равновесия и множество обратных связей, которые необходимо будет учитывать в дальнейшем, однако предложенный метод оценки влияния технологии может лежать в их основе, он устойчив по отношению к изменению экспертных оценок исходных параметров модели и даёт начальную оценку трансформации занятости в отраслях экономики, от которой можно отталкиваться в дальнейших исследованиях.

Перспективным видится анализ изменений рынка труда под влиянием генеративного ИИ в разрезе профессий. Возникает задача моделирования процессов изменения баланса трудовых ресурсов с точки зрения не только занятости по отраслям, но и по профессиям, т. к., по всей видимости, можно предположить, что будут переходы людей не только из отрасли в отрасль, но и внутри отраслей, а переходы из отрасли в отрасль могут сопровождаться сменой профессии.

Литература

- Аверьянов А.О., Степутьев И.С., Гуртов В.А. (2023). Прогноз кадровой потребности для сферы искусственного интеллекта в России // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 129–143.
- Алехин Б.И. (2024). Кривая Бевериджа о рынке труда в России // Социально-трудовые исследования. № 1 (54). С. 47–59.
- Вавилова Д.Д., Раян З. (2024). Анализ, моделирование и прогнозирование динамики валового регионального продукта на основе производственной функции // Экономика. Информатика. Т. 51. № 1. С. 5–17.
- Гачаев А.М., Мурадова П.Р., Хакимова М.Р. (2023). Анализ проблем искусственного интеллекта в среде облачных вычислений // Индустриальная экономика. № 2. С. 124–127.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (2022). Рутинность и риски автоматизации на российском рынке труда // Вопросы экономики. № 8. С. 68–94. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-68-94>
- Капелюшников Р.И. (2023). Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов // Вопросы экономики. № 8. № 5–37. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37>
- Капелюшников Р.И. (2024). Экспансия вакансий на российском рынке труда: динамика, структура, триггеры // Вопросы экономики. № 7. С. 81–111. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-7-81-111>
- Отоцкий П.Л., Горлачева Е.А., Поспелова Е.Н. (2024). Влияние генеративного искусственного интеллекта на отраслевую производительность в контексте российской экономики // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. № 4. С. 80–93. DOI: [10.18384/2949-5024-2024-4-80-93](https://doi.org/10.18384/2949-5024-2024-4-80-93)
- Сулумов С.Х. (2022). Проблемы рынка труда в условиях цифровизации экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. № 7. С. 206–209.
- Acemoglu D., Restrepo P. (2018). Artificial intelligence, automation, and work. In: *The Economics of Artificial Intelligence: An Agenda*. University of Chicago Press.
- Al Naqbi H., Bahroun Z., Ahmed V. (2024). Enhancing work productivity through generative artificial intelligence: A comprehensive literature review. *Sustainability*, 16(3), 1166.
- Autor D. (2022). The labor market impacts of technological change: From unbridled enthusiasm to qualified optimism to vast uncertainty. *National Bureau of Economic Research*, w30074.
- Bonthuis B., Jarvis V., Vanhala J. (2016). Shifts in euro area Beveridge curves and their determinants. *IZA Journal of Labor Policy*, 5, 1–17.
- Broecke S. (2023). Artificial intelligence and labour market matching. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, 284. OECD Publishing, Paris. DOI: <https://doi.org/10.1787/2b440821-en>
- Brynjolfsson E., Li D. (2024). *The Economics of Generative AI*. Available at: <https://www.nber.org/reporter/2024number1/economics-generative-ai>
- Brynjolfsson E., Li D., Raymond L.R. (2023). Generative AI at work. *National Bureau of Economic Research*, w31161.
- Cahn D. (2024). AI's \$600B question. *SEQUOIA*. Available at: <https://www.sequoiacap.com/article/ais-600b-question/>
- Destefanis S. et al. (2020). The Beveridge curve in the OECD before and after the great recession. *Eurasian Economic Review*, 10(3), 411–436.
- Eiras F. et al. (2024). *Near to Mid-term Risks and Opportunities of Open Source Generative AI*. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2404.17047>
- Ellingrud K. et al. (2023). *Generative AI and the Future of Work in America*. McKinsey Global Institute.
- Eloundou T., Manning S., Mishkin P., Rock D. (2023). *GPTs are GPTs: An Early Look at the Labor Market Impact Potential of Large Language Models*. arXiv.
- Gambacorta L., Qiu H., Shan S., Rees D.M. (2024). *Generative AI and Labour Productivity: A Field Experiment on Coding (No. 1208)*. Bank for International Settlements.
- Gupta R. et al. (2024). Adoption and impacts of generative artificial intelligence: Theoretical underpinnings and research agenda. *International Journal of Information Management Data Insights*, 4(1), 100232.
- Haapanala H., Marx I., Parolin Z. (2023). Robots and unions: The moderating effect of organized labour on technological unemployment. *Economic and Industrial Democracy*, 44(3), 827–852.
- Jones C.I. (2016). The facts of economic growth. *Handbook of Macroeconomics*, 2, 3–69.

- Kalish I., Wolf M. (2023). *Generative AI and the Labor Market: A Case for Techno-Optimism*. Deloitte Global Economics Research Center. Available at: <https://www2.deloitte.com/xe/en/insights/economy/generative-ai-impact-on-jobs.html> (accessed: August 1, 2024).
- Kolade O., Owoseni A. (2022). Employment 5.0: The work of the future and the future of work. *Technology in Society*, 71, 102086.
- Panetta K. (2017). Top trends in the hype cycle for emerging technologies. *Smarter with Gartner*. Available at: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/top-trends-in-the-gartner-hype-cycle-for-emerging-technologies-2017>
- Szabó-Szentgróti G., Végvári B., Varga J. (2021). Impact of Industry 4.0 and digitization on labor market for 2030-verification of Keynes' prediction. *Sustainability*, 13(14), 7703.
- Wach K. et al. (2023). The dark side of generative artificial intelligence: A critical analysis of controversies and risks of ChatGPT. *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 11(2), 7–30.
- Webb M. (2019). *The Impact of Artificial Intelligence on the Labor Market*.
- Widder D.G., Hicks M. (2024). *Watching the Generative AI Hype Bubble Deflate*. Available at: arXiv preprint arXiv:2408.08778

Сведения об авторах

Ринат Васильевич Файзуллин – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82; e-mail: fayzullin-rv@ranepa.ru)

Петр Леонидович Отоцкий – кандидат физико-математических наук, руководитель отдела, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82; e-mail: ototskiy-pl@ranepa.ru)

Евгения Николаевна Горлачева – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82; e-mail: gorlacheva-en@ranepa.ru)

Екатерина Андреевна Пospelова – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82; e-mail: pospelova-ea@ranepa.ru)

Екатерина Сергеевна Харитоновна – ведущий специалист, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82; e-mail: kharitonova-es@ranepa.ru)

Faizullin R.V., Ototsky P.L., Gorlacheva E.N., Pospelova E.A., Kharitonova E.S.

Assessing the Impact of Artificial Intelligence on Russian Labor Market Development Scenarios: Industry Analysis

Abstract. Artificial intelligence has become an essential element of technological progress, while generative artificial intelligence occupies a special place as an innovative general-purpose technology. Given the rapid development of this technology and its high potential for mass adoption in various economic sectors, it becomes important to assess the impact of this technology on the labor market. The modern Russian labor market is characterized by low unemployment, staff shortages, and intersectoral imbalances. An urgent scientific task is to model scenarios for the development of the labor market in the context of

sectors, taking into account the influence of generative artificial intelligence. The aim of the work is to assess the potential impact of the mass use of generative artificial intelligence on the labor market, due to changes in labor efficiency in some professions and industries, based on the analysis of statistical and expert data and economic and mathematical modeling of possible scenarios for the development of the labor market. Economic sectors were divided into three groups depending on the rate of change in personnel needs, based on the analysis of the Beveridge curve, which shows the dependence of the level of needs on the unemployment rate. Using existing statistical data and expert assessments, we determine the degree of influence of generative artificial intelligence on labor efficiency in various industries. We put forward an approach that helps to obtain estimates of possible scenarios for the development of sectoral labor markets for the period up to 2030, based on official forecasts of ministries (Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Ministry of Labor of the Russian Federation) for the period up to 2026, their extrapolation, and superimposition of the impact of mass use of generative artificial intelligence (as a disturbing effect). The results obtained suggest that the severity of staff shortage issue in general can be partially reduced by using generative artificial intelligence; thus, we identified industries in which (a) it is possible to address the problem of staff shortage at the current level of needs, and (b) staff shortage will persist. Modeling the migration of professions and personnel between industries seems promising, because the expected effect of mass technology adoption will not only change the balance of labor resources, but also lead to the need to re-profile some of the personnel.

Key words: general-purpose technology, generative artificial intelligence, large language models, labor market, personnel shortage, scenario modeling.

Information about the Authors

Rinat V. Faizullin – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: fayzullin-rv@ranepa.ru)

Peter L. Ototsky – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), head of department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: ototskiy-pl@ranepa.ru)

Evgeniya N. Gorlacheva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: gorlacheva-en@ranepa.ru)

Ekaterina A. Pospelova – Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: pospelova-ea@ranepa.ru)

Ekaterina S. Kharitonova – Leading Specialist, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: kharitonova-es@ranepa.ru)

Статья поступила 30.09.2024.

Эффективность накопления основного капитала в России: тенденции и сценарии

Игорь Анатольевич

БУДАНОВ

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: budanov@ecfor.ru

ORCID: 0000-0002-5617-2114; ResearcherID: AAX-2242-2021

Василий Сергеевич

УСТИНОВ

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: ustinovvs@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3394-0843; ResearcherID: AAX-1822-2021

Аннотация. Разработка новых методов и подходов к оценке результатов долгосрочного экономического развития является актуальной задачей в рамках анализа и прогнозирования развития отраслей и отраслевых комплексов. В статье обосновывается подход к изучению процесса накопления капитала через полноту использования имеющихся ресурсов. На основе данных о динамике потребления металла показаны особенности валового накопления основного капитала. Рассмотрены изменения в экономическом развитии России и выделены три периода в накоплении богатства страны, оцениваемого по показателям металлического фонда (кризисная ситуация 1990-х годов, восстановительный рост ВВП в 2000–2013 годах, становление нового механизма воспроизводства основного капитала начиная с 2014 года). Выделены предпосылки образования дисбалансов в инвестиционно-фондовом процессе, связанные с приумножением

Для цитирования: Буданов И.А., Устинов В.С. (2025). Эффективность накопления основного капитала в России: тенденции и сценарии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 190–205. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.11

For citation: Budanov I.A., Ustinov V.S. (2025). Fixed capital formation effectiveness in Russia: Trends and scenarios. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 190–205. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.11

богатства страны. Показано, что ограничения на привлечение ресурсов из-за рубежа и отсутствие надежной отечественной инвестиционной базы определяют ключевые проблемы отечественного механизма накопления капитала. Проведена группировка стран мира по показателям накопления капитала, включая наличие ресурсов для накопления капитала и наличие благоприятных условий для коммерческого использования вложений. Обоснована необходимость повышения эффективности управления накоплением капитала в России. Авторами подчеркивается, что вложения в инвестиционный комплекс страны могут стать эффективными только при пересмотре действующих критериев оценки эффективности экономической деятельности. Дана характеристика позитивного и негативного вариантов развития отечественной системы накопления капитала в среднесрочной перспективе. В качестве необходимого элемента позитивного варианта среднесрочного прогноза выделяется государственное управление инвестиционно-фондовым процессом.

Ключевые слова: инвестиции в основной капитал, конечное потребление металла, накопление богатства, воспроизводственный подход, инвестиционно-фондовый процесс.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00470, <https://rscf.ru/project/23-28-00470/>.

Введение

Оценка результатов долгосрочного экономического развития имеет принципиальное значение для организации управления, прогнозирования процессов в отраслях и комплексах. В качестве более общего параметра, характеризующего динамику развития экономики, можно рассматривать накопление основного капитала как ключевого элемента увеличения богатства страны (Кириченко, 1964; Моделирование цикла..., 1988; Смит, 2022). Результативность данного процесса следует оценивать через полноту использования имеющихся ресурсов (финансовых, материальных, трудовых, интеллектуальных), необходимых для вложений в основной капитал. Соответственно, анализ тенденций валового накопления основного капитала на базе данных макроэкономической статистики может быть дополнен данными о динамике потребления металла и оценками изменения металлофонда страны (Зусман, 1982).

Эффективность накоплений в России находится на низком уровне и не меняется на протяжении многих лет при сохранении негативных тенденций в отраслях (Ханин, Фомин, 2017). Согласно данным Росстата, отношение инвестиций в основной капитал к ВВП в 2014–2022 гг. варьировалось в небольшом диапазоне от 19,9% (2021 г.) до 21,5% (2020 г.), в то время

как отношение валового сбережения к ВВП выросло с 24,6% в 2014 году до 31,8% в 2022 году. Отношение валового накопления основного капитала к валовым сбережениям, составлявшее в 2014 и 2016–2017 гг. более 85%, сократилось до 64–65% в 2021–2022 гг.

Наблюдается существенная дифференциация между видами экономической деятельности по степени использования собственного инвестиционного ресурса (чистая прибыль плюс амортизация) на инвестиции в основной капитал. Если в машиностроительных видах деятельности в 2014–2018 гг. и в 2022 году наблюдалась нехватка собственного инвестиционного ресурса для финансирования инвестиций, то в обрабатывающих производствах в целом и в отраслях комплекса конструкционных материалов в частности в 2015–2022 гг. собственный инвестиционный ресурс использовался примерно наполовину (на 54 и 48% соответственно; табл. 1).

Необходимо разобраться, почему, казалось бы, естественное развитие событий – процесс приумножения богатства в стране – идет с большими трудностями. Для этого целесообразно рассмотреть изменения в экономическом развитии России, влияющие на процесс накопления капитала, на протяжении длительного периода времени.

Таблица 1. Эффективность накопления капитала в РФ на разных уровнях управления, %

Показатель	2014	2016	2018	2020	2022
Отношение валового накопления основного капитала к валовым сбережениям	87,2	87,3	71,4	83,8	65,2
Отношение инвестиций в основной капитал к собственному инвестиционному ресурсу (чистая прибыль + амортизация) по видам экономической деятельности:					
обрабатывающие производства	1,12	0,56	0,63	0,63	0,43
комплекс строительных материалов	2,01	0,50	0,62	0,52	0,45
машиностроительные виды деятельности	2,26	1,05	1,48	0,87	1,04
Рассчитано по: Инвестиции в России. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 229 с.; ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/					

Особенности используемого методического подхода

Процессы материализации капитала в стране и зоны накопления капитала в мировой экономике предлагается оценивать на основе показателей потребления стали, динамика которых отражает результаты инвестиционной деятельности. Информационную базу исследования составляют данные Росстата (динамика инвестиций, валового накопления, производства черных металлов в РФ) и World Steel Association (показатели производства, потребления и внешней торговли продукцией черной металлургии по странам мира). В качестве базового показателя потребления металла используется *видимое потребление стали (apparent steel use)*, рассчитываемое как производство плюс чистый импорт стальной металлопродукции (Буданов, Устинов, 2020). В отличие от традиционных подходов изучение натурально-вещественного наполнения инвестиций позволяет сформулировать требования к развитию действующего воспроизводственного механизма.

Проблема сопоставимости данных об изменении основных фондов относится к числу важнейших при оценках накопленного капитала. При переходе органов статистики на смешанный метод оценки основных фондов усилилась критика официальной информации. Исследовательские модели регрессионного типа (Суворов и др., 2022; Ханин, Фомин, 2017) выявляют спорные моменты в динамике основного капитала, связанные с виртуальными составляющими переоценки основных фондов в процессе перепродажи активов, с эффектами изменения правил постановки активов на учет. Возможности использования этих моделей при решении прогностических задач сведены к констатации имеющихся трендов. Использование

данных о динамике конечного потребления металла в стране не только решает проблему сопоставимости информации об инвестициях и вводах основных фондов за достаточно продолжительный период времени, но и позволяет выявлять проблемные узлы в инвестиционно-фондовом процессе.

Периодизация экономического развития страны с точки зрения тенденций накопления богатства

Выделим три периода в накоплении богатства страны, оцениваемого по показателям металлического фонда: кризисная ситуация 1990-х годов, восстановительный рост 2000–2013 гг. и становление нового механизма накопления капитала с 2014 года.

При всей *кризисности ситуации 1990-х годов* с формированием ВВП (снижение на 39% в 1999 г. к уровню 1990 г.) богатство страны, оцениваемое по данным об обороте металла, изменилось незначительно (снижение абсолютного объема накопленного металлофонда примерно на 2–3%) (Буданов, 2002).

Уменьшение объема металлоинвестирования (внутреннее потребление готового проката сократилось более чем в 3 раза в 2000 г. к уровню 1990 г.) происходило параллельно с сокращением выбытия основных фондов из эксплуатации (коэффициент выбытия основных фондов снизился с 1,8% в 1990 г. до 0,9% в 1999 г., то есть в 2 раза). Была разрушена дореформенная модель обновления основного капитала, в которой до 90% вкладываемого ресурса шло на замену выбывающих машин и оборудования (Буданов, 2002). Изменение механизма поддержания основных фондов в эксплуатации включало мобилизацию складских запасов ресурсов (на начало 1990-х годов складские запасы неустановленного оборудования почти в 5 раз

превышали текущие поставки для инвестиционных нужд). Принимались меры по повышению ресурса эксплуатации оборудования.

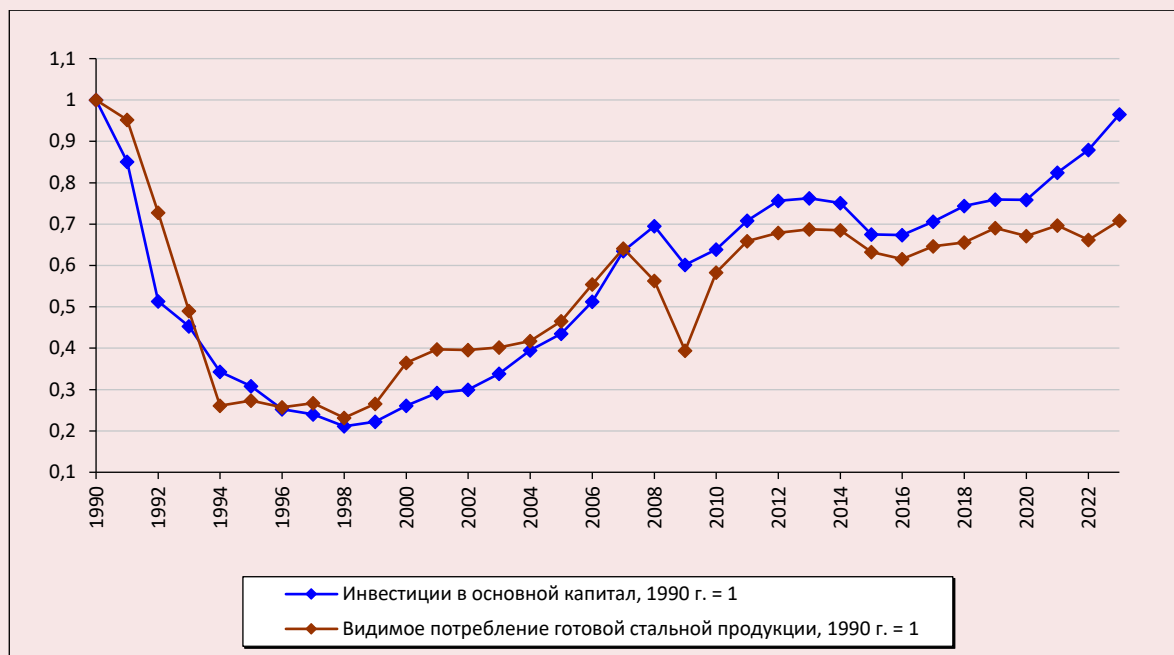
Радикальное изменение условий накопления капитала привело к снижению интереса к ранее приоритетным точкам накопления капитала и объектам социальной сферы. Санации были подвергнуты активы, связанные с оборонными нуждами и социальной инфраструктурой предприятий. В промышленности шло перепрофилирование производства под новые тенденции спроса. Секторальный кризис, приватизация общественного богатства характеризовали структурные изменения в экономике России. Детские сады становились офисными помещениями, предприятия – складскими помещениями, то есть ранее созданный капитал использовался по новому назначению.

Вывоз основного капитала из страны, согласно оценкам экспорта машин, оборудования и металлолома (включая военное имущество), составлял около 6–8 млн т в год, то есть происходил в относительно небольших масштабах (менее 0,3% металлофонда страны). Параллельно шло привлечение ресурсов из-за рубежа

для накопления капитала, включая поддержанные иномарки, высокотехнологичные линии по производству товаров потребительского назначения (алкоголь, табак, бытовая химия, пищевая продукция, складское оборудование и др.).

Показательно, что на начало 2000-х годов богатство на душу населения, выраженное в логике потенциальных продаж, оценивалось в РФ в 6 раз больше, чем в США, в 20 раз выше, чем в ФРГ, и в 80 раз выше, чем в КНР. По производственному капиталу на душу населения и трудовой составляющей национального богатства Россия отставала от США (соответственно, в 2,3 и 1,8 раза), но при достаточно близких параметрах со странами ЕС (Валентей, Нестеров, 2000; Львов, 2003). Сокращение инвестирования в 1990-е годы, оцениваемое как по динамике физических объемов инвестиций в основной капитал, так и по показателю видимого потребления готовой стальной продукции (рис. 1), стало следствием отказа от планового управления вложениями, уменьшения финансовых возможностей экономики, переориентации бизнеса на зарубежный инвестиционный комплекс (Гладышевский, 2004).

Рис. 1. Динамика инвестиций и потребления стали в России

Рассчитано по: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial; World Steel Association.

Таким образом, в процессе реформ 1990-х годов были упущены имеющиеся возможности для эффективного накопления капитала в стране, снизился уровень использования имеющегося производственного потенциала, но по масштабу накопленного богатства РФ оставалась одной из ведущих экономик мира (Сильвестров, Порфирьев, 2008).

Процессы восстановительного роста ВВП 2000–2013 годов, включая легализацию теневых схем, расширение перечня платных благ и т.п., шли параллельно с формированием новой модели воспроизводства капитала в стране (Восстановление экономического роста..., 2016; Широков, 2023). Большое значение имело создание новых точек для вложения капитала (бизнес с иностранным участием, формируемый на основе лизинга аграрный бизнес, сфера современных коммуникационных технологий, государственные мегапроекты и зоны действия федеральных программ). После приватизации имущества природный и социальный капитал становился источником для текущего извлечения доходов как бизнесом, так и государством. Материальный капитал становился стратегическим носителем рентных доходов бизнеса. Росла ценность активов как источника доступа к ресурсам страны, их вовлечения в экономический оборот. Отечественная инвестиционная база стала важным элементом накопления капитала в других странах мира в сфере атомной энергетики, прокладки трубопроводного транспорта, метро- и мостостроения. При действовавшем инвестиционном механизме для государства было привлекательным размещение финансового капитала (фонды) за рубежом, для бизнеса и граждан – материализация накоплений в активах других стран.

Экономический рост 2000-х годов носил металлоемкий характер (при росте ВВП на 60% реальное потребление металла в стране возросло в 2,15 раза) (Буданов, Устинов, 2020). В условиях экономического роста удавалось поддерживать вложения, достаточные для компенсации выбытия основных фондов в приоритетных секторах (базовые и экспортно ориентированные) (Буданов, 2002). Низкие уровни использования мощностей в депрессивных производствах (менее 25%) указывали на «омертвление» основного капитала, но не на его выбытие, в том числе ввиду отсутствия средств на утили-

зацию. Постепенно устранялись негативные явления с поддержанием основных фондов в бесприбыльных секторах экономики. Положительную роль для уменьшения безвозмездного выбытия активов сыграли ограничения по экспорту металлолома (уменьшение экспортного потока с 12,8 млн т в 2004 г. и 12,65 млн т в 2005 г. до 2,4 млн т в 2009 г. и 4 млн т в 2010 г.¹).

К неоднозначным результатам привел процесс совершенствования государственного механизма управления богатствами страны. Отмечалась утрата органами государственного управления контроля над ранее накопленным капиталом (оптимизация социальной сферы), репрофилированием активов. Завершался «приватизационный период», наступил «период передела собственности», что обеспечило рост коммерческой стоимости основного капитала (Паппэ, 2002). Эффективность накоплений в сравнении с 1990-ми годами возросла. Отношение валового накопления основного капитала к валовым сбережениям увеличилось с 46,6% в 2000 г. до 69,5% в 2008 г., а норма инвестирования в основной капитал выросла с 15,9% в 2000 г. до 21% в 2008 г.² Данный процесс сопровождался двузначными темпами роста инвестиций в основной капитал (на 17,8% в 2006 г., на 23,8% в 2007 г., в сопоставимых ценах). К началу 2010-х годов инвестиционный рост в РФ столкнулся с ресурсными ограничениями. Прирост физического объема инвестиций на 19,3% за 2010–2013 гг. сопровождался приростом реального потребления готовой стальной продукции на 9,5 млн т (с 42,8 млн т в 2010 г. до 52,3 млн т в 2013 г.) и увеличением чистого импорта металлосодержавшей продукции с 6 млн т в 2010 г. до 8,9 млн т в 2013 г. (9,6 млн т в 2012 г.).

Для воспроизводства основного капитала была сформирована модель инвестиционного развития России с разменом ресурсов на глобальном рынке. При относительно низком объеме иностранных инвестиций³ внешнеторговый

¹ По данным UN Comtrade. URL: <https://comtradeplus.un.org/>

² Инвестиции в России. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2009. 323 с.

³ Инвестиции в основной капитал организаций с иностранной формой собственности в 2010–2013 гг. составляли 6–9% в общем объеме инвестиций в основной капитал в РФ, доля организаций с совместной российской и иностранной формой собственности составляла 6–8%.

оборот металла и металлосодержащей продукции в рамках данной модели в 2012–2013 гг. превышал 200 млрд долл. В начале 2010-х годов экспорт черных металлов из РФ в различных формах (руда, лом, прокат, трубы, готовые металлические изделия) достигал 27–28 млрд долл. в год, в то время как импорт в РФ металлосодержащей продукции (машины, оборудование, транспортные средства) в 2012–2013 гг. превышал 150 млрд долл.⁴

Определенной платой за расширение доступа к зарубежным инвестиционным ресурсам стало снижение потребности в развитии их производства в РФ. В результате в условиях инвестиционного роста 2000-х годов не удалось остановить процесс свертывания отечественной инвестиционной базы, восстановить систему генерирования инвестиционных проектов на базе отечественных компетенций. Происходила утрата ранее накопленного капитала в машиностроении, обработке металлопродукции (сокращение мощностей на 15–20%).

С 2014 года обозначались принципиально новые тенденции в накоплении капитала в РФ. Ранее действовавшие механизмы накопления капитала (транснациональные, теневые, корпоративные) снизили привлекательность для граждан и бизнеса, а у государства возникли задачи, требующие для своего решения аккумуляции капитала во многих секторах (Потенциальные возможности..., 2022; Россия 2035..., 2024).

Начиная с 2015 года объем текущих накоплений стабилизировался на относительно низком уровне. Так, среднегодовое реальное потребление стали⁵ в 2015–2023 гг. оценивается в 47,6 млн т., что составляет 92,6% от среднегодового уровня 2011–2014 гг. (51,4 млн т). Управление накоплениями активизировалось по либерально-рыночным направлениям: инвестиционный климат, привлечение инвесторов, высокая степень международной мобильности капитала и т. п. (Damasceno, Guedes, 2024), то есть по тем, которые не оправдали ожиданий в предшествующий период. Таким образом, не только кризисные явления в других странах

мира (пандемия, закрытие рынков и торговые барьеры, свыше 20 тыс. действующих санкций), но и исчерпание потенциала действующего транснационального инвестиционного механизма снизили результаты накопления капитала в РФ. Экономика страны столкнулась с материально-финансовыми диспропорциями в инвестиционной сфере, ограничениями со стороны отечественного инвестиционного комплекса.

Эффективность накоплений снижалась (Буданов, 2023). При увеличении нормы сбережений до 31,8% в 2022 году (максимальное значение с начала 2000-х гг.) отношение валового накопления основного капитала к валовым сбережениям сократилось до 64–65% в 2021–2022 гг. (при диапазоне значений данного показателя от 71,4 до 94% в 2010–2020 гг.).

В видовой структуре капитальных вложений доля машин и оборудования в 2022 году резко сократилась до 34,8% (против 39,5% в 2021 г.), соответственно, увеличилась доля строительно-монтажных работ. Существенное сокращение доли машин и оборудования в структуре инвестиций по видам основных фондов свидетельствует о наличии кризисных явлений в инвестиционном процессе (по аналогии с ситуацией 2014–2015 гг., когда на инвестиционную деятельность оказывали влияние факторы девальвации рубля и введения санкций на отдельные сектора отечественной экономики).

В промышленности возникла затяжная инвестиционная пауза. В экспортно ориентированных секторах экономики образовался избыточный для текущих капитальных вложений финансовый ресурс (1,5–2-кратный). Неиспользовались возможности накопления в секторах, ориентированных на потребительский спрос (торговля, различные виды платных услуг населению). Из-за роста кредитных ставок (с менее 10% в начале 2010-х годов до более 20% в настоящее время) ухудшились условия для накопления капитала в низкодоходных и высокорискованных проектах. Сальдо финансового счета платежного баланса РФ в 2022 году увеличилось до рекордных 227,1 млрд долл. (39,1 млрд долл. в 2020 г., 124,1 млрд долл. в 2021 г.) при, казалось бы, возникших ограничениях на накопление капитала за рубежом.

⁴ Расчеты авторов по данным UN Comtrade.

⁵ Видимое потребление стали с учетом чистого импорта металлосодержащей продукции.

Проблемы и предпосылки для формирования новой модели накопления капитала

Негативные явления 2014–2024 гг. предопределили трудности становления нового механизма воспроизводства основного капитала. Уменьшился поток ресурсов из-за рубежа, необходимых для накопления основного капитала в инновационных секторах экономики. Ряд приоритетных точек накопления капитала (Арктика, авиастроение, судостроение, микроэлектроника и др.) по политическим мотивам лишился импортных инвестиционных ресурсов. В результате планируемые отечественные вложения в эти отрасли также не были осуществлены.

Создание предпосылок для формирования модели накопления капитала преимущественно на отечественной ресурсной базе обеспечивали специализированные фонды (РФПИ, ФРП, ФРИИ и др.), мероприятия по проведению политики импортозамещения. Ставка привлечения средств для подобных проектов не превышает 7%, в то время как на финансовом рынке не опускается ниже 20%. До 2020-х годов проектное финансирование осуществлялось в крайне ограниченном объеме (менее 0,1% в общем объеме вложений) и не оказывало существенного влияния на инвестиционное развитие страны. Реальные изменения (кратное увеличение объемов вкладываемых в рамках государственных проектов средств) отмечены в 2022–2024 гг. Производство отечественной продукции инвестиционного назначения, получив государственную поддержку, демонстрирует высокие темпы роста. Так, по итогам 2024 года индекс производства в производстве компьютеров, электронных и оптических изделий составил 128,8%, в производстве готовых металлических изделий – 135,3% (в процентах к 2023 г.).

В 2024 году эффект новых механизмов государственного регулирования инвестиционной деятельности выразился как в сохранении высоких темпов прироста инвестиций в основной капитал (8,6% год к году за 9 месяцев 2024 г.), так и роста выпуска продукции инвестиционного назначения. Таким образом, условия накопления капитала в 2020-е годы существенно различаются по секторам экономики, накоп-

ление капитала сохраняет секторальный, а не фронтальный характер. Полнота использования ресурсов в ряде механизмов государственных вложений (освоение свыше 100% выделяемых средств), связанных с ОПК, наблюдается при срыве реализации региональных программ, программ развития государственных корпораций (РЖД, Ростех). Это отражается на эффективности процесса накопления капитала в стране.

Проблемы отечественного механизма накопления капитала, связанные с ограничением на привлечение ресурсов из-за рубежа и отсутствием надежной отечественной инвестиционной базы, сохраняются на обозримую перспективу (Фролов и др., 2023). До разрешения этих проблем процесс утраты накопленного богатства страны представляет основную экономическую угрозу среднесрочного развития. В формировании кризисного потенциала особо выделяются внутренние и внешние тенденции спроса на инвестиционные ресурсы.

Во-первых, есть предпосылки для роста объема компенсационных инвестиций в основной капитал в РФ. Непосредственные угрозы наблюдаются в энергетическом хозяйстве, оснащенном импортным оборудованием, транспортном парке, мощностях совместных предприятий, которые постепенно вырабатывают эксплуатационный ресурс и нуждаются в обновлении (Фролов и др., 2023).

Во-вторых, стратегическую угрозу для вложений в отечественную экономику представляет процесс ускоренного накопления капитала в КНР, Индии, Вьетнаме и многих других странах (Zhou et al., 2024). Продолжает увеличиваться поток ресурсов из РФ для обеспечения вложения средств в государства, проводящие индустриализацию.

Таким образом, именно воспроизводственные процессы 2014–2024 гг., а особенно период 2022–2024 гг., представляют интерес для понимания изменений, происходящих с основным капиталом в отечественной и в мировой экономике. Проблемы накопления капитала в России следует рассматривать в контексте процессов в мировой экономике. Успехи в накоплении капитала демонстрируют многие страны, включая РФ.

Группировка стран мира по наличию ресурсов и условий для эффективного накопления капитала

Многие явления, связанные с экономическим развитием различных стран мира, можно объяснить с помощью двух параметров. Во-первых, это наличие ресурсов для накопления капитала, во-вторых, наличие условий для эффективного использования накоплений. На основе анализа важно было показать, какие страны богатеют, как они привлекают ресурсы для материализации финансовых средств. Поскольку государства существенно различаются по размеру и структуре экономики, решают разные проблемы, то возможен универсальный подход к анализу, но нет универсальных решений, которые подходили бы всем странам мира (Буданов, Устинов, 2020; Буданов, 2023).

Для проведения межстранового анализа были использованы данные за последнее десятилетие (2013–2023 гг.) об объемах и динамике производства и потребления металла, которые могут рассматриваться в качестве индикатора межстранового движения богатства (табл. 2).

К *первой группе* ресурсно обеспеченных стран (у которых производство стали превышает ее видимое потребление) с благоприятными условиями коммерческого использования вложений (результатом которых является рост видимого потребления стали за рассматриваемый период) относятся четыре из шести крупнейших производителей стали по итогам 2023 г.: Китай (1019,1 млн т), Индия (140,8 млн т), Россия (76 млн т) и Республика Корея (66,7 млн т). Наибольшие темпы роста видимого потребления готовой стальной продукции за 2013–2023 гг. из этой группы стран отмечены в Индии (в 1,81 раза, с 73,7 млн т до 133,4 млн т), Нидерландах

(рост на низкой базе в 1,23 раза — с 3,7 млн т до 4,6 млн т) и Китае (рост в 1,21 раза — с 741,4 млн т до 895,7 млн т). При этом только в Индии наблюдался ежегодный рост потребления металла (за исключением периода пандемии в 2020 г.), в других странах периоды роста спроса на внутреннем рынке (в России — в 2017–2019 гг., 2021 г., 2023 г.) сменялись кризисными периодами (в России 2014–2016 гг., 2020 г., 2022 г.). В Китае видимое потребление готовой стальной продукции снизилось с 741,4 млн т в 2013 г. до 672,3 млн т в 2015 г. и с пикового значения в 1,01 млрд т в 2020 г. до 895,7 млн т в 2023 г. Снижение потребления стали более чем на 100 млн т за 3 года было связано, в том числе, с кризисом в строительной отрасли (по оценкам за 2018 год, в строительстве зданий в Китае потреблялось 293,5 млн т или, около 33% стали, в пересчете на содержание железа (Yang et al., 2023)).

Ко *второй группе* относятся нетто-экспортеры стальной металлопродукции со снижением спроса на внутреннем рынке металла за 2013–2023 гг. Из числа крупных производителей стали к таким странам можно отнести Японию (выплавка стали 87 млн т в 2023 г.), Германию (35,4 млн т), Бразилию (31,8 млн т) и Иран (31 млн т). Они обладают ресурсами, необходимыми для накопления капитала, но по разным причинам сталкиваются с проблемами утраты капитала в сфере промышленного производства (Araujo et al., 2021). В частности, видимое потребление готовой стальной продукции сократилось на 26% в Германии (с 38 млн т в 2013 г. до 28 млн т в 2023 г.), на 18% в Японии (с 65,2 млн т в 2013 г. до 53,3 млн т в 2023 г.). Примером страны с ограниченными возможностями для

Таблица 2. Распределение стран мира по показателям производства и потребления стали в 2013–2023 гг.

Условия коммерческого использования вложений	Ресурсно обеспеченные страны (нетто-экспортеры стальной металлопродукции)	Страны, испытывающие ресурсные ограничения (нетто-импортеры стальной металлопродукции)	Доля в мировом потреблении стали в 2023 г., %
Благоприятные (рост видимого потребления стали за 2013–2023 гг.)	Китай, Индия, Россия, Республика Корея и др.	Турция, Италия, Польша, Румыния, Испания, Мексика, Вьетнам, Филиппины, Индонезия и др.	81,8
Неблагоприятные (спад видимого потребления стали за 2013–2023 гг.)	Япония, Германия, Бразилия, Иран, Австрия, Швеция, ЮАР, Украина и др.	США, Канада, Великобритания, Франция, Чехия и др.	18,2
Доля в мировом производстве стали в 2023 г., %	79	21	100
Рассчитано по: World Steel Association (World Steel in Figures 2024, Steel Statistical Yearbook 2021).			

накопления капитала из-за действия экономических санкций является Иран (Afatooni et al., 2022), в котором отмечено незначительное снижение видимого потребления готовой стальной продукции (на 0,3 млн т за 2013–2023 гг., до 19,5 млн т) при двукратном росте выплавки стали и развитии собственной сырьевой базы за рассматриваемый период.

Суммарно на первую и вторую группу стран пришлось 79% мирового производства стали в 2023 г. (главным образом за счет Китая, доля которого составила 53,9%).

Третья группа стран характеризуется благоприятными условиями коммерческого использования вложений при одновременном наличии ресурсных ограничений (эти государства выступают нетто-импортерами стальной металлопродукции). В данную группу были включены отдельные европейские экономики (Турция, Польша, Италия, Испания, Румыния), Мексика и новые индустриальные страны Азии (Вьетнам, Филиппины, Индонезия и др.). Если рост видимого потребления металла в Италии и Испании за 2013–2023 гг. был связан с восстановлением после долгового кризиса еврозоны (Ruščáková, Semančíková, 2016), то в азиатских странах он происходил из-за увеличения потребностей в металле для развития собственной промышленности и создания инфраструктуры. Рост видимого потребления готовой стальной продукции в странах Азии (за исключением Китая, Индии, Японии и Республики Кореи) за 2013–2023 гг. составил 1,25 раза (+19,6 млн т).

Четвертая группа объединяет страны, которые сталкиваются с ограничениями на ресурсы, необходимые для накопления капитала, и с проблемами формирования условий, необходимых для эффективного использования вложений. Для традиционных промышленно развитых стран, входящих в эту группу (США, Канада, Великобритания, Франция), характерны эффекты насыщения материальным богатством, проблемы с поддержанием металлофонда (снижение ввода при увеличении выбытия металлофонда), сокращение абсолютного объема потребления конструкционных материалов в экономике (Matos, 2022). Созданные условия предопределили такие явления, как свертывание и перенос мощностей

в другие страны мира (Tang et al., 2023). В частности, в Великобритании за рассматриваемый период выплавка стали сократилась более чем в 2 раза (с 11,9 до 5,6 млн т), во Франции — на 36% (с 15,7 до 10 млн т), в Чехии — на 34% (с 5,2 до 3,4 млн т). Видимое потребление готовой стальной продукции в США в 2023 году составило 90,5 млн т, что на 24,6% меньше значения 2000 года (120 млн т).

Также в четвертую группу вошли страны, текущая ситуация в которых определяется обострением внутривластных и социальных проблем (Венесуэла, Аргентина и др.).

Согласно проведенному анализу, в мире есть страны, более успешные с точки зрения динамики накопления капитала, чем Россия, и их опыт следует учесть при решении проблем отечественной экономики.

Прогнозные варианты развития системы накопления капитала в РФ

В рамках наиболее вероятного сценария развития мировой экономики возможно рассмотрение как позитивных, так и негативных вариантов накопления капитала в РФ. При наличии отечественных ресурсов для дальнейшего накопления капитала существует проблема их интеграции в действующий механизм инвестирования. Переориентация экономической системы на приумножение богатства страны имеет решающее значение для оценки перспектив России (Зусман, 1978; Буданов, Устинов, 2020; Фролов и др., 2023).

По показателям накопления капитала, оцениваемым по данным о конечном потреблении металла, Россия занимает достаточно устойчивые позиции в мире. РФ в 1,4 раза опережает среднемировой уровень по показателю душевого потребления готовой стальной продукции (309,1 кг/чел. в РФ против 219,3 кг/чел. по миру в целом в 2023 г.). Абсолютный объем реального потребления стали в России за 2010-е годы составил 480 млн т (3,3% от общемирового значения)⁶. Потенциал роста на период до 2030 года позволяет рассматривать как реалистичные возможности удвоения вложений в накопление богатства на базе отечественных ресурсов.

⁶ Рассчитано по данным World Steel Association.

Отечественная система накопления капитала привлекательна для вложений зарубежных ресурсов. В 2011–2013 гг. импорт металлоемкой продукции (машин, оборудования, транспортных средств, узлов, комплектующих) превышал 10 млн т в пересчете на содержание стали (так называемый косвенный импорт стали (Molajoni et al., 2012)). Свертывание процессов сотрудничества с рядом компаний в 2014–2024 гг. было вызвано политическими причинами и может рассматриваться как конъюнктурный момент реструктуризации внешнеторговых потоков. Экономическая заинтересованность в надежности вложений и их эффективности позволяет рассчитывать на горизонте до 2030 года на повышение доли иностранных инвестиций в общем объеме вложений в РФ до предкризисного уровня (с 9,1% в 2013 г. до 3% в 2022 г. снизилась доля компаний с иностранной формой собственности в инвестициях в основной капитал в РФ), то есть потенциал роста составляет около трех раз.

Отставание от других стран не представляет критическим. По уровню душевого реального потребления стали (341 кг/чел. в год) Россия незначительно уступает традиционным лидерам (382 кг/чел. в США, 389 кг/чел. в Японии), но, за счет более низких показателей выбытия основных фондов, по приросту накоплений находится примерно на одном уровне. Более серьезную угрозу в части скорости накоплений и качества накопленного капитала представляют новые индустриальные страны (790 кг/чел. в Республике Корея, 576 кг/чел. в Китае)⁷. Ряд вопросов поддержания конкурентоспособности РФ решает за счет ранее накопленного капита-

ла, прежде всего в сфере ВПК. Менее успешной является ситуация в инвестиционном машиностроении, в производстве товаров длительного пользования и в инновационных секторах, где роль предшествующих вложений в производство относительно невелика. Страны, проводящие индустриализацию, могут достичь уровня России по накоплению капитала в ряде секторов экономики уже в ближайшее десятилетие (как это произошло в машиностроении, электронике Республики Кореи, в легкой промышленности Пакистана и Вьетнама, автомобилестроении Мексики и т. п.).

Таким образом, в процессе прогнозирования текущие накопления необходимо рассматривать с учетом ранее вложенных средств, затрат на поддержание активов в эксплуатации и их обновление (компенсацию выбытия).

Негативный и позитивный варианты прогноза накопления капитала в РФ различаются не по количественным характеристикам, а по доминирующим процессам (Россия 2035..., 2024). Ключевое значение имеет понимание цены перехода между вариантами в логике понятий накопления богатства (табл. 3).

Негативный вариант прогноза исходит из представлений о том, что стремление к богатству является естественным состоянием общества и главное — не мешать людям реализовывать свои желания стать богаче. На уровне государственного управления сохраняются надежды на то, что приумножение богатства страны зависит от нормы сбережения (экономии на потреблении), от доходности бизнеса (окупаемости вложений), от крупных компаний мирового значения. Продолжаются попытки

Таблица 3. Предпрогнозные факторы и процессы накопления капитала в РФ

Показатель	Негативный вариант	Позитивный вариант
Объем накоплений на перспективу до 2030 г., млн т в стальном эквиваленте	250–300	400–500
Эффективность накопления, оцениваемая полнотой использования инвестиционных ресурсов, %	60–80	До 100
Условия использования вложенных средств (реальное душевое потребление стали), кг/чел. в год	300–350	450–600
Объем генерируемых отечественных ресурсов и привлекаемой из-за рубежа продукции инвестиционного назначения, млн т в год	До 90	До 120
Вложения в инвестиционный комплекс в общих вложениях, %	Менее 10	Свыше 30

Составлено по: ЕМИСС, World Steel Association, оценки авторов.

⁷ World Steel Association (Steel Statistical Yearbook 2021).

скорректировать процесс инвестиционного развития на основе институциональных преобразований: улучшение инвестиционного климата, образование многочисленных структур поддержки, проведение инвестиционных форумов (Haddad, Verriest, 2024). Это представление базируется не только на советах международных организаций, но и на ограниченных возможностях государства в проведении инвестиционной политики. Предпринимаемые действия не вносят существенных изменений в накопление богатства. Важно понимать мнимые и реальные причины формирования инвестиционной динамики.

Наличие в стране ресурсов еще не гарантирует их направление на нужды инвестиционного развития. Так, за 2013–2023 гг. валовые сбережения в России выросли с 17,7 трлн руб. до 51,5 трлн руб. (в 2,9 раза), а инвестиции в основной капитал – с 13,5 до 34,0 трлн руб. (в 2,5 раза)⁸. Соответственно, суммарный объем недовложений в накопление капитала за рассматриваемый период составил 37,8 трлн. руб. (в текущих ценах). Исходя из пропорций между вложенными и утраченными (невложенными) средствами, инвестиционный рост в 1,7 раза до 2030 года будет сопровождаться образованием 167 трлн руб. избыточных сбережений (разница между валовым сбережением и инвестициями в основной капитал суммарно за 2024–2030 гг.).

По итогам 2014–2020-х годов много вопросов вызывает роль высокодоходного бизнеса в процессе инвестиционного развития страны, отмечается недостаточно эффективное финансовое взаимодействие металлургических корпораций и государства (Печенская-Полищук, Малышев, 2021). В 2013–2020 гг. на фоне роста суммы прибыли (в 2,22 раза в текущих ценах и в 1,45 раза в сопоставимых ценах) и сальдированного финансового результата отечественных организаций (в 1,96 и 1,28 раза соответственно) наблюдался спад инвестиционной активности в РФ (в 2020 г. физический объем инвестиций в основной капитал составил 99,6% от уровня 2013 г.). Кратко- и долгосрочные финансовые вложения предприятий многократно превышают текущие капитальные вложения, то есть в условиях, когда продукции инвестиционного

назначения недостаточно для обеспечения текущего финансового потока, ранее накопленные средства еще долгое время останутся невостребованными для накоплений (денежный навес).

Зависимость инвестиционного процесса в РФ от ресурсов, привлекаемых из-за рубежа, наблюдаемая в 2000-е годы (динамика инвестиций в основной капитал на 80% описывалась изменением импорта машин и оборудования), после шока конца 2010-х годов усилилась в 2020-е годы (коэффициент детерминации 0,86). Отечественные потребители проигрывают конкуренцию за российский металл и другую продукцию инвестиционного назначения. Все равно ушли на экспорт высвобожденные в результате санкций около 30% ресурсов, направляемых в ЕС и США. Ведущими импортерами этого ресурса из России являются ТНК, которые направляют его на индустриализацию других стран. Они же выступают крупнейшими поставщиками продукции инвестиционного назначения в российскую экономику.

В 2020-е годы наблюдается разрыв динамики потребления металла и инвестиций (физический объем инвестиций в основной капитал в 2023 г. увеличился на 27,2% к уровню 2020 г., в то время как видимое потребление стали – только на 5,4%). Данная проблема изложена в специальных исследованиях (Россия 2035..., 2024). В настоящее время накопление капитала в России осуществляется в условиях ресурсных ограничений, при наличии дисбаланса «между ростом доходов бизнеса и торможением инвестирования» (Российские территории..., 2022). Следствием диспропорций становится высокая доходность участников инвестиционной деятельности (застройщиков, поставщиков ресурсов и др.). При росте инвестиций в основной капитал в 1,45 раза за 2017–2021 гг. (в текущих ценах) темп роста чистой прибыли в металлургическом производстве составил 3,84 раза, в производстве прочей неметаллической минеральной продукции – 4,34 раза, в строительстве – 5,43 раза. Конвертация вложений в текущие сверхдоходы бизнеса служит основной угрозой действующей системы накопления капитала в стране. Инвестиционная деятельность стала источником доходов, вывозимых из России и вкладываемых в зарубежные капиталы. Накопление капитала в РФ становится

⁸ По данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial, <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

невыгодным не только бизнесу (объем вложенных средств выше ценности создаваемого актива), но и государству.

Специализация страны на выпуске металла на мировом рынке не означает успеха с удовлетворением спроса на металл внутри страны (Ильин и др., 2021). Имея солидные запасы, выпуск первичного сырья и материалов, она может оказаться без ресурсов для накопления капитала, если не обеспечена концентрация капитала в ее инвестиционном комплексе. Страна долго сэкономила на этом под лозунгом «долой производство ради производства», приоритет человеку, а не «производству средств производства». Причин много, но главное, что извлечение дохода за счет «проедания» капитала привлекательнее для бизнеса, чем приумножение богатства путем эффективного накопления капитала. На властном уровне отсутствовало понимание того, что, используя мировой инвестиционный комплекс для удовлетворения отечественных потребностей в накоплении капитала, страна «экономит» на собственном богатстве.

Таким образом, основные угрозы, определяющие негативный сценарий накопления капитала в стране, описываются наблюдаемыми тенденциями в инвестиционно-фондовом процессе. Накопленный капитал формирует предпосылки и задает ограничения на процесс экономического развития страны, предопределяя необходимость многих решений (например, проблема ветхого жилья, «ржавых поясов», моногородов и т. п.). В 2025–2030 гг. стоят задачи обеспечить эксплуатацию имеющихся активов в новых международных условиях и компенсацию выбытия основных фондов, созданных на основе импортных ресурсов. Согласно приблизительным расчетам, это может потребовать все ресурсы, которыми в настоящее время располагает отечественная экономика. Переход к утрате ранее накопленного капитала в стране в негативном варианте наиболее вероятен уже в начале 2030-х годов.

Государственное управление накоплением капитала, то есть инвестиционно-фондовым процессом, включая производство продукции инвестиционного назначения, — необходимый элемент *позитивного варианта* среднесрочного прогноза. Осознанное приумножение богатства страны возможно различными способами, апробированными в 2010–2020-е годы.

Есть положительный опыт компаний, сформировавших собственную систему генерирования инвестиционных ресурсов и создавших инвестиционную базу развития (Росатом, Мосметрострой и др.). Разнообразные лизинговые центры способствуют накоплению капитала в агропромышленном комплексе, транспортной системе страны и росту производства продукции инвестиционного назначения. За счет включения инвестиционной составляющей в цену продукции были достигнуты успехи в развитии энергетической, транспортной инфраструктуры (О долгосрочном..., 2022). Не менее важны вложения в перспективные сектора накопления капитала. На базе научных учреждений обеспечивается генерация новых ресурсов инвестиционного назначения, формируются условия для эффективного использования государственных средств (Фролов и др., 2023). Успешный опыт накопления капитала получен корпорациями в рамках адаптации производства под реально располагаемые ресурсы и тенденции спроса. При проведении инвестиционной политики (площади, материалы, труд, финансы) они использовали проектные решения и специализированное оборудование зарубежных компаний.

В стране крайне мало ресурсов для создания активов, которые представляли бы ценность в долгосрочной перспективе. Следует учитывать, что в настоящее время выпуск в РФ продукции инвестиционного назначения составляет около 15–20% от уровня 1990 года. Есть примеры реанимации производства в течение 2–3 лет в тех сферах, где сохранился ранее накопленный капитал (ВПК), но немало и примеров неудач с восстановлением выпуска машин и оборудования (авиастроение, приборостроение, станкостроение и др.).

Смена воспроизводственного механизма с опоры на зарубежный инвестиционный потенциал (ведущая роль до 2014 г.) к формированию собственного ресурсного обеспечения инвестиционно-фондового процесса определит перспективы приумножения богатства страны (Россия 2035..., 2024). Переход с зарубежной на отечественную инвестиционную базу — это, прежде всего, вопрос накопления капитала в соответствующем секторе экономики. Устранить зависимость инвестиционной деятельности от импорта достаточно сложно и

дорого ввиду необходимости восстановления инвестиционно-фондового процесса в стране как материальной основы накоплений (Кириченко, 1964; О долгосрочном..., 2022; Фролов и др., 2023). Структура конечного металлопотребления является индикатором наблюдаемых в инвестиционной сфере процессов. Переход от базового ресурса к изделиям углубленной переработки и продукции инвестиционного назначения требует увеличения текущих затрат и подготовки производственного аппарата. Для повышения инвестиций в основной капитал на 1–2% необходим рост объемов генерируемых инвестиционных ресурсов на 5–10% в год, а это возможно при увеличении основных фондов предприятий инвестиционного комплекса на аналогичную величину. В результате модель инвестиционного роста на первоначальном этапе концентрирует прирост инвестиций в стране в сам инвестиционный комплекс.

Элементы позитивного варианта приумножения богатства страны на базе накопления капитала обозначены в планах правительства⁹, требованиях к органам исполнительной власти¹⁰ и других материалах стратегического значения¹¹. Неявным образом обозначены неблагоприятные тенденции в развитии основных фондов страны, прежде всего в социально значимых секторах, инфраструктуре, предложены решения поставленных задач. Ввиду инерционности процесса накопления капитала для преломления существующих тенденций могут потребоваться более радикальные действия в отношении управления развитием основных фондов страны, формирования и проведения амортизационной политики, укрепления материальной базы, обеспечивающей воспроизводство основного капитала.

⁹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на плановый период до 2036 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf> (дата обращения 20.02.2025).

¹⁰ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации № 1014 от 28.11.2024.

¹¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р.

Принципиальных изменений требует организация работы с государственным имуществом. В центре управленческих решений должна быть забота о приумножении основного капитала, его модернизации, а проблема «ненужных активов», поднятая министром экономики, так же как санация, приватизация, должна рассматриваться как дефект действующей системы организации работы с ранее накопленным богатством.

Составной частью воспроизводственной политики страны должны стать требования по целевому использованию амортизационных отчислений. Необходимо преодолеть ситуацию, при которой менее 10% от сумм начисленной в некоторых отраслях амортизации направляется на инвестирование. В перспективе амортизационные отчисления должны стать не только основным источником долгосрочных вложений, но и основой финансирования деятельности по сохранению и приумножению богатства страны.

Необходимо формирование специализированного сектора экономики, обеспечивающего поддержание производственного аппарата страны. В рамках данного направления решаются задачи низкоэффективного использования ресурсов, «гаражной экономики», рисков, связанных с низкокачественным обслуживанием оборудования, но, самое главное, решаются задачи приумножения богатства страны на базе ранее созданных активов. Технологии модернизации, восстановления и защиты активов действующего производства улучшают эксплуатационные характеристики машин и оборудования, повышают надежность зданий и сооружений.

В совокупности это позволит избежать реализации негативного варианта прогноза накопления капитала, устранить наиболее вероятные угрозы и, после 30-летия распродаж, перейти к позитивным тенденциям приумножения богатства страны.

Заключение

В мире есть неоднозначные процессы, которые достаточно просто становятся однозначными, если за основу оценки результатов экономической деятельности брать изменение национального богатства — по натуральным, а не по стоимостным показателям. Именно на них мы акцентировали внимание, рассмотрев ресурсное обеспечение инвестиционного процесса и накопления капитала в стране.

Предложенный подход позволяет не просто оценить масштаб проблемы (необходимость ежегодного обновления активов общей массой около 50 млн т), но и выделить ключевые направления решения существующих задач. Нормализация инвестиционно-фондового процесса в стране может рассматриваться во взаимосвязи с активизацией действий по поддержанию основных фондов в эксплуатации. Использование восстановительных технологий, современных средств защиты и модернизации изделий позволяет многократно (в 10–15 раз) сократить затраты металлопродукции на компенсацию выбытия машин и оборудования.

Для того чтобы до 2030 года приумножить богатство страны на 150–200 трлн руб. (потенциально располагаемые дополнительные сбережения), потребуется не только увеличить потребление металла на 200–250 млн т (суммарно за период), но и создать мощности по их преобразованию в активы страны. Это означает увеличение накопления капитала в основных фондах инвестиционного комплекса страны в 2,2–2,3 раза, что требует активного государственного вмешательства в данный процесс.

Анализ показывает, что инвестиционный процесс в XXI веке по-прежнему является процессом превращения полученных экономических результатов (денег) в ценные активы, а для этого требуется металл. Особо подчеркнем, что нет другого пути к накоплению богатства страны, кроме инвестиционного, что вложения средств представляют собой процесс материализации финансов, то есть создания активов, и что неизбежным следствием накопления капитала становятся явные ресурсные ограничения инвестиционного развития.

Прогнозные перспективы накопления капитала определяются эффективностью создания соответствующей системы. Вложения в инвестиционный комплекс страны, включая отечественное станкостроение, электронику, авиастроение и другие отрасли тяжелой промышленности, не могут быть эффективными при действующих критериях оценки эффективности результатов экономической деятельности. Результатом принятого подхода становится снижение эффективности вложений в период 2000–2024 гг., а огромные ресурсы остаются невовлеченными в процесс накопления богатства страны.

Литература

- Буданов И.А. (2023). Инвестирование как процесс накопления основного капитала страны // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 21. № 4. С. 23–47. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-4-23-47
- Буданов И.А. (2002). Черная металлургия в экономике России. М. Макс пресс. 428 с.
- Буданов И.А., Устинов В.С. (2020). Особенности исследования экономики с использованием показателей металлопотребления // ЭКО. № 8. С. 87–109. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-8-87-109
- Валентей С.Д., Нестеров Л.И. (2000). Накопление национального богатства: Россия на фоне общемировых тенденций; Ин-т экономики РАН. М. 42 с.
- Восстановление экономического роста в России. Научный доклад (2016) / рук. и отв. ред. В.В. Ивантер. М.: ИНП РАН. 32 с. URL: <https://ecfor.ru/publication/vosstanovlenie-ekonomicheskogo-rosta-v-rossii-doklad/> (дата обращения 28.10.2024).
- Гладышевский А.И. (2004). Прогнозирование воспроизводственных процессов в экономике (инвестиционный аспект). М.: МАКС Пресс. 338 с.
- Зусман Л.Л. (1978). Кругооборот металла в народном хозяйстве СССР. М.: Металлургия. 200 с.
- Зусман Л.Л. (1982). Металлоемкость общественного производства. М.: Металлургия. 214 с.
- Ильин В.А., Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2021). Государство и крупные корпорации черной металлургии: тенденции и особенности 20-летнего взаимодействия: монография. Вологда: ВолНЦ РАН. 186 с.
- Кириченко В.Н. (1964). Национальное богатство СССР / под ред. В.И. Каца; НИЭИ при Госплане СССР. М.: Экономика. 215 с.
- Львов Д.С. (2003). Проблемы долгосрочного социально-экономического развития России: науч. докл. на Президиуме РАН 24 дек. 2002 г. М. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 69 с.
- Моделирование цикла капиталистического воспроизводства (1988) / отв. ред. К.К. Вальтух; ИЭОПП СО АН СССР. Новосибирск: Наука. Сиб. отд.-е. 200 с.

- О долгосрочном научно-технологическом развитии России (2022): монография / под ред. Д.Р. Белоусова, И.Э. Фролова. М.: Динамик принт. 168 с. DOI: 10.47711/sr3-2022
- Паппэ Я.Ш. (2002). Российский крупный бизнес как экономический феномен: особенности становления и современного этапа развития // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 29–46.
- Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2021). Металлургические корпорации и государство: тенденции финансового взаимодействия последнего десятилетия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 3. С. 150–166. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.9
- Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз (2022): научный доклад / под ред. А.А. Широ́ва. М.: АртИк Принт, 296 с. DOI: 10.47711/sr2-2022
- Российские территории: 30 лет в условиях рынка (2022): [монография] / Т.В. Ускова [и др.]; под общ. ред. В.А. Ильина; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 315 с.
- Россия 2035: к новому качеству национальной экономики (2024): научный доклад / под ред. А.А. Широ́ва. М.: АртИк Принт. 264 с. DOI: 10.47711/sr1-2024
- Сильвестров С.Н., Порфирьев Б.Н. (2008). Национальное богатство: оценка и управление экономическим развитием / под ред. С.М. Шахрая, Е.И. Ивановой; Счетная палата РФ. М.: Экономические науки. 100 с.
- Смит А. (2022). Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. П. Клюкина. М.: Эксмо. 1056 с.
- Суворов Н.В., Максимцова С.И., Балашова Е.Е. [и др.]. (2022). Методические вопросы и количественные результаты оценки ретроспективной динамики производственных мощностей во взаимосвязи с динамикой основных фондов // Проблемы прогнозирования. № 6 (195). С. 38–57. DOI: 10.47711/0868-6351-195-38-57
- Фролов И.Э., Борисов В.Н., Ганичев Н.А. (2023). Проблемы перехода к инновационному развитию российской экономики в условиях форсированного импортозамещения // Проблемы прогнозирования. № 4 (199). С. 67–81. DOI: 10.47711/0868-6351-199-67-81
- Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2017). Динамика основного капитала экономики РФ в постсоветский период (1992–2015 гг.) // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 21–33.
- Широв А.А. (2023). Российская экономика – возможности структурно-технологического маневра // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 241. № 3. С. 61–71. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-61-71
- Aflatooni A., Ghaderi K., Mansouri K. (2022). Sanctions against Iran, political connections and speed of adjustment. *Emerging Markets Review*, 51, Part B, 100889, Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ememar.2022.100889>
- Araujo E., Araújo E., Peres S.C., Punzo L.F. (2021). An investigation into shapes and determinants of deindustrialization processes: Theory and evidence for developed and developing countries (1970–2017). *Economía*, 22(2), 129–143. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.econ.2021.03.001>
- Damasceno A.O., Guedes D.R. (2024). Financial openness, capital accumulation, and productivity in emerging and developing economies. *Economic Modelling*, 133, 106663. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2024.106663>
- Haddad C., Verriest A. (2024). How do country institutions affect foreign investment? Evidence from European multinational companies. *International Business Review*, 102344. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2024.102344>
- Matos G.R. (2022). Materials flow in the United States – a global context, 1900–2020. *U.S. Geological Survey Data Report*, 1164, 23. Available at: <https://doi.org/10.3133/dr1164>
- Molajoni P., Szewczyk A. (2012). *Indirect Trade in Steel: Definitions, Methodology and Applications*. Available at: <https://worldsteel.org/wp-content/uploads/Indirect-trade-in-steel-Definitions-methodology-and-applications-April-2012.pdf> (accessed: November 12, 2024).
- Ruščáková A., Semančíková J. (2016). The European debt crisis: A brief discussion of its causes and possible solutions. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 220, 399–406. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.05.514>
- Tang H., Jiang Y., Peng Z., Liu Y., Yu B. (2023). Manufacturing industry relocation trends from the perspective of field theory: The case of the belt and road Sino-Europe economic corridor. *Ocean & Coastal Management*, 244, 106825. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2023.106825>
- Yang H., Ma L., Li Zh. (2023). Tracing China's steel use from steel flows in the production system to steel footprints in the consumption system. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 172, 113040. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.rser.2022.113040>

Zhou Y., Liu Y., Niu J. (2024). Role of mineral-based industrialization in promoting economic growth: Implications for achieving environmental sustainability and social equity. *Resources Policy*, 88, 104396. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.104396>

Сведения об авторах

Игорь Анатольевич Буданов – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: budanov@ecfor.ru)

Василий Сергеевич Устинов – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: ustinovvs@gmail.com)

Budanov I.A., Ustinov V.S.

Fixed Capital Formation Effectiveness in Russia: Trends and Scenarios

Abstract. Designing new methods and approaches to assessing the results of long-term economic development is a relevant task within the framework of analyzing and forecasting the development of industries and industry complexes. The paper substantiates an approach to studying the process of capital formation through the full-fledged use of available resources. Based on the data on the dynamics of metal consumption, we show features of gross fixed capital formation. We consider changes in Russia's economic development and highlight three periods in the accumulation of the country's wealth, estimated by the indicators of the metal stock (the crisis situation of the 1990s, the recovery GDP growth in 2000–2013, and the formation of a new mechanism for the reproduction of fixed assets starting in 2014). We define prerequisites for the formation of imbalances in the investment and stock process related to the increase in the country's wealth. We show that restrictions on attracting resources from abroad and the lack of a reliable domestic investment base determine the key problems of the domestic capital formation mechanism. We arrange countries of the world in groups according to capital formation indicators, including the availability of resources for capital formation and the availability of favorable conditions for the commercial use of investments. We substantiate the need to increase the effectiveness of capital formation management in Russia. We emphasize that investments in the national investment complex can become effective only if the current criteria for evaluating the effectiveness of economic activity are revised. We provide an overview of the positive and negative scenarios for the development of the domestic capital formation system in the medium term. State management of the investment and stock process is singled out as a necessary element of a positive medium-term forecast.

Key words: investments in fixed assets, final metal consumption, wealth accumulation, reproduction approach, investment and stock process.

Information about the Authors

Igor' A. Budanov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of laboratory, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, 117418, Moscow, Russian Federation; e-mail: budanov@ecfor.ru)

Vasily S. Ustinov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, 117418, Moscow, Russian Federation; e-mail: ustinovvs@gmail.com)

Статья поступила 18.11.2024.

К оценке влияния социальных рисков на продолжительность жизни экономически активного населения

Мария Никитична

МАКАРОВА

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: makarova.mn@uiec.ru

ORCID: 0000-0001-6144-6178; ResearcherID: H-7717-2017

Аннотация. Интенсивные трансформации общественной жизни определяют возникновение широкого спектра социальных рисков, оказывающих негативное влияние на продолжительность жизни экономически активного населения. Помимо уже хорошо описанных рисков (страховых, экологических, продовольственных) возникает все большее число новых угроз (цифровизация, пандемии, геополитические вызовы и т. п.), что не только обостряет вопросы, связанные со способностью и возможностью адекватно реагировать на требования среды на индивидуальном уровне, но и определяет необходимость принятия своевременных и корректных управленческих решений в этой сфере на мезо- и макроуровне. Все это актуализирует необходимость углубления научного представления об актуальной структуре социальных рисков, а также поиска новых подходов к оценке влияния социальных рисков на население. Таким образом, цель исследования заключается в выявлении актуальных социальных рисков и оценке их влияния на продолжительность жизни экономически активного населения в российских регионах. Базой данных выступили статистические данные Росстата о социально-экономическом положении регионов России за 2019–2022 гг. На этапе поискового исследования для уточнения структуры и содержания социальных рисков автором использован факторный анализ, по результатам которого определены социальные риски, актуальные для экономически активного населения российских регионов в рассматриваемый период, а также предложена их типология с позиции продолжительности воздействия (системные и ситуативные). Методами автоматизированного

Для цитирования: Макарова М.Н. (2025). К оценке влияния социальных рисков на продолжительность жизни экономически активного населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 206–219. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.12

For citation: Makarova M.N. (2025). On assessing the impact of social risks on the life expectancy of economically active population. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 206–219. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.12

регрессионного моделирования определена важность и значимость выявленных рисков в каждый из рассматриваемых годов (2019–2022). Научная новизна исследования заключается в доказательстве, что на продолжительность жизни экономически активного населения российских регионов оказывают влияние системные социальные риски, характерные для всего рассматриваемого периода в целом, а также ситуативные социальные риски, краткосрочные, возникающие в период кризисных явлений. Обосновано, что полученные результаты позволяют применять дифференцированный подход к осуществлению мер по повышению продолжительности жизни населения – с помощью долгосрочных стратегических программ для снижения влияния системных социальных рисков или точечных краткосрочных решений преимущественно экономического характера для преодоления негативного воздействия ситуативных социальных рисков, что может способствовать повышению эффективности государственной и региональной социальной политики.

Ключевые слова: социальный риск, факторный анализ, оценка, продолжительность жизни, регион, экономически активное население.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 24-28-00654)/

Введение

Современный этап развития общества характеризуется интенсивными трансформациями во всех сферах жизнедеятельности человека, которые приводят к возникновению глобальных вызовов и угроз, чей количественный и качественный взрывной рост входит в противоречие с задачами устойчивого развития. Это противоречие нашло отражение в «Повестке дня на XXI век»¹ и «Целях тысячелетия»², где названы глобальные вызовы, с которыми столкнулось человечество и преодоление которых является ключевым фактором для обеспечения устойчивого развития в интересах не только ныне живущих, но и будущих поколений.

В постоянно меняющемся мире все острее стоят вопросы, связанные со способностью и возможностью адекватно реагировать на требования среды, выбрать оптимальный способ реакции на возрастающие вызовы в виде той или иной формы поведения (деструктивной или конструктивной). Таким образом, индивид и общество постоянно оказываются в ситуации неопределенности и необходимости принимать решение, т. е. в ситуации риска. В зарубежной литературе понятие риска появилось в 1920-е гг.

(Knight, 1921), однако только во второй половине XX века сложилось отдельное направление исследований, связанное с вопросами страхования и финансов. Со временем понятие риска приобрело междисциплинарный характер – специалисты в области социологии (Бек, 2000; Гидденс, 1994; Луман, 1994), психологии (Allen, Badcock, 2003), поведенческой экономики (Lupton, 1999; Канеман, Тверски, 2003), социокультурных исследований (Дуглас, 2000; Hofstede, Minkov, 1997) привнесли понятие риска в категориальный аппарат социогуманных наук.

В отечественной литературе интерес к проблематике рисков возник позднее, и расцвет работ о страховых рисках приходится на реформенный период 1990-х гг. При этом научные работы того периода отражали больше социальный аспект, чем финансовый, что привело к возникновению категории социальный риск. Продолжая идеи Бека и Гидденса, О.Н. Яницкий связывает понятие риска с кризисом, социальным конфликтом и anomie (Яницкий, 2003), В.И. Зубков – с процессом принятия решения субъектом и его действиями в условиях неопределенности (Зубков, 2001). Экономические аспекты социальных рисков отечественными учеными рассматриваются в связи утратой материальной обеспеченности из-за невозможности продолжения трудовой деятельности (Тамошина, Тимошина, 2009; Баранник, 2012).

¹ Повестка дня на XXI век. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения 15.10.2024).

² Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения 25.03.2024).

На современном этапе исследований социальный риск изучается через призму неустойчивости, нелинейности развития социума, что порождает новые риски для жизнедеятельности общества (Микрюков, Илюшин, 2022) и обуславливает необходимость решения проблем в условиях неопределенности (Золотарев, 2024; Lockie et al., 2024; Wang et al., 2024). Следует отметить, что, несмотря на отдельные попытки концептуализировать понятие социального риска (Максимович, 2023), значительная часть отечественных и зарубежных исследований посвящена изучению социальных рисков в приложении к конкретным сферам жизнедеятельности общества (Леонтьева, 2020; Ли, 2024; Nguen, Cole, 2024; Liu et al., 2024; Jones et al., 2024; Li et al., 2024). В результате, на наш взгляд, складывается фрагментарное представление о социальных рисках, возникающих в контексте отдельных угроз, однако поиску взаимосвязи социальных рисков и жизнедеятельности населения в целом уделяется существенно меньше внимания.

В связи с этим возникает необходимость в расширении научных подходов к осмыслению и оценке социальных рисков. На наш взгляд, это возможно с привлечением методологических положений социальной биологии человека, разработанных академиком РАМН Т.Б. Величковским. Основным методом познания в социальной биологии человека как междисциплинарной области научных знаний является сравнительный анализ демографических показателей и показателей уровня здоровья населения, с одной стороны, и социально-экономических условий жизни общества, с другой (Величковский, 2012). Т.Б. Величковский подчеркивает, что уровень здоровья и продолжительность жизни населения определяются не только биологическими характеристиками популяции, но и социокультурным контекстом, в частности структурой социальных рисков (Величковский, 2013).

В настоящем исследовании под социальным риском будем понимать ситуацию неопределенности, возникающую под воздействием факторов трансформации среды обитания и оказывающую существенное потенциально разрушающее воздействие на продолжительность жизни населения, что отражает способность населения выдерживать указанные выше

стрессовые ситуации (трансформации внешней среды), сохраняя при этом способность к росту и развитию. Таким образом, продолжительность жизни выступает интегральным индикатором социально-экономического благополучия и здоровья населения в условиях высокой неопределенности, а цель исследования заключается в выявлении социальных рисков, актуальных на современном этапе развития российских регионов, а также в оценке их влияния на продолжительность жизни экономически активного населения.

Данные и методы

Представленное исследование носит поисковый характер и направлено на выявление социальных рисков и оценку их влияния на продолжительность жизни населения как комплексный индикатор, агрегирующий оценки здоровья, социального капитала, социально-экономического благополучия населения (Cai et al., 2023; Iyakaremye, Tripathi, 2024; Onisanwa et al., 2024; Salehi, Sedgh, 2023). Данный показатель достаточно подвижный, чутко реагирует на реализацию социальных рисков и отражает динамику социальной среды, что ярко проявилось, например, в период пандемии COVID-19, когда продолжительность жизни резко сократилась к концу 2021 года, а затем начала активно восстанавливаться³.

В нашей работе объектом исследования выступает экономически активное население (в возрасте 15 лет и старше) российских регионов, которое, с одной стороны, принимает активное участие в социально-экономической жизни общества и тем самым формирует условия для реализации социальных рисков, а с другой, обладает субъектностью в отношении адаптации к трансформирующейся среде. Кроме того, исследователи отмечают, что на протяжении длительного периода основной вклад в формирование смертности населения в России (а следовательно, и продолжительности жизни) вносят люди продуктивного возраста⁴ (Нарбут, 2016),

³ Демография. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 14.05.2024).

⁴ Щербакова Е. (2024). Предварительные демографические итоги 2023 г. в России (часть II) // Демоскоп Weekly. № 1023-1024. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01023/barom02.php> (дата обращения 10.01.2025).

что также определяет актуальность исследования структуры и влияния социальных рисков на продолжительность жизни людей этой возрастной категории.

Для определения структуры социальных рисков и оценки их влияния на продолжительность жизни использованы данные Росстата о социально-экономическом развитии регионов

России в 2019–2022 гг., среди которых методами логического и статистического анализа были отобраны показатели регионального развития, имеющие даже небольшую, но статистически значимую связь с продолжительностью жизни населения в возрасте 15 лет, с одной стороны, и потенциально характеризующие социальные риски, с другой (табл. 1).

Таблица 1. Показатели социально-экономического развития, используемые в факторном анализе для выявления социальных рисков

Группа показателей	Показатели социально-экономического развития	Коэффициент корреляции с ОПЖ_15 (при $p = 0,05$)
Уровень жизни, доходы	Покупательная способность доходов населения, раз	0,104
	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	0,016
	Доля расходов на ЖКХ и топливо в потребительских расходах, %	-0,418
	Коэффициент Джини, раз	-0,047
	Заработная плата, руб.	-0,144
	Средний размер назначенных денежных выплат на человека, руб.	0,267
Занятость и условия труда	Уровень безработицы по МОТ, %	0,420
	Доля занятых с высшим образованием, %	0,537
	Доля занятых с СПО, %	-0,470
	Доля занятых в промышленности, %	-0,238
	Производственный травматизм, на 100 тыс. чел. населения	-0,404
	Доля занятых без профессионального образования, %	-0,016
Заболееваемость	Доля занятых во вредных условиях труда, %	-0,437
	Заболееваемость населения новообразованиями, установлено впервые, на 1000 чел.	-0,300
	Доля инвалидов в общей численности населения, %	0,249
	Заболееваемость населения эндокринными болезнями, установлено впервые, на 1000 чел.	-0,181
Демографический статус	Заболееваемость на 1000 человек населения	-0,284
	Доля населения старше трудоспособного возраста, %	-0,159
	Суммарный коэффициент рождаемости, детей на 1 женщину	-0,024
	Соотношение браков и разводов, на 1000 браков	-0,100
Коммуникации и социальные связи	Доля бездетных домохозяйств, % от общего числа домохозяйств	-0,557
	Индекс тревожности населения	0,207
	Доля населения с ежедневным выходом в интернет, %	0,225
Деструктивное поведение	Доля одиноких частных домохозяйств, % от общего числа домохозяйств	-0,411
	Доля внешних смертей в общей смертности, %	-0,444
	Доля больных психическими расстройствами, повторно госпитализированных в течение года, %	-0,204
	Доля больных алкоголизмом, повторно госпитализированных в течение года, %	0,035
	Доля больных наркоманией, повторно госпитализированных в течение года, %	-0,002
Источники: рассчитано автором по данным Росстата.	Доля убийств в общей смертности, %	-0,386
	Зарегистрировано преступлений на 100 тыс. чел. населения	-0,744

Выбор периода исследования обоснован несколькими соображениями. С одной стороны, необходимо обеспечить полноту статистических данных. Так, данные о возрастных коэффициентах дожития по российским регионам, необходимые для расчета ожидаемой продолжительности жизни населения в возрасте 15 лет и старше, в региональном разрезе доступны авторам только с 2019 года. Кроме того, часть социально-экономических показателей также рассчитывается только за отдельные периоды: уровень тревожности в российских регионах рассчитывается только с 2019 года; данные, характеризующие распространенность информационно-коммуникационных технологий, с 2014 года; сведения об одиноких домохозяйствах доступны только по данным переписей населения 2010 и 2020 гг., а также микропереписи 2015 года. Вместе с тем, все эти характеристики социальных рисков являются важными в контексте нашего исследования, что значительно ограничивает временной период для анализа.

С другой стороны, аргументом для выбора периода исследования стала возможность проведения сравнительного анализа социальных рисков в динамике. Выбранный период включает годы, существенно различающиеся по своим характеристикам. Так, 2019 год может быть определен как относительно стабильный с точки зрения социально-экономического развития; в то время как период 2020–2022 гг. характеризуется высокой нестабильностью, включая период пандемии (2020–2021 гг.), а также период обострения геополитической ситуации и нарастания экономических санкций (2022 г.). Указанное разнообразие внешних условий (стабильность/нестабильность) и угроз (пандемия, санкции, геополитика) определяет необходимость анализировать каждый год отдельно и позволяет выдвинуть гипотезу о различной структуре социальных рисков по сравнению с периодом стабильности⁵.

На этапе поискового исследования предложено исходить из предположения о том, что в российских регионах, безусловно, реализуются

различные социальные риски, однако отсутствует априорное знание об их количестве и структуре. В связи с этим для выявления конкретных социальных рисков, реализующихся в тот или иной период, используется метод факторного анализа (метод главных компонент, варимакс вращение), реализованный в статистическом пакете SPSS. Он предполагает, что известные переменные зависят от меньшего количества неизвестных переменных и случайной ошибки. Этот метод позволяет выявить взаимосвязь между переменными, когда в один фактор (в нашем случае – социальный риск) объединяются несколько показателей, высоко коррелирующих между собой (что, кстати, позволяет в дальнейшем решить проблему автокорреляции переменных, например, при регрессионном анализе). Таким образом, в результате перераспределения дисперсии определяется компактная и наглядная структура факторов (в нашем случае – социальных рисков), каждый из которых получает свое обозначение, исходя из содержательной интерпретации переменных, отнесенных в каждый фактор по результатам факторного анализа. Таким образом, формируется структура социальных рисков, определяющих ключевые угрозы для продолжительности жизни экономически активного населения в тот или иной период.

На заключительном этапе для определения влияния социальных рисков на продолжительность жизни населения проводится построение регрессионных моделей с пошаговым включением полученных на предыдущем этапе социальных рисков (факторов) и оценка статистической значимости надежности полученных моделей в соответствии с информационным критерием. Расчеты реализованы в статистическом пакете SPSS с использованием модуля автоматизированного линейного моделирования. Это позволило оценить влияние социальных рисков на ожидаемую продолжительность жизни населения в возрасте 15 лет и старше, а также выявить различия в факторном влиянии в отдельные периоды времени.

⁵ В связи с возможным разнообразием внешних условий, провоцирующих актуализацию отдельных социальных рисков, научный интерес представляет и период за границами рассматриваемого в данном исследовании, например, 2008 г. – период мирового финансового кризиса. Однако это требует значительных усилий по гармонизации статистических данных и подбора альтернативных показателей в целях получения сопоставимых результатов, что представляет собой дополнительную методологическую задачу и выходит за рамки проведенного исследования.

Результаты

Ожидаемая продолжительность жизни населения в возрасте 15 лет (ОПЖ_15) показывает как существенную динамику в целом по России, так и значительную внутрирегиональную дифференциацию (рис. 1). Так, если в 2019 году она составляла 58,9 года, то в 2021 году снизилась до 55,6 года (в результате последствий пандемии новой коронавирусной инфекции), а затем начала восстанавливаться и в 2022 году достигла 58,3 года.

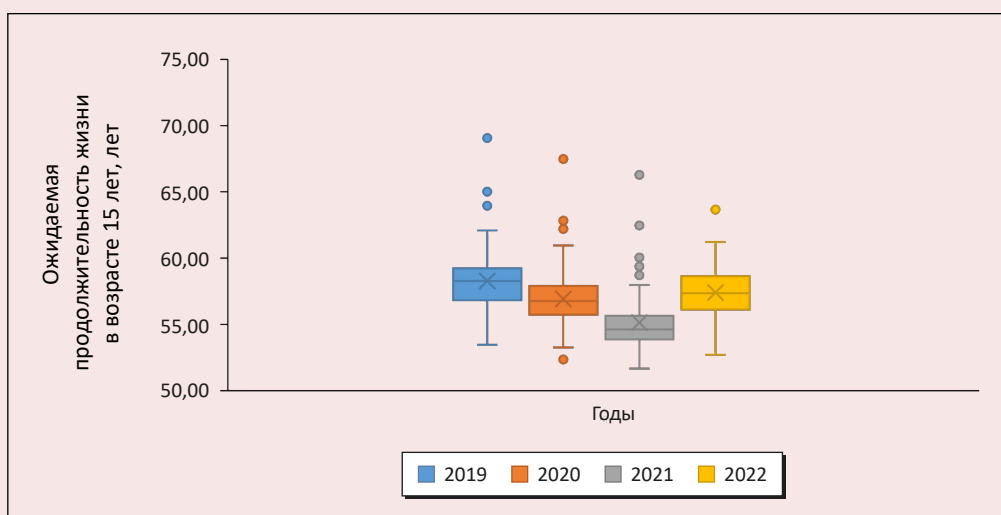
При этом снизилась внутрирегиональная дифференциация по данному показателю: разница между минимальным и максимальным значением сократилась с 15,6 года в 2019 году до 11,3 года в 2022 году. Более того, в 2022 году остался всего один регион с экстремальным высоким значением показателя, в то время как в предыдущие годы их было три-четыре.

Факторный анализ позволил выделить систему социальных рисков, формировавших вызовы и угрозы продолжительности жизни населения российских регионов в рассматриваемый период (табл. 2). Так, на протяжении всего пе-

риода исследования проявляются риски социально-демографического статуса в виде возраста, семейного положения, наличия детей, статуса безработного. Уровень образования, обычно включаемый в социально-демографический статус населения, по результатам факторного анализа формирует отдельный социальный риск, что подчеркивает его значимость для экономически активного населения российских регионов вне его связи с демографическими характеристиками и уровнем доходов населения.

Также постоянно наблюдаемым социальным риском являются качество условий труда и заболеваемость населения, связанная с ними (производственный травматизм, эндокринные заболевания и т. п.). Кроме того, выявлены значимые риски распространенности насилия (смертность от внешних причин и убийства) и социально значимых заболеваний (наркомания, алкоголизм), а также уровня стресса населения, который отражается в виде динамики тревожности аудиторий СМИ и социальных сетей страны в целом и в региональном разрезе⁶.

Рис. 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения в возрасте 15 лет в российских регионах в 2019–2022 гг.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

⁶ Национальный индекс тревожности. Исследования. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/anxiety/> (дата обращения 09.04.2024).

Таблица 2. Социальные риски для населения российских регионов в 2019–2022 гг. (по результатам факторного анализа)

Социальные риски	2019	2020	2021	2022
Социально-демографический статус	√	√	√	√
Уровень насилия	√	√	√	√
Цифровизация и цифровые компетенции	√		√	√
Социально значимые заболевания	√	√	√	√
Заболеваемость и условия труда	√	√	√	√
Доступность соц. поддержки		√		
Уровень образования		√	√	√
Уровень жизни и неравенство		√	√	
Уровень стресса	√	√	√	√
√ отмечены риски, выявленные в данном периоде. Источник: рассчитано автором по данным Росстата.				

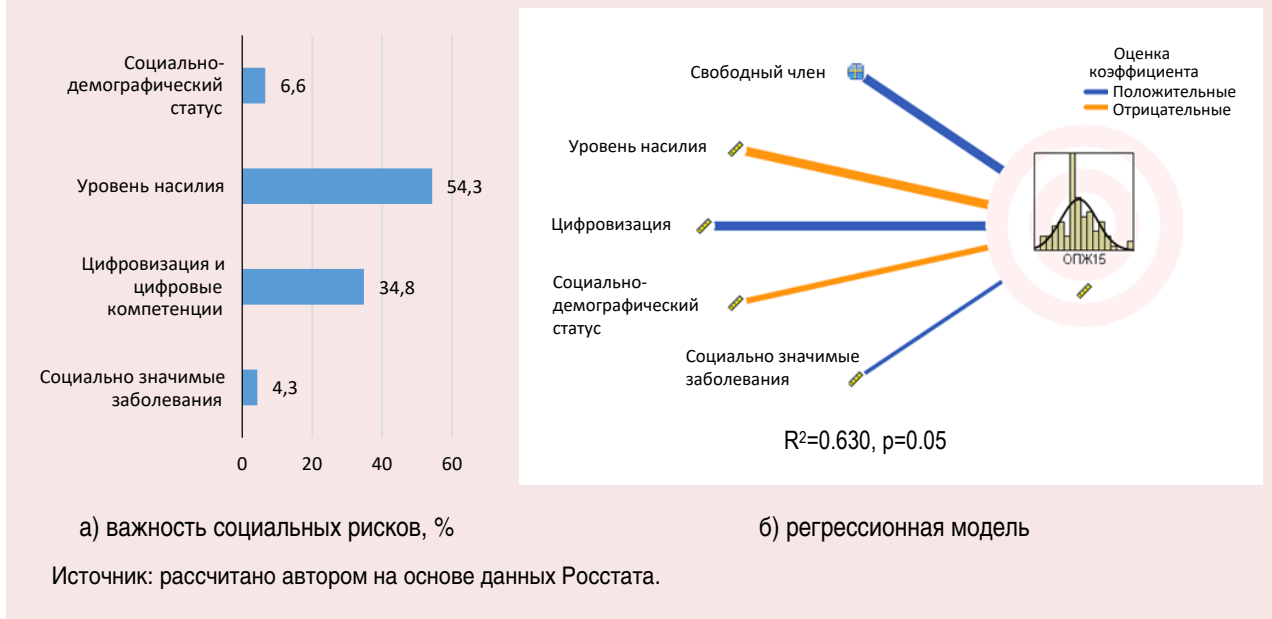
Уровень цифровизации и сформированность цифровых компетенций также выступают источником социального риска для продолжительности жизни населения, что связано как с доступностью более качественных высокооплачиваемых рабочих мест, так и в целом с включенностью в информационное поле и социальные взаимодействия, существенная часть которых перешла в онлайн. В 2020 году в период стремительного развития пандемии COVID-19 факторами риска стали в принципе уровень образования и качество социального капитала (Li et al., 2024), что предположительно может быть обусловлено наличием взаимосвязи между уровнем медицинской грамотности населения и вероятностью применения альтернативных, зачастую низкоэффективных, способов лечения, что в некоторой степени определило уровень заболеваемости и избыточной смертности в этот период. Уточнение данной гипотезы представляет собой научный интерес, однако выходит за рамки проводимого исследования.

В период пандемии в качестве социального риска проявились уровень жизни и степень неравенства, что, на наш взгляд, отражает количество и разнообразие различных ресурсов для адаптации в условиях возникшего вызова (наличие финансовой подушки безопасности, альтернативных источников заработка, доступности платных медицинских услуг и т. п.). Кроме того, в 2020 году значимым фактором риска стала (не)доступность социальной поддержки как еще один источник адаптации к отрицательным социально-экономическим последствиям пандемии для отдельных категорий населения.

Регрессионное моделирование на основе выявленных социальных рисков позволило определить их важность для продолжительности жизни населения. В 2019 году такие социальные риски, как уровень насилия (54,3%) и цифровизация (34,8%), стали наиболее важными для продолжительности жизни экономически активного населения (рис. 2а). При этом видно, что рост уровня насилия (развитие данного социального риска) отрицательно связан с зависимой переменной, т. е. рост преступности в целом и особенно числа преступлений насильственного характера (убийства, преступления с тяжким причинением вреда здоровью) сокращает продолжительность жизни населения старше 15 лет (рис. 2б), что в целом ожидаемо с точки зрения методики расчета ожидаемой продолжительности жизни, и таким образом подтверждает достоверность полученных результатов. Риск цифровизации имеет положительную взаимосвязь с зависимой переменной, поскольку он выражается в показателях, непосредственно снижающих этот риск (обеспеченность соответствующей инфраструктурой и развитость цифровых компетенций населения). Таким образом, уменьшение данного фактора в модели ведет к снижению продолжительности жизни исследуемой возрастной группы населения.

Третьим по важности в 2019 году являлся риск, связанный с социально-демографическим статусом населения (6,6%), при этом следует пояснить отрицательный знак этого фактора в регрессионной модели: поскольку сам фактор формируется из показателей, негатив-

Рис. 2. Регрессионное моделирование влияния социальных рисков на продолжительность жизни экономически активного населения российских регионов в 2019 г.

но связанных с продолжительностью жизни и адаптационными возможностями (доля населения старше трудоспособного возраста, отсутствие семьи или, наоборот, наличие большого числа детей создают предпосылки для уязвимости к вызовам внешней среды), то его нарастание снижает ОПЖ_15. Социально значимые заболевания (алкоголизм, наркомания) также оказывают значимое, хотя и не очень большое влияние на ОПЖ_15, а положительный знак влияния этого социального риска в модели связан с тем, что, как и любой показатель заболеваемости, он свидетельствует скорее не об увеличении распространенности данного явления в обществе, а о более качественной и ранней диагностике в условиях относительной стабильности и доступности медицинской помощи, что способствует лучшему излечению, а следовательно, росту продолжительности жизни населения.

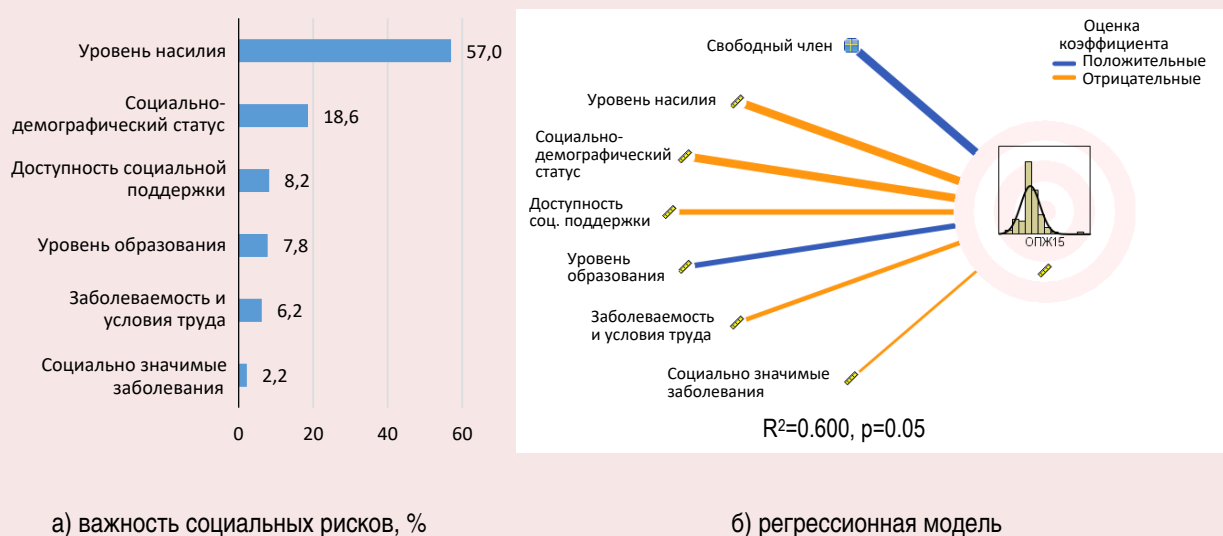
Отдельно стоит отметить, что при построении регрессии социальные риски, значимые с точки зрения факторного анализа (условия труда и заболеваемость, а также уровень стресса), не вошли в модель, поскольку полученные коэффициенты при этих переменных оказались статистически незначимыми, следовательно, они не оказывали ощутимого влияния на про-

должительность жизни экономически активного населения в 2019 году.

Период пандемии новой коронавирусной инфекции 2020–2021 гг. значительным образом изменил как количество, так и приоритет социальных рисков для продолжительности жизни населения российских регионов в возрасте 15 лет и старше (рис. 3, 4). В 2020 году сохраняется доминирующее влияние таких рисков, как уровень насилия (57,0%) и социально-демографический статус (18,6%).

Кардинальная трансформация условий жизни (резкий рост заболеваемости и смертности, локдаун экономики, разрушение экономических связей и социальных отношений) определила также возникновение дополнительных рисков. Важность доступности социальной поддержки составила 8,2%, причем это влияние отрицательное. Таким образом, увеличение объемов социальных выплат отражает уровень бедности и экономическую уязвимость населения. Кроме того, важным фактором является уровень образования, с одной стороны, отражающий адаптационный потенциал населения к изменениям на рынке труда, а с другой — степень информированности и рациональности поведения населения в отношении COVID-19 (Peter et al., 2024). Также существенное влияние

Рис. 3. Регрессионное моделирование влияния социальных рисков на продолжительность жизни экономически активного населения российских регионов в 2020 г.

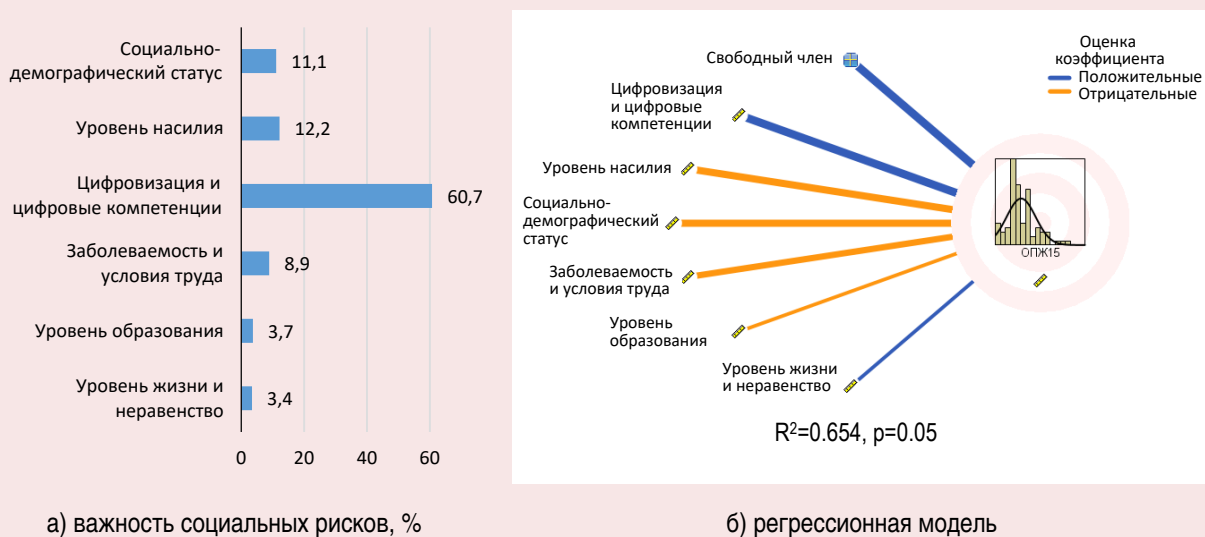

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

на продолжительность жизни людей в возрасте 15 лет и старше оказал уровень заболеваемости и условий труда как определяющий фактор здоровья трудоспособного населения и отяжеляющий фактор при COVID-19.

В 2021 году ведущую роль в формировании продолжительности жизни экономически активного населения играли социальные риски (рис. 4а), связанные с цифровизацией и цифровыми компетенциями населения (60,7%), что

Рис. 4. Регрессионное моделирование влияния социальных рисков на продолжительность жизни экономически активного населения российских регионов в 2021 г.

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

определяется стремительной трансформацией рынка труда в результате усиления тренда на удаленную работу, а также интенсивного внедрения цифровых технологий во всех сферах общественной жизни. Важность этого социального риска была настолько значительной, что частично нивелировала риски высокого уровня насилия (до 12,2%).

По-прежнему сохраняется важность таких социальных рисков, как социально-демографический статус (11,1%), заболеваемость и условия труда (8,9%), а также уровень образования (3,7%) и уровень жизни (3,4%). Отдельно остановимся на таком риске, как уровень образования — его отрицательный вклад связан с тем, что в его структуру включены показатели, характеризующие распространенность среднего профессионального образования и отсутствие профессионального образования. Таким образом, при усилении этого фактора снижаются адаптационный потенциал и продолжительность жизни населения, что и отражается в виде отрицательной взаимосвязи с ОПЖ_15 (рис. 4б).

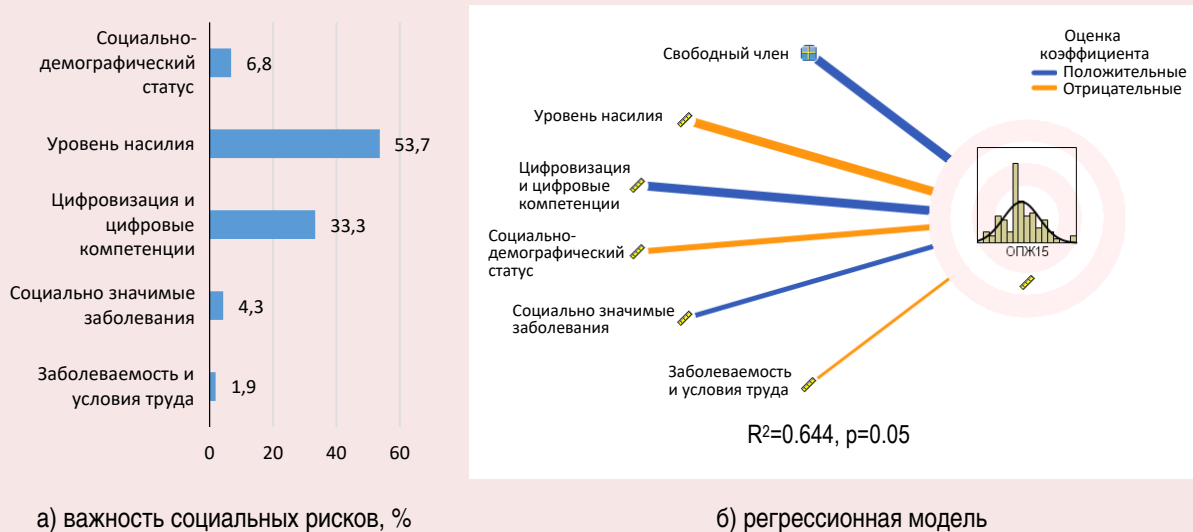
В 2022 году количество социальных рисков, оказывающих значимое влияние на продолжительность жизни экономически активного на-

селения, сократилось по сравнению с предыдущим периодом (при регрессионном моделировании коэффициенты оказались статистически незначимыми для части переменных), а их структура приблизилась к структуре 2019 года, когда наблюдалось достаточно стабильное социально-экономическое положение в российских регионах (рис. 5).

Наибольшую важность для формирования продолжительности жизни населения в возрасте 15 лет в этот период демонстрируют уровень насилия (53,7%) и цифровизация (33,3%). Менее важными, но по-прежнему значимыми социальными рисками являются социально-демографический статус (6,8%), а также социально значимые болезни (4,3%). Кроме того, сохраняется влияние заболеваемости и условий труда (1,9%).

Таким образом, анализируя разнообразие и важность социальных рисков, оказывающих влияние на ожидаемую продолжительность жизни населения в возрасте 15 лет, можно сделать несколько выводов. Во-первых, существует набор социальных рисков, оказывающих значимое и существенное влияние на данный показатель на протяжении всего анализируемого периода. К ним относятся уровень насилия в

Рис. 5. Регрессионное моделирование влияния социальных рисков на продолжительность жизни экономически активного населения российских регионов в 2022 г.

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

обществе, а также социально-демографический статус как вероятность попадания в уязвимую категорию населения по социально-демографическим характеристикам (пожилой возраст, многодетность, статус безработного и т. п.). В эту же группу рисков входят риск цифровизации как с точки зрения развития цифровой инфраструктуры, так и с точки зрения сформированности цифровых компетенций населения, а также уровень заболеваемости и качество условий труда. В целом эта группа социальных рисков связана с угрозами физической безопасности и социальной депривации населения как факторов сокращения продолжительности жизни.

На наш взгляд, перечисленные социальные риски носят системный характер, поскольку являются значимыми на протяжении всего рассматриваемого периода и неотъемлемо связаны со сложившимися социально-экономическими отношениями. Снижение негативного влияния таких рисков необходимо осуществлять системно на государственном уровне в контексте приоритетов национальной социально-экономической политики, что и отражается в новых национальных проектах, запущенных в 2025 году⁷.

Во-вторых, выявлена группа социальных рисков, возникающих в кризисных ситуациях, например проявившихся в период пандемии новой коронавирусной инфекции. К ним относятся преимущественно экономические риски, связанные с угрозами нарастания бедности и неравенства, а также низким уровнем образования как дополнительного риска снижения качества жизни во время кризисных явлений в социально-экономическом развитии российских регионов. Перечисленные социальные риски вследствие характера их возникновения и скоротечности их влияния могут быть названы ситуативными, а их нивелирование связано как с точечными решениями государства (например, комплекс федеральных и региональных мер социальной поддержки населения в условиях пан-

демии COVID-19 в 2020–2021 гг.⁸), так и с усилиями гражданского общества, направленными на поддержку групп населения, наиболее уязвимых в конкретной ситуации (пожилых людей, семей с детьми, людей с ОВЗ, безработных граждан, беженцев).

Полученные результаты открывают возможности для дальнейшего изучения структуры и содержания социальных рисков, в том числе исследование на более длительном периоде времени позволит в перспективе уточнить системные риски, а на примере других шоковых явлений (финансового кризиса, природных катастроф и пр.) — расширить представление о ситуативных социальных рисках и мерах по их смягчению.

Заключение

Представленное исследование посвящено выявлению социальных рисков, а также оценке их влияния на продолжительность жизни населения, которая зависит не только от биологических предпосылок, но и от способности населения адаптироваться к нарастающей неопределенности в условиях постоянной трансформации внешней среды.

Поисковое исследование, выполненное методами факторного анализа на основе показателей социально-экономического развития российских регионов в 2019–2022 гг., позволило выявить конкретные социальные риски, актуальные для каждого года выбранного периода анализа. Последующее регрессионное моделирование использовало в качестве независимых переменных социальные риски, определенные по результатам факторного анализа, а в качестве зависимой переменной — ожидаемую продолжительность жизни населения в возрасте 15 лет. В результате регрессионного моделирования, во-первых, определены важность и направленность влияния выявленных социальных рисков на продолжительность жизни экономически активного населения, во-вторых, проведен сравнительный анализ отдельных временных периодов между собой и показаны значительные различия в структуре актуальных социальных рисков.

⁷ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251/1caf1bd3e1d25c87f89d45f48b5fc7f08cb5063a/ (дата обращения 13.01.2025).

⁸ Меры Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики. URL: http://government.ru/support_measures/ (дата обращения 07.08.2024).

Проведенное поисковое исследование свидетельствует, что на продолжительность жизни экономически активного населения оказывают влияние две группы рисков. Те социальные риски (уровень насилия, социально-демографический статус, условия труда и заболеваемость, социально значимые заболевания, цифровизация), которые сохраняют значимое влияние на протяжении всего рассматриваемого периода и входят во все четыре регрессионные модели, определены нами как системные, присущие сложившейся социально-экономической системе в российских регионах. Другая группа социальных рисков, возникающих в результате кризисных явлений в экономике и социальной сфере (например, в период пандемии) и связанных с вероятностью быстрого снижения уровня жизни населения и роста неравенства, обозначена нами как ситуативные риски. При этом их влияние в период нестабильности может быть настолько значительным, что их важность становится преобладающей в краткосрочном периоде.

Предложенный подход к классификации социальных рисков предопределяет, на наш взгляд, необходимый характер регулирующего воздействия для увеличения продолжительности жизни населения: системные социальные риски требуют планомерных долгосрочных стратегических решений, направленных на преодоление указанных социальных явлений и постепенное преобразование социально-экономической системы в целом, в то время как ситуативные социальные риски могут быть минимизированы краткосрочными точечными мерами преимущественно экономического характера (например, выплатой единовремен-

ных пособий, предоставлением дополнительных льгот и т. п.).

Таким образом, научная новизна исследования связана с его поисковым характером и заключается в уточнении состава актуальных социальных рисков, оказывающих влияние на продолжительность жизни экономически активного населения в российских регионах в период 2019–2022 гг., а также в обосновании двух групп социальных рисков – системных и ситуативных, что позволяет принимать аргументированные решения по повышению продолжительности жизни населения в зависимости от характера выявленных рисков. Полученные результаты могут быть использованы при формировании социально-экономической политики в стране и ее отдельных регионах.

Вместе с тем следует отметить, что социальные риски не являются универсальными для различных социально-демографических групп населения, что частично подтверждается полученными результатами, поскольку социально-демографический статус выступает в качестве системного риска и сохраняет свою важность в разные годы. Кроме того, несмотря на то, что поисковый характер исследования определил достаточно ограниченный период для анализа, даже такой короткий ретроспективный взгляд позволил предположить высокую подвижность структуры социальных рисков как с точки зрения их количества, так и их важности. Это открывает возможности для дальнейшего исследования данной тематики в части дифференциации социальных рисков по группам населения и их анализа на более длинном временном ряде.

Литература

- Баранник Л.Б. (2012). Социальный риск как предмет исследования в теории социальной защиты населения // Труд и социальные отношения. № 11. С. 53–59.
- Бек У. (2000). Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 383 с.
- Величковский Б.Т. (2012). Жизнеспособность нации: взаимосвязь социальных и биологических механизмов в развитии демографического кризиса и изменении состояния здоровья населения России. 2-е изд. М.: РАМН. 240 с.
- Величковский Б.Т. (2013). Социальная биология человека // Вестник РГМУ. № 5-6. С. 9–18.
- Гидденс Э. (1994). Судьба, риск, безопасность // THESIS. Вып. 5. С. 107–134.
- Дуглас М. (2002). Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле. 285 с.
- Золотарев С.П. (2024). Основные подходы исследования социальных рисков и пути их концептуализации в социальной философии // KANT. № 2 (51). С. 221–228. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-51.36

- Зубков В.И. (2001). Риск в структуре экономического поведения // Вестник РУДН: серия Социология. № 2. С. 76–93.
- Канеман Д., Тверски А. (2003). Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. № 24 (4). С. 31–42.
- Леонтьева А.Г. (2020). Социальные риски и их влияние на качество человеческого потенциала региона // Вестник ВГУИТ. Т. 82. № 1. С. 389–397. DOI: 10.20914/2310-1202-2020-1-389-397
- Ли С. (2024). Управление социальными рисками в глобальном обществе риска: уроки, извлеченные из мер реагирования Китая на пандемию // Общество. Среда. Развитие. № 1. С. 45–51. DOI: 10.53115/19975996_2024_01_045_051
- Луман Н. (1994). Понятие риска // THESIS. Вып. 5. С. 135–160.
- Максимович А. (2023). Методология прогнозирования и стратегии управления социальными рисками // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 4. С. 223–229. DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-223-229>
- Микрюков В.О., Илюшин С.Н. (2022). Теоретико-методологический анализ социальных рисков современного общества. М.: Научно-издательский центр Инфра-М. 159 с. DOI: 10.12737/1111372
- Нарбут В.В. (2016). Смертность населения России в трудоспособном возрасте: гендерные и территориальные различия // Высшее образование сегодня. № 2. С. 48–51.
- Тамошина Г.И., Тимошина Е.В. (2009). Социальные риски: классификация и управление // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. № 8. С. 6–9.
- Яницкий О.Н. (2003). Социология риска: ключевые идеи // Мир России. № 1. С. 3–33.
- Allen N., Badcock P. (2003). The social risk hypothesis of depressed mood: Evolutionary, psychosocial, and neurobiological perspectives. *Psychological bulletin*, 129, 887–913. DOI: 10.1037/0033-2909.129.6.887
- Cai J., Gao Y., Hu T., Zhou L., Jiang H. (2023). Impact of lifestyle and psychological resilience on survival among the oldest-old in China: A cohort study. *Front. Public Health*, 11, 1329885. DOI: 10.3389/fpubh.2023.1329885
- Hofstede G., Minkov M. (1997). *Cultures and Organizations: Software of the Mind: Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival*. New York: McGraw-Hill.
- Iyakaremye A., Tripathi A. (2024). Assessing the impact of education on life expectancy in Rwanda. *International Journal of Economics*, 9(2), 65–73. DOI: <https://doi.org/10.47604/ijecon.2555>
- Jones S.M., Briant K.J., Doody D.R. et al. (2024). A person-reported cumulative social risk measure does not show bias by income and education. *Journal of Patient-Reported Outcomes*, 8, 90. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41687-024-00772-2>
- Knight F. (1921). *Risk, Uncertainty and Profit*. Boston.
- Li H., Yi H., Renn O., Li J. (2024). The role of social capital in managing risks: A bibliometric analysis and literature review. *Journal of Risk Research*, 27, 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1080/13669877.2024.2360907>
- Liu X., Lin Yu.-R., Jiang Zh., Wu Q. (2024). Social risks in the era of generative AI. *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*, 61(1), 790–794. DOI: 10.1002/pra2.1103
- Lockie S., Graham V., Taylor B. et al. (2024). Conceptualizing social risk in relation to climate change and assisted ecosystem adaptation. *Risk Analysis*, 1–14. DOI: 10.1111/risa.17635
- Lupton D. (1999). *Risk*. London; New York: Routledge.
- Nguyen K.H., Cole M.B. (2024). Social risk factors, health insurance coverage, and inequities in access to care. *American Journal of Preventive Medicine*. DOI: 10.1016/j.amepre.2024.09.005
- Onisanwa I., Oloruntimilehin N.I., Ikeh F.E., Ndangra D.P. (2024). Social, economic and environmental determinants of life expectancy in Nigeria. *Tanzanian Economic Review*, 14(1), 69–96. DOI: <https://doi.org/10.56279/ter.v14i1.175>
- Peter N., Donelle L., George C. et al. (2024). Equity-informed social media COVID-19 risk communication strategies: A scoping review. *BMJ Open*, 14, e085630. DOI: 10.1136/bmjopen-2024-085630
- Salehi S., Sedgh A.K. (2023). Predicting quality of life of the elderly based on life expectancy and resilience. *Journal of Counseling Research*. DOI: 10.18502/qjcr.v22i85.12543
- Wang G., Su Q., Wang L., Plotkin J. (2024). The evolution of social behaviors and risk preferences in settings with uncertainty. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 121(30), e2406993121. DOI: 10.1073/pnas.2406993121

Сведения об авторе

Мария Никитична Макарова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: makarova.mn@uiec.ru)

Makarova M.N.

On Assessing the Impact of Social Risks on the Life Expectancy of Economically Active Population

Abstract. Intensive transformations of public life generate a wide range of social risks that have a negative impact on the life expectancy of economically active population. In addition to the well-described risks (insurance, environmental, food), an increasing number of new threats are emerging (digitalization, pandemics, geopolitical challenges, etc.); this exacerbates issues related to the ability and possibility to adequately respond to environmental requirements at the individual level, and also determines the need for timely and correct management decisions in this area at the meso and macro levels. All this highlights the need to deepen the scientific understanding of the current structure of social risks and find new approaches to assessing the impact of social risks on the population. Thus, the aim of the study is to identify current social risks and assess their impact on the life expectancy of economically active population in Russian regions. The research data were derived from Rosstat's statistics on the socio-economic situation of Russia's regions for 2019–2022. At the stage of exploratory research, in order to clarify the structure and content of social risks, we used factor analysis, which determined the social risks relevant to the economically active population of Russian regions during the period under review; we also put forward their typology in terms of duration of exposure (systems and situational). Using automated regression modeling methods, we determined the importance and significance of the identified risks in each of the years under consideration (2019–2022). Scientific novelty of the study lies in proving that life expectancy of the economically active population of Russian regions is influenced by systems social risks typical for the entire period in question, as well as situational social risks that are short-term and that arise during the crisis. It is proved that the results obtained help to apply a differentiated approach to the implementation of measures to increase life expectancy – through long-term strategic programs to reduce the impact of systems social risks or targeted short-term solutions of a predominantly economic nature to overcome the negative impact of situational social risks, which can contribute to improving the effectiveness of governmental and regional social policy.

Key words: social risk, factor analysis, assessment, life expectancy, region, economically active population.

Information about the Author

Mariya N. Makarova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: makarova.mn@uiec.ru)

Статья поступила 23.08.2024.

Динамика и возрастная структура миграционных потоков регионов Дальнего Востока

Матвей Павлович

КУЛАКОВ

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН

Биробиджан, Российская Федерация

e-mail: k_matvey@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7060-2731; ResearcherID: P-6776-2016

Светлана Николаевна

МИЩУК

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: svetamic79@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8117-6352; ResearcherID: B-2042-2014

Аннотация. Миграция долгое время остается ведущим фактором снижения численности населения на Дальнем Востоке России. Принимая во внимание большое количество методов и подходов к анализу и оценке миграции населения, в рамках данного исследования предложена оригинальная методика оценки параметров миграции населения между парами регионов Дальнего Востока. Авторская методика оценки числа мигрантов использует метод передвижки возрастов (метод компонент) совместно с элементами метода баланса миграционного движения населения. В отличие от существующих подходов к оценке миграционной подвижности населения предложенный авторский подход позволяет получить минимальные показатели миграции с некоторым диапазоном их возможных значений, гарантирующих сохранение баланса населения. Отдельный интерес представляет оценка миграции в разрезе возрастных групп населения в ко-

Для цитирования: Кулаков М.П., Мищук С.Н. (2025). Динамика и возрастная структура миграционных потоков регионов Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 220–242. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.13

For citation: Kulakov M.P., Mishchuk S.N. (2025). Dynamics and age structure of migration flows of Far Eastern regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 220–242. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.13

видный и постковидный периоды. Сравнительный анализ данных о сальдо миграции на основе официальных статистических данных и расчетных значений авторов исследования выявил ряд аномалий и манипуляций с официальной информацией о численности населения, рождаемости и смертности детей и подростков до 15 лет. Выявлено завышение числа новорожденных в 2018–2021 гг. в пяти регионах Дальнего Востока. В пандемийные годы (2020–2021) отмечен небольшой миграционный прирост для групп населения в возрасте 17–19 и 20–29 лет из регионов за пределами Дальнего Востока. Миграционный прирост в трех регионах-лидерах (Хабаровский, Приморский края и Республика Саха) имеет возрастные особенности и изменение во времени.

Ключевые слова: миграция, возрастная структура, метод передвижки возрастов, Дальний Восток.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01046, <https://rscf.ru/project/24-28-01046/>.

Введение

Оценка миграции населения является важной задачей, возникающей при исследовании социально-экономических процессов на региональном, национальном и глобальном уровне. На основе данных о миграционном движении населения прогнозируется демографическая ситуация, строятся прогнозы развития регионов, формируются национальные и региональные программы. Вместе с тем официальные статистические данные о миграции являются всего лишь расчетными величинами, не лишенными множества недостатков, явных ошибок, например, из-за задержек в регистрации выезда или прибытия, или явных следов манипуляций (Вакуленко и др., 2011; Мкртчян, 2020; Андреев, Чурилова, 2023). Кроме того, эти величины, как правило, представлены довольно обобщенно, как разность между потоками прибывшего и выбывшего населения в регионе без уточнения направлений этих потоков (Назаров, Носова, 2009; Сафиуллин и др., 2014). В результате официальные сведения дают лишь приблизительное представление о миграции населения, сводя на нет их практическую и теоретическую значимость.

В большинстве регионов Дальнего Востока России величина миграционного оттока населения сопоставима со смертностью и является мощным фактором, ускоряющим депопуляцию (Рязанцев и др., 2016; Мотрич, 2017). Точное описание структуры миграции и ее направлений для разных регионов в возрастном разрезе, а также ее динамика могут быть использованы при разработке демографической

политики, а также мероприятий в рамках реализации молодежной и семейной политики.

Миграционные процессы в дальневосточных регионах различаются (Моисеева, Мищук, 2024), что связано с региональными особенностями природно-географических, исторических, экономических, культурно-антропологических, демографических характеристик рассматриваемых территорий. Несмотря на снижение доли миграции в общей убыли населения Дальнего Востока, изучение характера, структуры и направлений миграции является важным условием всесторонней оценки и прогнозирования изменения численности населения.

В связи с этим в работе наряду с традиционными методами анализа демографической ситуации предложена оригинальная методика оценки параметров миграции населения между регионами Дальнего Востока России. Методика основывается на анализе изменений численности населения разных возрастов, вызванных естественным и механическим движением между всевозможными парами регионов. Такие оценки миграции позволяют ответить на ряд вопросов, что невозможно при анализе лишь величины нетто-баланса миграции (сальдо). В частности, в случае положительного значения сальдо удастся достаточно обоснованно указать, с каких территорий происходит наиболее интенсивный приток населения, а с каких притока нет. В случае отрицательного сальдо можно определить, на какие территории направлена наибольшая эмиграция.

Отметим, что попытки прямой оценки миграции между территориями и выделения ее компонентов и структуры предпринимались многими исследователями (Рыбаковский, Таяюнова, 2019; Мишук, Рязанцев, 2021; Русанов, Чуудиновских, 2022). Большинство работ, как правило, основывается на анализе не только изменений численности населения, представленных в официальной статистике, но и ряда дополнительных факторов. Например, оценивается привлекательность территории (Василенко, 2014; Василенко, 2015), от которой прямо зависят интенсивность и направление миграции. Отдельного внимания заслуживают работы, использующие гравитационный подход к анализу и оценке миграции (Вакуленко и др., 2011; Козлова и др., 2014; Корепина, 2017; Khavinson, Kulakov, 2017), где количество мигрантов зависит от расстояния между региональными центрами (Вакуленко и др., 2011) или удаленности населенных пунктов между собой (Козлова и др., 2014). Кроме того, на притяжение между территориями влияют разнообразные факторы социально-экономического развития (Вакуленко и др., 2011).

Интересные результаты получены при оценке миграции населения между странами (Renski, Strate, 2013; Abel, 2013; Abel, Sander, 2014; Azose, Raftery, 2019; Gou et al., 2020). Для поиска коэффициентов соответствующей матрицы миграции используют псевдо-байесовский подход и метод максимального правдоподобия (Abel, 2013; Azose, Raftery, 2019). В работах было показано, как менялись направления и структура миграций населения Земли за последние 50 лет (Abel, Sander, 2014; Gou et al., 2020). Однако из-за большого объема фактических данных анализировалось лишь изменение общей численности мигрирующего населения без детализации возрастной или половой структуры. Было обнаружено, что в исследуемый период страны образовывали группы (кластеры), в пределах которых отмечено наиболее интенсивное движение населения. Показано, что изменения этих кластеров происходили в первую очередь из-за процессов глобализации и формирования многополярного мира (Gou et al., 2020).

При наличии достаточно подробных данных о структуре населения, а также показателей рождаемости и смертности можно применять

более «прямой» подход, например, основанный на идеях отраслевого и территориального баланса населения (Единак, Коровкин, 2014; Коровкин, Сеница, 2019). Однако здесь требуются достаточно детальные и полные сведения о структуре населения, показатели его движения, включающие не только сведения о рождаемости и смертности, но и знание о территориальном, отраслевом, профессиональном и т. п. движении населения (Единак, Коровкин, 2014). В условиях достаточной полноты информации этот подход позволяет максимально точно описать миграцию населения и построить некоторые прогнозы.

В настоящей работе предложена методика (алгоритм) оценки числа мигрантов с использованием метода передвижки возрастов (метод компонент) (Whelpton, 1928; Назаров, Носова, 2009; Неверова, 2010; Неверова, Ревуцкая, 2017; Clark, 2020), а также идеологию метода баланса территориального движения населения между связанными регионами РФ, но без уточнения причин миграции (Единак, Коровкин, 2014). Для каждого возраста и определенного года выписываются уравнения баланса населения между всевозможными парами регионов с учетом смертности и неизвестной миграции между ними. В результате задача оценки числа мигрантов формулируется как чисто алгебраическая проблема решения системы линейных уравнений с сильно разреженной и плохо обусловленной матрицей. Для решения подобных систем существует достаточное число эффективных численных методов, основанных на ортогональных разложениях матриц, методах наименьших квадратов и регуляризации (Бахвалов и др., 2004; Ильин, Позняк, 2004).

Цель работы – исследование структуры и динамики миграции населения между парами регионов Дальнего Востока (ДВ) России на основе авторской методики оценки миграционной активности населения.

В первом разделе статьи анализируются показатели миграционного сальдо дальневосточных регионов на основании разных данных (о численности населения, миграционном приросте, смертности населения и чистой миграции). В работе представлен сравнительный анализ миграционного сальдо на основе официальных и расчётных данных.

Во втором разделе отражены расчеты и результаты оценки интенсивности миграции между всевозможными парами регионов ДВ и остальной частью РФ, а также между парами регионов ДВ. На данном этапе использованы элементы теории графов, теории матриц, а также численные методы решения систем линейных алгебраических уравнений.

В третьем разделе представлены количественные оценки миграции населения разных возрастных групп между регионами ДВ.

В работе анализируются данные о миграции внутри ДВ, в том числе между парами его регионов, а также миграционное сальдо с другими регионами России. В рамках предложенного подхода не оцениваются миграционные потоки между ДВ и зарубежными странами. Отдельно рассмотрены изменения миграции разных групп населения в ковидный и постковидный периоды. Эмпирическая часть работы включает анализ данных по 11 регионам Дальнего Востока России.

Исходные данные и расчет суммарного миграционного сальдо

Согласно методу передвижки возрастов (или методу компонент) (Whelpton, 1928; Назаров, Носова, 2009; Неверова, 2010; Неверова, Ревуцкая, 2017; Сафиуллин и др., 2014, Clark, 2020) численности населения между смежными поколениями (за исключением новорожденных) связаны простым уравнением:

$$N_i(t, k) = N_i(t-1, k-1) - D_i(t-1, k-1) + M_i(t-1, k-1), (1)$$

где $N_i(t, k)$ — численность населения k -го возраста ($k = 1, 2, \dots, 100$) на начало t -го года, D_i — число умерших за весь $t-1$ -й год, M_i — миграционный приток за тот же период (сальдо), равный разности между числом прибывших и выбывших, индекс i — номер территории (региона). Для числа детей в возрасте до года имеем другое уравнение:

$$N_i(t, 0) = B_i(t-1) - D_i(t-1, 0) + M_i(t-1, 0), (2)$$

где B_i — число родившихся детей за весь $t-1$ -й год, D_i — младенческая смертность.

Таким образом, простейший анализ механического движения населения можно провести, используя данные о возрастном составе (чис-

ленности населения каждого возраста), а также параметрах естественного движения населения (рождаемость и смертность). Проведем этот анализ для 11 регионов ДВ. В качестве исходных данных будем использовать данные Федеральной службы государственной статистики, включающие численность населения по полу и возрасту на 1 января 2012–2022 гг. (по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г.), а также данные Росстата о смертности и рождаемости за период с 2016 по 2023 год¹.

Решая уравнения (1) и (2) относительно неизвестной величины M , легко оценить миграционное сальдо. Но поскольку данные о численности населения по итогам переписи, по сути, являются расчетными, то найденные значения M равны тем значениям миграции, которые Федеральная служба государственной статистики заложила в расчет численности населения. Поэтому будет интересно сравнить эти же значения с данными о миграционном приросте с портала официальной статистики Росстата². Дополнительно будем использовать данные Росстата о смертности и чистой миграции с разбивкой по полу и возрасту³.

Результат оценки миграционного сальдо для части регионов ДВ и отдельных лет наблюдения приведен на *рисунках 1 и 2*. Для большинства регионов нет существенной разницы между официальными данными и показателями миграции, рассчитанными по методу возрастных передвижек (на основе уравнений (1) и (2)). Хотя по расчётам миграция оказалась на 15–30% выше, чем официальная, в целом достаточно хорошо совпадает характер распределения миграции по возрастам — направление миграции и его изменение в смежных возрастах.

¹ Официальная статистика. Население. Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 09.07.2024).

² Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения // Федеральная служба государственной статистики. Витрина статистических данных. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения 09.07.2024).

³ Данные предоставлены Росстатом по официальному запросу.

Рис. 1. Величина миграционного баланса M (сальдо) для групп населения в возрасте k ($k = 0, 1, 2, \dots, 100$) в 2018, 2020 и 2022 гг. для регионов ДВ с наиболее заметной разницей между официальной и расчетной миграцией

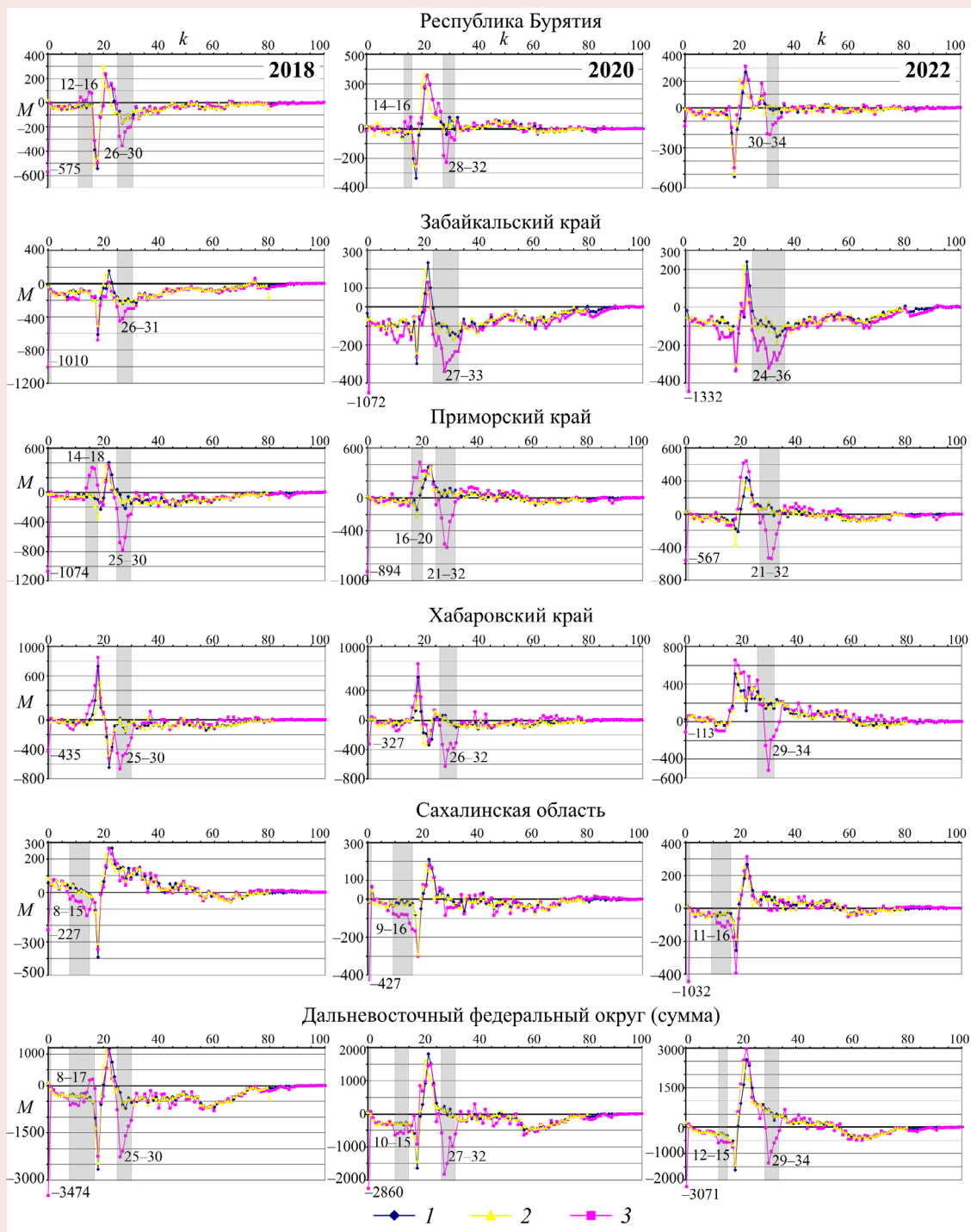
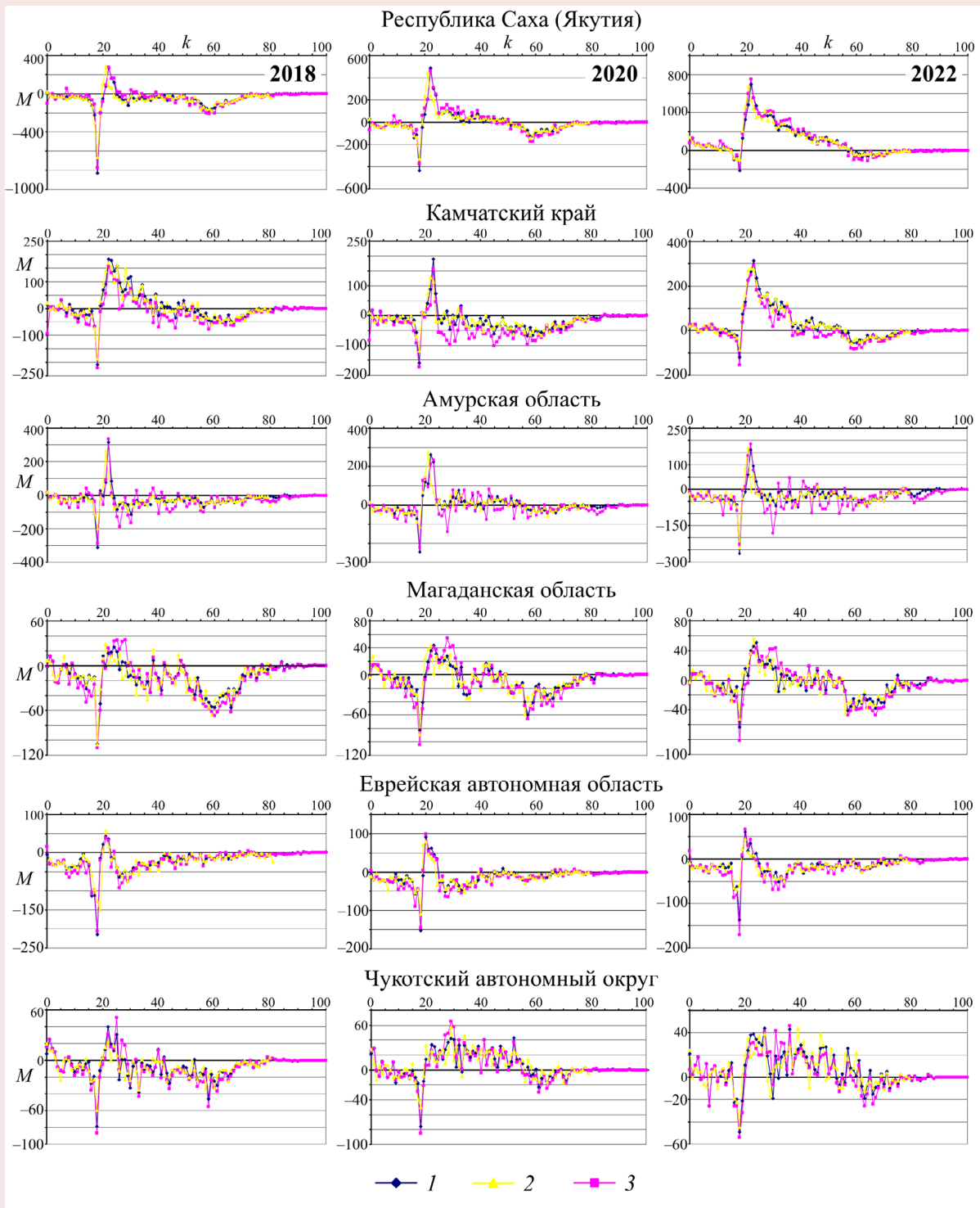

Рис. 2. Сравнение официальных данных по миграции с расчетной для регионов ДВ

1 – данные из сборника Росстата (Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения // Федеральная служба государственной статистики. Витрина статистических данных. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения 09.07.2024)), 2 – данные Росстата по запросу, 3 – собственные расчеты. Ось абсцисс – возраст ($k = 0, 1, 2, \dots, 100$), ось ординат – величина миграционного баланса M .

Однако для ряда регионов и некоторых возрастных групп населения выявлен ряд аномалий, проявляющиеся в несоответствии между расчетной и официальной миграцией в отдельные годы и в отдельных возрастных группах (см. рис. 1).

Первая и самая существенная аномалия связана с завышением числа новорожденных в 2018–2021 гг. в пяти регионах (Хабаровский край, Приморский край, Сахалинская область, Республика Бурятия, Забайкальский край). Значительное завышение числа детей до года привело к тому, что фактическая младенческая смертность не способна объяснить столь стремительное снижение числа детей в следующем году. В результате для этих регионов значение $M(t,0)$ в уравнении (2) всегда отрицательное и от 2 до 20 раз больше, чем официальное значение. Объяснений такого несоответствия может быть несколько.

Например, для регионов ДВ характерен существенный разрыв в медицинских возможностях для беременных женщин, и нередко женщины едут рожать в соседние регионы с более развитой системой здравоохранения. В результате новорожденные регистрируются в одном регионе, но довольно быстро матери с детьми возвращаются в свой регион, где возможна повторная регистрация. И действительно, для регионов, где не замечено завышение числа новорожденных (как следствие, завышение сальдо для новорожденных), отмечается небольшое превышение миграционного сальдо для детей в возрасте 1 год над официальными данными. Однако численно это превышение не способно полностью объяснить аномалии в миграции новорожденных. Кроме того, ряд исследователей отмечает, что высокая отрицательная миграция, получаемая по данным всероссийской переписи, связана с широким использованием административных данных по лицам, не участвующим в переписи лично. Согласно (Андреев, Чурилова, 2023), доля таких людей высока для некоторых «проблемных» регионов (Хабаровский и Приморский края) ДВ и хорошо коррелирует с долей лиц с неизвестным уровнем образования и брачным статусом.

Вторая аномалия, которой нет очевидного и простого объяснения, связана с положительным расчетным притоком подростков в Республике Бурятия (12–18 лет) и Приморском крае (14–18 лет) в 2018–2019 гг. По официальным данным для этих возрастов наблюдается околонулевая миграция или даже небольшой отток. С одной стороны, частью группы более старших подростков (16–18 лет) могут быть абитуриенты, поступающие в средние и высшие учебные заведения из других регионов, но официально не учтенные на тот момент. Заметим, что подобный довольно яркий пик положительного сальдо, не противоречащий официальным данным, наблюдается в последующие годы с 2020 года, но затрагивает только лишь молодежь 18–20 лет, т. е. молодые люди могли прибывать в эти регионы раньше, но были зарегистрированы позднее, когда достигли совершеннолетия. Либо, что вероятнее, при пересчете по итогам переписи они были «ошибочно» учтены как мигрировавшие на несколько лет раньше. Это подтверждается тем, что в более ранних периодах пик притока подростков смещается к более младшим возрастам, а к 2022 году он приходится на возраст 20–22 года. Кроме того, подростки 12–16 лет в 2018–2019 гг. и более ранние годы не могли самостоятельно мигрировать в эти регионы без родителей. Однако в этот период не было отмечено положительного притока взрослого населения, которое могло быть их родителями или опекунами (лица старше 30 лет). В более поздние периоды после 2020 года приток таких взрослых уже наблюдался, но не отмечается аналогичного притока детей. Возможно, в период 2018–2019 гг. миграция семей с детьми в эти регионы действительно могла иметь место, но учтены были только дети, а взрослые учтены лишь по итогам Всероссийской переписи населения 2020 года.

Схожая ситуация характерна для Сахалинской области: по официальным данным, в 2018–2022 гг. имел место приток детей и подростков всех возрастов, который шел довольно синхронно с притоком взрослого населения, т. е. людей, которые могут быть их родителя-

ми (19 лет и старше). Однако между данными расчетной и официальной миграции есть существенная разница — для детей от 8 до 16 лет расчетные значения сальдо отрицательные, а официальные положительные. Возможно, имел место недоучет выбытия их родителей, который не был уточнен по итогам переписи после 2020 года.

Третья особенность, которую уже нельзя назвать аномалией, наблюдается для Хабаровского, Приморского, Забайкальского краев и Республики Бурятия. Она проявляется в существенной разнице между официальным и расчетным миграционным сальдо для лиц 25–30 лет с 2017 по 2022 год. Расчет свидетельствует, что в этот период имел место сильный отток, в то время как официальная статистика показывает слабоотрицательные или даже положительные значения. Такое несоответствие можно объяснить тем, что, являясь наиболее мобильной, эта группа населения после выбытия длительное время не учитывается как фактически сменившие место жительства, в то время как прибывшие, обеспечивающие положительное или близкое к нулю сальдо, в основном состоят из мигрантов, подлежащих обязательному учету (международные трудовые мигранты).

Последняя особенность данных связана со смещением на один год пиков в распределении расчетного и официального миграционного сальдо для большинства регионов ДВ. Такое смещение можно объяснить задержками в учете мигрантов. Причем чем крупнее по населению регион, тем заметнее эта и другие уже отмеченные особенности. В отношении других регионов нет существенной разницы между официальной и расчетной статистикой (см. рис. 2).

Таким образом, можно полагать, что, несмотря на отмеченные аномалии, расчетные значения миграционного сальдо для всех 11 регионов в рассматриваемом периоде времени в целом лучше описывают реальную ситуацию, чем официальные данные, а также улавливают некоторые неочевидные тенденции миграции населения, поэтому для дальнейшего анализа будем использовать расчетные данные. Сконцентрируемся на возрастах с наиболее достоверными данными о миграции и представляющими особый интерес — лица старше 16 лет.

Расчет миграционного сальдо между парами регионов

Представленные выше показатели миграции населения для конкретного региона отражают лишь итоговый результат миграционного обмена между всеми регионами РФ без уточнения направлений и интенсивности потоков. В связи с этим интересно оценить интенсивность миграции между всевозможными парами регионов ДВ и остальной частью РФ. Для этого применим элементы теории графов, теории матриц, а также численные методы решения систем линейных алгебраических уравнений.

Для начала сделаем существенное допущение. Положим, что сумма миграционного сальдо для всех регионов ДВ равна миграционному сальдо с остальной частью РФ, но со знаком минус. В данном случае мы полагаем, что международная миграция включена во внутрироссийскую, что вполне оправданно, поскольку численность населения РФ без ДВ более чем в 17 раз больше численности дальневосточного населения. Это допущение приводит к тому, что эмигранты из ДВ, переселяющиеся в другие страны, сначала переезжают на территории за пределами ДВ, увеличивая там численность населения, а только затем покидают территорию РФ. Аналогично иммигранты из других стран переселяются в ДВ через промежуточные российские регионы. Это без сомнения вызовет расхождение в показателях численности населения при оценке миграции (в первую очередь для территорий вне ДВ), что косвенно укажет на величину международной миграции. Однако это значительно упростит анализ и позволит обойтись минимальным набором данных.

При такой постановке задачи дальневосточные регионы и остальную часть России можно описать в виде полного ориентируемого графа с $n = 12$ вершинами и $p = n(n - 1) / 2 = 66$ ребрами. Тогда интересно оценить связанность такого графа, узнать, существует ли какое-либо характерное направление движения вдоль него (маршруты), существуют ли замкнутые пути на нем и как они изменяются во времени для разных поколений. Для этого необходимо оценить силу связи (вес ребра) между каждой парой регионов (вершин).

Как и ранее, будем обозначать миграционное сальдо в t -й год населения с возрастом k через $M_i(t, k)$, где индекс $i = 1, 2, 3, \dots, n = 11$ соответствует номеру региона ДВ; $M_{12}(t, k) = -\sum_{i=1}^{11} M_i(t, k)$ – миграционное сальдо между РФ и ДВ. Пронумеруем регионы следующим образом: 1 – Республика Бурятия, 2 – Забайкальский край, 3 – Республика Саха (Якутия), 4 – Камчатский край, 5 – Приморский край, 6 – Хабаровский край, 7 – Амурская область, 8 – Магаданская область, 9 – Сахалинская область, 10 – Еврейская автономная область, 11 – Чукотский автономный округ, 12 – Российская Федерация без учета ДВ.

Несложно понять, что каждая из величин M_i ($i = 1, 2, \dots, 12$) равна сумме миграционных балансов между всеми парами регионов. Обозначим через m_{ij} итог миграционных процессов между i -м и j -м регионами. Назовем эту величину парным сальдо. Ясно, что $m_{ij} = -m_{ji}$, т. е. итоги движения населения между i -й и j -й территориями будут иметь для них противоположный результат – для одного региона численность увеличится на m_{ij} , для другого уменьшится на m_{ij} . Тогда суммарное миграционное сальдо для 11 рассматриваемых регионов ($i = 1, 2, 3, \dots, 11$) и всей оставшейся РФ ($i = 12$) равно:

$$\begin{aligned} M_1 &= m_{1,2} + m_{1,3} + m_{1,4} + \dots + m_{1,12}, \\ M_2 &= -m_{1,2} + m_{2,3} + m_{2,4} \dots + m_{2,12}, \\ M_3 &= -m_{1,3} - m_{2,3} + m_{3,4} + \dots + m_{3,12}, \\ M_4 &= -m_{1,4} - m_{2,4} - m_{3,4} + \dots + m_{4,n}, \\ &\dots \\ M_{11} &= -m_{1,11} - m_{2,11} - \dots - m_{10,11} + m_{11,12}, \\ M_{12} &= -m_{1,12} - m_{2,12} - \dots - m_{10,12} - m_{11,12}. \end{aligned} \quad (3)$$

Соотношения (3) задают систему из $n = 12$ линейных алгебраических уравнений (СЛАУ) с $p = 66$ неизвестными. В этом случае задача является недоопределенной, а система (3) плохо обусловленной. Это приводит к ситуации, когда небольшие возмущения значений M_i делают систему несовместной, т. е. система перестает иметь точное решение. Однако несложно показать, что при сохранении баланса числа мигрантов между всеми территориями, т. е. $\sum_{i=1}^{12} M_i = 0$, система всегда будет совместной (ранг матрицы A , состоящей из коэффициен-

тов перед неизвестными m_{ij} , равен 11 и равен рангу расширенной матрицы $(A|M)$). В результате СЛАУ (3) имеет бесконечное число точных решений, принадлежащих гиперплоскости размерности 55.

Несмотря на эти трудности, можно численно найти множество решений системы (3), используя дополнительные допущения. Для решения системы (3) воспользуемся QR -разложением, которое преобразует сильно разреженную матрицу A (состоит преимущественно из нулей) к ортогональной и верхнетреугольной матрице (Бахвалов и др., 2004). Это позволит выделить базисные и свободные неизвестные системы (3). Далее выполним множественную генерацию свободных неизвестных, принадлежащих допустимой части гиперплоскости. Здесь, очевидно, требуется априорная информация о возможных пределах величин сальдо для пары регионов. Довольно обоснованно можно предположить, что коэффициенты миграции (доля выбывших) не превосходят величину $\bar{w}_{ij} = 0.01$, т. е. $|m_{ij}| \leq \bar{w}_{ij} |N_j - N_i|$. Это означает, что как минимум каждый сотый человек потенциально готов мигрировать в другой регион. Кроме того, эта доля тем выше, чем выше разность в численности населения двух регионов.

Каждый сгенерированный таким образом набор неизвестных используется в качестве стартовой точки в процедуре градиентного спуска. В результате находятся значения свободных неизвестных, а из них базисные неизвестные, которые минимизируют невязку $\|Am_{ij} - M\| \rightarrow 0$. Для улучшения обусловленности выполняется регуляризация по Тихонову (Ильин, Позняк, 2004), т. е. решается оптимизационная задача вида: $\|Am_{ij} - M\| + \lambda \|m_{ij}\|^2 \rightarrow \min$, где $\lambda \leq \bar{w}_{ij} / |N_j - N_i|$.

В результате каждому из сгенерированных начальных условий (200 шт.) соответствует 66 значений сальдо m_{ij} для пары территорий, которые являются довольно точным решением системы (3) (невязка не превосходит 10^{-12}). Ясно, что множество этих 200 решений каким-то образом распределено на допустимом участке гиперплоскости. Очертим возможные ее границы. Для этого определим пределы изменения величин парных сальдо, а также оценим среднее их значение (центр масс) и его размах (стандартное отклонение).

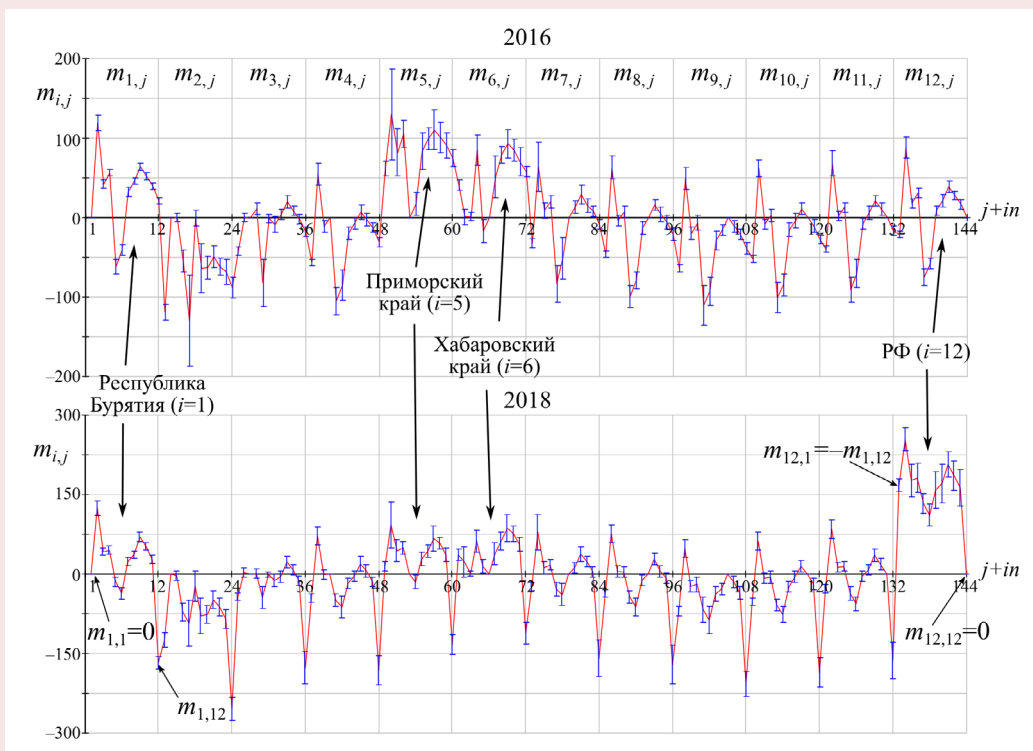
В рамках работы мы анализируем данные с 2016 по 2022 год, для каждого из 101 возраста получено 66 значений m_{ij} ($m_{ij} = -m_{ji}$, $m_{ii} = 0$). Поэтому логично объединить данные нескольких возрастов в группы (когорты) и рассмотреть оценки миграции для них. На рисунках 3, 4 для примера показаны графики значений сальдо для трех групп населения: 10–16, 17–19 и 20–29 лет в разные годы.

Рисунок 3 показывает общий характер решений системы (3), где значения ее неизвестных для улучшения восприятия продублированы с помощью равенств $m_{ij} = -m_{ji}$ и $m_{ii} = 0$. В результате на графиках между вертикальными серыми линиями расположены значения миграционного сальдо для каждого из рассматриваемых регионов с остальными территориями. Каждому пику значения положительного сальдо для территории с номером i соответствует пик с отрицательным значением для терри-

тории с номером j ($m_{ij} = -m_{ji}$). На рисунке 3 это выделено для первой и последней территории.

Как видно из графиков, возможный размах (стандартное отклонение) величины парного сальдо не связан со средним значением m_{ij} . Как правило, он выше для пар территорий, которые существенно отличаются по численности населения. Например, у всех регионов отмечен сильный размах в оценке сальдо с остальной частью РФ, связанный с большой разницей в численности населения. В данном случае стандартное отклонение может говорить о значимости (достоверности) полученной оценки среднего значения парного миграционного сальдо. Ясно, что если размах не пересекает ось абсцисс, то у каждого из 200 решений системы (3) величина m_{ij} сохраняет свой знак, т. е. у пар территорий с этими номерами качественно не меняется характер (направление) миграции от одной генерации начального приближения к другой.

Рис. 3. Значения миграционного сальдо для пар территорий с номерами i и j на примере группы населения 10–16 лет в 2016 и 2018 гг.

Непрерывная линия – среднее значение m_{ij} , вертикальные отрезки – стандартное отклонение. Ось абсцисс – порядковый номер величины m_{ij} , ось ординат – значение миграционного сальдо.

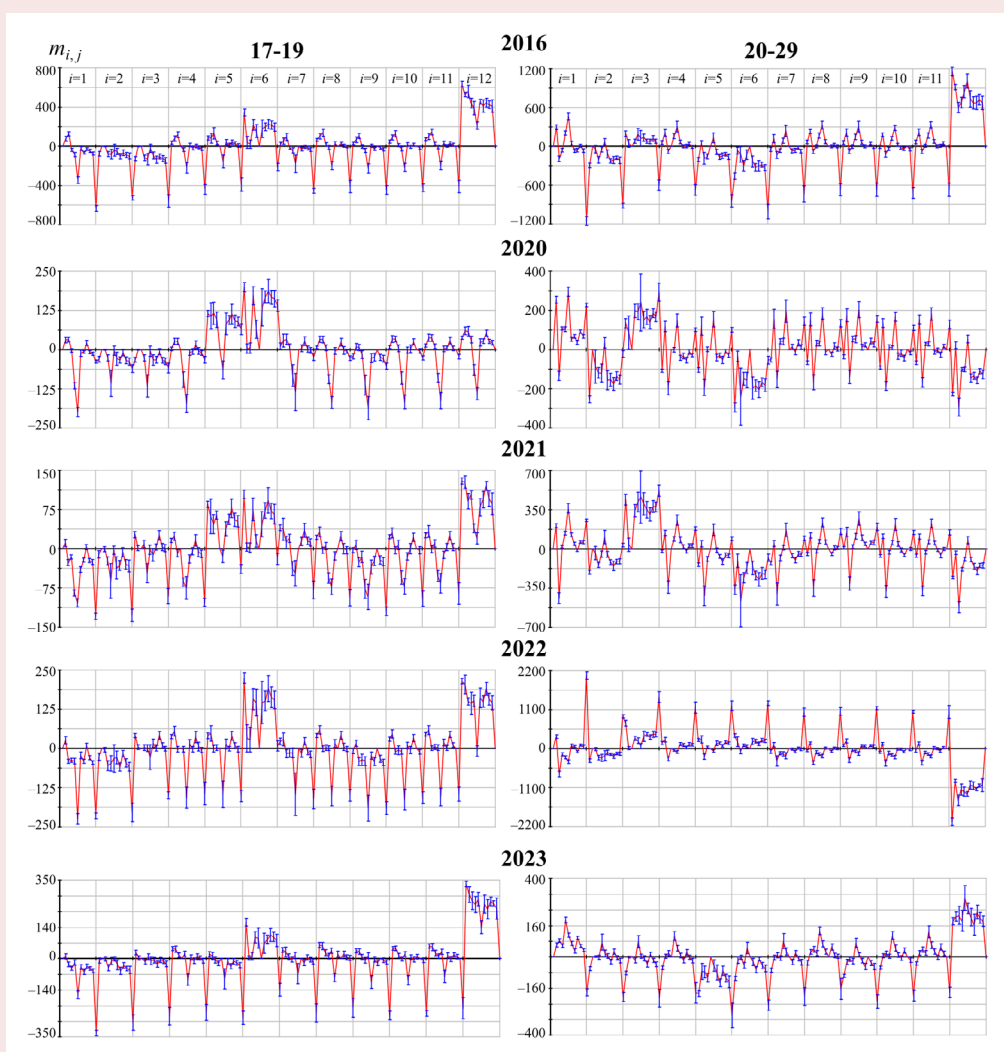
Источник: рассчитано по оригинальной авторской методике.

Если же размах возможных значений пересекает ось i , более того, величина m_{ij} близка к нулю, то разные решения соответствуют слабой миграции с противоположными направлениями у разных решений. В результате достоверность такой оценки величины m_{ij} существенно падает, возникает неопределенность в истинном направлении миграции. По всей видимости, это можно интерпретировать как предельно слабую связь между парой территорий. Ниже такое допущение будет использовано при оценке конкретного числа мигрантов между регионами.

Несмотря на это, в большинстве случаев стандартное отклонение все же лежит выше или ниже оси абсцисс и достоверность оценок парных миграционных сальдо m_{ij} не вызывает сомнения. Анализ изменения этих величин для некоторых групп населения в разные годы (см. рис. 4) позволяет сделать ряд предварительных выводов.

На рисунке 4 показано, как менялась миграционная активность между регионами ДВ для двух наиболее активных групп населения. Первая включает в себя выпускников школ и

Рис. 4. Изменение парного миграционного сальдо с 2016 по 2023 год для групп населения 17–19 и 20–29 лет

Ось абсцисс – порядковый номер величины m_{ij} , ось ординат – значение миграционного сальдо.

Источник: рассчитано по оригинальной авторской методике.

абитуриентов, вторая – выпускников средних и высших учебных заведений, а также молодых специалистов.

Характерной чертой дальневосточных регионов является высокая миграционная активность именно этих групп населения, а также тот факт, что большая часть наиболее востребованных средних и высших учебных заведений расположена на территории трех регионов: Приморского края ($i = 5$), Хабаровского края ($i = 6$) и Амурской области ($i = 7$). Именно в эти регионы направлен существенный поток молодежи 17–19 лет. Однако основной поток молодежи все же направлен за пределы ДВ (более чем в 2 раза). Из полученных оценок парного сальдо видно, что поток молодежи достаточно неоднороден. Например, в Хабаровский край (лидер по приему молодежи) практически не приезжают из Забайкальского края ($i = 2$) и Республики Саха ($i = 3$) ($m_{6,2}$ и $m_{6,3} \approx 0$, стандартное отклонение пересекает ось абсцисс). Молодежь этих регионов преимущественно перемещается между соседними регионами, включая Республику Бурятию ($i = 1$). Вместе с тем из этих трех регионов в Приморский край ($i = 5$) направлен наибольший поток молодежи, частично – в Амурскую область. Интересно, что из Приморского края молодежь 17–19 лет в основном едет в Хабаровский край (а также за пределы ДВ), из которого отмечается наименьший поток выбытия как в другие регионы ДВ, так и за его пределы.

Из графиков видно, что характер миграции молодежи 17–19 лет значительно менялся в отмеченный период времени. Особенно это заметно в годы пандемии COVID-19 (2020–2022 гг.), когда существенно снизился приток молодежи (более чем в 2 раза) в Приморский и Хабаровский края, Амурскую область. В 2020 году поток в РФ стал практически нулевым. Только лишь к 2023 году показатели миграции этой возрастной группы населения восстановились до уровня 2016–2018 гг.

Графики на рисунке 4 свидетельствуют, что вторая группа населения (20–29 лет) имеет отчасти противоположные тенденции миграции. Можно заключить, что часть молодежи после учебы возвращается в родные регионы. Сложность анализа этой группы населения сопряжена с тем, что необходимо сравнивать между

собой данные о миграции за разные промежутки времени, поскольку, с одной стороны, период обучения составляет от трех до шести лет (в зависимости от направления обучения) и возврат молодежи происходит через этот промежуток времени. Кроме того, регистрация такого выбытия, и соответственно прибытия, сама по себе имеет определенную задержку. С другой стороны, группа выбывших из этих регионов (Хабаровский и Приморский края), но оставшихся в ДВ состоит не только из вчерашних «иногородних» студентов, но и «местных» специалистов, трудоустраивающихся в других регионах ДВ.

Из графиков на рисунке 4 видно, что максимальный отток 20–29-летнего населения из Хабаровского и Приморского краев в 2020–2021 гг. направлен на те же территории, откуда ранее был приток 17–19-летних в 2016–2017 гг. Но он оказывается примерно в 1,5 раза меньше изначального притока. Однако необходимо учитывать, что выбывшие – это не только выпускники, то есть возврат молодых специалистов в лучшем случае составляет только половину возможного. Для Амурской области такой возврат не характерен.

В «пандемийные» годы (2020–2022 гг.) имел место приток представителей этой группы населения с территорий за пределами ДВ, а отток, ранее имевший место, для Хабаровского и Приморского краев сменился притоком практически со всех территорий ДВ. Интересно, что в этот год население выбывало в основном в Республику Саха (Якутия). После 2022 года миграция населения в возрасте 20–29 лет качественно вернулась к допандемийным показателям.

Оценка числа мигрантов между парами регионов

Значение миграционного сальдо для каждой пары территорий связано с численностью населения следующим очевидным образом:

$$m_{ij} = w_{ij}N_j - w_{ji}N_i, \quad (4)$$

где $0 \leq w_{ij} < 1$ – коэффициент миграции (сила связи) i -го региона с j -м, равный доле населения рассматриваемой возрастной группы j -й территории, которое мигрирует на i -ю территорию. Первое слагаемое (4) равно числу иммигрантов, второе – эмигрантов i -й территории.

Ясно, что в общем случае $w_{ij} \neq w_{ji}$, в отличие от значений парного сальдо ($m_{ij} = -m_{ji}$), что несколько усложняет их оценку. В этом случае имеем 66 абсолютно не связанных между собой уравнений (4) с 132 неизвестными w_{ij} . Поэтому величины w_{ij} могут принимать любые значения в допустимых пределах (от 0 до 1) и невозможно как-то сузить диапазоны их изменения.

Из свойств линейного уравнения (4) ясно, что коэффициенты миграции w_{ij} и w_{ji} в зависимости от значения m_{ij} и его знака могут лежать в следующих пределах:

$$w_{ij}^0 = \max\left(0, \frac{m_{ij}}{N_j}\right) \leq w_{ij} < w_{ij}^1 = \min\left(1, \frac{m_{ij} + N_i}{N_j}\right) \text{ и}$$

$$w_{ji}^0 = \max\left(0, -\frac{m_{ij}}{N_i}\right) \leq w_{ji} < w_{ji}^1 = \min\left(1, \frac{N_j - m_{ij}}{N_i}\right). \quad (5)$$

Отсюда вытекает, что истинные значения коэффициентов миграции для некоторых территорий могут принимать нулевые значения, для других – достаточно малые значения, равные отношению сальдо к численности, а для других – очень большие значения. В нижнем пределе, если коэффициент миграции для одной территории равен нулю, то для другой он равен m_{ij}/N_j или $-m_{ij}/N_i$ в зависимости от знака сальдо. В верхнем пределе, если один из коэффициентов миграции равен 1, то другой равен $(m_{ij} + N_i)/N_j$ или $(N_j - m_{ij})/N_i$.

Ясно, что все 132 коэффициента не могут одновременно принимать максимальное значение, определяемое неравенствами (5), поскольку это противоречит предположению, сделанному при оценке размера парного сальдо: $|m_{ij}| = |w_{ij}N_j - w_{ji}N_i| \leq \bar{w}_{ij}|N_j - N_i|$, где $\bar{w}_{ij} = 0.01$. При этом допущении отдельные значения w_{ij} могут оказаться больше 0.01 из-за большой разницы в численностях. Однако высокие значения коэффициентов миграции обязательно будут скомпенсированы нулевыми или близкими к нулю значениями других коэффициентов.

Заметим, что для качественного описания характера связи, включающего описание направлений миграционных потоков из одного региона в другой, достаточно использовать нижние пределы из неравенств (5), т. е. $w_{ij} = w_{ij}^0$, $w_{ji} = w_{ji}^0$. Подобную минимальную миграцию можно встретить, например, в работе (Azose, Raftery, 2019), в которой некоторыми

методами оценивалась международная миграция между парами стран. Кроме того, именно нижние пределы позволят учесть ситуацию, когда размах возможных значений парного сальдо лежит по обе стороны от оси абсцисс.

Учитывая, что распределение значений парного сальдо, получаемых из случайных начальных условий, имеет нормальное распределение (по критерию согласия Пирсона), то в случае большого размаха выборочных значений, перекрывающего нулевые значения, оценка выборочного среднего m_{ij} случайно отличается от нуля (по t -критерию Стьюдента). В этом случае, если $m_{ij}^2 \leq \sigma^2$ (σ – стандартное отклонение оценки средней величины m_{ij}), то можно обоснованно утверждать, что $m_{ij} = 0$ и $w_{ij} = w_{ji} = 0$. Однако такое «обнуление» некоторых значений парного сальдо нарушит баланс числа мигрантов, и оставшиеся ненулевые их значения, для которых $m_{ij}^2 > \sigma^2$, не будут удовлетворять системе (3). Поэтому необходимо уточнить оставшиеся строго ненулевые значения. Для этого положим равными нулю те коэффициенты системы (3) перед неизвестными, для которых на первой итерации было верно, что $m_{ij}^2 \leq \sigma^2$. В результате получим немного «прореженную» матрицу A , ранг которой равен рангу расширенной матрицы и равен 11. Применим для нее QR -разложение и решим соответствующую оптимизационную задачу способом, описанным в предыдущем разделе.

Решением новой СЛАУ также является набор из 66 значений m_{ij} , часть из которых («обнуленные» при выполнении $m_{ij}^2 \leq \sigma^2$) может принимать абсолютно любые значения, поскольку перед ними стоят нулевые коэффициенты. Для того чтобы весь этот набор удовлетворял исходной системе (3), они должны быть строго равны нулю. В результате можно положить, что для ненулевых значений парного сальдо $m_{ij} \neq 0$ нижняя оценка коэффициентов миграции определяется нижним пределом неравенств (5), а при $m_{ij} = 0$ $w_{ij} = w_{ji} = 0$, т. е.

$$w_{ij} = \max\left(0, \frac{m_{ij}}{N_j}\right) \text{ и } w_{ji} = \max\left(0, -\frac{m_{ij}}{N_i}\right), \quad (6)$$

где m_{ij} – значения парного сальдо новой СЛАУ с частично обнуленными коэффициентами.

Качество полученных оценок значения коэффициентов миграции можно оценить с помощью невязки между реальной $N(t, k)^*$ и модельной численностью $N(t, k)$, определяемой рекуррентным уравнением вида:

$$N(t, k) = W(t-1, k-1)N(t-1, k-1) - D(t-1, k-1), \quad (7)$$

где N – вектор численностей, D – вектор числа умерших в возрасте k в год t в каждой из 12 рассматриваемых территорий; $W = (w_{ij})_{i,j=1}^n$ – матрица миграции, состоящая из коэффициентов миграции w_{ij} , на диагонали которой стоит доля оставшейся после эмиграции части населения, т. е. $w_{jj} = 1 - \sum_{i=1, i \neq j}^n w_{ij}$.

Невязка (ошибка), определяемая как евклидова норма $|N(t, k) - N(t, k)^*|$, для всех лет наблюдения и всех возрастов имеет относительно небольшое значение. Покомпонентный анализ векторов $N(t, k) - N(t, k)^*$ показывает, что для регионов ДФО в случае округления до целых значений парного сальдо $|N_i(t, k) - N_i(t, k)^*| \leq 3$ для $i = 1, 2, \dots, 11$, т. е. регионы ДФО по модели (7) не досчитывают максимум трех человек. Без округления числа мигрантов эта разность достаточно мала ($|N_i(t, k) - N_i(t, k)^*| \leq 10^{-6}$ для $i = 1, 2, \dots, 11$). Однако в обоих случаях разность $N_{12}(t, k) - N_{12}(t, k)^*$ между модельной и реальной численностью населения РФ без учета ДВ ($i = 12$) стабильно высокая, достигает в отдельные годы и в отношении разных возрастов 10–15 тыс. человек. Столь высокая разность связана, в первую очередь, с довольно грубой оценкой числа умерших за пределами ДВ. В данном случае последний компонент вектора D_{12} уравнения (7) получен на основе усредненных возрастных коэффициентов смертности, представленных в официальной статистике для пятилетних возрастных когорт по всей территории РФ. Кроме того, в работе Россия описана как замкнутая система из 12 связанных территорий без учета внешней миграции. В результате разность между модельной и реальной численностью содержит не только неточность данных о смертности, но и «неучтенную» международную миграцию и процессы натурализации.

Аналогичным образом можно сравнить разность между вектором модельных $M(t, k)$ и реальных $M(t, k)^*$ миграционных балансов. В случае округления m_{ij} до целых $|M(t, k) - M(t, k)^*| \leq 3$, без округления $|M(t, k) - M(t, k)^*| < 10^{-6}$.

Из полученных значений коэффициентов миграции несложно вычислить число прибывших ($w_{ij}N_j$) и выбывших ($w_{ji}N_i$) для каждой i -й территории. Для этого определим матрицу $P = (p_{ij})_{i,j=1}^n$, где

$$p_{ij} = \begin{cases} w_{ij}N_j, & i \neq j, \\ (1 - w_{ij})N_j, & i = j. \end{cases} \quad (8)$$

В строке матрицы P с номером i (кроме диагонали) стоит число людей, приехавших на i -ю территорию с территории с номерами j ($i \neq j$). В столбце, соответственно, число выбывших из j -й территории в i -ю ($i \neq j$). На диагонали P – суммарное число лиц, выбывших с данной территории на все остальные.

Анализ оценок миграции

В таблице 1 приведены полученные минимальные показатели миграции (коэффициенты матрицы P), которые наилучшим образом согласуются с реальным миграционным балансом и численностью населения. Эти значения свидетельствуют, насколько увеличилась или уменьшилась численность населения на каждой территории в результате механического движения. В дополнение к оценке минимального числа мигрантов в таблице 1 приведены расчет суммарного числа прибывших в каждый регион, его процент от числа всех мигрантов, а также число людей, мигрирующих внутри ДВ, и процент от общего значения выбывших.

Рассмотрим значения показателей миграции для трех наиболее активных групп населения – 17–19, 20–29 и 30–44 лет.

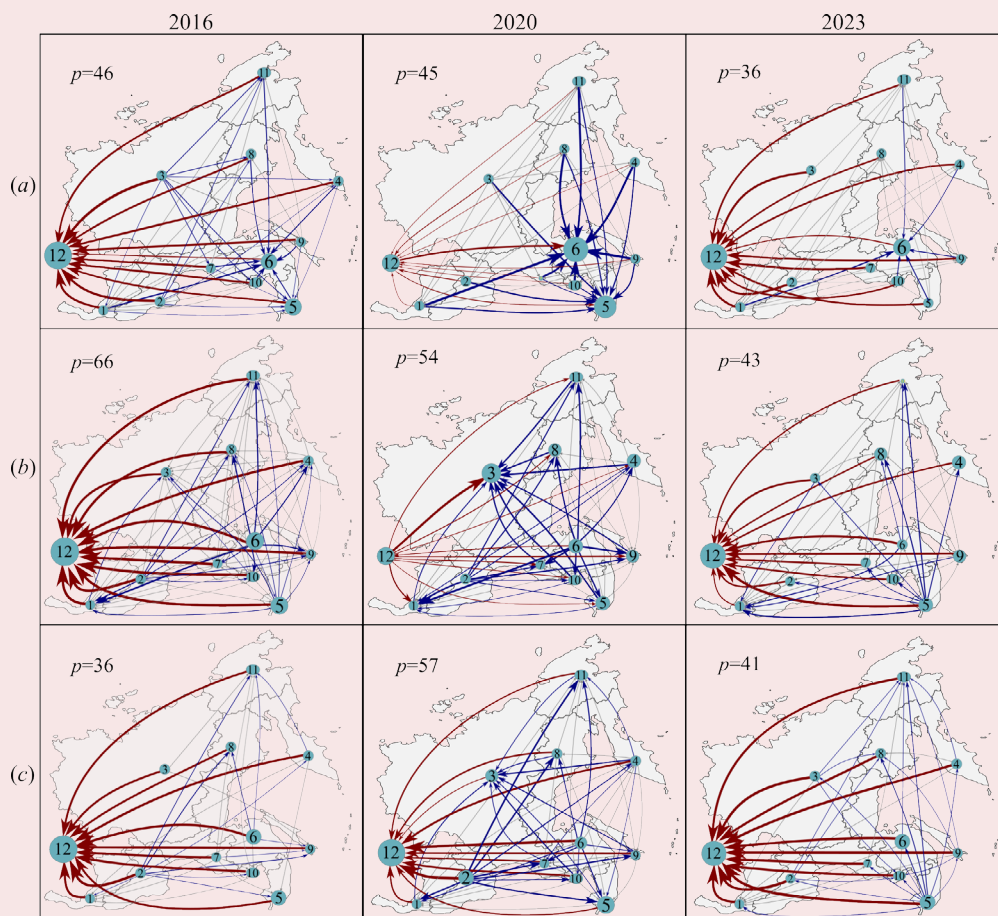
Оценка значений показателей минимальной миграции позволяет визуализировать потоки мигрантов между регионами, используя значения P_{ij} или w_{ij} в качестве весов ребер ориентированного графа (рис. 5). Отметим, что даже после «обнуления» некоторых значений парных сальдо территории ДВ оказываются сильно связанными между собой. Большинство территорий пусть и слабо, но связаны между собой. Построенные для выделенных групп населения графы не имеют циклов, но содержат явные точки притяжения (сток) и отталкивания (центр) потоков населения. Среди наиболее интенсивных потоков в первую очередь выделяется миграция за пределы ДВ (и обратно в 2020–2021 гг.), а также миграция в наиболее развитые регионы (Хабаровский, Приморский края, Республика Саха (Якутия)).

Таблица 1. Нижняя оценка числа прибывших в возрасте 17–19 лет на территорию с номером *i* (строка) с территории с номером *j* (столбец)

2016 г.														
№ территории	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Прибытие со всех территорий (чел. и % от числа выбывших)	
1	1233	34	62	0	0	0	0	0	0	0	0	0	96	7.8
2	0	1213	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-
3	0	0	1564	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-
4	50	84	112	744	0	0	0	0	0	0	0	0	246	33.1
5	98	132	160	48	599	0	34	0	49	0	0	0	521	87.0
6	287	0	0	237	189	221	223	202	239	223	198	0	1798	813.6
7	0	0	126	0	0	0	725	0	0	0	0	0	126	17.4
8	86	119	147	0	0	0	0	625	37	0	0	0	389	62.2
9	49	82	110	0	0	0	0	0	825	0	0	0	241	29.2
10	65	98	126	0	0	0	0	0	0	667	0	0	289	43.3
11	89	122	151	0	0	0	24	0	40	0	618	0	426	68.9
12	509	542	570	459	410	221	444	423	460	444	420	0	4902	0.00
Миграция внутри ДФО (чел. и %)	724 58.7	671 55.3	994 63.6	285 38.3	189 31.6	0 0.00	281 38.8	202 32.3	365 44.2	223 33.4	198 32.0	0 0.00		
2020 г.														
№ территории	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Прибытие со всех территорий (чел. и % от числа выбывших)	
1	355	23	16	0	0	0	0	0	7	0	0	0	46	13.0
2	0	371	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-
3	0	0	380	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-
4	0	30	24	312	0	0	0	0	0	0	0	0	54	17.3
5	107	130	124	100	76	0	71	92	114	90	85	64	977	1285.5
6	183	0	0	176	76	0	147	168	189	166	161	140	1406	-
7	0	0	53	0	0	0	225	0	43	0	0	0	96	42.7
8	0	38	31	0	0	0	0	288	22	0	0	0	91	31.6
9	0	0	0	0	0	0	0	0	477	0	0	0	0	-
10	0	40	34	0	0	0	0	0	24	282	0	0	98	34.6
11	22	44	38	0	0	0	0	0	28	0	267	0	132	49.4
12	43	66	60	36	0	0	7	28	50	26	21	204	337	165.2
Миграция внутри ДФО (чел. и %)	312 87.9	305 82.2	320 84.2	276 88.5	76 100.0	0 -	218 96.9	260 90.3	427 89.5	256 90.8	246 92.1	0 -		
2023 г.														
№ территории	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Прибытие со всех территорий (чел. и % от числа выбывших)	
1	808	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-
2	0	565	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-
3	13	0	337	0	0	0	0	0	0	0	0	0	13	3.9
4	62	54	0	337	0	0	0	0	0	0	0	0	116	34.4
5	0	0	0	0	460	0	0	0	0	0	0	0	0	-
6	164	0	0	102	122	133	0	83	116	106	96	0	789	593.2
7	18	0	0	0	0	0	279	0	0	0	0	0	18	6.5
8	81	73	0	0	40	0	0	299	34	0	0	0	228	76.3
9	47	39	0	0	0	0	0	0	420	0	0	0	86	20.5
10	58	50	0	0	16	0	0	0	0	345	0	0	124	35.9
11	68	60	54	0	26	0	0	0	20	0	325	0	228	70.2
12	297	289	283	235	256	133	279	216	250	239	229	0	2706	-
Миграция внутри ДФО (чел. и %)	511 63.2	276 48.9	54 16.0	102 30.3	204 44.4	0 -	0 -	83 27.8	170 40.5	106 30.7	96 29.5	0 -		

На диагонали – число всех выбывших из *i*-й территории. Серым выделен ненулевой приток населения с территорий за пределом ДВ.
Источник: расчеты авторов.

Рис. 5. Потоки населения между регионами ДФО и остальной частью РФ для групп населения (а) 17–19, (б) 20–29 и (с) 30–44 лет

Синие линии – наиболее интенсивные внутренние миграционные потоки, серые – слабые потоки (менее 100 чел. в год), красные линии – внешняя для ДФО миграция. Величина p – количество ребер графа потоков мигрантов. Источник: расчеты авторов.

Согласно рисунку 5, интенсивность (толщина линии) и направления (стрелка) потоков населения между регионами существенно отличаются для разных возрастных групп населения и значительно меняются во времени. Кроме того, значительно изменяется связанность территорий, что можно выразить через количество ребер графа p . Рассмотрим количественные характеристики этих потоков населения и их изменение во времени.

Как уже было отмечено, полученные оценки миграции (коэффициенты матрицы P) показывают нижнюю оценку числа мигрантов. Это означает, что стоящее в таблицах 1–3 на пересечении i -й строки и j -го столбца ($i \neq j$)

число в действительности несколько выше. Несколько выше, сказать однозначно невозможно, но именно на это значение должно быть выше число на пересечении j -й строки и i -го столбца, чтобы разность этих величин была равна парному миграционному салдо пары территорий.

Приведенные в таблицах 1–3 оценки миграции позволяют проследить, как разделяется поток мигрантов с каждой территории, а также визуализировать их в виде схемы (см. рис. 5). Например, несложно увидеть, что поток выбывших в возрасте 17–19 лет из Приморского края (столбец 5) разделяется на две части – большая часть на территории за пределами РФ, мень-

шая в Хабаровский край. В то время как потоки прибывших в Хабаровский край (строка 6) исходят со всех территорий ДВ за исключением Забайкальского края и Республики Саха (Якутия). Причем этот приток в 2016 году более чем в 80 раз выше оттока. В 2020 году к притоку как в Хабаровский, так и в Приморский край добавился небольшой приток с территорий из-за пределов РФ.

Неожиданно, что Амурская область, для которой во время предварительного анализа значений парных сальдо был отмечен приток молодежи с разных территорий, «лишилась» большей его части. Зафиксирован лишь небольшой приток из Республики Саха (2016–2020), Республики Бурятия (2017–2019, 2021–2023), Забайкальского края (2018) и Магаданской области (2020–2021). В данном случае размах возможных сальдо превысил допустимый уровень, соответствующий миграционный поток был «обнулен» как малодостоверный. Скорее всего, в действительности имеется равный по величинам обмен молодежи с соседними регионами. Интересно, что в пандемийные годы (2020–2021) при общем снижении миграции молодежи 17–19 лет отмечается небольшое усиление потока в Амурскую область с других территорий, которые ранее не были связаны с ней. Вероятно, ковидные ограничения привели к некоторому перераспределению потока молодежи между наиболее привлекательными, но удаленными территориями (за пределами ДВ), и более близкими. Однако после 2022 года показатели миграции в Амурскую область вернулись к допандемийному уровню, как по суммарному числу мигрантов, так и по типичным направлениям миграции (структуре).

Интересно, что по доле эмигрантов среди молодежи 17–19 лет за пределы ДВ регионы можно разделить на «ориентированные на восток» (Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия) и Забайкальский край) и «ориентированные на запад». Из первой группы регионов молодежь преимущественно перемещается в пределах Дальнего Востока России (доля выбывших внутри ДВ больше 50%). Молодежь второй группы стремится покинуть пределы ДВ (доля выбывших в РФ более 60%). Ожидается, что в пандемийные годы для молодежи все дальневосточные регионы стали «ориентированными на восток» (доля выбытия вну-

три ДВ более 80%). Однако лишь в Хабаровском и Приморском краях приток мигрантов с избытком компенсировался их оттоком. Но в последние два года наблюдения (2022–2023) фиксируется снижение притока молодежи при сохранении ее стабильно высокого оттока за пределы ДВ.

Отметим, что по официальным данным и нашим расчетам миграционного баланса смена направлений потока молодежи произошла в 2020 году (на 1 января), т. е. фактически до введения ковидных ограничений. Возможно, это связано с какими-то особенностями переписи, проходившей осенью 2021 года, которая так странно отразилась именно в данных этой возрастной группы населения. В других возрастах существенная смена направлений миграции отмечена именно в 2021 году.

Анализ нижних оценок миграции следующей группы населения (20–29 лет) в целом согласуется с результатами предварительного анализа значений парных сальдо (табл. 2). Можно выделить регионы с наибольшим оттоком (больше 1000 чел. в год) – Забайкальский, Хабаровский и Приморский края, и регионы с наибольшим притоком населения – Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область за все годы наблюдения. Для первой группы регионов поток населения направлен преимущественно в другие регионы ДВ (более 60%), он остается довольно стабильным по структуре (направлениям), за исключением 2022 года, когда отток сменился притоком. Отметим, что из малочисленных регионов отток населения происходит преимущественно за пределы ДВ (более 70% всех эмигрантов).

Интерес к миграции в Республику Саха, Камчатский край, Магаданскую и Сахалинскую области значительно менялся. Так в 2016–2017 гг. максимум миграции в группе 20–29-летних отмечен в Республику Саха (Якутия) и Магаданскую область. После 2018 года возрос интерес для эмиграции в Сахалинскую область (в 1,5 раза больше, чем в другие регионы). В пандемийные годы больше всего представителей этой группы приезжали в Республику Саха (Якутия), в основном из регионов ДВ. Кроме того, отдельные годы отмечены всплески притока в Республику Бурятию в 2016, 2020 и 2023 гг., Камчатский край и Сахалинскую область в 2018–2019 гг.

Таблица 2. Нижняя оценка числа прибывших в возрасте 20–29 лет

2016 г.														
№ территории	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Прибытие из всех территорий (чел. и % от числа выбывших)	
1	1598	295	0	0	199	468	47	0	0	7	0	0	1016	63.6
2	0	2470	0	0	0	61	0	0	0	0	0	0	61	2.5
3	188	51	600	79	204	115	134	75	77	118	76	0	1117	186.2
4	61	213	0	764	155	316	62	0	2	37	0	0	846	110.7
5	0	55	0	0	2085	121	0	0	0	0	0	0	176	8.4
6	0	0	0	0	0	3575	0	0	0	0	0	0	0	-
7	0	124	0	0	88	227	1209	0	0	0	0	0	439	36.3
8	65	219	0	2	163	327	67	739	3	21	0	0	867	117.3
9	61	211	0	0	150	320	63	0	771	42	0	0	847	109.9
10	0	176	0	0	116	285	23	0	0	994	0	0	600	60.4
11	70	225	0	8	165	321	70	4	8	45	748	0	916	122.5
12	1153	901	600	675	845	1014	743	660	681	724	672	0	8668	-
Миграция внутри ДФО (чел. и %)	445	1569	0	89	1240	2561	466	79	90	270	76	0		
	27.9	63.5	0.00	11.7	59.5	71.6	38.5	10.7	11.7	27.2	10.2	0.00		
2020 г.														
№ территории	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Прибытие из всех территорий (чел. и % от числа выбывших)	
1	132	238	0	108	105	292	61	72	48	94	77	204	1299	984.1
2	0	1342	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0.0
3	132	0	0	240	237	0	193	205	181	226	209	337	1960	0.0
4	0	131	0	520	0	185	0	0	0	0	0	97	413	79.4
5	0	134	0	0	502	188	0	0	0	0	0	100	422	84.1
6	0	0	0	0	0	1862	0	0	0	0	0	0	0	0.0
7	0	177	0	47	44	231	254	0	0	33	0	143	675	265.7
8	0	166	0	35	32	220	0	301	0	0	0	132	585	194.4
9	0	190	0	59	56	244	0	24	229	45	29	156	803	350.7
10	0	145	0	0	0	199	0	0	0	415	0	111	455	109.6
11	0	161	0	31	28	215	0	0	0	17	315	127	579	183.8
12	0	0	0	0	0	88	0	0	0	0	0	1407	88	6.3
Миграция внутри ДФО (чел. и %)	132	1342	0	520	502	1774	254	301	229	415	315	0		
	100.0	100.0	0.0	100.0	100.0	95.3	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	0.0		
2023 г.														
№ территории	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Прибытие из всех территорий (чел. и % от числа выбывших)	
1	142	68	81	52	160	111	59	33	95	56	31	0	746	525.4
2	0	314	0	0	91	0	0	0	27	0	0	0	118	37.6
3	0	0	401	0	79	0	0	0	0	0	0	0	79	19.7
4	0	0	0	246	107	58	0	0	0	0	0	0	165	67.1
5	0	0	0	0	1313	0	0	0	0	0	0	0	0	-
6	0	0	0	0	49	634	0	0	0	0	0	0	49	7.7
7	0	0	0	0	101	0	313	0	0	0	0	0	101	32.3
8	0	36	48	0	127	78	26	208	62	0	0	0	377	181.3
9	0	0	0	0	65	0	0	0	523	0	0	0	65	12.4
10	0	0	0	0	104	55	0	0	39	254	0	0	198	78.0
11	0	0	49	0	128	79	27	0	63	0	204	0	346	169.6
12	142	210	223	194	302	253	201	175	237	198	173	0	2308	-
Миграция внутри ДФО (чел. и %)	0	104	178	52	1011	381	112	33	286	56	31	0		
	-	33.1	44.4	21.1	77.0	60.1	35.8	15.9	54.7	22.1	15.2	0.0		

Источник: расчеты авторов.

В пандемийные годы и сразу после них (2021–2022) в отношении этой группы населения отмечается, пожалуй, самый массовый среди других возрастов приток со всех территорий, включая регионы за пределами ДВ, а также наибольшая доля внутренней миграции (до 100%). Вероятно, она включает в себя как вынужденный «возврат» части населения из других регионов, так и последующий массовый приток международных трудовых мигрантов в 2022 году, которые в 2020–2021 гг. не могли въехать в РФ из-за ковидных ограничений.

Согласно расчетам, к 2023 году для группы населения 20–29 лет показатели миграции не восстановились до уровня прежних значений. Это отражается как в количественных показателях, так и в разнообразии направлений миграции. Говорить о том, что здесь произошли качественные изменения миграции, на наш взгляд, довольно преждевременно, поскольку данные за 2023 год о численности, смертности и миграции этой наиболее миграционно активной группы могут иметь предварительный характер и быть скорректированы к началу 2025 года.

Для следующей группы населения (30–44 года) по результатам анализа показателей миграции можно отметить смену лидера по выбытию – Забайкальский край (табл. 3). Поток населения из него остался примерно на том же высоком уровне, что и для предыдущей группы населения, но по-прежнему в пределах ДВ (более 60%). В то же время для Приморского и Хабаровского краев объем выбытия сравнялся со средним по ДВ, однако основной отток ориентирован за пределы ДВ. Впрочем, в отдельные годы (2019–2021) отмечены всплески выбытия из Хабаровского края, но за счет роста доли внутренних потоков по ДВ. В пандемийные годы, особенно в 2021 году, Хабаровский и Приморский края вновь превзошли другие регионы как по количеству выбывших в возрасте 30–44 лет, так и структуре миграции. В 2021–2022 гг. к лидерам по оттоку населения этой группы добавилась Амурская область.

Также фиксировалась смена регионов-лидеров по приему мигрантов 30–44 лет – Магаданская, Сахалинская области и Чукотский АО попеременно принимали максимум мигрантов (до 1500 в год). Однако в пандемийные годы из-за «возврата» населения с территорий всех регионов РФ очевидным ли-

дером по приему населения стала Республика Саха (Якутия) (более 3000 в год).

Можно уверенно говорить, что в отличие от предыдущей возрастной группы (20–29 лет) структура миграции населения 30–44 лет после 2022 года значительно изменилась, т. к., несмотря на восстановление общего числа мигрантов к 2023 году, сформировались «нетипичные» направления миграции. Они начали формироваться в 2021–2022 гг. и частично сохранились в 2023 году. Так, значительно возросли объемы выбытия из Приморского края (более 2500 чел. в год) с высокой долей внутренней миграции (более 65%). Но, что более важно, произошел существенный рост (более 1000 чел. в год) выбытия населения в возрасте 30–44 лет из всех регионов за пределы ДВ (более 70% от всей эмиграции). Отметим, что небольшое число внутренних мигрантов этой возрастной группы, пополняющее население Забайкальского края, Магаданской области, Сахалинской области, Чукотского АО и Еврейской АО, не способно в полной мере восполнить отток населения, поскольку прибывают, по всей видимости, в большей мере трудовые мигранты, которые составляют большую часть выбывших следующей возрастной группы в последующие годы.

Выводы

В рамках исследования разработана и апробирована методика оценки миграционной активности населения между парами регионов. Методика основывается на построении и решении довольно простых уравнений баланса населения между всеми связанными регионами и использует достаточно небольшой объем данных – о численности населения, рождаемости и смертности. Решение этих уравнений с учетом разумных ограничений, накладываемых на параметры миграции, позволяет указать довольно узкие диапазоны числа мигрантов между каждой парой регионов, обеспечивающие довольно точное совпадение с наблюдаемым естественным и механическим движением населения в каждом регионе. Используя довольно простые статические критерии (согласия Пирсона и t -критерия Стьюдента), несложно отбросить часть найденных параметров миграции, которые случайно отличаются от нуля, т. е. выделить не связанные между собой регионы, а в отношении других, напротив, доказать, что они точно связаны.

Таблица 3. Нижняя оценка числа прибывших в возрасте 30–44 лет

2016 г.														
№ территории	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Прибытие из всех территорий (чел. и % от числа выбывших)	
1	727	139	0	23	0	51	18	0	0	5	0	0	236	32.5
2	0	2066	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-
3	0	0	714	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-
4	0	116	0	927	0	0	0	0	0	0	0	0	116	12.5
5	0	183	0	67	683	0	62	0	0	0	0	0	312	45.7
6	0	0	0	0	0	1239	0	0	0	0	0	0	0	-
7	0	0	0	0	0	0	1103	0	0	0	0	0	0	-
8	0	206	0	0	0	118	85	660	0	0	0	0	409	62.0
9	0	219	28	0	0	131	98	0	647	0	0	0	476	73.6
10	0	134	0	0	0	46	13	0	0	806	0	0	193	24.0
11	0	203	11	87	0	115	82	0	0	69	663	0	567	85.5
12	727	866	675	750	683	778	745	660	647	732	663	0	7926	-
Миграция внутри ДФО (чел. и %)	0	1200	39	177	0	461	358	0	0	74	0	0		
	-	58.1	5.5	19.1	-	37.2	32.5	-	-	9.2	-	-		
2020 г.														
№ территории	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Прибытие из всех территорий (чел. и % от числа выбывших)	
1	466	214	0	61	0	135	0	0	16	40	0	0	466	100.0
2	0	2232	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0.00
3	134	0	113	195	110	0	103	124	150	173	103	0	1092	966.4
4	0	153	0	969	0	74	0	0	0	0	0	0	227	23.4
5	24	238	0	85	333	159	0	14	40	64	0	0	624	187.4
6	0	79	0	0	0	1440	0	0	0	0	0	0	79	5.5
7	31	245	0	92	0	166	319	21	47	71	0	0	673	211.0
8	0	224	0	71	0	145	0	416	0	0	0	0	440	105.8
9	0	198	0	45	0	119	0	0	563	0	0	0	362	64.3
10	0	175	0	21	0	95	0	0	0	705	0	0	291	41.9
11	30	245	0	91	0	165	0	20	47	70	320	0	668	208.8
12	247	461	113	308	223	382	216	237	263	287	217	0	2954	-
Миграция внутри ДФО (чел. и %)	219	1771	0	661	110	1058	103	179	300	418	103	0		
	47.0	79.4	-	68.2	33.0	73.5	32.3	43.0	53.3	59.3	32.2	-		
2023 г.														
№ территории	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Прибытие из всех территорий (чел. и % от числа выбывших)	
1	1158	73	50	33	278	14	0	0	64	0	0	0	512	44.2
2	0	1704	0	0	206	0	0	0	0	0	0	0	206	12.1
3	0	0	1589	0	228	0	0	0	0	0	0	0	228	14.4
4	0	0	0	1415	245	0	0	0	0	0	0	0	245	17.3
5	0	0	0	0	4176	0	0	0	0	0	0	0	0	-
6	0	0	0	0	264	1344	0	0	0	0	0	0	264	19.6
7	7	0	0	0	286	0	1214	0	0	0	0	0	293	24.1
8	0	127	104	87	333	0	0	1097	118	0	0	0	769	70.1
9	0	0	0	0	214	0	0	0	1659	0	0	0	214	12.9
10	0	130	107	0	336	72	0	0	121	1094	0	0	766	70.0
11	0	150	127	111	356	92	70	0	141	0	1074	0	1047	97.5
12	1151	1224	1201	1184	1430	1166	1144	1097	1215	1094	1074	0	12980	-
Миграция внутри ДФО (чел. и %)	7	480	388	231	2746	178	70	0	444	0	0	0		
	0.6	28.2	24.4	16.3	65.7	13.2	5.8	-	26.8	-	-	-		

Источник: расчеты авторов.

Авторская методика была применена для оценки миграции между 11 регионами ДВ и остальной частью РФ. На этапе обработки исходных данных для ряда регионов обнаружен ряд аномалий и манипуляций с официальными данными о численности населения, рождаемости и смертности детей и подростков до 15 лет, что не позволяет однозначно описать их миграцию. Поэтому подробно рассмотрена миграция более старших и одновременно наиболее мобильных групп населения без явных особенностей в исходных данных – 17–19, 20–29 и 30–44 лет. Найденные для них показатели миграции являются нижними оценками, обеспечивающими сохранение баланса населения. Отметим, что наши оценки не претендуют на абсолютно точные значения и являются лишь «средним» из минимальных значений показателей миграции с некоторым диапазоном их возможных значений, гарантирующих сохранение баланса населения. Поэтому реальная миграция, скорее всего, несколько выше. Нижних оценок, показывающих миграционный прирост от взаимодействия с каждым регионом, вполне достаточно, чтобы выделить территории, куда стекается большое число мигрантов, и указать, из каких конкретно регионов этот приток происходит.

Отметим, что многочисленные работы, посвященные миграции населения как на территории ДВ, так и других регионов России, не дают настолько подробного описания потоков населения (Неверова, 2010; Вакуленко и др., 2011; Неверова, Ревуцкая, 2017; Коровкин, Снина, 2019). Назовем лишь исследования, в которых построены детальные сети потоков населения между странами (Abel, 2014; Gou et al., 2020). Однако в них рассматриваются только изменения общей численности мигрирующего населения без учета возрастной структуры. В результате не ясно, сопровождались ли изменения направлений международной миграции за последние 50 лет, обнаруженные в этих работах, соответствующей перестройкой в возрастной структуре мигрирующего населения. Ана-

лиз миграции на ДВ показал, что даже в рамках короткого временного отрезка (2016–2023) это происходило несколько раз.

Анализ полученных оценок миграции для разных групп населения и их изменения во времени позволил выявить ряд особенностей движения населения. Перечислим основные результаты.

1) Большая часть мигрантов (более 60%) из всех 11 дальневосточных регионов рассмотренных групп населения покидает пределы ДВ. В пандемийные годы (2020–2021) отмечена смена направления миграции – небольшой приток с территорий за пределами ДВ для групп 17–19 и 20–29 лет.

2) Лидерами по приему внутренних мигрантов являются Хабаровский, Приморский края и Республика Саха (Якутия), интерес к которым различается у разных возрастных групп и меняется во времени. Большую часть прибывших в Хабаровский и Приморский края составляют молодые люди 17–19 лет, которые, по всей видимости, поступают в средние и высшие учебные заведения. Интерес к миграции в эти регионы у молодежи стабильно высок и достигал максимума в пандемийные годы (относительно миграции за пределы ДВ). Хотя в последнее время заметно небольшое снижение миграции в Приморский край.

3) Отток населения в возрасте 20–29 лет в целом направлен в регионы, откуда ранее (3–5 лет до этого) приезжала 17–19-летняя молодежь. Однако в целом этот поток в 1,5–2 раза меньше, чем изначальный приток. Интерес к прибытию в Республику Саха (Якутия) и частично в Республику Бурятию у этой группы населения особенно возрос в пандемийные годы.

4) Внутренняя миграция поколения 30–44 лет максимально разнообразна, направлена почти во все регионы ДВ и существенно усилилась в годы коронавирусных ограничений. Лидерами по показателям выбытия из ДВ в этой группе населения стали Хабаровский и Приморский края.

Литература

- Андреев Е.М., Чурилова Е.В. (2023). Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет // Демографическое обозрение. Т. 10. № 3. С. 4–20. DOI: 10.17323/demreview.v10i3.17967
- Бахвалов Н.С., Жидков Н.П., Кобельков Г.М. (2004). Численные методы. 3-е изд. М.: БИНОМ, Лаборатория знаний. 636 с.

- Вакуленко Е.С., Мкртчян Н.В., Фурманов К.К. (2011). Моделирование регистрируемых миграционных потоков между регионами Российской Федерации // Прикладная эконометрика. № 1 (21). С. 35–55.
- Василенко П.В. (2014). Методика оценки миграционной привлекательности территории // Географический вестник. № 3 (30). С. 38–46.
- Василенко П.В. (2015). Типология регионов России по динамике миграционной привлекательности // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. № 6. С. 21–31.
- Единак Е.А., Коровкин А.Г. (2014). Построение баланса территориального движения занятого населения (на примере федеральных округов РФ) // Проблемы прогнозирования. № 3 (144). С. 72–85.
- Ильин В.А., Позняк Э.Г. (2004). Линейная алгебра. М.: Физматлит, 2004. 280 с.
- Козлова О.А., Макарова М.Н., Третьяк А.Н. (2014). Методический инструментарий оценки влияния пространственной локализации на миграционные процессы в регионе // Современные проблемы науки и образования. № 5.
- Корепина Т.А. (2017). Сравнительный анализ подходов к моделированию миграции // Вопросы территориального развития. № 1 (36).
- Коровкин А.Г., Сеница А.Л. (2019). Оценка интенсивности и направлений движения населения в регионах российской Арктики в 1991–2015 годах // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 17. С. 323–340.
- Мишук С.Н., Рязанцев С.В. (2021). Миграция сельского населения Дальнего Востока России в начале XXI века // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 3. С. 182–198. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.11
- Мкртчян Н.В. (2020). Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. Т. 7. № 1. С. 83–99.
- Моисеева Е. М., Мишук С.Н. (2024). Региональные особенности возрастной структуры миграции на Дальнем Востоке России // Народонаселение. Т. 27. № 4. С. 18–33. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33
- Мотрич Е.Л. (2017). Оценка миграционной ситуации на Дальнем Востоке России: 1991–2016 гг. // Уровень жизни населения регионов России. Т. 204. № 2. С. 70–77.
- Назаров А.А., Носова М.Г. (2009). Метод передвижки возрастных групп в демографии и его приложения // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. № 3 (8). С. 67–74.
- Неверова Г.П. (2010). Тенденции процесса миграции в регионе с учетом возрастной структуры населения // Региональные проблемы. Т. 13. № 2. С. 117–121.
- Неверова Г.П., Ревуцкая О.Л. (2017). Миграционные процессы в регионах Дальнего Востока России: сравнительный анализ и выявление существующих тенденций // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. № 11. С. 1460–1465.
- Русанов А.В., Чудиновских О.С. (2022). Может ли международная миграция сдерживать депопуляцию Дальневосточного федерального округа? // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 1. С. 9–26. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.1.1
- Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. (2019). Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века // Народонаселение. № 3. С. 4–14. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00023
- Рязанцев С.В., Лукьянец А.С., Храмова М.Н., Буй Т.К., Ху В.К. (2016). Миграция населения как ключевой компонент демографического развития российского Дальнего Востока // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 3. С. 23–32.
- Сафиуллин М.Р., Шакирова Л.Р., Габдрахманов Н.К., Егоров Д.О. (2014). Метод передвижки возрастов в прогнозировании численности населения (на примере Республики Татарстан) // Вестник Самарского государственного экономического университета. № 11. С. 135–140.
- Abel G.J. (2013). Estimating global migration flow tables using place of birth data. *Demographic Research*, 28, 505–546.
- Abel G.J., Sander N. (2014). Quantifying global international migration flows. *Science*, 343(6178), 1520–1522.
- Azose J.J., Raftery A.E. (2019). Estimation of emigration, return migration, and transit migration between all pairs of countries. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 116(1), 116–122.
- Clark W.A.V. (2020). *Human Migration*. Reprint. WVU Research Repository.

- Gou W., Huang S., Chen Q., Chen J., Li X. (2022). Structure and dynamic of global population migration network. *Complexity*, 2020(1), 4359023.
- Khavinson M.Y., Kulakov M.P. (2017). Gravitational model of population dynamics. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Mathematical Modelling, Programming and Computer Software*, 10(3), 80–93.
- Renski H., Strate S. (2013). Evaluating alternative migration estimation techniques for population estimates and projections. *Journal of Planning Education and Research*, 33(3), 325–335.
- Whelpton P.K. (1928). Population of the United States, 1925 to 1975. *American Journal of Sociology*, 34(2), 253–270. DOI: 10.1086/214667

Сведения об авторах

Матвей Павлович Кулаков – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН (Российская Федерация, 679016, Еврейская АО, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4; e-mail: k_matvey@mail.ru)

Светлана Николаевна Мишук – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: svetamic79@mail.ru)

Kulakov M.P., Mishchuk S.N.

Dynamics and Age Structure of Migration Flows of Far Eastern Regions

Abstract. Migration has long been the main reason for population decline in the Russian Far East. Taking into account a large number of methods and approaches to the analysis and assessment of population migration, we put forward an original methodology for assessing the parameters of population migration between pairs of regions of the Far East. Our methodology for estimating the number of migrants uses the method of age shifting (the component method) together with elements of the method of migration movement balance. In contrast to existing approaches to assessing migration mobility, our approach helps to obtain minimum migration values with a certain range of possible values that guarantee the preservation of population balance. Of particular interest is assessment of migration by age group in the COVID and post-COVID period. A comparative analysis of migration balance data based on official statistics and the values obtained by own calculations reveal a number of anomalies and tampering with official information on population number, birth rate and mortality in children and adolescents under 15 years of age. We reveal an overestimation of the number of newborns in 2018–2021 in five regions of the Far East. In the pandemic years (2020–2021) we observe a small migration increase for population groups aged 17–19 and 20–29 from regions outside the Far East. Migration growth in the three leading regions (the Khabarovsk and Primorye territories and the Republic of Sakha) has age-specific features and changes over time.

Key words: migration, age structure, age shifting method, Far East.

Information about the Authors

Matvey P. Kulakov – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Senior Researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (4, Sholom Aleikhem Street, Birobidzhan, 679016, Russian Federation; e-mail: k_matvey@mail.ru)

Svetlana N. Mishchuk – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: svetamic79@mail.ru)

Статья поступила 26.08.2024.

Опыт поддержки многодетных семей: обзор успешных практик

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: onk82@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4681-4344; ResearcherID: I-9562-2016

**Юлия Евгеньевна
ШМАТОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: ueshmatova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1881-0963; ResearcherID: R-1021-2018

**Ирина Николаевна
РАЗВАРИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: irina.razvarina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9377-1829; ResearcherID: I-8228-2016

Для цитирования: Калачикова О.Н., Шматова Ю.Е., Разварина И.Н. (2025). Опыт поддержки многодетных семей: обзор успешных практик // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 243–272. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.14

For citation: Kalachikova O.N., Shmatova Yu.E., Razvarina I.N. (2025). Experience in supporting large families: An overview of successful practices. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 243–272. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.14

Аннотация. Новая затяжная волна депопуляции в России, обусловленная снижением рождаемости и высокой смертностью, несет серьезные риски трудовому потенциалу, экономическому и социальному развитию страны. Государство в течение последних лет принимает активные действия в целях повышения рождаемости. С учетом того, что потенциал роста рождаемости кроется в повышении доли многодетных семей, требуется актуализация эффективных механизмов регулирования детности семей. В связи с этим представляется интересным изучить инструменты поддержки семей с детьми, реализуемые правительствами зарубежных стран в контексте фиксируемой динамики рождаемости населения. Целью данного исследования является обзор государственных мер стимулирования рождаемости и мер поддержки многодетных семей в странах мира. Информационной основой послужили электронные базы данных российской и международной статистики, сайты правительств зарубежных стран, научная литература по теме исследования. В ходе работы применялись общенаучные и эмпирические методы исследования. Проведенный анализ показал, что в большинстве стран отсутствуют меры поддержки многодетных семей как особой категории, а демографическая политика ограничивается предоставлением непродолжительного оплачиваемого декретного отпуска женщинам и ежемесячного пособия по уходу за ребенком. Большая часть помощи направляется малоимущим семьям. В ряде стран предусмотрены «детские» пособия, размер которых увеличивается с рождением последующего ребенка, налоговые и пенсионные льготы многодетным семьям. Реализуемая демографическая и семейная политика в России заметно более ориентирована на заботу о семьях с детьми, в т. ч. многодетных, которая имеет статус государственного приоритета. Представляют практический интерес с точки зрения потенциального применения в России следующие форматы поддержки семей с детьми: польские программы «500+», «карта большой семьи», «Мама 4+»; распространенные в некоторых странах — экспортерах нефти и газа «Брачная премия (кредит)», выделение жилья молодой семье, открытие счета новорожденному ребенку и его регулярное пополнение, оплата обучения; «декретные отпуска» для мужчин и возможность использовать отпуск по уходу за ребенком в течение 8 лет в скандинавских странах; частичная или полная компенсация услуг няни, в т. ч. близким родственникам, осуществляющим уход за ребенком; оплата детских дошкольных образовательных учреждений, каникулярных клубов и т. п. в ряде европейских стран. Практическая значимость работы заключается в возможности учета зарубежного опыта в области разработки государственных федеральных и региональных программ поддержки потенциальных и реальных многодетных семей.

Ключевые слова: депопуляция, демографическая политика, семейная политика, многодетная семья, государственные меры поддержки, рождаемость.

Многодетная семья для России — это историческая традиция, которую нужно возвращать: она должна утвердиться как норма, как ценностный ориентир для общества и как важнейший приоритет для государства.

В. Путин

Введение

Демографическое развитие страны оказывает существенное влияние на экономику и социальные процессы. Депопуляция, демографическое старение отрицательно сказывают-

ся на социально-экономическом развитии и меняют демографический портрет населения, что влияет и на социальную структуру общества. Поэтому в XX веке окончательно формируются понятие и цель «демографической политики» России как целенаправленной деятельности государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения¹ для обеспечения его расширенного или хотя бы простого режима².

¹ Курс лекций по демографии (2013) / под ред. В.А. Ионцева. М.: Экономический факультет МГУ: Анкил, 220 с.

² Кучмаева О.В. (2022). Демографическая политика, ее роль в развитии общества // Демография: учебник и практика / под общ. ред. М.В. Карманова. М.: Юрайт.

Демографические проблемы России не являются уникальными. Большинство стран западного мира также не первое десятилетие находится в поиске способов улучшения демографической ситуации на фоне депопуляции и старения населения (Guzzo et al., 2019). По мнению доктора философских наук, видного специалиста в области институциональной социологии семьи и социологической демографии, заслуженного профессора МГУ А.И. Антонова, для выхода из депопуляции нужно, чтобы в семейной структуре примерно половина семей были с 3–4 детьми, а каждая десятая — с пятью и более. По данным последней Всероссийской переписи населения (ВПН) 2020 г., 55% семей с детьми воспитывают одного ребенка, 33% — двоих, а 12% (около 1,7 млн семей) — троих и более. Большая часть последних (1,3 млн) — полные семьи, 344 тысячи — только с матерью, а 60 тысяч — только с отцом. При этом три четверти многодетных семей воспитывают троих детей, а 13,5% — четырех. Вице-премьер РФ Татьяна Голикова в рамках презентации Года семьи на Международной выставке-форуме «Россия» на ВДНХ в Москве в январе 2024 г. сообщила, что в стране живут 24,5 млн семей с детьми (в них воспитываются 30 млн детей). Количество многодетных семей в России достигло 2,3 млн, увеличившись за последние пять лет на 27%³. Таким образом, многодетные составляют лишь 9,3% семей с детьми, поэтому вопрос о стимулировании роста доли многодетных семей и их поддержке остается открытым и крайне актуальным.

Значимой предпосылкой суженного воспроизводства населения стал «кризис семьи». Его яркие проявления: высокая разводимость, добровольная бездетность (childfree), распространение сожителств, легитимация в некоторых западных странах однополых браков (Regnerus, 2012), проблемы наличия и воспитания детей в таких семьях (Андрюшина, Луценко, 2020). Ответом на вызовы социокультурного кризиса семьи в России стали меры по закреплению традиционных ценностей, среди которых конституционное закрепление понятия брака как союза мужчины и женщины

³ Мамиконян О. Число многодетных семей в России выросло на 27% за пять лет. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/504724-cislo-mnogodetnyh-semej-v-rossii-vyroslo-na-27-za-pat-let>

(ст. 72 Конституции РФ, ред. от 01.07.2020) и формирование государственной политики Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. указом Президента РФ № 809 от 9.11.2022).

Несмотря на наличие универсальных ценностей, декларируемых в основополагающих документах ООН, каждое государство предлагает собственные методы поддержки семей с детьми, выделяет объект поддержки, имплементирует конкретные механизмы (Андрюшина, Луценко, 2020). Специфический набор мер семейной политики и политики стимулирования рождаемости предопределяет желаемый для государства тип семьи (кто именно ухаживает за ребенком в послеродовой период, сколько детей в семье) (Журавлева 2016). Разумеется, существует группа стран, в которых демографическая политика не сформирована в силу объективных обстоятельств или политической позиции.

Тем не менее пул стран, регулирующих воспроизводство населения, представителен, и их опыт интересен как с научной, так и с практической точки зрения.

Исследования демографической политики в сфере стимулирования рождаемости, поддержки семей с детьми и ее эффективности

Эффективность мер стимулирования рождаемости и государственной политики в сфере поддержки семей с детьми варьируется от страны к стране в зависимости от разных факторов: от исторических и социокультурных аспектов семейной политики и характеристики семейных ценностей в различных обществах до уровня социально-экономического развития и благополучия отдельных стран (Андрюшина, Луценко, 2020).

П. Макдональд на основе метаанализа научных исследований предложил свою классификацию результативности мер стимулирования рождаемости (Макдональд, 2006). Он выделил следующие:

- комплекс пронаталистских мер ФРГ (1976 г.) привел к увеличению рождаемости за десятилетний период (1977–1987 гг.) на 15–20% (Buttner, Lutz, 1990);
- организация услуг по уходу за ребенком (больше, чем гибкий график труда) способствует росту рождаемости (Castles, 2003);

- в городах с развитой системой помощи по уходу за ребенком женщинам легче решиться на рождение ребенка в более молодом возрасте (Kravdal, 1994);

- рождаемость повышается на 20%, если есть возможность определить старших детей в дошкольные учреждения (Kravdal, 2001);

- решение проблемы баланса трудовой деятельности, семейной жизни и ухода за детьми повышает вероятность рождения второго и третьего ребенка у женщин с высоким уровнем образования (Baizan, 2002; Rønsen, 2004; Ноет, 2000; Olah, 2001; Rindfuss, 1996); позже данные результаты подтверждаются исследованиями пронаталистской политики в Японии, Южной Корее и Сингапуре (Sun, 2012);

- по мере роста уровня доходов населения увеличивается доля желающих родить ребёнка (Lovenheim, Mumford, 2013);

- увеличение размера государственного пособия на ребенка на 10% приводит к повышению рождаемости на 25% (Adkins, 2003), а на четверть – способствует росту суммарного коэффициента рождаемости на 4% (Gauthier, 1997).

Аналогичные данные были получены другими учеными-демографами в Израиле (Cohen et al., 2013), Канаде (Blac et al., 2013), Испании. Так, введение в Испании в 2007 г. детского пособия 2,5 тысячи евро, способствовало увеличению рождаемости на 6% (González, 2013), а увеличение в Канаде пособий в первый год жизни ребенка на 1000 канадских долларов повысило вероятность рождения ребенка на 17% (Milligan, 2005).

Таким образом, связь между уровнем рождаемости и поддержкой семей с детьми имеет место. Однако для сохранения и усиления эффекта политики требуется регулярная проверка «точек приложения» воздействия относительно проблем семей с детьми, которые необходимо решить.

Авторы большого количества работ акцентируют внимание на изменении уровня жизни семей, на повышении риска бедности с появлением очередного ребёнка (Архангельский и др., 2019; Бобков, 2019; Елизаров, Сеница, 2019; Суринов, Кузин, 2023). Семейный капитал становится ресурсом решения жилищных проблем, обеспечения образования детей (Гриши-

на, Цацура, 2017; Елизаров, Джанаева, 2020). Именно эту меру можно считать одной из значимых мер собственно демографической политики, так как ее получение определяется только демографическим событием – рождением ребенка, доход семьи не влияет на ее получение.

Правовым аспектам социальной поддержки многодетных семей в России и за рубежом посвящены работы К.С. Смирновой (Смирнова, 2009). Н.А. Восколович и И.Ч. Асхабалиев делают акцент на разделении мер поддержки многодетных семей в России в рамках утвержденных законодательно-правовых положений на реальные (предоставляемые семье сугубо по факту ее статуса как многодетной независимо от других условий) и потенциальные (например, при снижении уровня жизни как малоимущей семье). Авторы продвигают идею формирования системы реальных мер поддержки многодетных семей (Восколович, Асхабалиев, 2021).

Поиском особенностей и факторов репродуктивного поведения молодежи и возможностей его регулирования в России занимаются сотрудники Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (Ростовская, Васильева, 2021). Управлению репродуктивным поведением и оценке мер государственной поддержки многодетных семей на примере Вологодской области посвящены труды ученых Вологодского научного центра РАН (Калачикова, Гордиевская, 2014; Леонидова, Калачикова, 2016; Короленко, 2019; Ильин и др., 2021). Проведенная исследовательским коллективом работа (Ростовская, 2022), посвященная оценке демографического поведения населения в контексте национальной безопасности России, приводит к выводу, что потенциал многодетности как главный ресурс достижения режима простого воспроизводства имеется и в современной ситуации семьи все чаще реализуют его при благоприятных условиях.

Ряд работ посвящен оценке связи религиозности и рождаемости в России (Калачикова и др., 2022), в т. ч. на фоне других европейских стран (Пруцкова и др., 2023). Вероятно, данный фактор носит опосредованный характер, влияя на брачное и репродуктивное поведение населения, а выраженность влияния зависит от степени религиозности, силы веры, соблюдения её канонов.

Ученые из Новосибирского государственного университета экономики и управления анализируют современные меры семейной политики России в сравнении с зарубежными. Авторы делают вывод, что многообразие мер поддержки семей с детьми не обеспечивает достижения желаемых показателей рождаемости, не позволяет обеспечить высокий уровень жизни семей, не решает проблему эффективного сочетания родительских и профессиональных обязанностей. Все это требует разработки и использования дифференцированных региональных подходов к поддержке материнства и детства в России (Волкова, Кудаева, 2019).

Кроме того, в контексте сложившейся демографической ситуации особое значение имеет поддержка многодетности как социально-демографического феномена и обеспечение благополучия многодетных семей. Отметим, что в России, как и в западноевропейских странах и США, многодетными считаются семьи с тремя и более детьми. В ряде европейских и латиноамериканских стран понятие «многодетность» отсутствует в принципе, но социальные выплаты семьям предоставляются пропорционально количеству рождённых детей (Восколович, Асхабалиев, 2021).

Целью нашего исследования стал обзор государственных инструментов стимулирования рождаемости и мер поддержки многодетных семей в странах мира для выявления потенциально перспективных для реализации в российской демографической политике.

Методология исследования

На предварительном этапе был проанализирован суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в мире и по разным странам по данным двух основных источников: сайт шведских веб-разработчиков «База данных. Земля»⁴ (данные за период 1950–2024 гг.) и сайт Всемирного банка⁵ (СКР за период 1960–2021 гг. с возможностью скачать и обработать информацию в формате Excel). На указанных ресурсах собраны данные отдела народонаселения ООН (Мировые демографические перспективы: пересмотр на 2022 год); отчеты переписи населения и другие статистические публикации национальных статистических управлений; демографическая

статистика Евростата; отчет о статистике населения и естественного движения населения (различные годы) статистического отдела ООН.

В качестве объекта исследования необходимо определить принцип отбора стран для анализа. Логично рассмотреть страны с расширенным воспроизводством населения (условно СКР в них равен или больше 2,1). Однако подавляющее большинство из них либо из числа бедных развивающихся (африканские, азиатские), либо с ярко выраженными религиозными традициями государств и/или отсутствием демографической политики или слишком малым периодом ее проведения (например Киргизия, где пособие по рождению и родам начали выплачивать лишь в 2018 г.). Такие страны были исключены из анализа. Вместе с тем с учетом тенденций рождаемости в развитых государствах, имеющих длительную историю демографической политики, в анализ необходимо включить и страны с уровнем СКР ниже 2,1, к которым относится Россия.

Анализируя доступные статистические данные, мы дополнительно выделили ряд стран, в которых была отмечена положительная (*табл. 1*) и отрицательная динамика показателя СКР по отношению к 1980, 1990, 2000, 2010 гг. Как видим, лишь немногие из них имеют коэффициент фертильности выше уровня воспроизводства населения. А устойчивая позитивная динамика показателя за весь период наблюдается только в Казахстане.

Для дальнейшего анализа демографической и семейной политики мы отобрали страны – представители четырех групп: с уровнем СКР выше или ниже 2,1 в последнем доступном для анализа году (в данном случае – 2021 г.) и показавшие в рассмотренном периоде положительную (хотя бы на одном временном отрезке) или отрицательную динамику СКР (*табл. 2*).

Последующий основной блок анализа включал три этапа. На первом осуществлен анализ ключевого инструмента поддержки семей с детьми – отпуска по беременности и родам. На поздних сроках беременности, во время родов и послеродового периода женщина активно утрачивает трудоспособность и нуждается в поддержке и медицинской помощи. Это самый сензитивный период материнства. Важно проверить наличие взаимосвязи параметров

⁴ <https://database.earth/population/fertility-rate>

⁵ <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN>

Таблица 1. Страны с положительной динамикой суммарного коэффициента рождаемости (на 1 женщину) в 2021 г. по отношению к 1980, 1990, 2000, 2010 гг.

Страна	СКР в 2021 г.	Прирост, %			
		к 1980 г.	к 1990 г.	к 2000 г.	к 2010 г.
Казахстан	3,320	114,48	122,1	184,44	128,19
Израиль	3,000	92,54	106,2	101,69	99,01
Киргизия	2,890	68,53	79,6	120,42	93,23
Грузия	2,081	89,43	90,2	129,98	108,44
Франция	1,830	98,92	103,4	96,83	90,15
Чехия	1,830	87,98	96,3	159,13	121,19
Румыния	1,800	74,07	98,4	137,40	113,21
Дания	1,720	110,97	103,0	97,18	91,98
Швеция	1,670	99,40	78,4	108,44	84,34
Словения	1,640	77,73	112,3	130,16	104,46
Эстония	1,610	79,70	78,5	118,38	93,60
Германия	1,580	109,72	109,0	114,49	113,67
Латвия	1,570	84,41	77,7	125,60	115,44
Швейцария	1,520	98,06	96,2	101,33	100,00
Россия	1,493	78,99	78,9	124,94	95,28
Беларусь	1,483	73,05	77,5	112,60	99,26
Австрия	1,480	89,70	101,4	108,82	102,78
Греция	1,390	62,33	100,0	111,20	93,92

Таблица 2. Страны – представители выделенных групп, отобранные для анализа демографической политики

СКР	Динамика СКР	Страны
Более 2,1	Положительная	Казахстан, Израиль
	Отрицательная	Кувейт, Саудовская Аравия
Менее 2,1	Положительная	Германия, Франция, Австрия, Швеция, Греция, Словения, Беларусь, Латвия, Грузия, Россия
	Отрицательная	Япония, Южная Корея, США, Великобритания, Италия, Испания, ОАЭ, Австралия, Китай, Норвегия, Финляндия, Польша

рождаемости и характеристик отпуска по беременности и родам (длительность, оплата, замещающие инструменты/институты и пр.). На втором этапе проведен обзор мер поддержки семей с детьми в четырех выделенных группах стран по уровню и динамике СКР. На третьем осуществлена систематизация всех возможных инструментов поддержки семей с детьми и проведен их критический анализ с точки зрения применимости для российских условий. Сбор информации осуществлялся в электронных базах данных российской и международной статистики, на сайтах правительств зарубежных стран. В работе использовались общенаучные (анализ литературы; изучение и обобщение сведений; сравнение; синтез; индукция; дедукция; классифицирование) и эмпирические методы исследования.

Результаты исследования

Отпуск по беременности и родам в различных странах мира – ключевой инструмент поддержки семей с детьми. Впервые в мире отпуск по беременности и родам был введен в Советской России 27 (14) ноября 1917 года. Советом народных комиссаров принят Декрет «О пособии по беременности и родам». В результате будущие матери и роженицы получали денежное пособие в размере 100% заработной платы в течение 56 дней до и 56 дней после родов. За допуск работодателем женщин в период декретного отпуска к работе полагался крупный штраф. Кормящим матерям также полагалась сумма в размере 25–50% ее заработка в течение девяти месяцев после родов; а также предоставлялся перерыв через каждые три часа, не менее получаса. Для грудного кормления младенца были

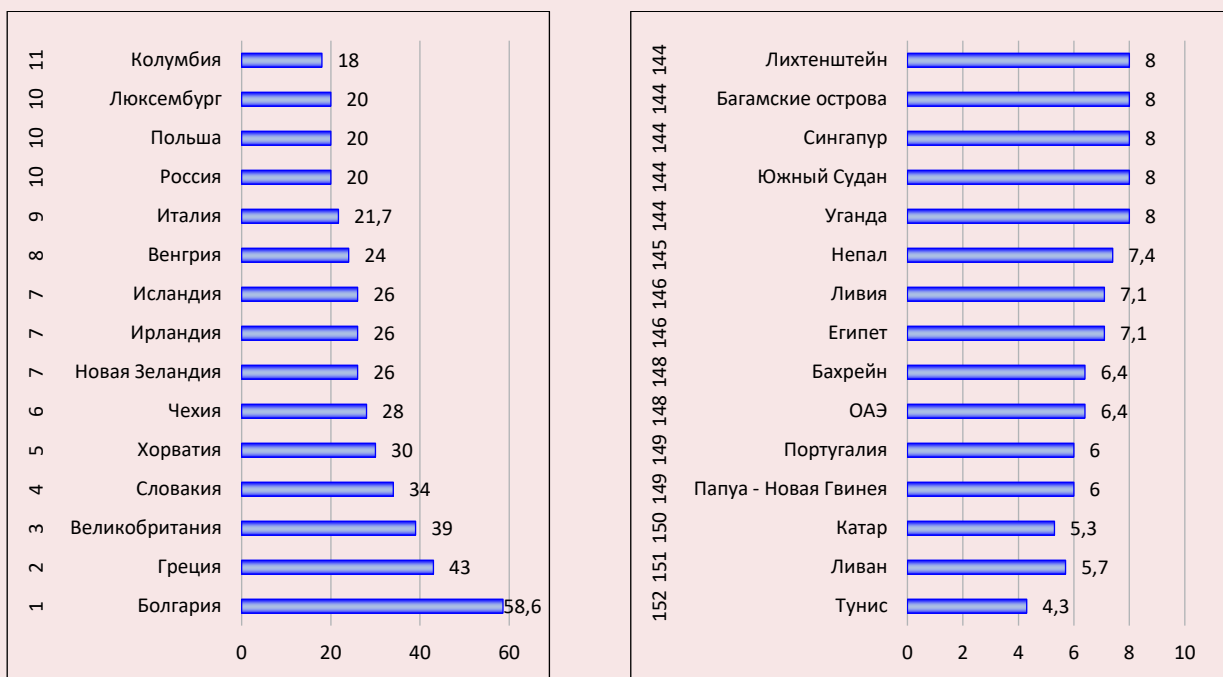
предусмотрены специально оборудованные помещения. Рабочий день кормящей матери (в течение 9 месяцев после родов) не превышал 6 часов в день⁶.

На начало 2025 г. в России оплачиваемый отпуск при рождении ребенка длиннее на 4 недели и составляет 20 недель (70 дней до и 70 дней после родов), а в случае многоплодной беременности – 84 дня до и после родов. Пособие по беременности и родам составляет 100% заработной платы женщины. С 21-й недели до достижения ребенком 1,5 лет выплачивается пособие по уходу за ребенком, 40% заработной платы того родителя, который будет осуществлять уход. Как правило, это мать. Максимальный размер пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет устанавливается ежегодно. Исходя из его размера, установленного, например, на 2025 г. (68 995 рублей 48 копеек⁷), средняя заработная плата матери или отца должна составлять в последние два года

в среднем чуть более 172 тыс. руб. В 2024 году максимальный размер пособия составлял 49 123 рубля 12 копеек⁸, а медианная заработная плата – около 62 тыс. руб., т. е. половина работающего населения могла рассчитывать на пособие от минимальных 9 тыс. до 25 тыс. руб., т. е. от 50 до 70 процентов от прожиточного минимума (17733 руб.). Без сохранения данного вида пособия предусмотрена возможность продолжать уход за ребенком до 3-х лет, при этом за родителем сохраняется рабочее место.

Самый продолжительный отпуск по беременности и родам принят в Болгарии (58,6 недели), Греции (43), Великобритании (39). Россия делит десятое место с Польшей и Люксембургом (20 недель; *рис. 1*). Самый короткий декретный отпуск среди 152 обследованных стран полагается женщине в Тунисе, всего 4,3 недели. Второе и третье место принадлежат Ливану и Катару (немногим больше 5 недель).

Рис. 1. Топ-15 стран с самым продолжительным и самым коротким декретным отпуском, недель

Составлено по: Paid maternity, parental and home care leave available to mothers, in weeks, 2022. Parental Leave Systems. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/maternity-leave-by-country>

⁶ Декрет ВЦИК о страховании на случай болезни 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.). Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 19189 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957.

⁷ <https://www.consultant.ru/law/ref/poleznye-sovety/detskie-posobija/posobie-po-uhodu-za-rebenkom/>

⁸ <https://www.garant.ru/article/1677828/>

В среднем треть государств (47 из 152) предоставляют женщинам отпуск по беременности и родам длиной около 3 месяцев (12,0–12,9 недели), либо 3,5 месяца (25 государств – 14 недель), либо около 4 месяцев (12 стран – 18 недель)⁹. В США женщина имеет право покинуть рабочее место в связи с рождением или усыновлением ребенка на 12 недель.

Из 15 стран с самым длительным отпуском по беременности и родам лишь половина (Болгария, Греция, Словакия, Хорватия, Чехия, Венгрия, Россия) имели положительную динамику показателя СКР в отдельные периоды новейшей истории.

Самый продолжительный оплачиваемый общий отпуск в связи с рождением ребенка и уходом за ним предусмотрен в Словакии (164 недели; табл. 3), Финляндии (161) и Венгрии (160). При этом нами выявлено, что суммарный коэффициент фертильности в Словакии вырос за последние 20 лет на четверть, в Венгрии за последние 10 лет на 27%, в Финляндии также отмечается некоторый рост в последние 5 лет (с 2019 г. на 4%).

Эстония и Словения – единственные страны из данного списка, в которых оплачиваются все (соответственно 82 и 52) недели общего отпуска (по беременности и родам и по уходу за ребенком) родильницам в полном объеме (100% заработной платы). Отметим, что в обеих странах мы наблюдаем позитивные изменения показателя СКР: он вырос по сравнению с 2000 г. в Словении на 30%, а в Эстонии – на 18%.

Соединенные Штаты Америки наряду с такими странами, как Великобритания, Новая Зеландия, Колумбия, Мальта, Кипр, Коста-Рика, Нидерланды, Испания, Турция, Израиль, Швейцария и Мексика, вовсе не предоставляют родившим женщинам оплачиваемый отпуск по уходу за ребёнком.

Можно предположить, что длительность отпуска по уходу за ребенком в совокупности с высоким уровнем компенсации заработной платы женщине в данный период имеют важное значение с точки зрения регулирования репродуктивного поведения и стимулирования рождаемости.

⁹ Рассчитано по: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/maternity-leave-by-country>

Иные меры поддержки семей с детьми в целом и многодетных в частности

I ГРУППА: СКР выше 2,1 / Положительная динамика СКР

Как мы отмечали ранее, **Казахстан** – единственная страна с поступательным ростом СКР в рассмотренный период. Несмотря на это, ученые констатируют, что демографическая политика в стране фрагментарна, ее цели практически не озвучены в рамках государственных программ или концепций, а реализация происходит в рамках других направлений социально-экономической политики (Панзабекова, Халитова, 2021). Тем не менее государство стимулирует рождаемость посредством системы государственных пособий, социальных выплат, мер по содействию занятости и льгот при налогообложении, а также других мер социальной защиты на всех этапах жизни граждан.

Помимо выплат по беременности, родам и уходу за ребенком (до года) система социальной поддержки семей в Казахстане предусматривает прогрессивное пособие на рождение ребенка (на первого, второго, третьего ребенка – 110,8 тысячи тенге, на четвертого и более ребенка – 183,8 тысячи тенге), субсидирование обязательных пенсионных взносов женщинам, занятым уходом за ребенком до достижения одного года, в размере 10% от среднемесячного дохода. В 2020 году введен новый вид пособия, назначаемый без учета дохода в дифференцированном размере в зависимости от количества детей в семье (для семей с 4 детьми он составляет 16,03 месячного расчетного показателя (МРП), с 5 детьми – 20,04 МРП, с 6 детьми – 24,05 МРП, с 7 детьми – 28,06 МРП, с 8 и более детей – по 4 МРП на каждого ребенка)¹⁰. Также осуществляется государственная программа ЭКО для семей, желающих завести детей.

Израиль относится к числу развитых стран. Население прошло «второй демографический переход», и рождаемость с каждым годом должна снижаться. Однако СКР рос с 2005 (2,842) по 2016 год (3,278). Устойчивое падение показателя отмечается лишь с 2019 года (3,215), а в

¹⁰ <https://www.zakon.kz/obshestvo/6414121-aygerim-abdrashitova-kak-v-kazakhstane-povyshayut-rozhdaemost.html>

Таблица 3. Оплачиваемый отпуск по беременности и родам, родительский отпуск и отпуск по уходу на дому, доступный матерям, 2022 год, неделя

Место	Страна	По беременности и родам		По уходу за ребенком		Общий оплачиваемый отпуск		Место	Страна	По беременности и родам		По уходу за ребенком		Общий оплачиваемый отпуск	
		Неделя	Оплата, %	Неделя	Оплата, %	Неделя	Оплата, %			Неделя	Оплата, %	Неделя	Оплата, %	Неделя	Оплата, %
1	Словакия	34,0	75,0	130,0	32,7	164,0	41,5	23	Люксембург	20,0	100,0	26,0	67,1	46,0	81,4
2	Финляндия	17,5	74,6	143,5	18,7	161,0	24,8	24	Франция	16,0	91,4	26,0	13,5	42,0	43,2
3	Венгрия	24,0	100,0	136,0	40,8	160,0	49,7	25	Великобритания	39,0	29,5	0,0	0,0	39,0	29,5
4	Болгария	58,6	90,0	51,9	44,5	110,4	68,6	26	Бельгия	15,0	64,7	17,3	20,3	32,3	40,9
5	Румыния	18,0	85,0	90,7	85,0	108,7	85,0	27	Испания	26,0	71,3	6,0	71,3	32,0	71,3
6	Латвия	16,0	80,0	78,0	46,3	94,0	52,0	28	Ирландия	26,0	25,7	5,0	25,7	31,0	25,7
7	Норвегия	18,0	100,0	68,0	34,0	86,0	47,8	29	Португалия	6,0	100,0	24,1	59,6	30,1	67,7
8	Эстония	14,3	100,0	67,9	100,0	82,1	100,0	30	Чили	18,0	100,0	12,0	100,0	30,0	100,0
9	Чехия	28,0	63,7	40,6	88,2	68,6	78,2	31	Новая Зеландия	26,0	48,9	0,0	0,0	26,0	48,9
10	Корея	12,9	83,7	52,0	44,6	64,9	52,4	32	Австралия	12,0	43,1	6,0	43,1	18,0	43,1
11	Литва	18,0	77,6	44,0	77,6	62,0	77,6	33	Колумбия	18,0	100,0	0,0	0,0	18,0	100,0
12	Австрия	16,0	100,0	44,0	71,2	60,0	78,9	34	Кипр	18,0	72,0	0,0	0,0	18,0	72,0
13	Германия	14,0	100,0	44,0	65,0	58,0	73,4	35	Мальта	18,0	86,3	0,0	0,0	18,0	86,3
14	Япония	14,0	67,0	44,0	59,9	58,0	61,6	36	Коста-Рика	17,3	100,0	0,0	0,0	17,3	100,0
15	Хорватия	30,0	100,0	26,0	62,0	56,0	82,4	37	Нидерланды	16,0	100,0	0,0	0,0	16,0	100,0
16	Швеция	12,9	77,6	42,9	57,2	55,7	61,9	38	Испания	16,0	100,0	0,0	0,0	16,0	100,0
17	Словения	15,0	100,0	37,1	100,0	52,1	100,0	39	Турция	16,0	100,0	0,0	0,0	16,0	100,0
18	Польша	20,0	100,0	32,0	67,5	52,0	80,0	40	Израиль	15,0	100,0	0,0	0,0	15,0	100,0
19	Греция	43,0	65,1	8,7	42,2	51,7	61,3	41	Швейцария	14,0	53,9	0,0	0,0	14,0	53,9
20	Канада	16,0	39,5	35,0	44,8	51,0	43,2	42	Мексика	12,0	100,0	0,0	0,0	12,0	100,0
21	Дания	18,0	50,7	32,0	50,7	50,0	50,7	43	США	12,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
22	Италия	21,7	80,0	26,0	30,0	47,7	52,7								

Источник: Paid maternity, parental and home care leave available to mothers, in weeks, 2022. Parental Leave Systems. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/maternity-leave-by-country>

2023 году СКР составил 2,917¹¹, что также соответствует «расширенному воспроизводству». Израильтянам удаётся сдерживать факторы, определяющие общемировую динамику снижения рождаемости на фоне повышения социально-экономического благополучия (Ситковский, 2023). Ученые выделяют следующие причины успеха Израиля в сфере рождаемости (Haivry, 2018):

- осознание неминуемого конца цивилизации вследствие низкой рождаемости и непрерывная трансляция данного месседжа посредством СМИ государственными и медийными деятелями;
- культурно-исторические особенности евреев (сочетание ценностей индивидуализма и многодетности);
- высокая рождаемость среди ультраортодоксальных евреев служит примером для менее религиозных семей;
- отсутствие психологической установки на определённое количество детей;
- высокоразвитая и бесплатная медицина в области лечения бесплодия (первое место в мире по количеству лечений из расчёта на душу населения);
- детоцентричная культура позволяет одиноким женщинам использовать вспомогательные репродуктивные технологии, что также поощряется религиозным обществом (Ситковский, 2023; Haivry, 2018).

В Израиле многодетными считаются семьи, воспитывающие не менее четырех детей. В качестве государственных экономических мер их поддержки можно выделить пособия и налоговые льготы.

Ежемесячные выплаты на детей до 18 лет в Израиле небольшие, не покрывают и 1/10 части расходов на ребенка (в 2023 г. 167 шекелей в месяц на первого ребёнка, 207 — на второго, третьего и четвёртого, а также снова 167 шекелей на пятого и последующих детей¹²). Тем не менее родители пяти детей могут себе позволить не работать, получая детские пособия и допол-

нительные выплаты по обеспечению прожиточного минимума¹³. В ультраортодоксальных семьях (в них, как правило, работают половина отцов и три четверти матерей) они составляют в среднем 24% семейного бюджета, в остальных — 9%¹⁴. Дополнительно многодетным семьям ежегодно (обычно в августе и сентябре) положена разовая помощь на подготовку к школе каждого ребенка.

Помимо денежных пособий многодетным семьям положены существенные налоговые льготы (в т. ч. возврат платежей на величину НДС), которые выступают основным способом выравнивания их материального положения. Тем не менее многодетность в Израиле также ведет к снижению уровня и качества жизни (Ситковский, 2023).

II ГРУППА: СКР выше 2,1 / Отрицательная динамика СКР

В данную группу включены некоторые арабские страны Персидского залива как государства-экспортеры нефти с моноотраслевой экономикой, но высоким душевым ВВП и уровнем социальных гарантий, образования и здравоохранения.

В Саудовской Аравии принято иметь большие семьи (8–10 детей). Рождение детей всячески поддерживается на государственном уровне. Рождение и воспитание детей считается основной задачей женщины. Однако женщинам Саудовской Аравии предоставляется всего 10 недель полностью оплачиваемого отпуска по беременности и родам. Отец может взять 3 дня отпуска по уходу за ребенком. Женщины, имеющие детей с особенностями развития, имеют право на 1 месяц дополнительного оплачиваемого отпуска после окончания основного отпуска по уходу за ребёнком, а также на дополнительный неоплачиваемый месяц¹⁵. Государство

¹³ Гельман З. (2006). Как поощряется рождаемость в Израиле // Еврейский обозреватель. Август. 16/131. URL: http://jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=1674

¹⁴ Chapter 3: Standard of Living / Statistical Report on Ultra-Orthodox Society in Israel // The Israel Democracy Institute: 2022. (Электронный ресурс). URL: <https://en.idi.org.il/haredi/2022/?chapter=48265> (дата обращения 15.03.2024).

¹⁵ Афанасьев С.А. Беременность и роды в Саудовской Аравии. URL: <https://www.insure.travel/sa/health/pregnancy-maternity>

¹¹ <https://database.earth/population/israel/fertility-rate>

¹² Размер пособия на детей // Национальное Страхование Израиля. URL: https://www.btl.gov.il/RussianHomePage/Benefits_ru/Yeladim_ru/Pages/shiureHakitzba_ru.aspx (дата обращения 15.03.2024).

единовременно платит 3 тыс. долларов беременной и 200 долларов каждый месяц, а безработной матери – 300 долларов¹⁶.

Кувейт. Одну десятую часть доходов государство направляет в специальный фонд будущих поколений. Меры поддержки¹⁷:

1. Свадебный кредит (240 тысяч долларов). Ежемесячно из зарплаты новобрачного вычитается лишь символическая сумма в размере около 20 долларов.

2. Жилищный кредит на строительство дома до 1 млн долларов. В зависимости от цен на нефть (при их росте), государство, используя сверхдоходы, частично или полностью оплачивает кредиты населения.

3. На рождение ребенка государство открывает регулярно пополняемый до его совершеннолетия вклад в банке в размере 3 тысячи долларов.

4. В случае достижения вторым и последующими детьми возраста 6 лет государство удваивает сумму средств (до 6 тысячи долларов). Это обосновано высоким уровнем детской смертности в стране.

5. При наличии 5 детей на каждого выплачивается 200 долларов ежемесячно вплоть до начала их трудовой деятельности¹⁸. А неработающим многодетным матерям положено материальное стимулирование в размере 300 долларов ежемесячно¹⁹.

6. Каждый ребёнок имеет право на бесплатное образование, в т. ч. в других странах за счет «фонда будущих поколений».

7. Предусмотрена бесплатная медицинская помощь, при необходимости в иностранных клиниках.

Тем не менее, несмотря на активную государственную поддержку семей с детьми и высокий уровень жизни граждан, рождаемость в этих странах поступательно снижается.

¹⁶ <https://dzen.ru/a/WsjmAGEEk4W2Xzw1>

¹⁷ В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: <https://news.rambler.ru/other/39408780-v-kakoy-strane-rozhdenie-detey-prinosit-pribyl/>

¹⁸ Кувейт: когда нефтедоллары идут на общее благо. URL: <https://www.onetwotrip.com/ru/blog/guides/asia/kuwait-example-for-follow/?srslid=AfmBOop6UbeaCA-S3A6aPSbD6rKka8VmJRp1MBLLY-PNSXEuAmW7D76>

¹⁹ Асылханова Ж. Сколько перечисляет государство детям в других странах мира. URL: <https://www.inbusiness.kz/ru/last/skolko-perechislyet-gosudarstvo-detyam-v-drugih-stranah-mira>

III ГРУППА: СКР ниже 2,1 / Положительная динамика СКР

В целом в странах Европейского союза фиксируется рост коэффициента фертильности в 2021 году (1,520) по сравнению с 2000 годом на 5,5%. Остановимся на определяющих благоприятную тенденцию странах.

На детей, проживающих на территории **Германии**, родители получают пособие до 18 лет, в случае дальнейшего обучения – до 25 лет. Размер детского пособия составляет практически половину минимальной заработной платы (на первого и второго ребёнка – около 210 долларов ежемесячно) и увеличивается на каждого последующего ребёнка. При рождении третьего ребёнка пособие увеличивается на 15 долларов, начиная с четвертого ежемесячная выплата составит около 250 долларов. Одновременно возрастает величина дохода на детей, не облагаемая налогом, а также величина средств на уход, образование или обучение детей. Родители могут получать выгоду от выплаты детских пособий или освободить от налога часть дохода, планируемую на детей (Восколович, Асхабалиев, 2021).

Германия – одна из немногих европейских стран, где пособие по уходу выплачивается даже никогда не работавшим матерям. Напомним, что отпуск по уходу за ребенком может длиться до достижения ребенком трех лет.

Дополнительно предусмотрены компенсация затрат на образование и внешкольную активность (до 140 долларов в месяц), дотации и различные социальные пакеты. Например, при низком материальном статусе можно получить одежду для беременных и новорожденных²⁰.

Во **Франции** каждая пятая семья с детьми – многодетная (Восколович, Асхабалиев, 2021). На их поддержку идет 46% всего целевого бюджета, выделяемого на семьи с детьми. Система поощрения родителей к деторождению в этой стране довольно разнообразна и сложна и отличается особым вниманием к многодетным семьям.

Основная часть семейных пособий во Франции предоставляется исходя из числа детей в семье, причем без учёта доходов родителей. С по-

²⁰ Аршинова И.А. В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: https://medaboutme.ru/articles/v_kakoy_strane_rozhdenie_detey_prinosit_pribyl/

явлением второго ребёнка предусмотрено дополнительное пособие до трёх лет, назначаемое родителю независимо от его трудовой занятости. Отдельно выделяются пособие матерям-одиночкам, господдержка матерям при отсутствии возможности у них получать алименты и др. Особенность французского законодательства в области поддержки семьи состоит в том, что на семейные пособия могут претендовать родители, имеющие на иждивении двоих детей, не достигших возраста 20 лет, вне зависимости от уровня дохода родителей. За второго ребёнка доплачивают 150 долларов, за третьего – 250, каждый следующий добавляет в семейный бюджет еще примерно 200 долларов. При этом сумма пособий увеличивается при достижении ребенком 14 лет (Восколович, Асхабалиев, 2021).

Важный инструмент для поддержки семей с детьми во Франции – это различного рода пособия, которые компенсируют затраты, связанные с оплатой услуг няни родителям, вернувшимся к трудовой деятельности.

Для семей с детьми в возрасте от 6 до 18 лет с низкими доходами предназначено пособие, покрывающее часть высоких расходов, связанных с началом учебного года. Оно выплачивается каждый год в августе. В 2022 году размер предоставляемой помощи составлял 376,98 € для детей в возрасте от 6 до 10 лет, 397,78 € для детей от 11 до 14 лет и 411,56 € для лиц в возрасте от 15 до 18 лет²¹.

Еще одним инструментом поддержки семьи во Франции служат дополнительные семейные пособия для семей с тремя детьми и более. Указанные выплаты синхронизированы с уровнем доходов, но их лишены лишь 17% многодетных семей. Они выплачиваются в сумме около 200 долларов после исполнения третьему, четвертому и последующему ребенку трех лет²².

Многодетным семьям предоставляются пенсионные льготы – дополнительные 10% к базовой пенсии для женщин, воспитавших троих детей, и еще 5% за каждого последующего, а также страхование пенсий для домохозяек с детьми (для малообеспеченных семей).

²¹ <https://www.mes-allocs.fr/guides/aides-sociales/>

²² Закутин А. Опыт поддержки многодетных семей за рубежом. Франция, Австралия, США, Словения. 31.10.2016. URL: <https://katehon.com/ru/article/opyt-podderzhki-mnogodetnyh-semey-za-rubezhom>

Если многодетная семья решает поменять место жительства, то ей государство предоставляет дотацию (в размере 1200 долларов) на переезд²³. Также существенны во Франции налоговые льготы: родители четырех детей освобождены от уплаты налогов.

Семейная и демографическая политика во Франции считается одной из самых эффективных, что привело в свое время к росту рождаемости.

В Австрии сумма «детских» пособий увеличивается пропорционально очередности рождения и возраста ребенка (после достижения 10 лет)²⁴. Причем при появлении третьего и последующих детей размер пособия увеличивается в арифметической прогрессии. В подарок каждому новорожденному ребенку предусмотрено 3 тысячи долларов. Если рождаются тройня или более детей одновременно, то эта сумма выплачивается семье ежегодно, до достижения детьми 16 лет. Пособия по уходу за ребенком могут получать не только родители, но и бабушки с дедушками, няни. Эта сумма не превышает 212 долларов в неделю. Уход за школьниками на 15% дешевле²⁵.

Помимо пособия до 19 лет для всех детей в Австрии стимулируют студентов: вплоть до 27-летнего возраста учащиеся вузов получают дополнительные дотации, снижая финансовую нагрузку родителей.

Швеция уверенно удерживает второе место по рождаемости детей среди всех европейских государств. И происходит это не столько благодаря пособиям и материальной помощи, сколько длительному оплачиваемому отпуску по уходу за детьми (18 месяцев). Брать его можно частями вплоть до 8-летия ребёнка, а еще как минимум 3 месяца обязан «отсидеть» с ребенком отец. Различные виды социальной помощи и сервиса для родителей увеличивают комфорт материнства и отцовства для шведов. Также государство поддерживает семьи с четырьмя

²³ Аршинова И.А. В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: https://medaboutme.ru/articles/v_kakoy_strane_rozhdenie_detey_prinosit_pribyl/

²⁴ Там же.

²⁵ Асылханова Ж. Сколько перечисляет государство детям в других странах мира. URL: <https://www.inbusiness.kz/ru/last/skolko-perechislyaet-gosudarstvo-detyam-v-drugih-stranah-mira>

и более детей (размер выплат на ребенка составляет 615 евро при 4 детях, 858 евро – при 5 и 1101 евро – при 6) (Андрюшина, Луценко, 2020).

Долгое время в **Греции** отсутствовала системная государственная политика стимулирования рождаемости, т. к. были сильны традиционные православные ценности с ориентацией на многопоколенные, многодетные семьи. Однако современные исследования доказывают, что страна в результате экономического кризиса столкнулась с оттоком молодежи, а оставшиеся на родине все меньше рожают детей. Более четверти населения Греции – люди старше 65 лет, и, согласно прогнозам национального статистического агентства Elstat, к 2030 году страна будет самой стареющей в Европе. В связи с этим в 2023 году было создано отдельное Министерство национального единства и семьи. Целью новой структуры является реализация долгосрочной программы по созданию условий повышения рождаемости. Новое министерство по делам семьи будет работать над обеспечением рабочих мест для молодых семей, предоставлением жилья с низкой процентной ставкой, поощрением рождаемости за счет более высоких пособий на детей и предоставлением мест в государственных детских садах и школах.

В 2020 году греческие власти ввели пособие по родам в размере 2000 евро. А в январе 2024 г. его размер на первого новорожденного в семье был увеличен до 2400 евро, второго – до 2700 евро, третьего – до 3000 евро, четвертого и последующих – до 3500 евро. Объявленная мера социальной поддержки коснется порядка 300 тысяч семей в предстоящие два года. На выплаты пособий в текущем году государство выделяет около 90 миллионов евро²⁶.

Словения проводит семейную политику, направленную на создание благоприятных условий для осуществления как профессиональных, так и семейных обязанностей, и горизонтальное перераспределение доходов в пользу семей с детьми. Словения до сих пор остается государством с одним из самых высоких уровней занятости матерей с маленькими детьми и не-

большим уровнем гендерного разрыва в оплате труда в ЕС. В стране предусмотрены льготы для родителей, помощь при рождении ребенка, пособие по уходу за детьми, пособия для многодетных семей, дополнительное пособие в случае, если родитель полностью или частично оставляет работу для воспитания детей. Размер пособия на ребенка от 3 до 12 лет составляет 8–9% средней заработной платы в Словении (Андрюшина, Луценко, 2020).

Один из родителей имеет право работать неполный рабочий день до достижения ребенком возраста трех лет. Этот период может быть продлен до достижения младшим ребенком возраста шести лет, если в семье воспитываются два или три ребенка. Если в семье четыре и больше детей, один из родителей имеет право не работать. В случае наличия инвалидности у ребенка право работать неполный рабочий день для родителя может быть продлено до достижения ребенком 18-летнего возраста. Во всех этих случаях работодатель гарантирует оплату за фактически отработанное время, а за оставшуюся часть полного рабочего времени выплачивается страховая компенсация.

С 2007 года Словения поощряет работодателей налоговыми льготами при соблюдении ими «семейных принципов на работе»: 1) наличие гибкого рабочего графика; 2) предоставление отпуска в связи с усыновлением ребенка; 3) неполный рабочий день для сотрудников, имеющих нетрудоспособного члена семьи, и содействие по уходу за ним; 4) предоставление компанией услуг по уходу за детьми (например, частичная оплата услуг няни) и др. (Андрюшина, Луценко, 2020).

В Словении предусмотрены льготы малоимущим многодетным семьям – это ежегодное пособие для семей с тремя и более детьми в возрасте до 18 лет или 26 лет (если ребенок учится на очной форме обучения), если доход на члена семьи ниже 64% от среднемесячного дохода в стране. Сумма пособия для семей с тремя детьми составляет 395 евро, для семей из четырех или более детей – 480 евро²⁷.

²⁶ Байков И. В Греции увеличили пособие при рождении ребенка. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/v-grecii-uvlichili-posobie-pri-rozhdenii-rebenka.html>

²⁷ Закутин А. Опыт поддержки многодетных семей за рубежом. Франция, Австралия, США, Словения. 31.10.2016. URL: <https://katehon.com/ru/article/opyt-podderzhki-mnogodetnyh-semey-za-rubezhom>

В **Беларуси** единовременное пособие в связи с рождением первого ребенка составит в 2025 г. 4476,4 белорусских рублей (более 120 тыс. российских рублей), а при рождении второго и последующих детей – на 30% больше: 6266,96 руб. (около 170 тысяч российских рублей). Пособия по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет также вырастут в 2025 г. в среднем на 11% и составят на первого ребенка 861,42 руб. (23,3 тыс.), на второго и последующих детей – 984,48 руб. (26,7 тыс.), на ребенка-инвалида – 1107,54 руб. (30 тысяч российских рублей)²⁸.

В 2015 году в стране введена дополнительная мера государственной поддержки многодетных семей – единовременное предоставление семьям безналичных денежных средств (семейный капитал) при рождении, усыновлении (удочерении) третьего или последующих детей. С 01.01.2025 он составил 31 480 белорусских рублей (853 тыс. рос. руб.) Средства семейного капитала предоставляются семьям для использования в Республике Беларусь в полном объеме либо по частям в безналичном порядке в соответствии с законодательством по одному или нескольким направлениям: улучшение жилищных условий; получение образования; получение медицинской помощи; приобретение товаров, предназначенных для социальной реабилитации и интеграции инвалидов в общество; получение услуг в сфере социального обслуживания; формирование накопительной (дополнительной) пенсии матери (мачехи) в полной семье, родителя в неполной семье, усыновителя (удочерителя)²⁹.

В **Латвии** на каждого новорожденного родителей положена выплата в размере около 500 долларов. Пособие по уходу за ребенком рассчитывается на основании заработной платы, но можно выбирать способ и длительность его получения: либо до года ребёнка (в размере 60% от средней зарплаты), либо до полутора лет

(в размере 43,75%). «Детские деньги» платят ежемесячно до 15 лет или до 20 лет (если ребенок учится, но не успел вступить в брак). Размер выплат увеличивается пропорционально очередности рождения. Однако после четвертого ребенка сумма не меняется. При этом возраст старших детей не влияет на размер пособия на последующего ребенка, даже если они выросли и сами стали родителями. Многодетным выплаты производятся на каждого ребенка с 1 года до 20 лет³⁰.

Воздействие на ментальность, на ценностные ориентации показало свою эффективность в **Грузии** на примере так называемого «грузинского демографического чуда». Когда патриарх Илия II публично заявил, что готов лично крестить каждого третьего грузинского ребенка, рождаемость в стране повысилась более чем на 25%, а количество абортотворилось вдвое³¹. У патриарха свыше 40 тысяч крестников³².

В сентябре 2021 года в Грузии стартовала Программа субсидирования ипотечного кредита для многодетных семей³³. Она предусматривает субсидию на проценты, начисленные по ипотечным кредитам, взятым многодетными семьями и семьями с новорожденными, одинокими или вдовствующими родителями, в течение 60 месяцев после выдачи займа. В течение года после рождения ребенка семья может обратиться в банк, взять ипотечный кредит и купить новую квартиру или вторичное жилье, а также построить частный дом.

³⁰ Аршинова И.А. В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: https://medaboutme.ru/articles/v_kakoy_strane_rozhdenie_detey_prinosit_pribyl/

³¹ Мой крестный Патриарх! Крестины в Грузии. URL: <https://radiovera.ru/moj-krestnyj-patriarh-krestiny-v-gruzii.html>

³² Патриарху Грузии Илие Второму исполнилось 90 лет. URL: <https://mir24.tv/news/16536797/patriarhu-gruzii-ilie-vtoromu-ispolnilos-90-let>

³³ Госпрограмма льготных ипотечных кредитов стартует в Грузии с сентября. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20210830/gosprogramma-lgotnykh-ipotechnykh-kreditov-startuet-v-gruzii-s-sentyabrya-259158417.html>

²⁸ Государственные гарантии многодетным семьям // Сайт Министерства труда и социальной защиты республики Беларусь. URL: https://mintrud.gov.by/special/ru/gosudarstvennie-garantii-mnogodetnim-semyam-ru/view/semeynyj-kapital-4222/#to_top

²⁹ Там же.

С 1 января 2023 г. каждому третьему и последующим новорожденным в Грузии предоставляется единовременная помощь в размере 1000 лари³⁴. Школьные учителя будут получать полную зарплату во время декретного и послеродового отпусков. С 2025 года власти Грузии планируют начать финансирование процедуры искусственного оплодотворения для всех желающих.

Систематизируя ключевые меры поддержки семей с детьми в **России**, ориентируясь на актуальные нормы российского законодательства³⁵, а также информацию Минтруда России, ФНС, СФР и портала госуслуг, можно выделить две группы пособий и выплат на детей: единовременные и ежемесячные. К первым относятся:

- пособие при рождении ребенка;
- материнский (семейный) капитал (с ним связана ежемесячная выплата в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им возраста 3-х лет, которая выплачивается из средств маткапитала);
- пособие по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком;

- пособие при передаче ребенка на воспитание в семью;
- пособие по беременности жене солдата-срочника.

Вторую группу составляют:

- пособие по беременности и родам;
- единовременное пособие при рождении ребенка. Этот вид пособия положен семьям, проживающим на территории страны, независимо от уровня дохода и количества детей;
- пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет;
- единое пособие на детей до 17 лет и для беременных женщин;
- выплата в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка;
- пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву;
- пособие неработающим трудоспособным лицам, ухаживающим за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет или инвалидом с детства I группы³⁶.

В *таблице 4* показан размер основных выплат на детей.

Таблица 4. Размеры основных выплат на детей в 2024 г. и на 2025 г.

Пособие	2024 г.	2025 г.
Материнский капитал		
На первого ребенка	630380,78 руб.	690266,95
На второго ребенка	833024,94 руб.	912162,09
Доплата на второго ребенка тем, кто получал маткапитал на первого	202643,96 руб.	221895,14
Единовременные пособия на детей		
При рождении или усыновлении ребенка	24604,30 руб.	26941,71 руб.
При усыновлении ребенка от 8 лет, ребенка-инвалида, нескольких детей братьев-сестер	187996,90 руб.	205856,61 руб.
Беременной жене военнослужащего по призыву	38,963,37 руб.	24665,0 руб.
Ежемесячные пособия на детей		
По уходу за ребенком до 1,5 лет неработающим родителям	От 9227,94 до 18454,48 руб.	От 10103,83 руб., до 18454,48 руб.
На ребенка военнослужащего-срочника	16698,63 руб.	18285,0 руб.
Источник: сайт СФР, URL: https://sfr.gov.ru ; КонсультантПлюс, URL: https://www.garant.ru/article/1677828/ https://www.consultant.ru/legalnews/27800/		

³⁴ Единовременная выплата на каждого третьего и последующего ребенка. URL: <https://jnews.ge/103886/>

³⁵ Статья 11 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»; Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»; Приказ Минтруда России от 29 сентября 2020 г. № 668н «Об утверждении Порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей».

³⁶ <https://www.garant.ru/article/1677828/>

В России, согласно Указу Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей»³⁷ существуют следующие механизмы помощи семьям с тремя и более детьми:

- семьи с тремя или более детьми имеют право на бесплатный земельный участок или его денежную компенсацию;
- пенсионные льготы: мамы троих детей выходят на пенсию в 57 лет, четверых – в 56, пятерых и более – в 50;
- многодетной семье государство готово погасить 450 тысяч рублей долга по ипотеке;
- предусмотрено увеличение стандартного налогового вычета за третьего и последующих детей больше (3000 рублей);
- кроме общего вычета по налогу на имущество многодетным положен дополнительный вычет с учетом количества детей, для него нужно подавать заявление, как для налоговых льгот;
- если у многодетной семьи есть участок, то платить налог на землю нужно не со всей площади, а за вычетом шести соток;
- родитель троих детей до 12 лет может уходить в отпуск в любое время, даже вопреки утвержденному графику.

Кроме федеральных программ господдержки есть пособия и субсидии на уровне регионов, например бесплатное питание в школе, бесплатная школьная форма или компенсация средств на ее приобретение один раз в два года, субсидия на оплату коммунальных услуг, освобождение от транспортного налога, скидки на оплату парковки, бесплатный проезд в общественном транспорте, льготы при посещении театров и музеев.

IV ГРУППА: СКР ниже 2,1 / Отрицательная динамика СКР

В Японии крайне низкий уровень рождаемости – 1,39 ребёнка на женщину. Специалисты связывают это с недостаточностью государственной поддержки, что, в свою очередь, обусловлено матримонильной культурой страны (Стрельцов, 2007).

³⁷ О мерах социальной поддержки многодетных семей: Указ Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50259>

Так, отпуск по беременности и родам сроком в 14 недель обеспечивается 60% от предыдущей зарплаты матери, отпуск по уходу – 40%. При этом 30% будут платить непосредственно во время отпуска, а оставшуюся сумму – в течение 6 месяцев после возвращения матери на рабочее место. Получить пособие для отпуска можно только при условии полной занятости обоих родителей до декрета. Временные работники (даже если это отец), работающие на полставки, не имеют прав на пособия. При этом специфика трудового рынка Японии такова, что чаще всего таким работником становится женщина с подросшим ребёнком, что снижает мотивацию на рождение второго ребенка (Новикова, 2013).

При рождении третьего и последующего ребёнка сумма единовременного пособия увеличивается более чем в 1,5 раза по сравнению с первым и вторым ребенком³⁸. В 2022 году Правительство Японии приняло решение начать выплату беременным женщинам пособий на рождение ребенка в размере 100 тыс. иен³⁹. В апреле 2023 года оно было увеличено с 420 000 до 500 000 иен⁴⁰.

Парламент Японии летом 2024 года принял законопроект о пересмотре закона о пособиях на воспитание детей. Было принято решение отменить ограничения на размер доходов для получения детских пособий и продлен срок выплаты таких пособий до достижения ребенком 18 лет⁴¹.

Лишь в каждой четвертой японской семье есть ребенок, а более 30% детей в приютах – «отказники». Усыновления в Японии – крайне нераспространённое явление⁴².

Согласно статистическим данным, по итогам 2022 года общий коэффициент фертильности в Южной Корее продолжил снижаться, уменьшившись еще на 0,03, достигнув показателя

³⁸ Аршинова И.А. В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: https://medaboutme.ru/articles/v_kakoy_strane_rozhdenie_detey_prinosit_pribyl/

³⁹ <https://tass.ru/obschestvo/16155363>

⁴⁰ <https://www.nippon.com/ru/japan-data/h01641/>

⁴¹ В Японии принят новый закон о расширении мер поддержки семей с детьми. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/ru/news/0607EE73/>

⁴² Аршинова И.А. В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: https://medaboutme.ru/articles/v_kakoy_strane_rozhdenie_detey_prinosit_pribyl/

теля в 0,78 человека (т. е. в среднем на 10 корейнок приходится 7–8 детей). Данный показатель стал самым низким среди всех развитых стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития⁴³.

Правительство Южной Кореи расширяет финансовые стимулы для повышения рождаемости в стране. Одной из главных выплат в стране при рождении ребенка является «пособие за рождение и воспитание детей». Сумма выплаты зависит от количества детей в семье и доходов родителей. Обычно семьям выплачивается однократное пособие, но существуют и ежемесячные выплаты на протяжении года после рождения. Размеры пособий зависят от дохода семьи и числа детей. Так, ребенок, рожденный в 2024 году, может в течение восьми лет с момента рождения получить в общей сложности 29,6 млн вон (около \$22100) в виде денежной поддержки. Финансовая поддержка предусматривает единовременную выплату родителям в размере 2 млн вон при рождении ребенка. Второй ребенок получает 3 млн вон, что на 1 млн вон больше, чем в прошлом году⁴⁴.

Кроме того, в Корее существует еще несколько пособий, направленных на поддержку семей с детьми, например, пособие на обучение в колледже для детей до 18 лет и пособие на получение среднего профессионального образования для детей до 24 лет. Их размер также зависит от дохода семьи.

В США единая система социальной поддержки семей отсутствует, дотации можно получить от государства, частных компаний, благотворительных организаций и церкви. Родителей поддерживают исключительно налоговыми льготами (около 100 долларов). Все остальное ложится на плечи семейного бюджета. Государство помогает малоимущим семьям талонами на продуктовые наборы, жильем по сниженным ценам, субсидиями на коммунальные услуги, медицинской помощью в ограниченном виде, приоритетом на место в бесплатном детском саду, а также консультациями по

⁴³ Демографические проекты по увеличению рождаемости и поддержке семей с детьми в Южной Корее, Словении, Австралии. URL: <https://foodwave.tilda.ws/page41407528.html>

⁴⁴ Выплаты по рождению детей вводят в Южной Корее. URL: <https://khovar.tj/rus/2024/01/vyplaty-porozhdeniyu-detej-vvodyat-v-yuzhnoj-koree/>

планированию семьи. Общественные и частные организации могут предложить спектр услуг в виде присмотра за ребёнком, юридических, психологических консультаций, помощи в получении образования и трудоустройстве для родителей⁴⁵.

В Великобритании существует ряд инструментов финансовой и материальной помощи семьям с детьми, налоговые льготы (представлены на сайте правительства⁴⁶), которые зависят от трудоустроенности матери до наступления беременности и суммы совокупного дохода семьи. Некоторым категориям мам может быть выплачен Start Maternity Grant, около 800 долларов при рождении первенца. Размеры «детских» пособий обратно пропорциональны очередности рождения. Предусмотрены продуктовые наборы для беременных женщин (до 18 лет) и детей до 4 лет из малообеспеченных семей. Во время беременности и пока ребёнку не исполнился год, мама имеет право на бесплатное стоматологическое лечение. Также часть затрат на посещение детского сада (до 350 долларов в месяц) может быть списана с налогов, выплачиваемых одним из родителей. При этом за счет них же может частично оплачиваться посещение детских клубов, в которые дети ходят во время каникул⁴⁷.

Уход за ребёнком до 12 лет, если женщина при этом не работает, посвящая себя семье, зачисляется в рабочий стаж и учитывается при расчете пенсии. Если же мама решает работать, то ее должность сохраняется в течение полугода после родов, через 11 месяцев могут предложить другое место в той же компании, через год резерв рабочего места истекает.

Правительство Великобритании работает над новыми программами помощи, позволяющими компенсировать до 3000 долларов затрат на ребёнка в год «детскими» ваучерами, различными схемами компенсации⁴⁸.

⁴⁵ Аршинова И.А. В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: https://medaboutme.ru/articles/v_kakoy_strane_rozhdenie_detey_prinosit_pribyl

⁴⁶ <https://www.gov.uk/browse/childcare-parenting/financial-help-children>

⁴⁷ Аршинова И.А. В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: https://medaboutme.ru/articles/v_kakoy_strane_rozhdenie_detey_prinosit_pribyl

⁴⁸ В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: <https://news.rambler.ru/other/39408780-v-kakoy-strane-rozhdenie-detey-prinosit-pribyl/>

В **Италии** снижение уровня рождаемости вызывает серьезное беспокойство со стороны государства, поскольку в настоящее время коэффициент рождаемости составляет лишь 1,301⁴⁹. Средний возраст «начинающих» мам в Италии 31 год, самый высокий в Европе. Основная причина того, что женщины в Италии не имеют детей, заключается в их финансовой неготовности растить ребенка, т. к. правительство не помогает оплачивать расходы на детей⁵⁰.

В **Испании** материнство — также дорогое удовольствие и практически полностью возложено на плечи семьи. По этой причине отмечается демографический спад среди коренного населения. Родить и вырастить ребёнка без резкого понижения уровня дохода можно, только если оба родителя — высокооплачиваемые специалисты. Пособие по рождению ребёнка (1650 евро) и по уходу за ним (16 недель по 200 евро в месяц) полагаются только работавшим до декрета матерям. Размер пособия на ребенка составляет около 1% средней заработной платы в Испании (Андрюшина, Луценко, 2020).

Если же мать не работала или ее доход в предыдущие два года не превышал определенной суммы, выплат не предусмотрено. До трех лет детям положено примерно 60 долларов в месяц от государства, а если мама решила совмещать уход за ребёнком и полный рабочий день, то плюс еще 115 долларов⁵¹. При этом посещение детского сада в три раза дороже. После трех лет государство помогает только матерям-одиночкам: примерно 800 долларов в год до достижения ребёнком 6 лет⁵².

Теперь рассмотрим ряд стран из данной группы с низким коэффициентом фертильности и отрицательной его динамикой, но имеющих, на наш взгляд, достойные внимания инструменты семейной и демографической политики, которые демонстрировали положительный эффект в определенные периоды ранее и могут быть таковыми в будущем.

В данную группу попала одна из богатых нефтедобывающих стран с ярко выраженными мусульманскими традициями — **Объединенные арабские эмираты (ОАЭ)**. Лишь каждый третий житель этой страны является ее гражданином (им может стать только ребенок, рожденный от двух граждан этой страны) и имеет право пользоваться всеми преимуществами социальной политики. Огромные доходы от нефтегазовой промышленности позволяют государству проводить активную и щедрую демографическую политику, стимулируя потенциальных родителей к деторождению следующими программами⁵³.

1. Всем гражданам, планирующим вступить в брак, выдается беспроцентный кредит из Брачного фонда ОАЭ (около 20 тысяч долларов). При рождении первенца он автоматически погашается государством.

2. Родителям полагается от 50 тысяч (на новорожденную дочку) до 200 тысяч долларов (на сына), а при необходимости — небольшая вилла.

3. Открытие счета новорожденного и его регулярное пополнение за счет средств государства. В результате к совершеннолетию ребенка на счету накапливается около 100 тысяч долларов.

4. По уходу за грудными детьми гражданам ОАЭ, работающим в частных компаниях, предусмотрена выплата ежемесячного пособия от 800 до 3200 дирхамов⁵⁴.

Тем не менее, примерно 15% граждан не пользуются беспроцентными кредитами и бесплатными домами по причине достаточно высокого уровня дохода семей.

Декретные отпуска в ОАЭ не предусмотрены.

Каждому студенту, выбравшему учебу за рубежом, выплачивается стипендия в три раза

⁴⁹ <https://database.earth/population/fertility-rate/2023>

⁵⁰ Аршинова И.А. В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: https://medaboutme.ru/articles/v_kakoy_strane_rozhdenie_detey_prinosit_pribyl/

⁵¹ Там же.

⁵² В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: <https://news.rambler.ru/other/39408780-v-kakoy-strane-rozhdenie-detey-prinosit-pribyl/>

⁵³ В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: <https://news.rambler.ru/other/39408780-v-kakoy-strane-rozhdenie-detey-prinosit-pribyl/>; Асылханова Ж. Сколько перечисляет государство детям в других странах мира. URL: <https://www.inbusiness.kz/ru/last/skolko-perechislyaet-gosudarstvo-detyam-v-drugih-stranah-mira/>; Аршинова И.А. В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: https://medaboutme.ru/articles/v_kakoy_strane_rozhdenie_detey_prinosit_pribyl/

⁵⁴ Государственная программа поддержки граждан ОАЭ. URL: <https://www.uae-consulting.com/novosti/gosudarstvennaya-programma-podderzhki-grazhdan-uae-1956.html>

выше, чем обычным студентам, а выпускнику положена существенная выплата (13 тыс. долларов). Медицина и образование в этой стране являются бесплатными. Для граждан ОАЭ предусмотрены стипендии⁵⁵.

Однако, несмотря на национальные сверхдоходы, высокий уровень развития системы здравоохранения и образования и все предлагаемые государством меры стимулирования рождаемости, репродуктивные установки граждан меняются не в лучшую сторону. СКР поступательно снижался (в 3 раза) с 1980 (5,30) до 2024 года (1,46).

В Австралии активно реализуется несколько программ государственной поддержки семей с детьми⁵⁶:

- при рождении ребенка предусмотрена единовременная выплата 4 тысячи австралийских (3000 американских) долларов, при рождении тройни (и более детей за одни роды) родителям вышеуказанная выплата производится ежегодно вплоть до 16-летия близнецов;

- «детский бонус» (Baby Bonus) — для оказания помощи семьям после рождения или усыновления ребенка;

- семейные налоговые льготы (программа Family Tax Benefit);

- пособие по уходу за детьми (Child Care Benefit (CCB)) — помогает оплачивать стоимость услуг по уходу за детьми (детские сады на полный рабочий день, семейные службы ухода за детьми, службы ухода до и после школы, ухода на каникулах; услуги, предоставляемые бабушками и дедушками, родственниками, друзьями и нянями (Андрюшина, Луценко, 2020));

- программа возмещения расходов по уходу (Child Care Rebate), которая позволяет по-

крывать половину затрат на утвержденный перечень необходимых ребёнку услуг (образовательных, медицинских и т. п.);

- субсидия на оплату ухода за детьми для работающих и учащихся (Jobs, Education and Training (JET) Child Care fee assistance);

- пособия для многодетных семей выплачиваются только семьям с четырьмя и более детьми с 1 июля 2015 года⁵⁷.

В Китае в 1974 году начала действовать политика «Одна семья — один ребёнок», которая предусматривала серьезные штрафы (в размере 4–8 заработных плат), принуждала к аборту. Второй ребенок допускался в случае рождения первой девочки в семьях из сельской местности, где оба родителя были единственными детьми. В итоге ярко выраженная гендерная диспропорция (мужчин на 33 миллиона больше, чем женщин) и доля пенсионеров через несколько лет составит четверть населения. Программу санкций отменили в 2015 году, а штрафы сохранились при рождении третьего и последующих детей. Однако позитивный эффект отмены штрафов оказался недолгим и длился лишь пару лет: рождаемость продолжила падать и, например, по итогам 2020 года число рождений сократилось на 20% — до 12 млн новорожденных (минимальный показатель с 1961 года)⁵⁸. За последние 35 лет в сознании китайцев укрепилась установка на одного ребёнка.

В 2021 году, разрешив молодому поколению заводить третьего ребенка, правительство разработало ряд дополнительных «стимулов», которые могут повысить рождаемость в стране:

- 1) единовременное пособие на рождение второго ребёнка до 2 тыс. долларов;

- 2) многодетным семьям предоставляется экспресс-регистрация по месту жительства, поступления детей в сады, школы и университеты, а также при устройстве на работу;

- 3) правительство рассмотрит вопрос о предоставлении налогового вычета за расходы на содержание детей до трех лет;

⁵⁵ Фидлер А. Какие привилегии имеют граждане ОАЭ. URL: <https://uaetours.ru/kakie-privilegiya-imeyut-grazhdane-uae/>; Анучкин А. Система образования в ОАЭ: сколько придётся платить иностранцу и как подобрать себе вуз. URL: <https://synergytimes.ru/learn/sistema-obrazovaniya-v-uae-skolko-pridyetsya-platit-inostrantsu-ikak-podobrat-sebe-vuz>

⁵⁶ Government benefits and payments available to families in Australia. URL: <http://www.australia.gov.au/information-and-services/benefits-and-payments/families>; Закутин А. Опыт поддержки многодетных семей за рубежом. Франция, Австралия, США, Словения. 31.10.2016. URL: <https://katehon.com/ru/article/opyt-podderzhki-mnogodetnyh-semey-za-rubezhom>

⁵⁷ Демографические проекты по увеличению рождаемости и поддержки семей с детьми в Южной Корее, Словении, Австралии. URL: <https://foodwave.tilda.ws/page41407528.html>

⁵⁸ Баландин Р. Третий не лишний: почему Китай срочно сворачивает политику ограничения рождаемости? URL: <https://tass.ru/opinions/12121831>

4) при обеспечении социальным жильем учитывается количество несовершеннолетних детей в семье;

5) пересмотрена доля расходов на предоставление образования в школе с учетом количества детей в семье, усилен контроль над ценообразованием на образовательные услуги⁵⁹.

Дополнительно власти ввели запрет аборт. Тем не менее, несмотря на все принятые меры, численность населения Китая сокращается второй год подряд⁶⁰. По прогнозам демографов университета Цинхуа, в ближайшие пять лет темпы снижения численности населения КНР возрастут, этот процесс заметно ускорится к 2050 году. К концу нынешнего столетия численность населения Китая будет ниже отметки в 800 млн человек, а его доля в глобальной численности населения сократится с нынешних 19% до порядка 7%. Китай перестанет быть самой густонаселенной страной мира, опустившись на третью позицию после Индии и Нигерии⁶¹.

В **Норвегии** предусмотрены следующие меры поддержки семей с детьми:

1. Родители ежемесячно получают на каждого ребенка (до наступления 18-летнего возраста) 150 долларов⁶². Дополнительные доплаты предусмотрены за проживание в северных регионах.

2. Безработная мать при рождении ребенка получает единовременную выплату около 5 тысяч долларов, а трудоустроенная (а таких в Норвегии большинство, т. к. возраст первых родов приближается к 30 годам) — в зависимости от совокупного дохода семьи. В течение последующих сорока двух недель получают полное возмещение зарплаты. В качестве альтернативы им предлагают 80% от зарплаты, но на протяжении года (Андрюшина, Луценко, 2020).

3. Также женщинам обеспечивают бесплатное медицинское обслуживание.

⁵⁹ Баландин Р. Третий не лишний: почему Китай срочно сворачивает политику ограничения рождаемости? URL: <https://tass.ru/opinions/12121831>

⁶⁰ В Китае второй год подряд снижается численность населения. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cmjrbgzrg4lo>

⁶¹ Щепин К. Китай намерен полностью снять ограничения рождаемости. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-02-27/1762351956567937026/index.html>

⁶² Асылханова Ж. Сколько перечисляет государство детям в других странах мира. URL: <https://www.inbusiness.kz/ru/last/skolko-perechislyaet-gosudarstvo-detyam-v-drugih-stranah-mira>

4. При достижении ребенком годовалого возраста ему выделяется место в детском саду. Родителям, не получившим его, уход за малышом компенсируется ежемесячной выплатой (около 560 долларов). В случае поступления в детский сад или при достижении ребенком трехлетнего возраста выплаты прекращаются.

5. Предусмотрены декретные отпуска для мужчин. Таким образом, отцы могут больше времени проводить с супругами и детьми⁶³.

6. За каждого рожденного ребенка женщине положены пенсионные накопления (Андрюшина, Луценко, 2020).

Отметим, что в Норвегии всем гражданам предоставляются бесплатное образование и медицинские услуги.

Финляндия — страна, которая занимает сразу два первых места в мировых рейтингах материнства и детства: по удобству для матерей и по количеству счастливых школьников.

По данным сайта социального обеспечения Финляндии⁶⁴, родительское пособие по уходу за одним ребенком выплачивается в общей сложности за 320 рабочих дней. При этом, если родителей двое, то каждый из них может получать родительское пособие в течение 160 рабочих дней. Примерно 70% финских отцов охотно используют эту возможность. Также папам полагается отдельное небольшое пособие для отцов, которые живут вместе с мамой и ребенком. Можно отказаться и передать не более 63 рабочих дней из своей квоты в 160 дней родительского пособия другому человеку, который ухаживает за ребенком. Также можно делить родительское пособие даже на короткие периоды или на отдельные дни, но использовать в течение первых двух лет жизни ребенка. Если родить или усыновить более одного ребенка одновременно, то положено дополнительное родительское пособие на 84 рабочих дня за второго и каждого последующего ребенка. Ставка пособия составляет от 311 до 105 евро в день в зависимости от дохода и заработной платы. Размер детского пособия на ребенка, выплачиваемого до 17 лет и не облагаемого налогом, увеличивается по мере роста семьи

⁶³ Седракан Р. Мировой опыт демографического регулирования // Демоскоп Weekly. № 717–718. 20 февраля — 5 марта 2017. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0717/gazeta04.php>

⁶⁴ <https://www.kela.fi/>

(на первого – 94,88, на второго – 104,84, на третьего – 133,79, на четвертого – 173,24, на пятого и последующего – 192,69 евро)⁶⁵.

Помимо финансовых стимулов государство предлагает «материнский пакет» (коробка с качественной одеждой и средствами по уходу). Вместо него можно выбрать денежную компенсацию в размере 170 евро. Для получения коробки необходимо начать посещать гинеколога в первые 4 месяца беременности. Также в Финляндии широко распространены бесплатные детские комнаты с нянями в общественных местах и оборудованные помещения для сцеживания грудного молока на работе.

Польша не попала в группу стран с положительной десятилетней динамикой показателя СКР. Но стоит сказать, что в стране отмечался рост коэффициента фертильности на 13% в периоды 2003–2010 гг. (с 1,23 до 1,41) и 2013–2017 гг. (с 1,29 до 1,47). Немаловажную роль сыграли серьезные меры поддержки семей с детьми⁶⁶.

1. С рождением третьего ребенка с семьи полностью снимается долг по ипотеке.

2. Программа «500+» позволяет родителям, решающимся на второго и далее ребёнка, рассчитывать на прибавку в 500 злотых (около 145 долларов) ежемесячно вплоть до 18 лет. Такое же пособие можно получать и на первого ребёнка, если доход на одного члена семьи не выше 200 долларов. Выплаты не облагаются налогами и индексируются в зависимости от инфляции. Таким образом, к 18-летию ребенка можно рассчитывать на 30 тысяч долларов и более⁶⁷.

3. Налоговая льгота⁶⁸ распространяется на каждого ребенка до 18 лет или до 25 лет (если он учится и его доход не превышает 3089 злотых) и рассчитывается по итогам годовой налоговой декларации. Льгота направлена на поддержку многодетных семей. От третьего ребенка в семье сумма к вычету растет. После рождения второго ребенка доход, из которого можно вычесть льготу, не ограничен.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Государственные социальные выплаты на детей в Польше. URL: <https://accorde.pl/State-social-payments-for-children-in-Poland-ru.html>

⁶⁷ Аршинова И.А. В какой стране рождение детей приносит прибыль? URL: https://medaboutme.ru/articles/v_kakoy_strane_rozhdenie_detey_prinosit_pribyl/

⁶⁸ <https://poland2day.com/kakie-vyplaty-na-detey-mozhno-poluchat-v-polshe/?lang=ru>

4. «Карта Большой Семьи» – это не помощь в виде денежных средств, но разрешение на использование скидок для семей, имеющих трех и более детей. Предлагают ее общественные институты и частные компании (кинотеатры, магазины, банки). Как правило, это скидки в пределах 7–10%. К ним относится пользование железнодорожным транспортом, посещение музеев, спортивных центров, отелей, туристических экскурсий, курсов в языковых школах и совершение покупок в торговых сетях⁶⁹.

5. Пособие для найма няни. Им могут использовать родители детей в возрасте от 20 недель до трех лет, которые не находятся в декретном, отцовском и педагогическом отпуске, независимо от жизненной ситуации семьи. Помощь заключается в компенсации услуг няни (не более 50% ее минимальной зарплаты)⁷⁰.

6. С марта 2022 г. в Польше начал действовать проект «Мама 4 plus», который гарантирует женщинам, родившим и воспитавшим четверых детей, по достижении возраста 60 лет пенсии в размере 1000 злотых (при условии, что женщина не работает и не имеет иных источников дохода)⁷¹.

Проанализировав опыт различных стран в области поддержки семей с детьми, в т. ч. многодетных, мы обобщили полученный материал и представили его в *таблице 5*.

Заключение

Таким образом, можно выделить широкий спектр финансовых и организационных инструментов стимулирования рождаемости и поддержки многодетных семей в различных странах. Однако, учитывая сокращение практически по всему миру показателя родившихся детей на одну женщину фертильного возраста, возникают сомнения в их эффективности.

Меры целенаправленной поддержки именно многодетных семей выявлены лишь в трети рассмотренных государств. Наиболее развитая политика в данной области реализуется в Польше, Словении и Франции.

⁶⁹ Карта большой семьи (Karta Dużej Rodziny) в Польше: оформление, скидки и льготы. URL: <https://www.profee.com/ru/articles/karta-bolshoj-semi-karta-duej-rodziny-v-polshe-oformlenie-skidki-i-lgoty>

⁷⁰ Государственные социальные выплаты на детей в Польше. URL: <https://accorde.pl/State-social-payments-for-children-in-Poland-ru.html>

⁷¹ Там же.

Продолжение таблицы 5

Меры	I		II		III									IV														
	Казахстан	Израиль	Саудовская Аравия	Кувейт	Германия	Франция	Австрия	Швейцария	Греция	Словения	Белоруссия	Латвия	Грузия	Россия	Япония	Южная Корея	США	Великобритания	Италия	Испания	ОАЭ	Австралия	Китай	Норвегия	Финляндия	Польша		
Бесплатное стоматологическое лечение беременной и по достижении ребенком 1 года																												
Бесплатное медицинское обслуживание беременной		+	+	+																								
Налоговые льготы																											+	
Поддержка малоимущих семей		+																										
Ежедневное горячее питание детей																												
Учет ухода за ребенком в трудовой стаж и при начислении пенсии матери																												
Дополнительные дотации для студентов				+																								
«Коробочка с приданым», подарок на рождение ребенка																											+	
Материнский капитал																												
Отцовский отпуск по уходу за ребенком																											+	
Бесплатное ЭКО																												
Меры поддержки многодетных семей																												
Увеличение единовременной выплаты при рождении второго, третьего и последующих детей																												
Увеличение ежемесячных выплат на второго и последующих детей																												+
Ежемесячные выплаты неработающей многодетной матери																												

Исследование показывает, что в России представлен наиболее широкий спектр мер поддержки многодетных семей. Однако существует возможность их уточнения и пересмотра. Большинство ученых-демографов справедливо полагают, что современную семейную и демографическую политику следует дополнить рядом стратегических мероприятий в сфере работы именно с молодежью (до 20–25 лет), в т. ч. студенческой, стимулируя ее к созданию крепкой благополучной молодой семьи, которая успеет родить троих и более детей (Андрюшина, Луценко, 2020; Ростовская, 2022; Ростовская и др., 2023а; Ростовская и др., 2023б). Кроме того, для сохранения эффектов от реализуемых мер требуется их обновление, модификация, поскольку новое довольно скоро становится обыденным и перестает играть роль мотиватора.

На наш взгляд, заслуживают внимания следующие меры поддержки многодетных семей в зарубежных странах.

Престиж многодетных семей, «мода на многодетность» — элементы необходимой новой «нормальности», которые основываются на уверенности в будущем благополучии рожденных детей. С учетом опыта европейских стран этому будет способствовать переход от использования инструментов повышения рождаемости к более широкой реализации мер реальной и прямой государственной поддержки каждого ребенка до вступления его во взрослую жизнь. Одним из ярких примеров является открытие счета, который пополняется государством, каждому новорожденному ребенку.

Институционально семейно-демографическая политика должна разрабатываться и реализовываться компетентными структурами, например профильными министерствами. Такое министерство недавно было создано в Греции, имеется аналогичный опыт в Республике Башкортостан, где создано Министерство семьи, труда и социальной защиты населения (Восколович, Асхабалиев, 2021).

В отношении молодой семьи считаем достойными внимания меры, применяемые в ряде арабских стран, способствующие созданию базиса семьи, а именно «брачный кредит» или «брачная премия», которая позволит молодой паре не откладывать свадьбу и официальную

регистрацию брака. Особенно эта мера эффективна при условии списания кредита при рождении ребенка, такой же кредит может быть нацелен на решение жилищной проблемы.

Качественная и доступная медицинская помощь, возможность дать детям хорошее образование — традиционно значимые факторы детности семей. В связи с этим вопрос оказания медицинской помощи семьям с детьми (развитие института семейных докторов, семейных клиник) является остроактуальным. В плане повышения доступности образования успешен опыт Германии по введению дополнительных образовательных субсидий, в т.ч. на получение дополнительного образования для семей с тремя и более детьми, и Южной Кореи — на обучение в вузах и ссузах. Это могут быть иные инструменты, например создание фонда на профессиональное образование детей из многодетных семей. Существующее квотирование бюджетных мест в вузах для детей из многодетных семей — хороший инструмент, но он требует пересмотра с учетом накопленного опыта применения. Немаловажное значение имеет стипендиальная поддержка студентов, особенно из многодетных семей, которым одновременно (или последовательно) нужно обеспечить обучение нескольких детей, в том числе в образовательных организациях, расположенных не в месте проживания семьи.

Повышение возможностей совмещения женщиной материнских и профессиональных обязанностей (что крайне актуально для многодетных матерей) в виде компенсации услуг няни (в т. ч. за счет привлечения близких родственников), что также распространено в ряде государств, на наш взгляд, является эффективной мерой стимулирования рождений троих и более детей. В Великобритании уход за ребенком до 12 лет входит в трудовой стаж матери. В России — первые полтора года. Считаем необходимым увеличение данного срока хотя бы для многодетных матерей, которые, как правило, заботятся одновременно о нескольких маленьких детях и не имеют возможности приступить к полноценной трудовой деятельности.

В целях снижения рисков бедности семей с детьми и в связи с детерминирующей детность ролью нацеленности на обретение стабильного финансового дохода (Андрюшина, Панова,

2019) достойной внимания является практика прямых ежемесячных выплат многодетным семьям, как в Казахстане, Израиле, Франции, Польше, Кувейте, Австрии, независимо от дохода семьи и до начала детьми трудовой деятельности, а также независимо от возраста старших детей (как в Латвии). Длительный оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, который может взять мать, как показывает опыт Словении и Финляндии, является важным инструментом для мотивации к деторождению, многодетности. Расчёты ученых свидетельствуют, что ежегодные затраты бюджета на ежемесячные выплаты на четвёртого и последующих детей в размере прожиточного минимума ребёнка составили бы порядка 10–15% от той суммы, которая сейчас выделена на «материнский капитал» (Ситковский, 2023). При расчёте величины пособия на ребенка до 18 лет перспективна идея учета возраста ребенка, как в европейских странах, т. к. расходы родителей на подростка существенно возрастают.

Для поддержки семей с детьми школьного возраста целесообразно рассмотреть возможность предоставления ежегодных «школьных пособий» детям из многодетных семей накануне учебного года, как это предпринято в Израиле. В России среди мер поддержки школьников из многодетных семей — обеспечение бесплатным горячим питанием и выплата один раз в два года по 3 тысячи рублей на приобретение формы. Данная сумма не способна покрыть расходы на покупку всей необходимой одежды, обуви и канцелярских товаров.

Представляет интерес и такая мера поддержки, как выплата на переезд многодетной семьи, особенно если семьи желают переехать в отдаленные уголки России, сельскую местность.

Среди не прямых мер поддержки интересна практика кратного сокращения налоговых отчислений для семей, в которых более трёх детей, как во Франции, Словении, Польше. В том числе необходимо проработать вопрос скидки

или возврата платежей на величину НДС, как это сделано в Израиле, по крайней мере, на отдельные категории товаров или в отдельных магазинах-партнёрах. Таким образом, благосостояние (располагаемый доход) многодетных семей можно было бы сразу повысить на 20%, что существенно снизило бы финансовую нагрузку на содержание детей (Ситковский, 2023).

Пенсионные льготы в России распространяются только на матерей, родивших трех и более детей. Однако считаем целесообразным предоставлять их и многодетным отцам, которые, как правило, значительно больше вынуждены трудиться на работе и дома с целью обеспечить благополучие своей большой семье и достойны выйти на заслуженный отдых ранее остальных, посвятив свободное время общению с внуками и поддержке своих детей, ставших родителями. Мы не встретили в литературе факта применения данного инструмента в зарубежных практиках демографической и семейной политики.

Также следует обратить внимание на налоговые льготы в Словении, предоставляемые работодателю, поддерживающему с помощью коллективного договора многодетных родителей.

В России отцам предоставлено право уйти в декретный отпуск, но пользуются им нечасто. Достойным внимания считаем опыт скандинавских стран по обязательному «декретному отпуску отцов», который позволил бы значительно облегчить труд многодетной матери в сложный период после родов, положительно повлиять на психоэмоциональную атмосферу в семье, на связь отца и ребенка.

Не менее важным считаем продолжение активной деятельности по укреплению и формированию традиционных российских ценностей среди детей и молодежи, в том числе семейных. Только в этом случае можно достичь понимания острой потребности в многодетности как единственном способе сбережения российского народа.

Литература

- Андрюшина Е.В., Луценко Г.О. (2020). Государственная политика по стимулированию рождаемости: зарубежные практики и уроки для современной России // *Власть*. № 5. С. 235–240.
- Андрюшина Е.В., Панова Е. (2019). Государственная политика по стимулированию рождаемости и поддержки семей с детьми: практика современной России // *Власть*. Т. 27. № 5. С. 105–111.

- Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. (2019). Дифференциация оценок значимости мер помощи семьям с детьми // *Уровень жизни регионов России*. Т. 15. № 4. С. 85–96. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10084
- Бобков В.Н. (2019). Повышение адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми: вологодский пилотный проект // *Народонаселение*. № 1. 106–121.
- Волкова А.С., Кудяева М.М. (2019). О поддержке материнства и детства в семейной политике России // *Экономика труда*. № 4. С. 1491–1504.
- Восколович Н.А., Асхабалиев И.Ч. (2021). Формирование системы мер реальной поддержки многодетных семей // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 17. № 3. С. 349–357. DOI: 10.19181/lspr.2021.17.3.5
- Гришина Е.Е., Цацура Е.А. (2017). Региональный материнский капитал: анализ региональных различий и влияния на репродуктивное поведение // *Уровень жизни регионов России*. № 3. С. 51–58. DOI: 10.12737/article_595cd361ebda81.61231626.
- Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности: монография (2022) / отв. ред. Т.К. Ростовская. М.: Проспект. 264 с.
- Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. (2020). Материнский (семейный) капитал как программа поддержки семей с детьми: итоги реализации и перспективы развития (часть вторая) // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 16. № 4. С. 21–35. DOI: 10.19181/lspr.2020.16.4.2
- Елизаров В.В., Сеница А.Л. (2019). Факторы бедности семей с детьми и перспектива её снижения // *Уровень жизни регионов России*. № 2. С. 63–75. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10065.
- Журавлева Л. (2016). Анализ зарубежной практики социальной поддержки семей с детьми в странах ОЭСР // *Проблемы современной науки и образования*. № 16(58). С. 51–55.
- Ильин В.А., Шабунова А.А., Калачикова О.Н. (2021). Потенциал повышения рождаемости и семейно-демографическая политика России // *Вестник Российской академии наук*. № 9. С. 831–844. DOI 10.31857/S086958732109
- Калачикова О.Н., Архангельский В.Н., Козлова О.А. (2022). Религиозная детерминанта репродуктивных намерений россиян // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 4. С. 105–138.
- Калачикова О.Н., Гордиевская А.Н. (2014). Репродуктивное поведение населения: опыт многолетнего мониторинга // *Вопросы территориального развития*. № 9 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnoe-povedenie-naseleniya-opyt-mnogoletnego-monitoringa> (дата обращения 01.02.2024).
- Короленко А.В. (2019). Управление репродуктивным поведением населения: опыт региональной демографической политики // *Human Progress*. Т. 5. Вып. 6. URL: http://progress-human.com/images/2019/Tom5_6/Korolenko.pdf. DOI 10.34709/IM.156.5
- Леонидова Г.В., Калачикова О.Н. (2016). Оценка мер государственной поддержки многодетных семей (на примере Вологодской области) // *ЭКО*. № 12 (510). С. 123–134.
- Макдональд П. (2006). Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы // *Материалы международного семинара, Москва, 14–15 сентября 2006 г.* М.: Права человека. 101 с. С. 27–56.
- Новикова А.А. (2013). Проблемы японского рынка труда на примере занятости по временному трудовому договору // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал*. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2013-02-028-030-problemy-yaponskogo-rynka-truda-na-primere-zanyatosti-po-vremennomu-trudovomu-dogovoru> (дата обращения 05.02.2024).
- Панзабекова А.Ж., Халитова М.М. (2021). Институциональные основы регулирования демографических процессов в Казахстане // *Экономика и финансы (Узбекистан)*. № 11 (147). С. 38–45.
- Пруцкова Е.В., Павлюткин И.В., Борисова О.Н. (2023). Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других европейских стран: эффект социального контекста // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 2. С. 103–126. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2359>
- Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Васильева Е.Н. (2023). Институциональные ресурсы поддержки и развития института студенческой семьи: региональные аспекты // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 2. С. 112–126.

- Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Калачикова О.Н. (2023). Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // *Женщина в российском обществе*. № 3. С. 31–42.
- Ростовская Т.К. (2022). Студенческая семья – ресурс демографического развития России // *Ректор ВУЗа*. № 5. С. 4–9.
- Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. (2021). Репродуктивные стратегии и практики россиян: по итогам всероссийского исследования // *Human Progress*. Т. 7. Вып. 2. С. 11. URL: http://progress-human.com/images/2021/Том7_2/Rostovskaya.pdf, свободный. DOI: 10.34709/IM.172.11
- Ситковский А.М. (2023). Рождаемость Израиля: перспективы заимствования позитивного опыта // *Управленческий учет*. № 10. С. 332–341.
- Смирнова К.С. (2009). Конституционно-правовые аспекты социальной поддержки многодетных семей: Российский и зарубежный опыт // *Вестник ПАГС*. № 2. С. 96–101.
- Стрельцов Д.В. (2007). Государственная политика Японии в сфере рождаемости // *Ежегодник Япония*. № 36. С. 67–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-yaponii-v-sfere-rozhdaemosti> (дата обращения 05.02.2024).
- Суринов А., Кузин С. (2023). Благополучие и наличие детей в молодых семьях: оценка взаимосвязи. *Экономическая политика*. Т. 18. № 6. С. 34–61. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-6-34-61
- Adkins D. (2003). *The Role of Institutional Context in European Regional Fertility Patterns. Paper Presented at the Annual Meeting of the Population Association of America*. Boston
- Baizan P., Michielin F., Billari F. (2002). Political economy and lifecycle patterns: The heterogeneity of occupational, family and household trajectories of young Spaniards. *Demographic Research*, 6, 189–240.
- Black D.A., Kolesnikova N., Sanders S.G., Taylor L.J. (2013). Are children “normal”? *Review of Economics and Statistics*, 21–33.
- Büttner T., Lutz W. (1990). Estimating fertility responses to policy measures in the German Democratic Republic. *Population and Development Review*, 16(3), 539–555.
- Castles F. (2003). The world turned upside down: Below replacement fertility, changing preferences and family-friendly public policy in 21 OECD countries. *Journal of European Social Policy*, 13(3), 209–227.
- Cohen A., Dehejia R., Romanov D. (2013). Financial incentives and Fertility. *Review of Economics and Statistics*, 95(1), 1–20.
- Gauthier A., Hazius J. (1997). Family benefits and fertility: An econometric analysis. *Population Studies*.
- González I. (2013). The effect of a universal child benefit on conceptions, abortions, and early maternal labor supply. *American Economic Journal: Economic Policy*, 5(3), 160–188.
- Haivry O. (2018). Israel’s demographic miracle. *Mosaic*. Available at: <https://mosaicmagazine.com/essay/israel-zionism/2018/05/israels-demographic-miracle/> (accessed: February 6, 2024).
- Hoem B. (2000). Entry into motherhood in Sweden: The influence of economic factors on the rise and fall in fertility, 1986–1997. *Demographic Research*, 2(4).
- Kravdal O. (1994). The importance of economic activity, economic potential and economic resources for the timing of the first birth in Norway. *Population Studies*, 48(2), 249–267.
- Kravdal O. (2001). The high fertility of college educated women in Norway: An artifact of the separate modeling of each parity transition. *Demographic Research*, 5(6), 187–216.
- Lovenheim M.F., Mumford K.J. (2013). Do family wealth shocks affect fertility choices? Evidence from the housing market. *The Review of Economics and Statistics*, 464–475.
- Milligan K. (2005). Subsidizing the stork: New evidence on tax incentives and fertility. *Review of Economics and Statistics*, 87(3), 539–555.
- Olah L. (2001). *Gendering Family Dynamics: The Case of Sweden and Hungary, Paper 1*. Stockholm: Demography Unit, Stockholm University
- Rindfuss R., Morgan S., Offutt K. (1996). Education and the changing age pattern of American fertility: 1963–1989. *Demography*, 33(3), 277–290.
- Rønsen M. (2004). Fertility and family policy in Norway – a reflection on trends and possible connections. *Demographic Research*, 10(10), 265–286.
- Sun Sh. (2012). *Population Policy and Reproduction in Singapore: Making Future Citizens*. Routledge.

Сведения об авторах

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Юлия Евгеньевна Шматова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ueshmatova@mail.ru)

Ирина Николаевна Разварина – Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: irina.razvarina@mail.ru)

Kalachikova O.N., Shmatova Yu.E., Razvarina I.N.

Experience in Supporting Large Families: An Overview of Successful Practices

Abstract. A new protracted wave of depopulation in Russia, caused by birth rate decline and high mortality, poses serious risks to the labor potential, economic and social development of the country. In recent years, the government has been taking active measures to raise birth rate. Taking into account the fact that the growth potential of birth rate lies in an increase in the proportion of large families, it is necessary to update effective mechanisms for regulating the number of children in families. In this regard, it is interesting to study the tools for supporting families with children implemented by foreign governments in the context of the recorded population fertility dynamics. The aim of this study is to review government measures to stimulate fertility and support large families in countries around the world. The information was derived from electronic databases of Russian and international statistics, websites of foreign governments, and scientific literature on the research topic. In the course of the work we used general scientific and empirical research methods. The analysis showed that in most countries there are no measures to support large families as a special category, and demographic policy is limited to providing women with short-term paid maternity leave and monthly childcare benefits. Most of the aid goes to poor families. Some countries provide tax and pension benefits for large families, and childcare allowances that increase with the birth of a subsequent child. The demographic and family policy being implemented in Russia is focused to a greater extent on families with children, including those with many children, which has the status of state priority. The following formats of support for families with children are of practical interest from the point of view of potential application in Russia: Polish programs “500+”, “Big family card”, “Mother 4+”; programs implemented in some oil and gas exporting countries: “Marriage bonus (loan)”, allocation of housing to a young family, opening an account for a newborn and its regular replenishment, tuition fees; “maternity leave” for men and the opportunity to use parental leave for eight years in the Nordic countries; partial or full compensation for babysitting services, including for close relatives caring for a child; payment for preschool educational institutions, vacation clubs, etc. in a number of European countries. Practical significance of the work lies in the possibility of taking into account international experience in the development of federal and regional programs to support potential and actual families with many children.

Key words: depopulation, demographic policy, family policy, large family, government support measures, fertility.

Information about the Authors

Olga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), deputy director for science, head of department, Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)

Yulia E. Shmatova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ueshmatova@mail.ru)

Irina N. Razvarina – Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: irina.razvarina@mail.ru)

Статья поступила 20.02.2025.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (февраль 2025 г.), а также за период с февраля 2024 по февраль 2025 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Справочно даётся сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Годовая динамика данных представлена за последние пять лет наблюдений: с 2020 по 2024 г.²

Также в материалах представлен анализ результатов мониторинга за период проведения специальной военной операции. Для этого проведено сравнение среднегодовых данных за 2024 г. (по итогам трех лет проведения СВО) с 2021 г. (то есть с годом, предшествующим началу СВО, объявленной Президентом РФ 24 февраля 2022 г.). Соответствующий текст в материалах выделен рамкой.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения вируса COVID-19.

В декабре 2024 – феврале 2025 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ остался без изменений и составил 66–67%. Доля отрицательных суждений – 18%.

За последние 12 месяцев (с февраля 2024 по февраль 2025 г.) доля положительных оценок деятельности главы государства увеличилась с 64 до 66%.

В среднем за 2024 г. по сравнению с 2021 г. доля положительных оценок деятельности Президента РФ увеличилась на 15 п. п. (с 52 до 67%). Удельный вес отрицательных суждений снизился на 12 п. п. (с 32 до 20%).

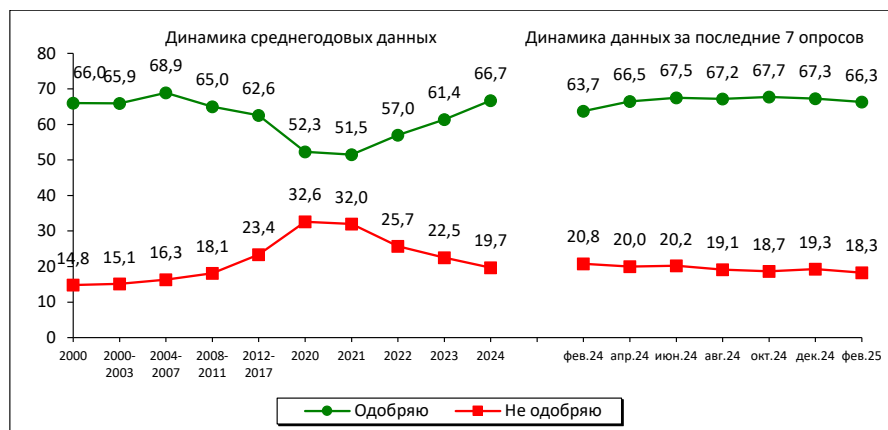
Позитивные изменения наблюдаются также в отношении оценок деятельности председателя Правительства РФ (рост уровня одобрения на 14 п. п., с 40 до 54%) и губернатора Вологодской области (на 15 п. п., с 37 до 52%).

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-)		
	2000	2007	2012	2020	2021	2022	2023	2024	Фев. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Фев. 2025	фев. 2025	2024		
															фев. 2024	дек. 2024	2021		
Президент РФ																			
Одобрю	66,0	75,3	51,7	52,3	51,5	57,0	61,4	66,7	63,7	66,5	67,5	67,2	67,7	67,3	66,3	+3	-1	+15	
Не одобряю	14,8	11,5	32,6	32,6	32,0	25,7	22,5	19,7	20,8	20,0	20,2	19,1	18,7	19,3	18,3	-3	-1	-12	
Председатель Правительства РФ																			
Одобрю	-	-	49,6	38,7	39,9	45,4	50,1	54,1	52,7	53,7	53,5	55,3	53,7	55,6	54,7	+2	-1	+14	
Не одобряю	-	-	33,3	40,4	37,6	32,0	27,6	24,8	26,2	24,3	23,4	24,1	25,5	25,3	23,8	-2	-2	-13	
Губернатор																			
Одобрю	56,1	55,8	41,9	35,0	36,7	40,9	48,1	51,7	50,8	51,7	51,6	53,4	51,9	50,8	46,8	-4	-4	+15	
Не одобряю	19,3	22,2	33,3	42,5	40,5	35,8	30,9	28,4	27,5	30,1	28,0	26,7	28,0	29,8	31,4	+4	+2	-12	

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?».

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ? (в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	фев. 2025	2024	
	фев. 2024	дек. 2024	2021
Одобрю	+3	-1	+15
Не одобряю	-3	-1	-12

* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

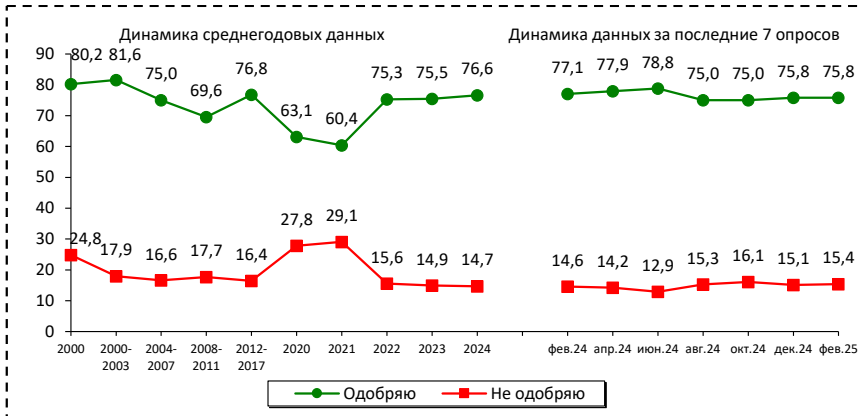
Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ за период с декабря 2024 по февраль 2025 г. составил 76%. Удельный вес негативных отзывов – 16%.

Оценки населения в целом соответствуют уровню поддержки деятельности главы государства в феврале 2024 г.

В среднем за 2024 г. по сравнению с 2021 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ возрос на 16 п. п. (с 60 до 76%). Удельный вес негативных суждений снизился на 14 п. п. (с 29 до 15%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	фев. 2025	дек. 2024	2021
Одобрению	-1	0	+16
Не одобряю	+1	0	-14

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

Данные за февраль 2025 г. – среднее за два опроса: от 02.02.2025 и 09.02.2025.

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в декабре 2024 – январе 2025 г. составил 87%, а в целом за период с февраля 2024 г. оценки не претерпели существенных изменений.

По среднегодовым данным за 2024 г. в сравнении с 2021 г. уровень одобрения работы главы государства увеличился значительно, с 64 до 86% (на 22 п. п.). Напротив, доля не одобряющих его деятельность снизилась с 34 до 11% (на 23 п. п.).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	январь 2025	дек. 2024	2021
Одобрению	+1	0	+22
Не одобряю	0	+1	-23

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?»

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

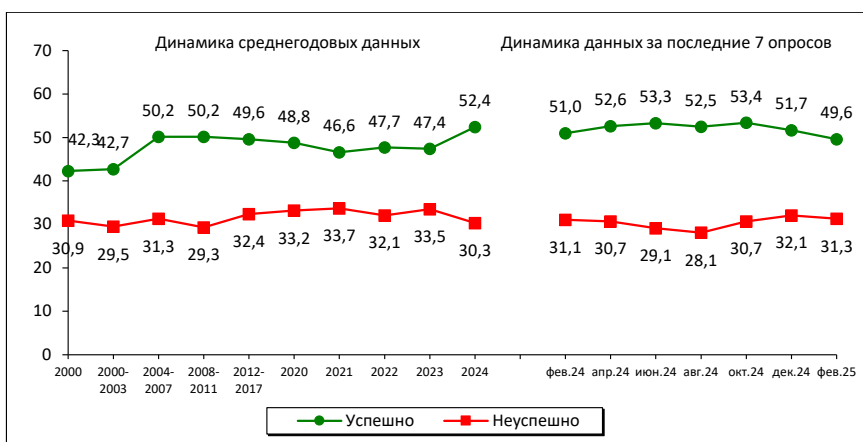
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца стабильным остается удельный вес людей, считающих успешными действия главы государства по укреплению международных позиций России (50–52%). Доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, также не изменилась и составила 31–32%.

За последние 12 месяцев существенных сдвигов в оценках населения региона не произошло.

По сравнению с 2021 г. (предшествующим началу СВО) в среднем за 2024 г. доля людей, считающих успешными действия Президента по укреплению международных позиций России, увеличилась на 6 п. п. (с 46 до 52%). Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, снизился на 4 п. п. (с 34 до 30%).

Укрепление международных позиций России

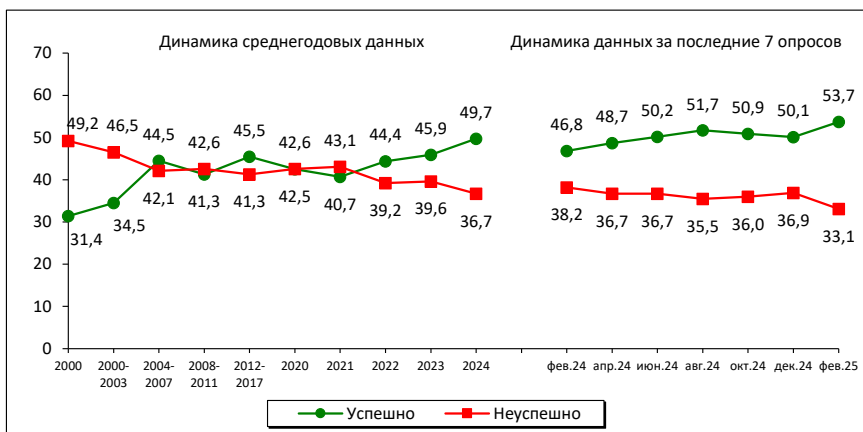
Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	фев. 2025		2024
	фев. 2024	дек. 2024	2021
Успешно	-1	-2	+6
Неуспешно	0	-1	-4

В феврале 2025 г. по сравнению с декабрем 2024 г., удельный вес жителей области, отмечающих успешность действий Президента РФ по наведению порядка в стране, увеличился на 4 п. п. (с 50 до 54%). Доля негативных суждений снизилась с 37 до 33%.

За последние 12 месяцев фиксируются положительные изменения: на 7 п. п. (с 47 до 54%) вырос уровень одобрения работы главы государства по наведению порядка в стране, при этом удельный вес негативных оценок сократился на 5 п. п.

С 2021 по 2024 г. доля одобрительных оценок работы Президента РФ по решению проблемы наведения порядка в стране возросла на 9 п. п. (с 41 до 50%), отрицательных — снизилась на 6 п. п. (с 43 до 37%).

Наведение порядка в стране

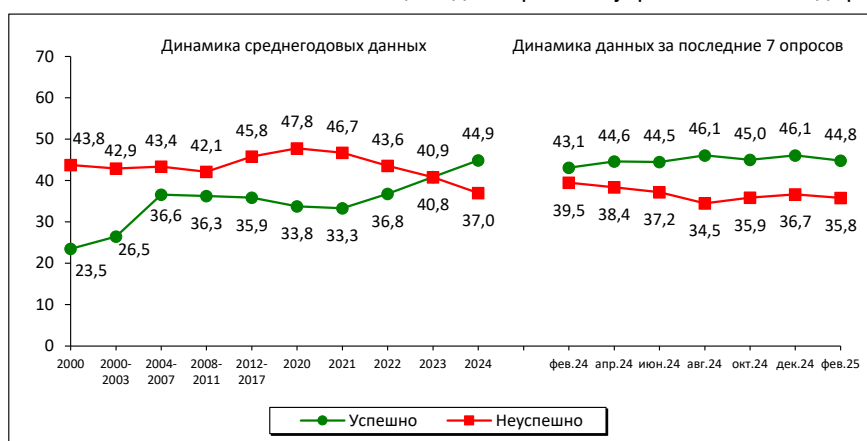
Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	фев. 2025		2024
	фев. 2024	дек. 2024	2021
Успешно	+7	+4	+9
Неуспешно	-5	-4	-6

В декабре 2024 – феврале 2025 г. доля жителей области, позитивно оценивающих деятельность Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан, составила 45–46%; удельный вес противоположных суждений – 36–37%.

За год измерений сократилась доля отрицательных оценок на 4 п. п. (39 до 35%), удельный вес положительных мнений остался без изменений.

В среднем за 2024 г. по сравнению с 2021 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан возрос на 12 п. п. (с 33 до 45%). Удельный вес негативных суждений снизился на 10 п. п. (с 47 до 37%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

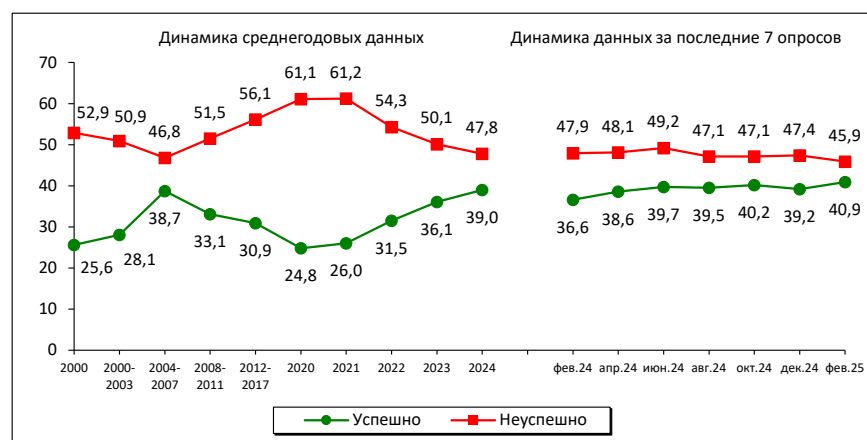
Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	фев. 2025		2024
	фев. 2024	дек. 2024	2021
Успешно	+2	-1	+12
Неудачно	-4	-1	-10

Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ проблем подъема экономики и роста благосостояния граждан за последние два месяца составила 40–41%.

За февраль 2024 – февраль 2025 г. уровень одобрения деятельности главы страны по развитию экономики и улучшению материального положения населения увеличился на 4 п. п. (с 37 до 41%).

После трех лет проведения СВО, в 2024 г. по сравнению с 2021 г. фиксируется значительное увеличение доли положительных оценок населения с 26 до 39% (на 13 п. п.) и сокращение негативных с 61 до 48% (также на 13 п. п.).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	фев. 2025		2024
	фев. 2024	дек. 2024	2021
Успешно	+4	+2	+13
Неудачно	-2	-2	-13

В партийно-политических предпочтениях жителей области за последние два месяца существенных изменений не произошло: доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составила 40–42%, КПРФ – 9%, ЛДПР – 8-9%, «Справедливая Россия» – 4%, «Новые люди» – 2%.

За год наблюдений значимых изменений в оценках населения партийных предпочтений не произошло.

В среднем за 2024 г. по сравнению с 2021 г. зафиксирован существенный рост доли людей, отмечающих, что их интересы выражает партия «Единая Россия» (на 11 п. п., с 32 до 43%) при одновременном снижении удельного веса тех, кто скептически относится ко всем партиям, представленным в Государственной Думе (вариант ответа «никакая»; снижение на 9 п. п., с 34 до 25%).

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных												Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-)		
	2000	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	2024	Фев. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Фев. 2025	фев. 2024	дек. 2024	2021
																						фев. 2025
Единая Россия	18,5	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	42,9	42,7	44,5	43,7	42,5	41,8	42,3	39,9	-3	-2	+11
КПРФ	11,5	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	8,9	9,0	8,5	8,2	9,7	8,7	9,1	8,8	0	0	0
ЛДПР	4,8	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	7,1	6,6	6,5	7,1	6,1	7,5	8,8	7,5	+1	-1	-3
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	-	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	3,5	3,6	2,8	2,7	3,5	4,2	4,4	3,1	-1	-1	-1
Новые люди*	-	-	-	-	-	-	-	5,3	2,3	1,5	1,9	2,0	1,4	1,9	2,3	1,6	2,3	2,3	2,3	+1	0	0
Другая	0,9	1,9	-	2,1	0,3	-	0,5	-	0,2	0,3	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,0	0,3	0,3	0,3	0	0	0
Никакая	29,6	29,4	-	31,3	29,4	-	34,2	-	33,9	30,6	26,5	25,2	25,2	24,2	26,1	25,1	24,1	26,3	28,4	+3	+2	-9
Затрудняюсь ответить	20,3	13,2	-	11,7	12,0	-	11,1	-	10,0	10,1	11,1	10,3	11,4	11,4	9,8	11,5	11,0	6,5	9,7	-2	+3	0

* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

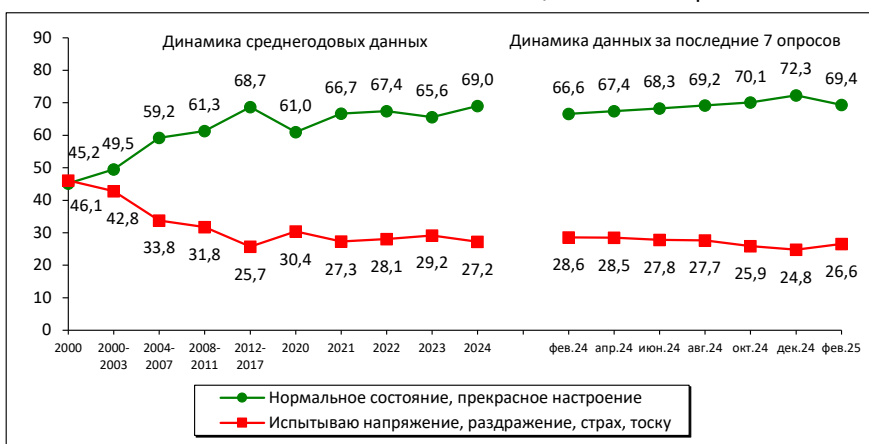
Оценка социального состояния
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

В декабре 2024 – феврале 2025 г. незначительно уменьшилась доля жителей области, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное» (на 3 п. п., с 72 до 69%).

За год измерений незначительно улучшились оценки населения относительно своего социального настроения: на 3 п. п. стало больше тех, кто испытывает «нормальное состояние, прекрасное настроение», с 66 до 69%.

По сравнению с годом, предшествующим началу СВО (2021 г.), в 2024 г. оценка социального настроения существенно не изменилась: доля положительных суждений составляет 67–69%, отрицательных – 27%.

Социальное настроение

Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	фев. 2025	дек. 2024	2021
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+3	-3	+2
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-2	+2	0

В оценках запаса терпения за последние два месяца значительных изменений не произошло: доля положительных суждений составляет 80–81%, отрицательных – 12–14%.

За февраль 2024 – февраль 2025 г. удельный вес позитивных суждений повысился на 3 п. п., с 76 до 79%.

В 2024 г. по сравнению с 2021 г. доля положительных оценок запаса терпения существенно не изменилась (76–78%). При этом удельный вес негативных характеристик незначительно снизился (на 4 п. п., с 18 до 14 п. п.).

Запас терпения

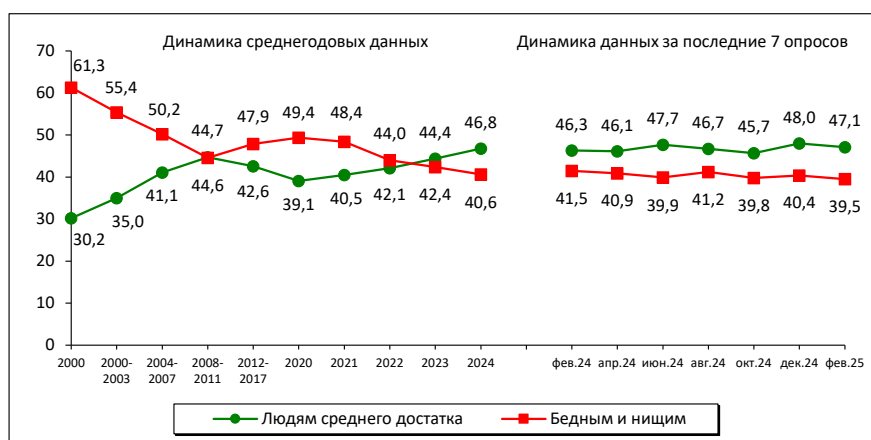
Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	фев. 2025	дек. 2024	2021
Всё не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+3	-2	+2
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	+1	+2	-4

Как и в декабре 2024 г., в феврале 2025 г. доля жителей области, субъективно относящих себя к категории людей «среднего достатка», составила 47–48%. Удельный вес «бедных и нищих» также не изменился (40%).

За последние 12 месяцев значения показателей социальной самоидентификации не изменились.

В период с 2021 по 2024 г. фиксируется тенденция улучшения субъективных оценок материального положения: на 6 п. п. возросла доля идентифицирующих себя с людьми «среднего достатка» (с 41 до 47%); на 7 п. п. снизился удельный вес считающих себя «бедными и нищими» (с 48 до 41%).

Социальная самоидентификация*

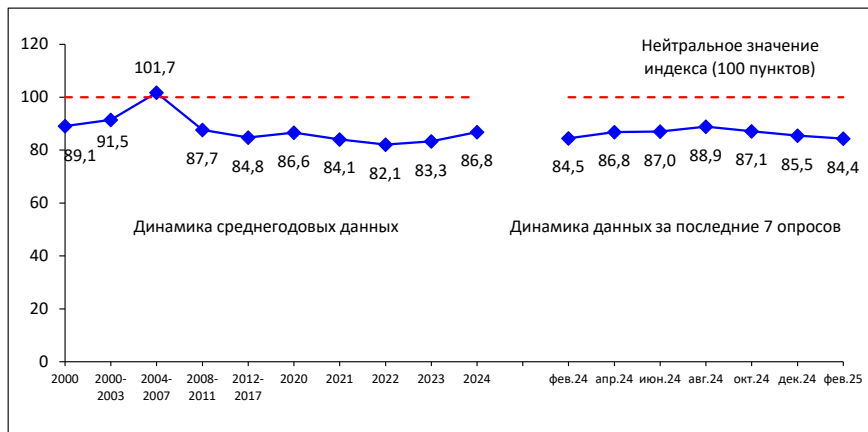
Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	фев. 2025	дек. 2024	2024
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+1	-1	+6
Доля считающих себя бедными и нищими	-2	-1	-7

*Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

Индекс потребительских настроений (ИПН) в феврале 2025 года остался на уровне декабря 2024 г. (84–85 п.).

В 2024 г. по сравнению с 2021 г. ИПН возрос на 3 пункта (с 84 до 87 п.). При этом положительная динамика среднегодовых значений ИПН наблюдается с 2022 г. (с 82 до 87 п.).

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	фев. 2025	2024	2021
Значение индекса, в пунктах	0	-1	+3

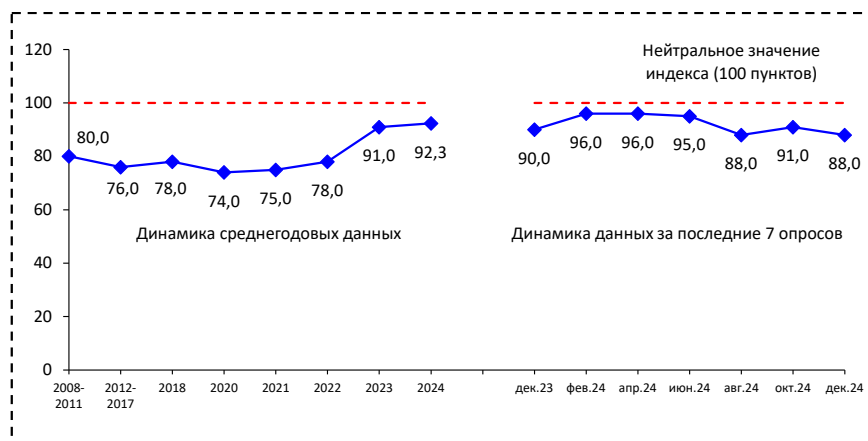
Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра* (за период с октября по декабрь 2024 г.), индекс потребительских настроений снизился с 91 до 88 п.

За декабрь 2024 – февраль 2025 г. существенных изменений ИПН не произошло.

Ощутимые позитивные тенденции фиксируются с 2021 по 2024 г.: ИПН возрос на 17 п. п., с 75 до 92%.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Вариант ответа	Изменение (+/-)		
	фев. 2024	окт. 2024	2021
Значение индекса, в пунктах	-2	-3	+17

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за декабрь 2024 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

За период с декабря 2024 г. по февраль 2025 г. незначительное (на 3 п. п.) снижение доли людей, испытывающих в повседневной жизни преимущественно позитивные эмоции, отмечается в семи основных социально-демографических категориях населения. **Удельный вес положительных оценок социального настроения более существенно уменьшился среди трех групп: женщин – на 6 п. п., с 75 до 69%; лиц, имеющих среднее специальное образование, – на 5 п. п., с 77 до 72%, а также в группе населения, по субъективным самооценкам доходов попадающего в категорию 60% среднеобеспеченных, – на 4 п. п., с 74 до 70%. За два месяца ни в одной из групп не наблюдается прироста положительных оценок.**

За последние 12 месяцев в восьми из 14 социальных групп настроение улучшилось. Негативных изменений не фиксируется.

В среднем за 2024 г. по сравнению с 2021 г., предшествующим началу СВО, ни в одной из основных социально-демографических групп населения не отмечается ощутимого снижения доли положительных оценок социального настроения.

При этом увеличение удельного веса позитивных суждений зафиксировано среди женщин (на 4 п. п., с 67 до 71%); людей со средним специальным образованием (на 4 п. п., с 66 до 70%); а также среди жителей г. Вологды (на 6 п. п., с 60 до 66%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-)		
	2000	2007	2012	2020	2021	2022	2023	2024	Фев. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	Фев. 2025	фев. 2024	дек. 2024	2021
Пол																		
Мужской	50,1	65,9	69,1	60,8	65,7	66,8	65,5	66,5	66,5	67,7	63,5	67,1	65,2	69,2	70,1	+4	+1	+1
Женский	43,3	61,7	65,8	61,2	67,4	67,9	65,7	70,9	66,5	67,1	72,1	70,9	74,0	74,7	68,8	+2	-6	+4
Возраст																		
До 30 лет	59,1	71,3	72,3	67,6	73,5	77,6	75,0	76,6	75,1	77,5	71,8	76,1	78,0	81,3	79,9	+5	-1	+3
30–55 лет	44,2	64,8	67,9	61,8	69,5	69,4	68,8	71,3	69,9	70,0	71,8	72,8	69,8	73,2	70,2	0	-3	+2
Старше 55 лет	37,4	54,8	62,1	57,4	60,5	61,1	58,2	63,3	59,2	60,7	62,7	62,1	67,4	67,8	64,6	+5	-3	+3
Образование																		
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,2	56,1	62,1	64,6	62,0	64,6	63,9	64,7	65,5	65,3	62,5	65,5	64,6	+1	-1	+2
Среднее специальное	46,4	64,6	66,7	63,5	66,7	68,3	66,1	70,3	66,0	67,9	65,2	70,7	75,2	76,5	71,8	+6	-5	+4
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	77,0	63,3	71,5	69,5	68,8	72,3	69,4	69,8	76,0	72,1	72,3	74,2	71,4	+2	-3	+1
Доходные группы																		
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	51,5	43,4	54,6	57,0	50,1	53,5	52,2	53,0	51,3	53,7	54,8	55,7	55,9	+4	0	-1
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	68,7	62,6	67,3	68,1	67,4	70,7	66,9	68,5	70,0	71,0	73,6	74,2	70,5	+4	-4	+3
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	81,1	75,6	79,9	78,3	73,9	77,6	74,4	77,5	78,5	75,9	78,4	80,6	77,9	+4	-3	-2
Территории																		
Вологда	49,2	63,1	73,6	60,9	60,3	59,8	59,6	66,0	62,5	64,2	65,2	66,4	67,9	69,6	66,7	+4	-3	+6
Череповец	50,8	68,1	76,2	60,4	71,0	71,2	68,1	69,8	67,2	68,2	69,4	70,2	70,7	73,0	69,9	+3	-3	-1
Районы	42,2	61,6	59,8	61,4	67,8	69,5	67,7	70,2	68,5	68,8	69,4	70,3	71,0	73,4	70,7	+2	-3	+2
Область	46,2	63,6	67,3	61,0	66,6	67,4	65,6	69,0	66,5	67,4	68,3	69,2	70,1	72,3	69,4	+3	-3	+2

РЕЗЮМЕ

Как показывают результаты первой «волны» мониторинга, проведенной в 2025 г., в начале года оценки населения остаются в целом стабильными. По большинству ключевых показателей существенных изменений по сравнению с декабрем 2024 г. не произошло:

- ✓ доля положительных оценок деятельности Президента РФ остается на уровне 66–67%;
- ✓ партия власти («Единая Россия») сохраняет лидирующие позиции с поддержкой 40–42%;
- ✓ доля жителей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», составляет 69–72%;
- ✓ запас терпения остался на высоком уровне: 80–81% опрошенных считают, что «все не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть»;
- ✓ удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории людей среднего достатка, находится в интервале 47–48%;
- ✓ индекс потребительских настроений также существенно не изменился и составляет 84–85 п.

Обращает на себя внимание значительное улучшение оценок общественного мнения за три года проведения специальной военной операции. Причем позитивные тенденции прослеживаются практически по всем основным показателям мониторинга за исключением оценок социального настроения (что вполне очевидно, учитывая сохраняющийся высокий уровень угроз национальной безопасности). Впрочем, отсутствие негативных изменений и сохранение на этом фоне стабильного уровня самооценок людьми своего психологического состояния, на наш взгляд, также следует трактовать с позитивной точки зрения.

В среднем за 2024 г. по сравнению с 2021 г., предшествующим началу СВО:

- ✓ на 14–15 п. п. возрос уровень одобрения деятельности всех анализируемых органов власти (Президента, Правительства, главы региона); на 11 п. п. увеличилась доля людей, считающих, что их интересы выражает партия «Единая Россия»;
- ✓ наиболее высокого уровня за весь период измерений достигла оценка успешности решения Президентом РФ ключевых проблем страны: укрепления международных позиций России (52%), наведения порядка (50%), защиты демократии и укрепления свобод граждан (45%), подъема экономики и роста благосостояния населения (39%);
- ✓ заметные позитивные изменения наблюдаются в динамике оценки людьми своего материального положения и прогнозов его развития: доля «бедных и нищих» уменьшилась на 7 п. п. (с 48 до 41%); удельный вес людей «среднего достатка» возрос на 6 п. п. (с 41 до 47%); индекс потребительских настроений продолжает ежегодно увеличиваться с 2022 г. (за этот период – на 5 пунктов, с 82 до 87 п.).

Важно подчеркнуть, что практически по всем отмеченным показателям оценки населения достигли наиболее высокого уровня за весь период измерений, и очевидно, что здесь идет речь о влиянии как минимум двух факторов: во-первых, активная, фактически ежедневная деятельность всех органов власти по принятию управленческих решений, регулирующих жизнь в стране, направленных, в том числе, на социально-экономическую поддержку широких слоев населения и отдельных категорий граждан. Во-вторых, психологическая консолидация российского общества вокруг президента и декларируемой государством публичной повестки патриотического характера на фоне неослабевающих угроз национальной безопасности со стороны «коллективного Запада».

В каком-то смысле об этой психологической консолидации российского общества высказался и сам президент во время «прямой линии» 2024 года:

А. Суворова (модератор дискуссии): «Сейчас такое ощущение, что мир либо уже сошёл с ума, либо сходит, потому что конфликтный потенциал во всех точках мира фактически сейчас зашкаливает, мировая экономика тоже находится в сложной ситуации. **Как России удаётся не только удержаться на плаву, но и продолжать свой рост?»**

В. Путин: «Знаете, когда у нас всё спокойно, размеренно, стабильно, нам скучно. Застой. Хочется движухи... **Рост нашей экономики — это в значительной степени результат укрепления суверенитета**, в том числе проецируемого и на экономику. С нашего рынка ушли многие производители. К чему это привело? Наши предприниматели начали сами производить эти товары, это вызвало к жизни необходимость подключить, проводить какие-то дополнительные исследования, институты подключить, в том числе институты развития. Всё это — и мы об этом говорим — укрепление технологического суверенитета.

Суверенитет разный: и оборонный, и технологический, и научный, образовательный, культурный. Это очень важно. Для нашей страны это особенно важно, потому что при утрате суверенитета мы теряем государственность»³.

Таким образом, общественное мнение в регионе демонстрирует устойчивость и улучшение по многим показателям в долгосрочной динамике. Это связано с объединением общества перед лицом внешних угроз, а также с позитивным восприятием усилий власти по защите национального суверенитета и улучшению экономической ситуации. Как отмечает академик РАН М.К. Горшков: **«Надо чётко сказать: катастрофизма в общественном сознании россиян нет. Они с оптимизмом смотрят в будущее, лишь 4% опрошенных допускают негативный вариант развития событий. Оптимизм основан не на абстракциях, а на понимании и поддержке планов национального развития»⁴.** Таким образом, можно констатировать, что в текущей динамике население демонстрирует высокий уровень адаптации к новым реалиям.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

³ «Итоги года» с В. Путиным // Официальный сайт Президента РФ. 19.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75909>

⁴ Люди хотят видеть страну сильной и честной. Интервью академика РАН, научного руководителя ФНИСЦ РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН М.К. Горшкова // Литературная газета. 20.02.2025. URL: <https://lgz.ru/article/lyudi-khotyat-videt-stranu-silnoy-i-chestnoy/?ysclid=m74q7wzbq6119739908>

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала

«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Грызлова Валерия Игоревна, тел. 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 26.02.2025.
Дата выхода в свет 28.02.2025.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 33,48. Тираж 500 экз. Заказ № 7.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru